Кадетская
ПЕРЕКЛИЧКА

№76
2005

РАССЕЯНЫ, НО НЕ РАСТОРГНУТЫ

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом, Нью-Йорк, США

XXXV год. № 76 Нью-Йорк **2005 г.**

CADET'S ROLLCALL

(Library of Congress Card № 79-642319)
Periodical Magazine
Published by the Association of Russian Cadets graduated outside of Russia, Inc.,
New York, USA

Редакторы журнала

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал

Издатель:

ISBN 978-0-9741857-8-1

Ответственный редактор:

Игорь Николаевич Андрушкевич

Администратор:
Юрий Иллиодорович Шидловский

Компьютерная верстка:
Юрий Валерьевич Пазельский
E-mail: yp@adegi.com

Обложка:
Юрий Иллиодорович Шидловский

Адрес редакции:
I. N. Andruskiewitsch,
Casilla de Correo 51,
1653 Villa Ballester, Argentina.
E-mail: kadetpismo@hotmail.com

Адрес администрации и экспедиции:
George E. Schidlovsky, 2 Carman Place, Glen Head, NY 11545, USA
Tel: (001) 516-759-1328. Fax: (001) 516-759-0416.
E-mail: geosffa@optonline.net

Цена номера:
В США и Западной Европе: 15 долларов США. В странах с низкой валютой (Канада, Южная Америка, Австралия): 8 долларов США.

Переводы делать по адресу администратора, в валюте США.

Отпечатано в мае 2005 года в типографии **Adegi Press - New York.**
www.adegi.com

СОДЕРЖАНИЕ

НАШЕ МНЕНИЕ

ТЕМА ГОДА

В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

УЧЕНИЯ И ТЕОРИИ

ЗАВЕТЫ И ТРАДИЦИИ

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА

ИСТОРИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

ВОСПОМИНАНИЯ

КАДЕТСКИЙ ОБЗОР

БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЗОЛЮЦИЯ XVIII-ГО ОБЩЕКАДЕТСКОГО СЪЕЗДА

1. Рекомендовать Московскому Суворовско-Нахимовскому Содружеству изучить вопрос и подготовить свои предложения о необходимости введения в систему кадетского образования Российской Федерации структуры, соответствующей требованиям русских исторических традиций, олицетворением каковых являлся генерал-инспектор военно-учебных заведений России, Великий Князь Константин Константинович.
2. Рекомендуются личные или групповые поездки для посещения кадетских корпусов, с передачей Обращения о Воспитании русской молодежи в кадетских корпусах 15-го Общекадетского Съезда и других кадетских материалов. Совместно оповещать о таковых свои объединения.
3. Идейное и педагогическое завещание русских зарубежных и императорских кадет содержится в печатных изданиях объединений кадет русских кадетских корпусов, публиковавшихся в Русском Зарубежье в течение десятилетий, таких как парижская «Военная Быль», ньюйоркская «Кадетская Перекличка», венесуэльский и санфранцисский Бюллетени, аргентинское «Кадетское Письмо» и т. д., а также и в Резолюциях и Обращениях последних шести Кадетских Съездов.
4. Предлагается установление памятника директорам, воспитателям, преподавателям и персоналу зарубежных кадетских корпусов. Ввиду недостатка более точных данных, передать этот вопрос на окончательное рассмотрение и осуществление проекта и места установки Объединению Кадет Корпуса Императора Николая II в Париже. Окончательный подробный

проект будет представлен всем Объединениям и на утверждение Президиума XVIII-го Съезда.

5. При исполнении нынешнего гимна Российской Федерации и при выносе красных флагов, рекомендуется соблюдать законы страны, если невозможно заблаговременно уклониться от участия в подобных мероприятиях. Продолжая нашу работу по передаче современным кадетским корпусам старых кадетских традиций, мы выражаем чувство огорчения, что в некоторых военных училищах всё ещё сохранена советская символика.
6. Принимая во внимание духовное состояние нынешней молодёжи в Российской Федерации и заботу Патриарха о религиозном воспитании в кадетских корпусах, мы выражаем пожелание, чтобы таковое было введено в программу обучения.
7. Принимается во внимание, что Московское Суворовско-Нахимовское Содружество поддерживает идею проведения очередного Съезда зарубежных кадет в России, и принимает на себя ответственность по организации такого Съезда и его частичного финансирования.
8. В связи с проведением очередного съезда в России, предлагается устроить паломничество по святым местам Екатеринбурга.
9. Принимается предложение Объединения кадет в Сербии устроить очередной XIX-ый Съезд в 2005 году в Белграде.
10. Ввиду наших смыкающихся рядов, и дабы соблюсти «чувство локтя», кадетам одиночкам предлагается вступать в ближайшее Кадетское Объединение.
11. Передавать экспонаты и архивы в государственные музеи, с договором о гарантии соответствующих условий хранения, общедоступности и недробимости коллекций.
12. Согласно исторической справке внука генерала М. В. Алексеева, М. М. Бореля, опубликованной в № 74 «Кадетской Переклички», РОВС, со всеми его подразделениями, был закрыт устным приказом его последнего председателя В. Вишневского, во время предыдущего XVII Общекадетского Съезда. Этот устный приказ был затем письменно оформлен поручиком Д. Г. Браунсом, единственным оставшимся в живых членом Правления РОВСа. Ввиду этого, все организации, называющие себя безоговорочно «РОВС», делают это незаконно.

13. Во время Съезда было единодушно выражено искреннее соучастие всех русских зарубежных кадет в глубоком горе, постигшем Россию в результате недавнего очередного нападения на наше Отечество агентов международного терроризма.
14. Зарубежные кадеты и все присутствующие с великой скорбью приняли известие о кончине полковника Евгения Павловича Исакова, пришедшее как раз при открытии XVIII-го Съезда. Было возглашено поминовение с пением «Вечная память». Мы сильно опечалены потерей искреннего друга зарубежных кадет и высказываем наше соболезнование его супруге.

Валь Моран, Квебек, Канада.
14 сентября 2004 года.

ПРЕЗИДИУМ
18-го ОБЩЕКАДЕТСКОГО СЪЕЗДА

Д. В. Горбенко, *председатель,*
М. А. Лермонтов, *вице-председатель,*
В. М. Ротов, *секретарь.*

И. Н. Андрушкевич

НАШЕ ЗАВЕЩАНИЕ КАДЕТАМ РУССКИХ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ

(Доклад на 18-ом Кадетском Съезде, 10 сентября 2004 г.)

Мы уже много лет говорим на эту тему, разбираем ее со всех сторон. Впервые эта тема была поднята, кажется, на 15-ом Съезде в Сан-Франциско. Тогда я уже читал доклад на тему «Наш опыт». Речь была о педагогическом опыте русских кадетских корпусов. Приблизительно такая же тема была и на нашем первом Кадетском Съезде в России. Тогда покойный Алексей Иордан сказал, что нужно прочесть в Санкт-Петербурге доклад на тему о воспитании русской военной молодежи. Потом я этот доклад повторил в Москве, а затем он был опубликован отдельной брошюрой.

Мы на эту тему уже много говорили, написали много резолюций, так что наше завещание уже закончено. На 15-ом Съезде в 1996 году в Сан-Франциско была создана комиссия, состоявшая более чем из 20 человек. В комиссии состояли все председатели всех отделов, все редакторы наших печатных органов и Президиум этого Съезда. Тогда была разработана резолюция, которая теперь вышла в сборнике резолюций. 10 человек из этой комиссии внесли конкретные предложения в текст этой резолюции. Больше всех предложений внесли покойные Алексей Иордан и Алексей Боголюбов. Мы не можем каждый год переписывать наше завещание, тем более, что многие из авторов этих резолюций-завещаний уже скончались.

Да мы сами никакого завещания и не пишем. Мы лишь душеприказчики других завещаний, гораздо более древнего происхождения. Мы последние могикане старой Русской Армии, не Красной, не Советской, и даже не Белой.

Мы наследники старой Русской Армии, которая начала создаваться еще в древнем Новгороде. Несколько военных родов, которые составляли дружину Новгородскую, поставляли на Вече кандидатов

в тысяцкие. Это было военное сословие в самом начале нашего государства. Когда Святой Владимир принял Православие, то он решил созвать Совет – будущую Боярскую думу, - чтобы «думать об Уставе Земли Русской». Он не переписывал этот Устав у других стран, как это делается сегодня, а создавал наш, русский Устав. И для этого он собрал старших дружинников, старших военных, и представителей Церкви. Вот из этих двух категорий лиц и состояла Боярская дума, и она просуществовала до 1711 года, когда Петр Великий перестал ее созывать.

Вот откуда пошли наши военные традиции. О русских военных традициях нам рассказывают летописцы, а также автор «Слова о полку Игореве». Летописец рассказывает родословную военной семьи Яна Вышатича, как его прадед был тысяцким в Новгороде, отец был тысяцким в Киеве, сам он был тысяцким в Киеве, и как Яна посылали в разные места: он был в Константинополе, на переговорах с половцами, в русском княжестве Тмутаракань. Он говорил: «Я служил не отдельным княжествам, а всей земле Русской». Вот это главная традиция нашего наследия, которое мы сегодня передаем в Россию. Мы не можем иметь какие-то удельные идеологии или частные концепции. Мы несем те же самые концепции, которые существовали уже в самый момент зарождения Руси или России. (Русь по-русски, а по-гречески – Россия, так как греки не могли произнести «с» с мягким знаком. Впервые слово «Россия» появляется на греческой иконе Святой Ольги, «Великой Княгини Российской»).

С тех пор на Руси развивались русские общекультурные и чисто военные традиции, передающиеся из поколения в поколение, и они дошли до наших дедов и отцов. Мы их от них получили, этот вклад, этот капитал, и мы его дальше завещаем. То есть мы не завещаем ничего своего нового. Мы не можем к этим традициям ничего ни прибавлять, ни убавлять. Об этом говорил Валентин Мантулин на Съезде в России. Мы являемся всего лишь душеприказчиками этой старой русской 11-вековой традиции, военной, государственной, культурной. И мы лишь ее сегодня снова формулируем.

В России теперь в книгах, журналах, архивах можно прочесть всё о старых традициях. Но менталитет не сохранился! Мы живем в эпоху, когда изменились многие менталитеты многих народов. То же случилось при крушении Римской Империи в 5-6 веках. Менталитет изменился. Как будто всё то же самое, но люди думают иначе. А мы еще не думаем иначе. Мы думаем и чувствуем так, как думали и

чувствовали наши отцы. Это величайшее счастье нашей жизни, что, хотя многим из нас уже под 80 лет, а некоторым уже и за 80, но в нашей жизни не было никогда никакой перестройки! Никаких изменений партийной линии! Мы так же всё чувствуем и понимаем, как наши отцы. Хуже, чем они, может быть, не с тем же размахом, как они, но в том же духе. Мы хотим передать этот дух, а не только то, что написано в книгах. Когда мы были на встрече в Москве в 1992 году, нас повели в театр на спектакль «Дни Турбиных» Булгакова, где показывали на сцене «белогвардейцев». Но режиссер вообще не понял менталитета русских офицеров! Он выпустил на сцену актеров в прекрасно сшитой офицерской форме, с погонами, орденами, но это не были русские белые офицеры. Настоящие офицеры не говорили, не жестикулировали, не спорили так, как нам показали на сцене. Режиссер спектакля, с которым мы должны были познакомиться, нас не принял, потому что ему передали наше мнение о спектакле. Он испугался правды. Многие боятся правды.

Когда А. И. Солженицын написал первую версию своего романа «Август Четырнадцатого», он черновик рукописи прислал дочери генерала М. В. Алексеева, которая жила в Буэнос-Айресе, в трех кварталах от меня. Вера Михайловна Алексеева была свидетелем описываемых событий, она жила вместе с отцом в Ставке во время войны. Она ответила Солженицыну, что все даты, факты, события описаны совершенно точно, по архивам и сведениям из газет 1914 года. Но она категорически не согласилась с тем, что в первом варианте романа русские царские офицеры, попадая в плен к немцам, срывали с себя погоны. В. М. Алексеева написала тогда Солженицыну, что для русского императорского офицера величайшим бесчестьем было бы сорвать с себя погоны. Он бы предпочел потерять жизнь, чем сорвать погоны. И кроме того, он ведь попадал не в плен к нацистам, а в плен к Кайзеровской Германии, где офицеров противника уважали. После получения письма, Солженицын эту сцену изменил.

Поэтому то, что мы хотим сейчас завещать, это не только то, что записано в книгах, уставах и так далее, а мы хотим передать остатки того духа, который мы до сих пор сохранили. Без перестроек, без идеологических извилин. То есть мы хотим передать то, что нужно сохранить для будущего России.

У нас есть все резолюции, все доклады, есть та замечательная книга, которую написал Алексей Иордан по постановлению предыдущего Съезда, который здесь проходил. Книгу он не успел издать,

и издали ее уже после его кончины. В издании книги огромную роль играл полковник Евгений Павлович Исаков, кончина которого тоже для нас огромная потеря. Исаков был очень близкий нам человек по духу, он дух наш понимал лучше всех других. Эта книга является путеводителем по нашему завещанию: там все наши резолюции, все наши главные статьи.

Хочется подытожить некоторые основные концепции нашего завещания. Эти концепции можно разделить на два больших отдела. Во-первых, это концепции методологические. Во-вторых, это концепции идеологические.

Разделение этих двух концепций – это большая проблема в работе с молодежью, например, в работе со скаутами и разведчиками. Скаутизм был создан англичанином, и есть скауты во многих странах. В Советском Союзе тоже хотели скопировать опыт скаутов, создав организацию пионеров. На основе скаутизма создали детские организации Муссолини и Гитлер. Копировалась методология, но каждая из этих скаутских организаций вкладывала свою идеологию. Нацисты вкладывали свою идеологию, фашисты свою, ленинцы свою. А наше русское разведчество вкладывало свою идеологию. Вот у нас в Аргентине, например, организация ОРЮР в своих резолюциях говорит, что полностью принимает английскую методологию, но не принимает английской идеологии, так как ОРЮР - организация русская, православная. Точно так же, как мы принимаем итальянскую нотную систему, но это не значит, что мы будем петь только итальянские песни. Русские песни написаны итальянскими нотами. Методология – это одно, а идеология – совсем другое.

Педагогическая система, предложенная в нашем завещании, очень важна, от нее зависит сама политическая система. Яркий пример – Афинская демократия, основанная за 10 столетий до Рождества Христова. В течение 7 веков она претерпела 11 разных реформ. Из монархии она превратилась в аристократию, потом в олигархию, потом в демократию. Но при этом всегда сохранялась культура гражданственности и верности Афинам. Многие ученые считают, что знаменитая греческая демократия, о которой теперь так много говорят, основывалась на определенной системе образования, которая затем была и в России. Эта система образования базировалась на целостном интегральном воспитании: религиозном, нравственном, интеллектуальном, физическом и военном воспитании молодежи. В

Спарте это было жёстко: они отнимали ребенка у матери в возрасте 7 лет и делали из него воина. А в Афинах говорили: «Мы сделаем из ребенка воина и гражданина».

Платон рассказывает о системе воспитания в Афинах. Он говорит о том, что до 10 лет ребенок воспитывается в семье, затем в течение 8 лет он воспитывается в Лицее, где получает религиозное, нравственное, духовное, культурное, интеллектуальное, физическое и военное воспитание. В 18 лет он должен отбыть воинскую повинность 2 года и дальше занимается, чем хочет. А тот, кто хочет управлять государством, должен еще 10 лет учиться мудрости. В 30 лет он может уже занимать некоторые незначительные должности в государственном управлении, а к 50 годам вполне может быть на главных постах в государстве.

Сейчас я как раз разрабатываю эту тему, так как в следующем году я буду читать большой доклад в Аргентине, на испанском языке, о системе образования в древней Афинской демократии. (Я уже 25 лет состою членом Аргентинского общества Эллинской культуры, а недавно меня выбрали его председателем, несмотря на мою перегруженность разными делами).

В Афинах не получивший такого комплексного образования человек не мог занять ни одной важной должности в дальнейшей жизни, это был политический изгой. И первым по важности было религиозное образование. Сейчас в России многие говорят, что религиозное образование нам не нужно, раз у нас демократия. Афинская демократия казнила Сократа только за одно подозрение в том, что он растлевал религиозность молодежи. В Афинской демократии безжалостно казнили воров, сбрасывая их со скалы в море, ибо в земле Афинской их нельзя было даже хоронить. Вот бы нам такую демократию!

Традиции такого комплексного образования идут из глубокой древности. Существуют даже преположения, что эта педагогическая система частично была взята с Кипра, где расцвела Минойская культура. Очень много интересного и в Римской системе военного воспитания. Возможно, эти традиции воспитания пришли в Древний Рим от этрусков, ибо свою систему воспитания римляне называли этрусским словом «тиросиниум». Сами же этруски – есть такая версия – это остатки спасшихся от разгрома жителей Трои. Система образования шла из глубины веков, и ее не подвергали перестройкам и коренным реформам.

Очень интересной была система образования у евреев. Когда римляне осадили, а затем взяли и разрушили Иерусалим, то собрался совет мудрецов еврейских, чтобы решить, кого нужно в первую очередь спасти: военачальника, поэта? Нет! Решили спасти лучшего педагога. И раввина-педагога усыпили, положили в гроб и сумели вынести за стены города. Это был их главный педагог, ученый. Он впоследствии создал школу раввинов, и от него пошла вся последующая педагогическая система евреев.

Так что система образования в кадетских корпусах – какая она была и какой она должна быть – это чрезвычайно важный вопрос. При нашей помощи в России созданы кадетские корпуса, мы туда передаем свой опыт, и, может быть, это сыграет свою роль в преображении системы образования в России.

Очень важно, чтобы образование в корпусе продолжалось 7 лет. У нас в Аргентине был старший член Объединения, граф А. А. Коновницын, праправнук знаменитого героя войны 1812 года графа Коновницына, который сменил на Бородинском поле в командовании войсками смертельно раненного генерала Багратиона. В Аргентинском Объединении была создана комиссия, чтобы определить предпосылки для наименования какого-либо учебного заведения в России кадетским корпусом. Я вместе с духовником нашего Объединения отцом Владимиром Шленевым пришел к графу Коновницыну, которому в то время было уже почти 90 лет. Мы обратились к нему с просьбой – дать нам определение Русского кадетского корпуса. Он сказал, что срок обучения должен быть 7 лет, потому что обучение, например, иностранным языкам нужно начинать до наступления половой зрелости. Способностью к усвоению иностранных языков ведает один из центров мозга, который именно в детстве работает активно, а с наступлением половой зрелости его деятельность затухает. Если в детстве развить этот центр, то человек потом, с возрастом, может легко усваивать и другие иностранные языки. Русские педагоги в 19 веке уже это знали, а на Западе это только теперь открывают и преподносят, как сенсацию. Вот почему наши отцы и матери прекрасно говорили на нескольких языках, без акцента. Этот опыт старой русской школы нужно учесть.

Это педагогические аспекты нашего завещания. Но есть и аспекты идейного содержания. Мы не только хотим передать педагогические навыки, но и содержание образования. Российская Империя была ведущей цивилизацией в мире. Наша цивилизация была пе-

редовая, потому что она имела передовую педагогическую систему. Коммунистическая власть не только уничтожила лучшую часть населения России, но и пыталась – в основном безуспешно – превратить оставшихся в «нового человека».

Граф Коновницын указал, что на первом месте должно быть образование религиозное, духовное и нравственное. Как говорил Суворов: «Слава Богу, мы русские и православные». Содержание нашего образования должно быть русским и православным, а не советским, или фашистским, или демократическим, или каким-то иным.

Теперь пишут, что Россия в будущем якобы будет «демократическим» государством. У нас была Новгородская вечевая демократия, Москва создала земскую соборную демократию, вся наша Казачья система была демократической. Один испанский философ говорил, что в ООН записаны 190 государств – и все эти государства демократические, нет ни одного исключения. Но наша демократия должна быть нашей демократией, русской, а не чуждой нам, скажем североамериканской, или африканской, или южноамериканской. И не российской, а русской.

И кадетам в России мы должны завещать, чтобы они были русскими, православными. Они должны любить русскость. Здесь в США жил архимандрит Константин, в миру виднейший профессор К. И. Зайцев. Он дал такое определение русскости: «Русскость – это есть качественность». Это мы и завещаем кадетским корпусам. Будем делать все хорошо, на высшем моральном и нравственном уровне. Все должно быть эстетично и этично.

Наши предки служили России не за доллары или рубли, не из материальных интересов. Они не были «бизнесменами». И мы, продолжая эту традицию, тоже все служим не из материальных интересов. Всем нам нелегко было сюда приехать из-за возраста, но мы приехали, потому что мы посчитали это долгом службы России. Вот что нужно завещать будущим кадетам – эту зарядку на службу России. Как это замечательно выразил автор «Слова о полку Игореве»: русские воины идут в бой и служат, ища себе чести, а Русской Земле и её князю – славы.

Все это имеет большое политическое значение. Сейчас произошли эти ужасные события в России. В итальянской газете «Корриере де ля серра» недавно было написано, что сейчас России нужна новая объединяющая идеология, которая ей помогла бы выйти из коллапса

коммунизма и преодолеть новые опасности международного терроризма. Она у нас уже имеется. Но, конечно, такие процессы происходят медленно. Вот в Германии только сейчас, через 60 лет после окончания Второй Мировой войны, признали тех офицеров, которые готовили заговор против Гитлера, героями, а молодых солдат стали приводить давать присягу на месте расстрела этих офицеров.

Так и России – требуется время для преодоления этих глобальных пятиконечных звезд и красного флага. Со времён падения Константинополя 550 лет тому назад, сокровенный смысл красного флага – это пролить христианскую кровь и осквернить христианские святыни.

Не может быть симбиоза зла с добром. Среди нас в этом зале находится дочь корнета Потемкина, который на своей груди, с риском для своей жизни, вынес наше боевое Знамя, стоящее в этом зале, из России, чтобы спасти его от осквернения и уничтожения. Это святыня, на этом Знамени икона Спаса Нерукотворного. Это Знамя сегодня еще нельзя передавать для того, чтобы оно стало одним из музейных экспонатов, и было бы помещено рядом с языческими символами, что равносильно его осквернению. Мы не согласны на смешение добра со злом. Будем терпеливы до конца, не будем подмешивать никаких компромиссов к завещанию, которое передали нам, для дальнейшей передачи по эстафете, наши отцы и наши старшие братья.

(«Кадетское письмо» № 41).

Б. Г. Константинов

ЦВЕТНЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ

2005 год начался с кульманиции так называемого **«оранжевого»** («хелоуинского») переворота на Украине. Таким образом, это был первый открытый крупный **цветной переворот** 21-го века.

В предыдущем XX веке таких крупных цветных переворотов было несколько. Первый из них, **красный переворот** 1905 года, произошел в России ровно **100 лет тому назад**, но тогда еще не удался. Этот красный переворот был затем организован повторно во время войны, в 1917 году. Сразу же затем волна красных переворотов прокатилась по ряду европейских государств, но повсюду захлебнулась.

Тогда же социал-демократическая партия в России сперва разделилась на две фракции, а затем большевицкая фракция была переименована в коммунистическую партию. В Италии социалистическая партия тоже разделилась на две части (партии): на коммунистическую и на фашистскую. В результате, в Италии произошел **черный переворот** фашистов в октябре 1922 года, ровно через пять лет после красной революции в России.

В следующем, 1923 году, произошла первая попытка **коричневого** национал-социалистического переворота, возглавленного Гитлером в Мюнхене. (Коричневый цвет, как известно, является смесью красного и черного цветов. Сам Гитлер являлся сторонником обоих цветов. Как он отмечает в «Майн Кампфе», особенно ему нравился немецкий социалистический красный флаг, «роте фанэ». В данном случае, этимология этого немецкого слова для обозначения этого цвета указывает не на славянский корень в словах «красный, красивый», а на индоевропейский корень наших слов «рудый, ржавый, рыжий».) Несмотря на неудачу этой первой попытки, коричневый

переворот, в конечном итоге, привел через 10 лет к захвату власти национал-социалистами в Германии, с помощью демократических выборов, что обеспечивало развязывание новой мировой войны менее, чем через десять лет.

В этом 2005 году также исполняется 180-летие декабрьского переворота в России. Этот переворот еще формально был бесцветным, несмотря на его мистическую, символическую и программную связь с последующими цветными переворотами и несмотря на стоявшее за ним «голубое» франк-масонство. Именно уже тогда, в 1825 году, была впервые, еще стыдливо, но всё же открыто, провозглашена **программа расчленения России,** затем дошедшая до своего открытого апофеоза во время оранжевого переворота в Киеве.

Конечно, уже Французская революция была своего рода первым звеном в длинной цепи этих переворотов. Поражает принципиальное **сходство** в **методологии и технологии** всех переворотов после Французской революции. Лишь прогрессирующее перманентное совершенствование этих методологий и технологий отличают все эти перевороты друг от друга.

Серьезный исторический анализ этой методологии и этой технологии значительно облегчается внимательным изучением теоретических обобщений на эту тему, открыто высказанных в Италии, как последствие тамошнего черного переворота. Так как русскому читателю в значительной мере недоступны многие материалы этих теоретических обобщений в Италии, не будет излишним обратить вкратце на них внимание. Эти теоретические постулаты были провозглашены обеими фракциями расколовшейся итальянской социалистической партии.

Бенито Муссолини, редактор органа итальянской социалистической партии, возглавил фракцию, провозгласившую, что социализм может быть осуществлен **только через государство**. Эта формула **«всё через государство, ничего вне государства»** была скандирована фашистскими идеологами на всевозможные лады в течение многих лет. Даже после падения фашизма в Италии, некоторые теоретики этой доктрины **государственного социализма** продолжали ее сеять в Южной Америке, в том числе и со страниц выходившего в 1950-е годы в Буэнос-Айресе журнала «Динамика социаль».

Таким образом, все социалистические и коммунистические экономические установки оказались с тех пор сильно зараженными

этой доктриной **фашистского** экономического «**этатизма**», особенно в Латинской Америке. Хотя и в самой России, эта первая идеологическая перестройка социализма странным образом совпала с отходом от НЭП-а и с началом насильственной **государственной** коллективизации сельского хозяйства и периода государственных пятилетних планов. В Аргентине, при Пероне, открыто находившегося под фашистским влиянием со времен его пребывания в фашистской Италии, тоже были проведены две пятилетки.

С тех пор, и в России, и в Европе, и особенно в Южной Америке, экономические постулаты социализма в значительной мере перекрасились из красного в черный цвет фашизма. Идея государственной инициативы, государственной организации производства и государственного контроля всей экономической жизни заменила первоначальную социалистическую идею **общественной кооперации**.

Однако, в Германии, при Гитлере, почему-то не была введена система **государственной** (бюрократической) **организации производства**, хотя в ней и была организована «четырёхлетка», чтобы внешне подчеркнуть социалистический характер режима. Государство ограничивалось планированием своих заказов частному сектору и организацией социального сектора. Кроме влияния «промышленной партии», два могущественных министра обеспечивали в Германии такое самоограничение государства: Хьялмар Шахт и Альберт Шпэр. Хотя первый и был изгнан из правительства перед самым началом войны, второй пользовался доверием Гитлера до самого конца. В своих послевоенных мемуарах Шпэр хвастается, что в его Министерстве военной продукции во время войны было всего 600 (шестьсот) служащих, ибо оно лишь администрировало военные заказы, но не само производство, каковое поручалось частным промышленникам и их организациям.

Интересно, что приблизительно в одно и то же время, в начале тридцатых годов прошлого века, Шахт в Германии и Рузвельт в США преодолевали сильный экономический кризис в этих странах, с катастрофической безработицей, весьма схожими мерами. А именно, финансированием денежными эмиссиями, без покрытия, кредитов для колоссальных общественных работ, главным образом постройки дорог. (По-видимому, до сих пор еще не совсем раскрытый секрет такой политики заключался в том, что эти эмиссии покрывались и обеспечивались **производством экономических активов**, а не финансированием текущих бюрократических **расходов**). Подобным же

образом, приблизительно за сто лет до этого, в США был заложен фундамент их экономическиой мощи, путём щедрого финансирования банковыми кредитами покупки земли широкими слоями населения. Эта экономическая мощь, основанная на земледелии, затем была дополнена при Рузвельте постройкой дорог, жилищ и электростанций по всей стране, что в свою очередь одновременно вызвало сильное развитие автомобильной промышленности. Как видно, и Германия и США уже тогда подспудно готовились к «тотальной» войне.

Однако, тогда же, в результате других, не экономических мутаций в идеологии социализма, совершенных фашизмом, была вызвана теоретическая реакция другой, коммунистической фракции бывшей итальянской единой социалистической партии.

Один из основателей итальянской компартии в 1921 году, редактор коммунистической газеты **«Новый порядок»** и основатель новой партийной газеты «Унита», Антонио Грамши, в год черного переворота в Италии отправляется в Москву, как делегат Коминтерна, где он знакомится с Лениным, Троцким и Сталиным, и где он женится на одной немецкой коммунистке. В 1924 году он возвращается в Италию, где его арестовывают в 1926 году. В 1937 году он умирает от туберкулёза в одной римской клинике. В фашистской тюрьме он пишет две серии теоретических статей, которые затем, после войны, были изданы новым генсеком итальянской компартии Пальмиро Тольятти, под названиями «Письма из тюрьмы» и «Тетради из тюрьмы». В них Грамши досконально анализирует общую **стратегию политической борьбы** в современном мире.

Анализ этой стратегии вскрывает многие весьма интересные аспекты самой технологии современных переворотов, каковые отнюдь не являются инструментами для осуществления тех или иных идеологических программ, а всего лишь голыми **инструментами для захвата власти**. Лишь когда власть захвачена, сама эта новая власть решает, какую идеологическо-экономическую программу она станет на практике применять, независимо от своих идеологических декламаций, а в зависимости от более широких исторических задач, тайных или явных, поставленных перед ней.

Грамши, генеральный секретарь коммунистической партии Италии, начинает с того, что срывает маску с коммунистической идеологии. Он определяет марксизм-коммунизм не как идеологию борьбы «рабочего класса», а как **логическое завершение западного модернизма**. Марксизм он называет «философией практики», ко-

торая «*предполагает все это культурное прошлое (возрождение, реформу, немецкую философию, французскую революцию, кальвинизм, классическую английскую экономику, лаический либерализм и историцизм), находящееся в основании модерной концепции жизни*».

Этот принцип **западного модернизма** зародился, согласно Грамши, как концепция в Германии, но во Франции он принял политическое воплощение, а в Англии экономическую технологию. Все эти три источника (немецкая идеалистическая философия, французская политика и литература и английская экономика) имеют под собой один общий знаменатель, который Грамши называет **«имманентностью»**. Имманентность противоположна «трансцендентности», так как она ограничивает и замыкает все действия человека исключительно материальными **земными интересами**. Иммманентность стремится **только к земному** и хочет остаться на земле («ин манере», «оставаться», «пребывать в»), совершенно игнорируя всё, что выходит за рамки земного.

Грамши предпочитает выражение **«имманентность»** классическому марксистскому термину **«материализм»**, потому что материализм для многих марксистов превращается в какого-то идола, находящегося вне человека, выше человека, которого человек не может трансформировать, изменять. Отсюда вытекает принципиальный **волюнтаризм** Грамши, так как он считает, что человек может и **должен все менять**. Эти перемены происходят в истории, каковая в действительности находится все время в движении, «ин фиери». Материя – это всё то, что существует, но одновременно она также и **результат предыдущей практики** человека, она является организованной и переработанной человеком в процессе истории природой. На смену грубому материализму, Грамши выдвигает, таким образом, имманентизм, волюнтаризм и историцизм. А также и абсолютный антропоцентризм, под маской гуманизма.

Грамши также отрицает марксистский постулат прямой причинной связи между базисом и надстройкой. Не все экономические перемены вызывают автоматически идеологические и политические перемены. Наоборот, идеология и политика влияют на экономику. Для объяснения этого своего утверждения, Грамши развивает свою центральную **теорию двух обществ**, гражданского и политического.

Гражданское общество – это «*совокупность организмов, называемых частными, которые соответствуют функциям* ***гегемонии*** *над всем обществом*». Это совокупность организмов, которые создают,

творят **общее мышление** и **общие чувства** в народе, которые имеют **интеллектуальную гегемонию** в обществе.

Политическое же общество – это совокупность организмов, которые занимаются прямыми **принудительными функциями** в обществе, с помощью юридических, политических и военных аппаратов власти.

Оба эти общества и составляют совместно «надстройку». В нормальных условиях они солидарны, говорит Грамши. Кризис наступает тогда, когда между ними происходит раскол, когда политическая власть и интеллектуальная гегемония начинают противостоять друг другу.

Из этого следует важное заключение: **для захвата власти** нет необходимости менять экономический базис, а необходимо **захватить и изменить** ту **часть надстройки**, которая соответствует гражданскому обществу, **создающему общественное мнение** во всем обществе.

Именно таким образом Грамши объясняет, почему первая социалистическая революция произошла в России, в которой она, согласно Марксу, никак не могла произойти, из-за несоответствующих экономических условий. Грамши поправляет Маркса: реализация революций и переворотов зависит не от условий экономического «базиса», а от **инфильтрации и захвата** той части надстройки, которая занимается созданием **общественного мнения**.

Такая революция совершается не рабочими и не стихийно действующими массами (которым Грамши вообще не доверяет), а **интеллигентами** (наемными), **органически организованными** вокруг «идей и мнений», которые, в свою очередь, *«не зарождаются спонтанно, но* ***исходят из центра****, где они формируются, откуда они излучаются, распространяются и внушаются»*.

Эти интеллигенты должны осуществлять **«молекулярную агрессию»**, для того, чтобы постепенно, шаг за шагом, **проникать** в религиозные, философские, научные, артистические и вообще культурные «крепости». Нет необходимости брать приступом Зимние дворцы, а нужно брать «казематы культуры», учит Грамши. Россия во времена Ленина, пишет Грамши, имела «желеобразное» общество, поэтому тогда, в виде исключения, было необходимо действовать по-ленински.

Грамши особенно подчеркивает, что **сперва** необходимо **разрушить** в обществе **предыдущее мировоззрение**, а затем внедрять **но-**

вое сознание имманентизма, сиречь материализма в более широком понимании. Только лишь развитие имманентизма до конца сможет обеспечить создание «**нового порядка**». Для этого интеллигенты, действующие **молекулярно**, должны **подтачивать и разрушать** это **предыдущее мировоззрение**, и бороться за **устранение основных принципов**, составлявших доселе **мыслительную структуру** общества. **Проникая ко всем рычагам культуры и общественного мнения**, они должны добиваться слома и сноса этих принципов и **устранения** всех тех, кто их будет защищать. Для этого, учит Грамши, необходимо лишить защитников этих принципов «*всякого духовного престижа... путем постоянной* ***разъедающей критики****. Эта критика должна сеять сомнения, скептицизм, лишать их морального престижа... она должна* ***уничтожить их верования и их учреждения...***»

Очевидно, что Грамши никак не мог приобрести такие оккультные теоретические познания в одних лишь партийных кружках изучения марксизма-ленинизма. Несомненно, что он соприкасался с более глубокими пластами оккультных политических наук, в более законспирированных местах.

Программатическая схема политической борьбы, уточняемая Грамши, таким образом состоит как бы из трёх звеньев, порядок чередования каковых зависит от обстоятельств, и даже может многократно повторяться, для полного достижения поставленной цели.

«Молекулярное подтачивание предыдущего мировоззрения» и «устранение основных принципов общества» несомненно вызывают смуту в обществе. Таким образом, очевидно, что смута является последствием таких акций, а не самозарождающимся стихийным процессом. Однако, сама смута может предшествовать перевороту для захвата власти, а также и быть последствием такого переворота, и даже происходить до и после захвата власти. Но всегда искомым конечным последствием и смуты в обществе, и самого захвата властных структур является внедрение **мутаций в духовном ядре** общества, чтобы его **перепрограммировать**.

Именно такие процессы мнократного и повторного чередования инфильтраций, переворотов и попыток духовного и культурного перепрограммирования происходят уже давно на всей Руси, в том числе и на Украйне. Давно и долго, ибо оказалось, что на Руси всё это не так уж легко и просто.

Конечно, такая технология культурной революции применялась уже задолго до Грамши. Грамши лишь впервые сформулировал от-

крыто и отчетливо доктрину её стратегии, в виде стройной схемы точных (и публичных) инструкций.

Тактическое применение этой стратегии постоянно совершенствуется и будет и дальше совершенствоваться, особенно на уровне «логистики» и «инфраструктуры» переворотов. Для этого давно уже существует сложная сеть специальных институтов и комиссий, с крупными бюджетами, помимо частных фондов, разрабатывающих и подготавливающих такие проекты. Так что, цветные перевороты отнюдь не кончились оранжевым.

При этом нельзя забывать, что, в конечном итоге, исходной причиной всех этих ненормальных процессов в рамках любого общества является макроисторическая агрессия, с целью **уничтожения** его духовного ядра и культуры, под прикрытием фразеологии о «демократии».

Это просто совершенно **новый вид войны**, который именно тем и опасен, что его трудно опознать таковым. Посему, действенная от него защита невозможна без его соответствующего опознания.

П. К. Несторов

РЕАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Реальные противоречия

В статье «Кажущиеся противоречия глобализации», в «Кадетской перекличке» № 75, анализируются противоречия между теоретическим провозглашением и практическим применением трех основных идеологическо-риторических лозунгов современной глобальной цивилизации: *«демократии, законности и рынка, на общем фоне скандирования человеческих прав»*.

Статья приходит к заключению, что разбираемые в ней противоречия, возникающие при практическом осуществлении этой **«панацейной триады»**, на самом деле являются **кажущимися**. В основном, эти кажущиеся противоречия являются последствием меняющихся **камуфляжей** разных **манипуляций**, для концентрации экономического могущества и политической власти.

Однако, помимо этих кажущихся противоречий, в современной глобальной цивилизации имеются со всей очевидностью также и **реальные противоречия**.

Вообще, в каждой системе почти всегда имеются с самого начала их существования те или иные противоречия, специфически им присущие. Вначале таковые могут быть мало заметными, но со временем, по мере эволюции в ту или иную сторону всей системы, эти противоречия могут не только развиваться, но и возобладать над положительными элементами данной системы. В последнем случае, такая эволюция этих противоречий превращает их в **гибельные**, то есть неумолимо ведущие к гибели самой системы. Конечно, все человеческие системы не вечны по самой своей природе,

из чего можно сделать вывод, что в них самих заложена (запрограммирована) причина конца их существования.

Характерным примером такого заострения собственных противоречий, заострения, приведшего к гибели самой системы, является коллапс Западной Римской Империи. Всемирно известный историк, русский белый эмигрант М. Ростовцев (которого испанский философ Ортега-и-Гассет считает наилучшим специалистом по истории Римской Империи), доказывает, что коллапс Западной Римской Империи не был вызван одними лишь вторжениями варваров на территорию Империи, а являлся главным образом результатом её **внутренних противоречий**.

Необходимая централизация для управления громадной Империей, при одновременной необходимости обороны ее растянутых границ, вызвала процессы **милитаризации** и **бюрократизации** её государственного и общественного строя. **Чрезмерное** развитие этих двух процессов - милитаризации и бюрократизации - привело, в свою очередь, к постепенному **оскудению творческой элиты** в римском обществе, в том числе в политической и в экономической областях. Это, в результате, вызвало застой в производительности Империи, а затем и её коллапс.

Коллапс СССР тоже был вызван в значительной мере глубокими и непреодолимыми протоворечиями самой коммунистической системы, частично аналогичными протоворечиям, ставшим причинами краха Западной Римской Империи. Эта коммунистическая система в России жила за счет накопленных за предыдущее тысячелетие народных духовных и материальных богатств, включая человеческие ресурсы. Когда запасы этих богатств были коммунистической системой растранжирены, на собственной территории и во всём мире (для финансирования «мировой революции»), тогда наступил её развал, ибо она не смогла вернуться от «экстенсивного» к «интенсивному» хозяйствованию, как это тогда публично признало само руководство СССР.

Сегодняшние противоречия современной глобальной цивилизации более сложные. Их можно свести в несколько основных групп, для их более наглядного анализа. Эти группы можно назвать следующим образом: экономические, политическо-институционные и нравственно-общественные противоречия.

Экономические противоречия

Сама по себе идея глобальной цивилизации, или просто глобализации, требует включения даже самых экономически отсталых стран во всемирные экономические потоки, с целью их соучастия в широком потреблении продуктов этой цивилизации и достижения необходимого для этого известного материального благополучия. Практически это вызывает необходимость экономического роста отсталых стран. Причем, этот рост должен превышать рост уже высоко развитых стран, дабы такая тенденция неравномерного роста постепенно вела к выравниванию жизненного уровня во всем мире. Однако, на практике, в конечном итоге, происходит обратное, ибо разрыв между бедствующей частью человечества и его самым зажиточным меньшинством отнюдь не уменьшается, если исходить из имеющихся статистических данных. Конечно, некоторые отдельные страны повышают уровень жизни своих граждан, но зато одновременно другие страны откатываются на сравнительно более низкий уровень. (Именно это и произошло с уровнем жизни на **территории Руси**, то есть Российской Империи. К концу существования СССР, наша страна упала на 80-е место в мире по уровню жизни на душу. До Катастрофы она находилась, согласно некоторым данным, в группе первых 20 мест в мире по уровню жизни на душу населения. Согласно статистическим подсчетам А. П. Федосеева, средний уровень жизни в России до Катастрофы даже превышал средний уровень жизни в Англии.)

Экономические противоречия усугубляются еще вызванными ими экологическими катастрофическими процессами. Уже сегодня ученые обращают внимание на подтверждение давнишних прогнозов о прогрессивном потеплении поверхности Земного шара, каковое со временем неминуемо приведет к подъему океанских вод и к затоплению во всем мире прибережных территорий, в том числе крупных всемирных портов. Вторая по величине в мире фирма перестраховок Swiss Re опубликовала в марте 2004 года информацию об увеличении вдвойне убытков страховых обществ в течение следующих десяти лет, в результате увеличивающихся природных бедствий во всем мире, вследствие перегревания земли. Согласно другим источникам, через несколько десятков лет наступит страшная засуха в районе Средиземного моря и вообще на территориях с умеренным климатом, но, одновременно, в холодных регионах силь-

но увеличатся дожди. Например, в сибирской реке Обь в XXIII веке предсказывается на 40 процентов больше воды, чем сегодня. Даже высказываются предположения об отходе Гольфштрома от берегов Западной Европы, что повлечет за собой тоже крупные экономические пертурбации. В мае 2004 года мировую печать облетело сообщение, что люминисценция земной атмосферы за последнее столетие снизилась в среднем на 10 %, из-за загрязнения воздуха отбросами от сгорания нефтяных, углевых и иных продуктов. Кроме того, чрезмерная и нерациональная эксплуатация современной цивилизацией естественных ресурсов Земли неминуемо приведет, раньше или позже, к их истощению.

Помимо всех этих социально-экономических противоречий, легко замечаемых даже простыми обывателями, в мире, несомненно, также происходят какие-то зловещие процессы и в области международных финансовых структур, в значительной мере незаметные и непонятные. Дело не только в неумолимой концентрации капиталов и владений средствами производства, а в ракообразном росте цен (сиречь инфляции) номинальных документов, их представляющих. Причем некоторые цены таких бумаг теряют всякое реальное соотношение с теми имуществами, которые они представляют. Кроме того, экспоненциально увеличивается расхождение между широко публикуемой инфляцией розничных цен на продукты первой необходимости и не очень публикуемой инфляцией цен на **недвижимые имущества** и на **средства производства**. Такое растущее несоответствие может когда-то вылиться в крупный крах.

Так же и проекция демографического развития в мире чревата последствиями, которые сегодня даже нельзя себе представить. С одной стороны, прогрессирующий демографический рост населения в некоторых частях мира, а с другой стороны - прогрессивное старение населения в других частях мира, например, в Европе и в США. (Не говоря уже о катастрофических демографических процессах в России, вызванных коммунизмом и его последствиями). В многих странах Западной Европы и в США эти демографические процессы, возможно, приведут через каких-нибудь 10-20 лет к краху их пенсионных и вообще социальных структур. Численно сокращающиеся молодые поколения уже не смогут оплачивать пенсии численно увеличивающегося количества пенсионеров. Однако, эти завтрашние пенсионеры в течение всей своей жизни вносили свои вклады в пенсионные фонды, но таковые к какому-то моменту не будут больше в

состоянии выплачивать полностью все вновь возникающие пенсии. Государственные пенсионные структуры этим вызовут страшный дефицит в государственных бюджетах, а частные сберегательные пенсионные фонды тоже смогут потерпеть большие убытки и даже обанкротиться, когда им придется производить крупные ликвидации накопленных сбережений, в виде акций и облигаций, для оплаты новых пенсий. Причем, в таком случае, цены этих акций и облигаций тоже могут при этом сильно упасть. Начиная с 2010-го года, в США станут выходить на пенсию миллионы родившихся сразу после Второй Мировой войны так называемых «послевоенных бэби», которым с этого года будет исполняться 65 лет.

Политическо-институционные противоречия

Все эти выступающие на горизонте экономические, экологические и социальные проблемы будут требовать от правителей мира не только хорошей администрации, но также и безошибочного планирования в этих областях. Такое планирование требует не только наличия соответствующих профессиональных кадров, но также и необходимых институционных политических структур.

Однако, именно в этой области в последнее время проявляются глубокие противоречия, присущие всем современным политическим режимам в мире. Эти режимы, возникшие в результате процессов, приведших к независимости Соединенных Штатов и остальных Американских государств и к Французской революции, с самого начала были оформлены как **республики**. Упор, конечно, делался на выражении «республика», в противовес так называемому «ансьен режим»-у (старому строю), каковой по определению был монархией. (Лишь в виде исключения эти монархии перестраивались в декоративные конституционные монархии). Тут уже с места в карьер вкрадывалось первое терминологическое противоречие.

Во-первых, выражение «республика» у римлян, являвшихся создателями этого понятия и этого термина, отнюдь не было противоположным понятию монархии. Оно лишь обозначало по смыслу «Римское государство», этимологически происходившее от слов «**общее дело**». Римское Государство обладало некоторыми только ему присущими особенностями, среди каковых форма правления (сиречь монархия или не монархия) не имела существенного значения. Например, Цицерон пишет: «Когда в нашей республике были цари».

Во-вторых, новосоздаваемые республики по существу не были таковыми, ибо они не основывались на двух основных учреждениях Римской Республики, каковыми были, опять же по определению Цицерона, Римский **Сенат и авгуры**. Римский Сенат состоял только из **пожизненных** сенаторов, среди которых были потомки основателей Римского Государства, то есть «отцов» (патрес), почему они и назывались «патрициями». Авгуры тоже были патрициями и назначались тоже пожизненно. Вся суть Римской Республики заключалась в **публичном**, сиречь открытом, а не засекреченном **авторитете** сенаторов и авгуров. В свою очередь, авторитет имел своей функцией **обеспечивать** и **страховать** Римское Государство от ошибок, промахов или просто глупостей исполнительной власти, ибо носители «отцовского авторитета» («ауктокритас патрум») имели право накладывать **вето** на решения гражданских и военных властей. Ничего подобного нет ни в одной из современных республик, вплоть до того, что даже сами эти понятия в них идеологически тенденциозно искажены.

Конечно, это не значит, что в современных республиках полностью отсутствуют инстанции, обладающие авторитетом. Таковые источники авторитета несомненно существуют, однако они **засекречены** и **законспирированы**, вследствие чего не имеют «публичного» (сиречь республиканского) характера. Эта конспиративность требует сложных структур, иногда с многоступенчатой системой передачи таких закулисных решений. В результате, **«конспиративная закулиса»**, хотя и управляет на деле в подавляющем большинстве современных республик, однако она это делает лишь в виде общих директив, иногда сокращающихся до одних лишь намеков, и путём отстранения от реальной власти всех посторонних по отношению к системе элементов.

Пока политические и экономические процессы в современном мире не достигали современной многогранности и чрезвычайной и непостижимой сложности, такие политические механизмы, состоящие из гласных и негласных структур, могли действовать в большинстве случаев удачно. Однако, в современной ситуации современного мира одного негласного общего контроля из конспиративной закулисы недостаточно для того, чтобы обеспечить **благоразумные** и осторожные действия исполнительных властей, даже если таковые и являются полностью послушными системе. Сегодня недостаточно придерживаться общего направления, в рамках предуказанного широкого фарватера. Необходимо подконтрольное **сдерживание** даже

отдельных акций, для избежания провалов. Например, в Римской Республике были бы практически невозможны такие гафы, как те, которые произошли в связи с Иракским конфликтом. Да и бывший испанский премьер-министр Азнар не имел бы права делать преждевременных опрометчивых и неосторожных заявлений о том, что взорвавшиеся в марте 2004 года в Мадриде бомбы были подложены баскскими террористами. В Риме такие решения и заявления подлежали контролю Сената и авгуров, каковые обладали достаточным опытом и соответствующей мудростью, чтобы не допускать опрометчивых и необдуманных акций и заявлений.

Первоначально в конституциях новых республик выражение «**демократия**» вообще не употреблялось. Например, в конституции США 1787 года и в конституции Аргентинской Республики 1853 года слово «демократия» вообще отсутствует. Можно предполагать с большой долей уверенности, что авторы конституции США, конечно, прекрасно знали первоначальное значение слова «демократия» в древних классификациях политических режимов. Аристотель определяет значение этого слова как «отклонение, извращение» (пареквасис) республики. Он также устанавливает связь между демократией и тиранией, указывая, что обоим этим режимам присуща демагогия. Таким образом, выражению «демократия» был присущ смысл **одного из плохих режимов**.

Английский публицист Роберт Мосс считает, что этот смысл частично сохранялся в образованных кругах Запада вплоть до конца 19 века. Затем он берется на вооружение так называемыми прогрессивными и социалистическими идеологиями. Во время Второй Мировой войны, понятие «демократия» стало своего рода **объединительной деноминацией** союзников коалиции против держав оси. Хотя это было грубой натяжкой, ибо известную тогдашнюю программу Рузвельта «**четырёх свобод**» (свободы словы, свободы религии, свободы от нужды и свободы от страха) никак нельзя было равномерно применить ко всем союзникам.

Однако, уже после Второй Мировой войны выражение «демократия» стало применяться почти как синоним республики. В реформе Аргентинской конституции 1994 года это слово было впервые включено в конституционный текст. Хотя сегодня термин «демократический» сохраняется в названии, кажется, всего лишь двух государств: Демократической республики Северной Кореи и Демократической Республики Конго.

С точки зрения институционных структур, под понятием демократии в первую очередь нужно понимать систему **выборного представительства**. Таким образом, в самом определении демократии содержится зародыш двух противоречий. Во-первых, согласно изначальным определениям, демократия это такой строй, который основывается на **назначении** на государственные должности **путем жребия**, а не путем выборов. Аристотель ясно и недвусмысленно указывает, что выборная система присуща аристократии, но отнюдь не демократии.

В Римской аристократической республике все должности зависели от выборов, но в Афинской демократии все государственные должности занимались путём жребия, кроме «стратегоса» (воеводы), каковой в виде исключения избирался народом, но только из военной среды. Во-вторых, если даже и предписать демократической системе выборы, то в таком случае нельзя забывать, что эта система в своих истоках была **прямой демократией**, а не представительной, ибо основные решения принимались прямо народом, а не его «представителями».

Современная представительная демократия на самом деле **отчуждает волю народа** и передает ее **безотзывно** так называемым «народным представителям».

Кроме того, сам по себе процесс подбора и назначения этих народных представителей чреват глубокими противоречиями, на деле ведущими к коренному подрыву всей системы. Назначение кандидатов не только является **гегемонической монополией** закрытых политических корпораций, но зачастую также зависит и от **фильтра негласных и конспиративных** организаций. Например, согласно мемуарным свидетельствам участников, для выдвижения **кандидатов** некоторых демократических партий в члены Государственной Думы России, в начале XX века, от них требовалось предварительное вступление в конспиративные ложи. Таким образом, эти кандидаты были на самом деле представителями этих партий и стоящих за ними конспиративных корпораций, а не представителями народа.

Такая тотальная монополия политических партий на выдвижение кандидатов не только лишает последних подлинной полной легитимности, но также и является одной из причин малоэффективности и малокачественности представительных учреждений. При этом необходимо оговориться, что эти противоречия современной

политической ситемы находятся, главным образом, в законодательной, а не в конституционной области, за исключением самых последних конституционных реформ. (Например, вышеотмеченная Аргентинская конституционная реформа 1994 года конкретно устанавливает партийную монополию на выдвижение кандидатов в народные представители.)

Одновременно, современные представительные учреждения, за редкими исключениями, не допускают аккумуляции и осаждения в их рамках наилучших политических кадров страны, что несомненно противоречит самой идее выборов, если исходить из этимологического анализа этого выражения. Например, в славянских языках понятие **выборов** неразрывно связано с понятием **отбора**. На сербско-хорватском языке **«одбор»** – это и есть правление. **Совместная акция** избирателей и отбираемых избранных членов «отбора» дает в результате **«соборные»** решения. На сербско-хорватском языке слово **«сабор»** исторически употреблялось беспрерывно, вплоть до наших дней. Такой же смысл присущ и соответствующим латинским понятиям. Напрмер, испанское слово «элексион» несомненно связано со словом «селексион».

При анализе всей этой проблематики, бросается в глаза упорное замалчивание многовекового политического опыта Римской Республики, несмотря на интенсивное современное пользование римской политической терминологией. В Римской Республике центральной институционной идеей **был отбор членов Сената,** а затем в рамках самого Сената – дальнейший **ступенчатый отбор** так называемого **«консульского разряда»**, то есть членов Сената, имеющих право быть выбранными на должности консулов (годовых ординарных президентов республики), диктаторов (шестимесячных чрезвычайных президентов республики) и цензоров. Этот разряд достигался путем прохождения через ряд республиканских магистратских должностей, каковое прохождение называлось «курсус гонорум», то есть **курсом чести**. Таким образом, Сенат Римской Республики практически был **местом осадка** самых толковых деятелей этой республики, продвигавшихся по ступенчатообразной системе должностей. Любой нравственный срыв мог раз в пять лет вызвать безапелляционное вычеркивание цензором из списка пожизненных сенаторов. Наш Господский совет в Новгороде и Боярская дума в Москве по существу соответствовали этому политическому принципу **институционного отбора.**

Однако, в современных демократиях такой метод в основном почти всюду исключается, ибо он дает существенную **независимость** народным представителям от негласных или полугласных манипуляционных корпораций. Эти «народные представители» находятся постоянно под дамокловым мечом партийной и корпоративной цензуры. В случае малейшего отхождения, они просто не будут больше выдвинуты в кандидаты на очередных выборах. Да и СМИ обрушатся на них беспощадно в таком случае.

Попытки реформ этой системы путем так называемого «корпоративизма», происходившие в 30-е годы прошлого века в Западной Европе, по существу, не видоизменяли этой порочной системы, ибо они на место партий (или рядом с ними) ставили те ли иные профессиональные корпорации, а не доверяли, чтобы **сам народ ступенчатообразно отбирал на выборах** такой отбор народных представителей, который мог бы обеспечить соборный и подлинно демократический характер основных политических решений.

Нравственно-общественные противоречия

Самыми опасными противоречиями современной цивилизации являются её нравственные противоречия. Эти противоречия усугубляются бесплодными попытками полностью отделить нравственность от общественной жизни. Однако, если внимательнее всмотреться в эти процессы, то станет очевидным, что дело даже не в отделении общественной жизни от её традиционных нравственных принципов и символов, а в их систематической подмене другими принципами и другими символами.

В связи с этим последним утверждением, необходимо сделать важную оговорку. Говоря о **«современной глобальной цивилизациии»**, в контексте данной статьи имеется в виду **современный конгломерат** всех современных цивилизаций и культур в мире, в котором, однако, учреждающую, ведущую и руководящую роль играет так называемая «Западноевропейская цивилизация», или просто «**Западная цивилизация**». Другими словами, в данном случае речь идёт о современной глобальной цивилизации в понимании Питирима Сорокина, как «*открытый* ***конгломерат разных*** *систем, лишь* ***частично*** *интегрированных*», а не в понимании Данилевского, Шпенглера и Тойнби, как закрытых органических структур.

В этом заключается **коренное противоречие** современной глобальной цивилизации: почти все её общественные силы направлены

на ампутацию тридиционных корней её учреждающей цивилизации и одновременно на систематическое ей прививание чужеродных принципов и символов. К сегодняшней так называемой **«Западной цивилизации»** относятся грозные слова, возвещенные пророком Иеремией: «Я насадил тебя как благородную лозу, – самое чистое семя; как же ты превратилась у Меня в дикую отрасль чужой лозы?» (Иерем. 2,21).

Эти мутационные процессы происходят уже много веков, и сегодня они достигли своей кульминации, даже юридически оформляемой. Так, в конституции Европейского Союза, принятой в прошлом году, не была допущена ни малейшая ссылка на общие духовные **христианские корни** Европы, как Западной, так и Восточной. Такое развитие даже невозможно толковать как естественную цивилизационную эволюцию, в духе теорий того же Питирима Сорокина, ибо в таких случаях новая цивилизационная фаза никогда не отказывалась и не отрекалась от своих предыдущих этапов.

Питирим Сорокин видит в развитии всех цивилизаций постоянную смену между разными периодами, трёх типов: идеациональный (духовный), идеалистический (смешанный) и чувственный (сенсориально-материалистический). Так, эллинская культура до 5-го века до Р. Х. была идеациональной, затем наступил смешанный, идеалистический период, и наконец, с 1-го века до Р. Х. сенсориально-материалистический период. Однако, нужно обратить внимание на то, что несмотря на все эти смены, сохранялась в значительной мере **преемственность традиционных ценностей, авторитетов и символов**, без насильственных **ампутаций** прошлого. Например, Гомер продолжал быть высшим учителем эллинской культуры, хотя многие его выражения и не принимались в буквальном смысле. Так и при переходе западноевропейской культуры в 14-ом и 15 веках от своего духовного периода в смешанный период, еще не происходит полный разрыв с прошлым, еще не происходит ампутация прошлого.

Впервые такая ампутация предпринимается во времена Французской революции. Хотя голландский философ Иохан Гейцинга считает, что французы уже до этого занялись ампутацией своего франкского (сиречь германского) прошлого, пытаясь вернуться к до-франкским галльским временам. Может быть, именно эта первая попытка ампутировать часть своего франкского прошлого (несмотря на сохранение франкского названия страны), и предуготовила Францию ко второй, более радикальной ампутации всего своего ис-

торического прошлого до Французской революции. Именно с этого последнего исторического уровня и была построена идеологическая структура современной Франции. Этот эксперимент и взят сегодня за прообраз аналогичной исторической манипуляции в России, когда делаются гротескные попытки вывести преемственность современной политической легитимности от времен Катастрофы 1917 года, а не от исторических истоков Государства Российского. Аналогичные манипуляции, хотя и не с таким размахом, проводятся и в других странах Западной цивилизации.

Можно ли проследить истоки таких мутационных и апостасийных процессов? Если мысленно и аналитически пойти хронологически вспять по красной линии этих исторических манипуляций, то мы наткнемся на первый в истории Европы такой монтаж исторической фальши в известном подлоге так называемых «Лжеконстантиновых декреталий». Эта фальшивка была сфабрикована почти одновременно с первым разрывом между Западной и Восточной Церквами, около 800 года. Интересно, что Тойнби берет именно этот хронологический рубеж за начало обособленной Западноевропейской цивилизации. Таким образом, эта грубая историческая фальшивка, продержавшаяся на Западе на уровне массовой информации в течение более чем полутысячелетия, стала матерью всех последующих частичных фальшивок.

Она тоже легла в основу современной глобальной цивилизации, которую наш великий русский ученый Игорь Иванович Сикорский называет, как и многие другие мыслители, **Фаустовой цивилизацией**. Сикорский пишет в своем труде «Незримая борьба»: *«Идея Фауста в некоторой степени является мелкомасштабным повторением того, что записано в Евангелии как история искушения в пустыне, эта история выглядит примерно так: «И, возведя Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их... итак, если Ты поклонишься мне, то все будет Твое» (Лук. 4, 5-7). Христос отверг это предложение. Современная цивилизация в лице большинства ея влиятельных деятелей или грубо отвергает Христа, или вежливо не обращает на Него внимания, в то же самое время принимая большей частью те самые принципы и идеи, которыя Он подверг осуждению и от которых отказался».*

В рамках этих макроисторических процессов «ужасного самообмана и целенаправленной дезинформации», как пишет Сикорский,

«сегодня пришла целая наука о том, как дезинформировать непосвященных».

В рамках этих макроисторических процессов происходят и все другие частные социологические явления, оказывающие особенно отрицательное влияние на современные общественные процессы в мире. На первом месте, конечно, стоит деградация традиционной семьи, на что даже обратил внимание Френсис Фукуяма, несмотря на его восторги о том, что «история кончилась». Также и отказ ведущих кругов современной глобальной цивилизации от идеи права, *несовместимой с идеей мести*, существенно меняет одно из самых характерных содержаний Европейской цивилизации.

Однако было бы неправильно предполагать, что все эти вышеотмеченные противоречия смогут развиваться долгое время дальше. История учит человечество, что в истории можно творить что угодно, кроме одной-единственной вещи: избежать последствий того, что творишь.

В. А. Михайлов

ТЕХНОЛОГИЯ «НАТИСКА НА ВОСТОК»

«В первую очередь мы должны думать только о России и о ей подчиненных украинных государствах».
***Адольф Гитлер**, «Моя Борьба». XIV глава.*

В перспективе трёх годовщин

В 2004 году исполнилось несколько годовщин, анализ каковых в исторической перспективе может помочь лучшему пониманию и современных событий. Такова природа всех исторических анализов, берущих за исходные точки те или иные исторические годовщины. Дело в том, что соизмеряя между собой любые две годовщины, точно определенные в исторических процессах, из такого сопоставления можно вывести общую тенденцию этих процессов. Подобным образом, еще до Рождества Христова, один александрийский греческий ученый высчитал довольно точно окружность Земли, сравнивая длину теней в один и тот же час в двух разных местах в Египте, расстояние между которыми можно было точно измерить.

В 2004 году исполнилось 800-летие вероломного и предательского нападения западноевропейских лжекрестоносцев на Константинополь, с последующим осквернением и разграблением его святынь. К сожалению, в русской прессе эта годовщина была мало отмечена. (В «Кадетской перекличке» № 75 и в «Кадетском письме» № 38 были помещены большие статьи на эту тему). Было бы ошибочно думать, что сам Запад это событие полностью забыл. Например, в конце ноября сего года папа Римский Иоанн Павел 2-ой вернул Вселенскому Константинопольскому патриарху Варфоломею мощи Святых Иоанна Златоуста и Григория Богослова, которые были восемь веков тому назад украдены лжекрестоносцами из Константинополя.

Однако глубокий исторический смысл этого события, происшедшего 800 лет тому назад, не исчерпывается одним разграблени-

ем, хотя само по себе разграбление всегда является составной частью подобных исторических действий.

Более глубокий смысл этой 800-летней годовщины заключается в том, что её основной целью, помимо осквернения и грабежа, было установление западных структур, церковных и государственных, на православной территории. Сугубая прелесть этой попытки заключалась в том, что этим возводимым западным структурам придавалась внешняя лжеправославная, лжевосточная форма. Таким образом, в Константинополе тогда возникли латинские лжепатриарх и лжеимператор. Однако эта историческая провокация тогда не удалась, ибо легитимный император и легитимный патриарх смогли отступить на малоазиатскую территорию Империи со столицей в Никее, откуда затем и подготовили освобождение Константинополя через 60 лет.

Ровно через 400 лет после этого инцидента, была предпринята вторая такая агрессия против православного Востока. Осенью 1604 года из Польши выступило в Россию новое войско западных интервентов, но на этот раз уже имея в своем обозе готового лжецаря, Лжедмитрия 1-го. Сравнивая эти два «натиска на Восток» (Drang nach Osten), сразу бросается в глаза значительное усовершенствование технологии таких агрессий. 800 лет тому назад сперва производилась голая и грубая агрессия, которая лишь затем «а постериори» стыдливо прикрывалась фальшивыми прокламациями. 400 же лет тому назад агрессия производилась с самого начала уже под прикрытием заранее провозглашаемой исторической фальши.

За прошедшие после этого следующие 400 лет эта технология Запада, вызванная его Каиновым комплексом по отношению к Православию, еще более усовершенствовалась и достигла очевидной виртуозности. Одной из причин такого усовершенствования было то обстоятельство, что техническая разработка этой технологии была в свое время произведена с особой тщательностью и скрупулёзностью, специалистами довольно широкого идеологического диапазона.

Для анализа зарождения современных форм этой технологии весьма интересно обратить внимание на еще одну годовщину, исполнившуюся в 2004 году, а именно 90-летие начала Первой Мировой войны.

Как известно, эта война началась с объявления войны Германией России 1-го августа 1914 года. История этой войны изучена детально, главным образом с военной точки зрения. Конечно, всем известно, что за последние два года этой войны Германия предпри-

няла сложный ряд мер для внедрения государственного переворота в одну из воюющих с ней стран, которая для нее была более всего опасной. Однако лишь после Второй Мировой войны, когда западными союзниками были опубликованы многие секретные документы немецкого правительства, и главным образом немецкого Министерства иностранных дел, стало известно, что большая конспиративная работа для подготовки переворота в России велась в Германии практически с самого начала этой войны.

Уже в конце 1914 года гражданские руководители кайзеровской Германии, как следует из меморандумов и переписки государственных руководителей Рейха, считали, что одной из главный военных целей Германии в Первой Мировой войне было «сокращение России до размеров Московского Государства, до времен Петра Великого».

Уже тогда планы для достижения этой цели предусматривали захват клещами России с двух сторон: военного давления и «внутреннего революционирования в двойной форме национальной и социальной революции». Уже в 1915 году в этих германских планах ясно выступает роль пресловутого Парвуса Гельфанда и его организации. Немецкий канцлер докладывает кайзеру, ссылаясь на Парвуса, в августе 1915 года, о желательности «оттеснения Московской Империи на восток при отколе ее западных территорий». Практически, все основные условия Брест-Литовского мира были уже тогда намечены и разработаны. В опубликованных документах этой сложной и обильной переписки между политическими руководителями кайзеровской Германии и ее ведущими дипломатами занимает существенное место и сам Ленин, и «его люди». (Смотри сборник статей на немецком языке «Немецкие военные цели в 1914 - 1918 годах». Deutsche Kriegsziele 1914 - 1918. Ullstein Buecher. 1964. Frankfurt/M).

Таким образом, среди главных военных целей тогдашней немецкой империи основное место занимало расчленение России и её «оттеснение на Восток». Эту военную цель ясно сформулировал сам кайзер: «Я желаю иметь соседкой Россию, раздробленную примерно на 4 – 5 групп: центральную Россию, Украину, юго-восточные соединения, Закавказье и Сибирь». (История дипломатии. Том второй. ОГИЗ, 1948. Стр. 358). Как видно, эта военная цель германского кайзера сегодня уже в значительной мере достигнута, хотя еще и не на все сто процентов. Посему, натиск продолжается и будет продолжаться.

Именно эта конкретная цель кайзеровской Германии почти полностью совпадала с такими же целями и англосаксонских протестантско-сектантских, и католических сил Запада. Доскональная работа, проведенная тогда Германией в этом направлении, оказалась весьма ценной, в основном по двум причинам.

Во-первых, эта антирусская программа разрабатывалась всеми сегментами тогдашнего широкого идеологического спектра Германии. Немецкие историки подчеркивают, что программирование государственного переворота в России поддерживалось и католическими консерваторами, и протестантскими либералами, и марксистскими социал-демократами. Ведь нельзя забывать, что тогдашняя Германия была, как и сегодняшняя, своего рода коктейлем самых разных и даже противоречивых западных идеологий. Но русофобия тогда прельщала почти всех, за редкими исключениями.

Во-вторых, планы расщепления и ущемления России уже тогда разрабатывались с немецкой тщательностью и скрупулёзностью, причем с самого начала было решено для этого не брезгать никакими средствами. Технология переворота в России была весьма широкой и разнообразной и включала в себя самые разные виды манипуляций.

В заключение встает вопрос, какое же отношение могут иметь к этому первому прообразу политических переворотов сегодняшние их гораздо более усовершенствованные имитации.

Секрет заключается именно в широком идеологическом диапазоне тогдашних программистов переворотов. Один сектор этого широкого спектра программистов затем обернулся в нацистских недоносков. Другой же сектор дотянул до сегодняшних псевдодемократов и органически с ними слился. Это и было естественно, ибо среди тогдашних немецких руководителей программирования переворота в России можно без труда установить лидеров, принадлежавших к тем же политическим конспиративным кругам, которые и сегодня верховодят подобными же делами.

Вашингтонский Розенберг

Предвыборные кампании в США до некоторой степени напоминают древнегреческие трагедиии: за прогрессирующим «заострением чувств», иногда почти доходящим до коллективной истерики, наступает «катарсис», резкий обрыв, одновременно с информацией о результатах выборов.

В наступающем затишье после бури отходят на задний план и быстро забываются не только многие обещания кандидатов и предварительные высказывания так или иначе заинтересованных политиков, но также и урывками показанные, в пылу предвыборной борьбы, закулисные структуры самого по себе политического «действия».

В этом отношении, небезынтересно отметить два предвыборных высказывания, принадлежащих несомненно авторитетным и посвященным экспертам, одно — заграничному, а другое — доморощенному.

В пятницу 29 октября, то есть за четыре дня до выборов, известный политический комментатор испанской ведущей либеральной газеты «Эль Паис», Сотело, заявил во время политической программы «Квадрига», на немецком государственном телевизионном канале «Дойче Веллэ», что необходимо учитывать различие между двумя программами международной политики США. Одна из них является программой на «короткий срок», а другая — программой на «средний срок». Отвечая на вопрос ведущего дискуссию, Сотело пояснил, что различия в программах международной политики двух кандидатов на пост президента США относятся только лишь к планам на короткий срок, то есть на срок, скажем, двух президентских мандатов, в течение которого могут быть некоторые вариации в этих планах. Однако в «планах на средний срок» не может быть существенной разницы в проектах разных кандидатов. При этом Сотело пояснил, что, в данный момент, на первых местах этих «среднесрочных планов» международной политики США стоят: проблема Китая, могущего стать серьезным конкурентом США во второй половине этого века, и проблема Европейского Союза, каковой должен остаться союзником США, но не на равных с ними правах.

Не вдаваясь в критику, корректуру или дополнение этого заявления, его можно парафразировать следующим образом: кандидаты в президенты США на самом деле являются своего рода кандидатами в регенты большого хора. Между ними несомненно имеются некоторые различия в ритме и манере дирижировать, в предпочтении тех или иных солистов, не говоря уже о большем или меньшем таланте. Однако партитуры, на основании которых они должны дирижировать, ими самими не выбираются, а уже лежат готовыми на пульте перед ними.

В связи с этим, неумолимо возникает ряд вопросов, в первую очередь два:

1. Если существуют краткосрочные и среднесрочные планы, то из этого истекает, что должны также существовать и долгосрочные?
2. Если краткосрочные планы разрабатываются соответствующими командами кандидатов в президенты, а затем правительственными учреждениями, то встает вопрос: кто же разрабатывает среднесрочные, а кто долгосрочные планы? Во всяком случае, во время предвыборных кампаний, да и после них, никто об этом ничего не говорит.

Странным стечением обстоятельств, как раз на предпоследней неделе предвыборной кампании, мировую печать облетела весть, что в возрасте 97 лет скончался Поль Нитце (Paul Nitze), один из «ведущих стратегов» политики США во время холодной войны, который в свое время особенно специализировался по переговорам о разоружении с СССР. Он был таким «стратегом», как подчеркнули некоторые газеты, в течение мандатов восьми президентов США, начиная с Франклина Рузвельта и кончая Рональдом Рейганом. Однако, при этом, как тоже отмечают газеты, он никогда не занимал в Вашингтоне никаких министерских постов. Таким образом, если он был советником при восьми президентах, получается, что он принадлежал к тем кругам, где разрабатываются планы на средние сроки. Сам Нитце скромно указывал, в одной своей статье в январе 1990 года, что он уже с 1950 года «принимал участие в определении политики национальной безопасности США».

Интересно, что Нитце тогда, 15 лет тому назад, упомянул в этой статье своего старого соратника Збигнева Бжезинского:

«Недавно Бжезинский и другие, среди которых я включаю и себя, стали утверждать смерть коммунистической веры в победу марксистско-ленинской идеологии во всем мире».

Возможно, что Нитце именно и работал с 1950 года для того, чтобы в какой-то определенный момент можно было возвестить такую «смерть марксистско-ленинской идеологии во всем мире». Тогда, в 1990 году, этот прогноз был краткосрочным, ибо окончательный коллапс коммунистической системы действительно произошел во второй половине следующего 1991 года.

Так вот, в самый разгар нынешней предвыборной кампании, в «Волл стрит журнале» от 20 сентября сего года появилась статья этого самого Збигнева Бжезинского, но не про Буша и не про Керри, а про Путина, под заглавием «Московский Муссолини», с очередным про-

гнозом очередного провала. На этот раз – провала политики Путина, политики, «пытающейся смешать традиции ЧК и Сталинского руководства страной в военное время с притязаниями Российского Православия на статус Третьего Рима и славянофильскими мечтами о едином огромном славянском государстве, управляемом из Кремля. Эта комбинация может на время показаться привлекательной, однако в итоге – вероятно, лет через десять или около того – она провалится».

Данная статья Бжезинского, конечно, тоже вписывается в прошедшую предвыборную кампанию США, ибо последние четыре абзаца (почти целая страница) этой статьи в три страницы посвящены критике политики Буша. (Критике его дирижирования?). В первом абзаце критикуется, что «Совет Национальной Безопасности Буша старательно игнорировал Украину, наивно ухаживая за Путиным». В следующем абзаце упрекается Белый Дом в том, что он «за последние семь лет создал культ Путина, который причинил огромный вред все более изолированным российским демократам». В третьей фразе Бжезинский высказывает опасения, что «прикрываясь войной против терроризма, могут также проигнорировать расширяющиеся усилия Путина, нацеленные на поддержку манипуляций на Украинских выборах, сепаратизма в Грузии, изоляции Центральной Азии от международного сообщества».

Как видно, эта третья фраза уже принимает программный характер, особенно интересный для нас, русских, ибо она заканчивается утверждением, «что перспективы демократии в России зависят и от существования национального плюрализма на пост-советском пространстве, и от распространения политического плюрализма в самой России».

Однако последняя, четвертая фраза этого абзаца уже недвусмысленно выходит за краткосрочные рамки предвыборной кампании в США, ибо она резюмирует долгосрочную программу США по отношению к России, именуя эту программу «основным уроком»:

«Во всем этом содержится основной урок для Америки: чтобы в России процветала демократия, ее соседи должны быть действительно надежными, нельзя забывать о правах нерусских меньшинств и нельзя игнорировать российских демократов».

Было бы неблагоразумно и легкомысленно не принимать достаточно всерьез такие прогнозы Бжезинского, ибо он профессиональный предсказатель, причем предсказатель опасный: он предсказывает лишь то, в программировании чего он сам принимал участие.

Уже почти 40 лет тому назад Бжезинский публично занимался подобными планами для нашей страны. В испанском философском журнале «Ревиста де оксиденте» (Revista de Occidente) № 24, от марта 1965 года, то есть еще при жизни генерала Франко, была опубликована статья Збигнева Бжезинского под заглавием (с вопросительным знаком): «Европа до Урала?» (Una Europa hasta Urales?). В ней Бжезинский описывал развитие «новых отношений между Востоком и Западом», начавшихся в 1957 году заключением в Риме договора о создании Европейского Общего Рынка. «Это было зарождением новой Европы, до сих пор ограниченной своей западной частью», - писал Бжезинский 40 лет тому назад. Сегодня, через 40 лет после этой статьи Бжезинского, «новая Европа» расширилась от 6 до 25 членов, в том числе и бывших сателлитов СССР.

Бжезинский тогда особенно отмечал будущую роль Польши, которая должна стать «жизненным звеном в будущем возвращении России к западной ориентации», для создания «Европы до Урала». (Сегодня необходимо вспомнить, что тогда ни Лех Валенса, ни будущий папа Войтила еще никому не были известны). Тогда же Бжезинский впервые задал многозначительный вопрос о том, «привлекут ли китайцев владения за Уралом?».

Свою нынешнюю статью Бжезинский начинает со ссылки на перенос столицы в Москву в 1918 году Владимиром Лениным, называя последнего «новым диктатором России». Значит, по Бжезинскому, в России и раньше (всегда?) были диктаторы? Конечно, Бжезинский не может не знать, что к установлению диктутуры Ленина в России были причастны так или иначе и США. Именно тогдашний президент США Вудро Вильсон лично распорядился дать паспорт США Льву Троцкому, в момент его экспедиции в Россию. Этот паспорт освободил тогда Троцкого от ареста английской и канадской разведкой, как немецкого шпиона, с наличными в 10.000 тогдашних долларов, полученных от немцев. (Смотри: Энтони Саттон, «Уолл-Стрит и большевицкая революция». Москва, «Русская идея», 1998).

Бжезинский также приписывает Ленину стремление, чтобы «Россия стала могучей и процветающей страной», хотя он не может не знать русской поговорки, что «цыплят по осени считают» и что уже в первом своем декрете, от 8 ноября 1917 года, Ленин объявил «безусловно и немедленно отменёнными удержание и увеличение аннексий великоросов».

Бжезинский также не может не знать, что планы Катастрофы 1917 года (а значит и высадки Ленина и Троцкого, с их командами, в России, во время Первой Мировой войны) готовились и планировались с немецкой скрупулёзностью с самого начала этой войны немецким Министерством иностранных дел и другими учреждениями Германского Рейха, а не только под самый конец этой войны прусским Генштабом, как это стало известно после публикаций немецких секретных документов уже после Второй Мировой войны. (Смотри вышеуказанный сборник статей на немецком языке «Немецкие военные цели в 1914 - 1918 годах». Deutsche Kriegsziele 1914 - 1918. Ullstein Buecher. 1964. Frankfurt/M).

В такой конвергенции всех русофобских тенденций, всех мастей, и заключается сокровенный смысл превалирующей политики Запада по отношению к России, начиная с тринадцатого века, с похода на Россию тевтонских меченосцев в 1240 году. Таким образом, немецкие планы 1914 - 1918 годов расчленения Государства Российского сегодня оказались осуществленными, несмотря на поражения Германии в двух Мировых войнах, ибо это были планы всего Запада.

В этом году исполняется 400-летие похода на Россию из Польши, с польскими интервентами, первого Самозванца, Лжедмитрия Первого, осенью 1604 года.

Менее, чем за четверть века до этого, была утверждена антирусская доктрина, в докладе иезуитского дипломата Антония Поссевина Папе Римскому Григорию VIII, от 5 ноября 1582 года. Поссевин тогда указал, что Россию успешнее всего можно присоединить к Западу через «ту часть России, которая сегодня находится под Польшей». Через 85 лет, для этой «польской части России» создается специальное название: в Андрусовском договоре 1667 года поляки впервые обозначают словом «Украина» свою «пограничную провинцию». А в 1848 году, австрийский наместник во Львове, граф Стадион, пожаловал желто-синий флаг, первый образец какового был, якобы, лично сшит самой австрийской императрицей, матерью императора Франца Иосифа. («Путями истории». О. А. Грабарь. Изд. «Свободное слово Карпатской Руси». Нью Иорк, 1979. Стр.133).

Очевидно, что именно этой доктрины до сих пор не забывает и Бжезинский, в том числе и в своей последней предвыборной статье, ибо само имя «Украина» его заворожило и никогда не сходит с его уст.

Непосредственно перед расчленением в 1991 году старой всероссийской имперской территории, до поры до времени сохранявшейся и при СССР, Бжезинский предпринял ряд поездок, в том числе и в Киев. Также он принимал прямое участие, вместе со своим соплеменником папой Иоанном Павлом, в разных политических комбинациях под конец «холодной войны», возникшей как последствие пирровой победы в 1945 году. (Смотри: Carl Bernstein & Marco Politi. His Holiness. John Paul II and the Hidden History of Our Time. Doubleday, 1996.)

Однако на этом дело не остановилось. В 1998 году Бжезинский опубликовал в журнале «Форин аффэрс» карту, согласно которой западная граница России проходит от Петрозаводска до Курска, без выхода на Балтийское море и без Пскова и Санкт-Петербурга, а на юге – от Ростова-на-Дону до Каспийского моря, без Ставропольского и Краснодарского краев. Российская Федерация (без Сибири) Бжезинским расчленяется на три части, а Сибирь на «Сибирскую» и «Дальневосточную» республики. Юг Сибири им отдается Китаю, как Благовещенск, Хабаровск и Владивосток. (Фотокопия этой карты была опубликована в № 20 «Кадетского письма», от 17 июля 1999 года).

На основании такой неугомонной специфический деятельности, с коммивояжерскими аспектами, можно предполагать, что Бжезинский всё же не является полноправным участником самых высших кругов, формулирующих долгосрочные планы, хотя несомненно так или иначе он соприкасается с ними. Скорее всего, он работает в сфере среднесрочных планов, а также является своего рода «передаточным ремнём» этих среднесрочных планов на нижние, исполнительные звенья.

Однако, от избытка своих чувств, он кроме того старается быть своего рода идеологом русофобского фундаментализма. Своего рода вашингтонским Розенбергом.

И. Н. Андрушкевич

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ В ПРИРОДЕ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКЕ

Теории четырёх русских учёных

В одной своей блестящей сентенции, испанский философ Ортега-и-Гассет утверждает, что животные живут в природе, а человек в истории. Подтверждением этому является то обстоятельство, что человек обладает сознанием истории и что таковая для него является проблемой.

В древнем мире преобладали циклические концепции истории, в большинстве случаев понимаемые как циклическое «вечное возвращение» уже происшедшего раньше. Такие концепции были присущи шумерским, индусским и даже греческим традициям. Однако, как это отмечает Мирсеа Элиаде в своем известном труде «Вечное возвращение», эти исторические циклы или спирали имели в своих началах архетипы, которые затем повторялись в последующей серии имитаций.

В Ветхом Завете преподносится совсем иная концепция: история развивается линейнообразно, хотя не обязательно прямолинейно, исходя от сотворения мира и устремляясь к конечной развязке. Христианство подтверждает эту концепцию, повторяя полностью понятие творения мира и указывая на конец истории в момент Страшного Суда.

Однако, несмотря на это, весьма важно обратить внимание на тот несомненный факт, что в Ветхом Завете ясно утверждается идея истории, состоящей из циклов и периодов, каковые включены в ее общее развитие, содержание каковых, однако, не повторяется. Даже указываются два различных вида циклов: известных семи лет туч-

ных и семи лет тощих коров, отмечаемых как конкретный случай, и постоянных периодов семи лет по семь раз, даже учрежденных с характером общественного права. Таким образом, утверждаются пятидесятилетние периоды, увенчанные юбилейными годами, ибо они провозглашаются трубами левитов, по-еврейски называемых «юбель».

Было бы неуместно утверждать, что мерой этих исторических циклов является человеческая жизнь, имитируя в этом греческих софистов, для которых человек был мерой всех вещей. Цикл в семь лет никоим образом не связан с человеческой жизнью, хотя сумма двух циклов по семь лет весьма приближается к понятию «человеческого поколения» в 15 лет, о котором говорит Ортега. Кроме того, в еврейской религии возрасту в 14 лет соответствует праздник «бар мицтва», отмечающий религиозное и общественное совершеннолетие. Также и юбилейный цикл в 50 лет не имеет никакого отношения к долголетию патриархов Ветхого Завета.

Римляне праздновали периоды в 100 лет, но эти их столетние празднества тоже не могут быть прочно связаны с длительностью человеческой жизни. Правда, геральды приглашали граждан Рима выйти на улицы, чтобы отпраздновать эти столетние праздники, указывая, что ни один чеовек не сможет праздновать их два раза в своей жизни.

В современном мире, при несомненном ускорении человеческой истории, и особенно её экономических аспектов, почти инстинктивно распространилась идея циклического характера экономической жизни. Эта всеобщая интуиция может быть легко подтверждена экономической историей последних времен, но, почти всегда, мы имеем дело с относительно короткими циклами, в несколько лет, каковые не очень отличаются от ветхозаветных семи лет.

Однако в 20 веке происходит одно важное научное открытие, которое почти чудесным образом подтверждает большой юбилейный цикл в 50 лет. Речь идет о теории «длинных волн», которая относится не только к экономическому, но и к общественному развитию. Эта теория была впервые провозглашена в 1926 году ее открывателем, русским ученым Николаем Кондратьевым. Приблизительно через 50 лет после этого она получила почти всеобщее признание.

Николай Дмитриевич Кондратьев (1892-1938) начал интересоваться коньюнктурными проблемами экономики во время Первой Мировой войны. Между 1919 и 1921 годами он открыл, что кроме

коротких циклов (около трех лет) и средних циклов (от 7 до 11 лет) в экономике существуют также длинные коньюнктурные волны, длительностью от 40 до 60 лет.

Несмотря на то, что он был директором «Института для исследования коньюнктуры», он не смог опубликовать свою новую научную теорию в России из-за идеологической цензуры коммунистического режима. Таким образом, его теория впервые была опубликована в 1926 году на немецком языке, в одном важном немецком экономическом журнале, под названием «Длинные волны коньюнктуры».

Почти одновременно два голландских ученых, Ван Гельдерен (1913) и Вольф (1921) опубликовали на голландском языке аналогичные выводы в голландских журналах, каковые, однако, не получили такого отклика, как статья Кондратьева, вышедшая в Германии во время Веймарской республики. Позже Кондратьев высказался против разрушения земледельческих структур свободного крестьянства в России, что вызвало его арест и последующую депортацию в Сибирь в 1930 году. 17 сентября 1938 года этот великий русский ученый был осужден на смерть и расстрелян советским режимом.

Теория Кондратьева устанавливает, что экономика и общество тесно взаимосвязаны, как это ясно видно при анализе длинных волн. Посему эти длинные волны, в настоящее время называемые в честь их исследователя «циклами Кондратьева», по сути являются чем-то гораздо большим, чем просто коньюнктурными циклами. Они являются цепями создания ценностей, развязываемых базисными новациями. Они являются процессами реорганизации всего общества, которые происходят, когда необходимо удовлетворить широкие поля необходимостей, с помощью введения основных новшеств.

Первый цикл Кондратьева, начавшийся в конце 18 века и окончившийся в середине 19 века, был переходным периодом от земледельческого к промышленному обществу. Этот цикл был вызван и поддержан открытием паровой машины и базисными новациями в текстильной промышленности, что затем привело к созданию первых современных фабрик. Это вызвало колоссальный рост текстильной продукции (за последних 20 лет 18-го века импорт хлопка британской текстильной промышленностью возрос от 4 до 35 миллионов фунтов стерлингов). Таким образом, возник новый социальный класс рабочих, сконцентрированных вокруг фабрик, что, в свою очередь, вызвало большой рост городов. Предел этому первому циклу возник в середине 19 века, когда фабрики пресытили местные и региональ-

ные необходимости, в то время как транспорт в другие места был еще слишком дорогим. Этот предел роста был преодолен во время второго цикла Кондратьева, благодаря открытию железных дорог и стальных кораблей. Таким образом, стоимость транспорта драстически снизилась, положив начало национальной и интернациональной торговле промышленными продуктами.

Эти два первые цикла Кондратьева были использованы, в первую очередь, Великобританией, которая таким образом стала ведущей страной к концу 19 века.

Третий цикл Кондратьева возникает вследстие базисных новаций в области электротехники и промышленной химии.

Четвертый цикл Кондратьева зарождается после Второй Мировой войны с взрывообразным распространением употребления автомобиля и нефтепродуктов.

Пятый цикл является циклом информатики (компьютеры, интернет) и её приложения к уже существующим процессам и продуктам, развитым в предыдущих циклах. Например, цикл продуктов автомобильной промышленности, чей изначальный рост относится к предыдущему периоду, не только интегрируется с циклом информатики, но также продолжается его развитие с помощью включения в его продукты до 30 процентов элементов последующего цикла.

Таким образом, циклы не являются изолированными отсеками, а волнами, которые сплетаются между собой и даже наслаиваются друг на друга. Кроме того, эти циклы Кондратьева, длительностью приблизительно от 40 до 60 лет, включают в себя короткие и средние волны.

Истощение каждого из циклов Кондратьева вызывается кульминацией прохождения конкретных путей развития, каковые всегда эволюционируют в определенном направлении. Когда возможности этого направления оказываются исчерпанными, благодаря достижению его пределов, человеческое общество ищет новых путей, с новыми горизонтами, в иных направлениях, но при этом оно не всегда обязательно забрасывает достигнутое в предыдущих направлениях. Такие процессы исторической действительности напоминают теории Гегеля об исторических синтезах, путем интеграции противоположных процессов и их преодоления и одновременного сохранения в таком преодолении. Именно в этом месте теория Кондратьева соприкасается с теорией культурных и исторических периодов другого русского ученого, Николая Яковлевича Данилевского.

Н. Я. Данилевский (1822-1885) учился в известном Царскосельском Лицее. Затем он поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, где он в 1849 году представил свою диссертацию на ботаническую тему: флора его родной Орловской губернии.

Его первые научные работы были связаны с экономической статистикой рыбного богатства России, главным образом на Волге и в Каспийском море. Затем он возглавлял научные экспедиции для исследования охотничьих и рыбных богатств в бассейнах Белого и Арктического морей, а затем и Черного и Азовского морей. В общей сложности, он совершил восемь научных экспедиций по всем речным и морским бассейнам Европейской России. Он также участвовал в подготовке законодательства для сохранения ихтиологического богатства России. После 1860-х годов научные интересы Данилевского переходят в общественные, политические и общественно-культурные области.

Кульминацией его научной жизни является его труд «Россия и Европа». В своем начальном тезисе Данилевский отрицает исключительную монополию Западной Европы над культурной жизнью человечества. Согласно Данилевскому, в истории человечества было, по крайней мере, 12 самобытных культурно-исторических типов, как он их называет: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилоно-финикийский, халдейский или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический, или аравийский, и 10) германо-романский, или европейский. Кроме того, он специально упоминает две докулумбийские культуры Америки, мексиканскую и перуанскую.

Данилевский особенно критикует идеологическую (не научную) тенденцию западноевропейской историографии подразделять всю историю человечества, в согласии со своей собственной местной историей, на древнюю, средневековую и современную. Он различает два типа культур: связанные между собой и, по-видимому, независимые. Интересно отметить, что таким различением Данилевский разрешает состоявшийся почти через один век диспут между Тойнби и Ортегой на эту тему. Можно предполагать, что если бы оба были знакомы с научным трудом Данилевского, то эта их дискуссия была бы иной.

Данилевский приходит к заключению, что творческие фазы самобытных культурно-исторических типов иссякают, когда иссякают

возможности дальнейшего специфического исторического продвижения каждой из них. Каждый культурный тип развивается, исходя из некоторых ему присущих принципов, которые он должен попытаться довести до их полного цветения. В этом отношении, культурные типы аналогичны «многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу». (Стр. 92 цит. труда).

Таким образом, история человечества тоже подвержена закону периодичности, ибо каждый культурный тип в действительности представляет собой один неповторимый исторический период. Кульминация или, вернее, период цветения каждого культурного типа, является апогеем соответствующего цикла.

Предыдущая и последующая фазы, по отношению к культурному цветению, любой культуры могут пересекаться и совпадать с фазами других культур, аналогично тому, как это происходит с экономическими циклами Кондратьева, однако отличительный частный характер каждой культуры определяется ее апогеем («цветением»), каковой не совпадает и не может быть спутан с апогеями других культур. Кроме того, временное совпадение некоторых сегментов различных культурно-исторических типов не должно быть истолковано как поглощение одной культуры другой, аналогично тому, как это происходит и с экономическими циклами Кондратьева. Еще меньше можно проводить насильную классификацию отдельных этапов одной культуры в рамках этапов другой.

Данилевский отмечает, что в общем историческом развитии «столетний период... имеет самым очевидным образом существенное значение... но преобладающий характер века обозначается ясно не ранее его половины, по хронологическому летосчислению...». (Стр. 247 цит. труда). Таким образом, каждый из этих столетних периодов на самом деле состоит из двух пятидесятилетних периодов, периода подъема и периода истощения.

Из всего вышесказанного следует известная аналогия между периодичностью в экономике и периодичностью в истории, прежде всего в самом образе развития и завершения этих периодов в каждом из этих двух полей человеческой жизни. Оно и естественно, ибо экономика, без всякого сомнения, тоже является частью истории, и обе они являются функциями человеческой деятельности. Однако, если высшим видом жизни человека является человеческое обще-

ство, обладающее своей историей, в рамках которого развивается экономическая деятельность человека, можно прийти к заключению, что человеческое общество с этими, ему присущими, характеристиками является природой самого человека, homo faber. В этом кроется преодоление выше отмеченного афоризма Ортеги, ибо человек тоже живет в природе, только что частью его природы является история.

Посему, если вся природа обладает аналогичными структурами, для того, чтобы подтвердить природный характер периодичности в различных полях человеческой жизни, было бы необходимо найти какую-нибудь из форм этого закона периодичности также и в неорганической природе.

Классическим примером, подтверждающим вышесказанное, является периодический закон химических элементов, открытый другим великим русским ученым Дмитрием Ивановичем Менделеевым, который не только является основанием для современной физико-математической науки, но также позволяет нам увидеть фундаментальные структуры космоса, в котором тоже действителен закон периодичности.

Интересно отметить, что Менделеев, как большинство русских ученых и мыслителей, является верным выразителем эллинистического характера русской культуры, ибо их интересы и знания имеют универсальный и синтетический характер. На западе мало кто знает, что Менделеев не только занимался точными науками, но также обращал свое внимание на демографические и экономические проблемы, широко пользуясь при своих исследованиях статистическими данными. В 1905 году он опубликовал книгу с анализом результатов имперской переписи России 1897 года. В этом труде он утверждал, что к 2000 году Россия должна будет иметь население в 600 миллионов жителей. Однако в 2-3 местах он пояснял, что такое нормальное развитие будет возможно только в случае, если к власти не придут некоторые нежизненные идеологии, как, например, коммунизм.

В связи со всем этим, небезынтерено отметить, помимо других совпадений, что вышеназванных трех русских мыслителей также объединяла тенденция к систематическому употреблению статистики в своих научных трудах.

Для закругления этой темы, также необходимо отметить еще одного великого русского мыслителя, Илью Пригожина. Он родился в 1917 году в Москве. В 1921 году его семья, принадлежавшая к русской белой эмиграции, обосновалась в Бельгии. В этой стране Илья При-

гожин закончил университет по специальности физико-химических наук. В 1977 году он получил Нобелевскую премию по химии и в этом же году опубликовал свой фундаментальный труд «Самоорганизация и системы неравновесия» («Self organization and non-equilibrium Systems»). В 1991 году он опубликовал свой труд «Рождение времени», в котором он констатирует необратимость времени на всех уровнях действительности: микроскопическом, макроскопическом и космогоническом. Таким образом, отвергаются все циклические теории вечного возврата, ибо во времени нет возвратов.

В своей статье «Метафизика времени Ильи Пригожина», в журнале «Антарктика», аргентинская мыслительница и философ Аделина Кастекс резюмирует теорию Пригожина следующим образом:

«Необратимые процессы требуют своего времени, чтобы проявиться, они берут для себя известное время. В них время проникает таким образом, что получается история. Важность времени в этих процессах выявляется как «новый завет» между природой, по видимости нежизненной, самой жизнью и психикой. Все процессы бытия являются необратимыми, ибо они ассимилируют время, утверждает Пригожин, и эта ассимиляция двигает им в сторону новых творений, которые, как таковые, являются свободными. Но они оказываются направленными в сторону возможных путей (ответвлений), ибо то, что уже было сотворено или обладало жизнью, ограничивает будущие этапы в рамках известных границ».

Очевидно, что эта общая теория утверждает и известным образом обосновывает теории Данилевского и Кондратьева о процессах развития в истории и экономике.

Нельзя закончить этот краткий обзор вышеуказанных научных теорий, не отметив возможности их употребления для предсказывания и даже для программирования будущих развитий. В современное время в экономике их употребление применяется довольно широко, но в истории до сих пор они не были публичным образом использованы. Логично, что циклы большой человеческой истории являются бесконечно более сложными, чем экономические циклы. Однако, если оказалось возможным подразделить экономическое развитие, хотя бы приблизительно, на периоды, превышающие годовые циклы, может быть, был бы уместен подобный же подход и к всеобщей человеческой истории.

Может быть, было бы возможно пользоваться пятидесятилетними периодами, то есть юбилейными пятидесятилетиями, в качестве

единиц измерения исторических периодов, состоящих из солнечных или лунных годов, каковые в своих истоках были задуманы для измерения земледельческих циклов человечества.

В виде примера, таким образом, можно было бы сказать, что современная история человечества, отличавшаяся всемирной гегемонией разных европейских империй, продолжалась ровно десять пятидесятилетий, начиная с открытия Америки в 1492 году (давшего толчок для зарождения испанской, английской, португальской и иных европейских империй) вплоть до 1991 года, когда пала последняя европейская империя, Советский Союз. В свою очередь, в рамках этого большого периода в 10 пятидесятилетий можно различить две неравные половины: 6 пятидесятилетий до Французской революции и 4 пятидесятилетия после нее. А затем стала проявляться попытка установления новой всемирной глобальной империи, но уже имеющей своей базой не Европейский, а Американский континент.

Другим примером такой периодизации, в данном случае по отношению к отдельной стране, могла бы быть история Русского Государства, каковое просуществовало почти точно 21 пятидесятилетие, начиная со своего основания в 862 году, до своего падения и последующего превращения в иное государство, в чьем имени даже отсутствовало слово Россия, в 1917 году, что в общей сложности дает ровно 1055 лет. Из этих 21 пятидесятилетия последних 6 относятся к царствованию второй русской династии Романовых (1613-1917).

Можно было бы продолжать приводить другие подобные примеры, к каковым нельзя относиться только лишь как к простым цифровым играм. Эта система может быть употреблена, с одной стороны, как метод для более легкого и наглядного зрительного восприятия длинных и сложных исторических процессов. Кроме того, нельзя с места в карьер сбрасывать со счетов возможность употребления такой системы и как методологии для программирования на долгий срок. Но это уже является предметом другого исследования.

Библиография:

1). Leo A. Nefiodow. Der sechste Kondratieff. Bonn, 2001.
2). Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. Москва, 1991.
3). A. Castex. La metafisica temporalista de Ilya Prigogine. «Antartica. Siglo XXI». Buenos Aires, 1994.

(Аргентинский философский журнал «Antartica. Siglo XXI».
Перевод с испанского.)

И. Н. Андрушкевич

ПРАВОВОЙ СТРОЙ

Правовое государство и человеческие права

Три понятия

Правовой строй должен основываться на «правах и свободах человека», или права человека основываются на правовом строе, ибо только правовой строй может обеспечить и все частные права? Что первичнее, право или права?

Всеобщая декларация человеческих прав, утвержденная и провозглашенная Организацией Объединенных Наций 10-го декабря 1948 года, в своем введении считает «существенным», чтобы «человеческие права были защищены правовым строем» (режимом).

Для того, чтобы уяснить соотношение между правом, правовым строем и правами, необходимо сперва попытаться определить и уточнить каждое из этих трех понятий.

Право не извлекается из норм

Выражение «право» является «аналогичным термином», применяемым по отношению ко многим понятиям, которые, несмотря на известное различие между ними, имеют между собой некоторое сходство, постольку-поскольку они относятся к тому, что можно назвать «юридическим порядком». Так, например, выражение «право» применимо в той или иной мере по отношению к законам, к судебным приговорам, к обязательствам, к полномочиям требовать эти обязательства, к науке, изучающей все эти явления.

Некоторые исследователи относят этот юридический порядок к одному из четырех видов, на которые Аристотель делит всю действительность, а именно к виду практическому (остальные виды: теоретический, логический и продуктивный). Под практикой подразумеваются действия человека, выражающиеся в «свободном употреблении наших способностей, или в исполнении нашей свободной воли» (Жак Маритэн). Таким образом, юридический порядок

относится к человеку, к его воле и к его действиям, понимаемым как «действия, направленные для достижения совершенной жизни». Если «по причине человека существует право» (Гермогениан), то только в рамках общества, ибо «где общество, там право, там свобода» (Ubi societas, ibi jus, ibi libertas).

Ввиду такой разнообразности явлений, могущих иметь какое-то отношение к «праву», очень трудно установить всеобъемлющее для него определение. Уже Кант сказал, что «юристы все еще ищут определение их понятия о праве». Из многих имеющихся определений можно выбрать одно: «Объективная координация возможных действий между разными субъектами, в согласии с определяющим их нравственным началом, исключая всякое препятствие», или еще короче: «координация свободы, в повелительной форме» (Дель Веккио). Или другое: «Общественный принудительный распорядок человеческих действий, в согласии с критерием справедливости» (Джиузеппе Гранерис).

Если обратиться к этимологическому происхождению слов, имеющих отношение к праву, то мы видим, что и в Риме, и в древней Греции были в употреблении два основных термина, один для права и другой для закона. В Риме право называлось «юс», и от этого корня происходят «юрист», «юриспруденция» и так далее. «Юс» является человеческим правом, в то время как священное право называлось «фас». Ульпиан определяет «юс» как «твердую и постоянную волю дать каждому свое». В этом и заключается «справедливость», то есть, «юстития». Правовая норма, которая определяла и повелевала такое поведение, называлась отдельным термином: «лекс». «Право не извлекается из нормы, но из того, чем является право, создается норма». (Пауло).

Греки тоже не смешивали «норму» («номос») с правом («дикаион»). В Новом Завете встречаются оба термина: апостол Павел говорит о «законе» (номос) и о «беззаконии» (аномиас), а в четвертой Заповеди блаженства употребляется производное слово от «дикаион», которое у нас переведено как «правда», что придает оттенок абсолютности и объективности этому понятию.

Только лишь в 5-ом или 6-ом веке после Р. Х. появляется термин «директум», от которого происходят слова, обозначающие «право» в современных языках.

Разные виды права

Указанные трудности определения права усложняются еще наличием отдельных его видов, классификация которых тоже производится не всегда одинаково. Римские юристы различали три вида человеческого права: естественное право (юс натуре), право народов (юс гентиум) и гражданское право (юс цивиле). Первое неизменно, постоянно, в то время как последние два могут изменяться. Изменяющееся право является правом историческим, положительным, и в свою очередь подразделяется на право писаное и неписаное или обычное.

Известный юрист Гросио в своем обосновании международного права (1625) разделяет все право на две группы: волевое право, меняющееся в зависимости от обстановки, и право естественное, являющееся неизменным. Волевое право, в свою очередь, делится на право Божественное и человеческое. Гросио обосновывает международное право и обязанность соблюдения договоров в мирное и в военное время на естественном неизменяемом праве, не зависящем от ничьей воли.

Естественное право

Еще в 5-ом веке до Р.Х. греческий драматург Софокл вкладывает в уста Антигоны следующие слова: «Это право ни сегодняшнее, ни вчерашнее, оно живет вечно, и никто не знает, когда оно появилось». Это и есть естественное право, которое, по определению римских юристов, «всегда хорошо», и из которого ими выводятся такие общие правовые начала, как принципиальное равенство всех людей и как право на самозащиту, и которое является неизменным правовым критерием. Из этого источника развились те права, которые в современной редакции принято называть «человеческими».

Наш великий ученый государствовед Л. А. Тихомиров освещает этот вопрос следующим образом: «Юридически государство имеет все права, но это только потому, что понятие о юридическом праве создается самим государством. Однако в природе вещей есть нечто выше, чем юридическое право: это право естественное, прирожденное, самородное... Понимаемое в разумном, широко научном, а не узко юридическом смысле, естественное право, прирожденное (то есть порождаемое самою природою вещей) – не только существует, но оно первичнее юридического и само порождает юридическое

право... Восходя к к первым моментам человеческих обществ, когда еще нет государства, мы уже в обычае видим отвердевающее, формулирующееся естественное право: ...Естественное право вытекает из природы психологической или социальной... Оно определяется нравственным сознанием... Важнейшее обстоятельство состоит в том, что естественное право не может быть предусматриваемо государством... Оно возникает в сознании отдельных лиц, как результат их внутреннего самоопределения применительно к данным внешним условиям». (Л. А. Тихомиров, «Монархическая Государственность». Буэнос-Айрес, 1968 год, стр. 420 – 424).

Л. А. Тихомиров отмечает, что «эта точка зрения существовала с древности». Интересно, что отцы Церкви разделяли эту «точку зрения», причем некоторые из них развили на эту тему интересные учения, довольно мало известные.

Святой мученик Юстин развивает теорию естественного права, прорастающего из Божественных семян, заложенных во всем человечестве. Святой Ириней различает первоначальное естественное право (до грехопадения) от вторичного естественного права, которое служит для исправления общественных последствий человеческих ошибок и грехов. Сама власть, как учреждение, является последствием греховности человека. Блаженный Августин говорит, что наряду с настоящей справедливостью, которую утверждает Христианство, существует также естественная справедливость, менее полная, но обеспечивающая минимум нравственности. Очень часто народы не достигают даже этого минимума, который необходим для существования «города», то есть государства.

Такие воззрения на естественное право господствовали с древних времен, вплоть до 18-го века, когда еще естественное право было общепризнано, и право общественное или государственное, вообще, в теории признавалось законным лишь до тех пределов, пока не задевало предполагаемых естественных или прирожденных прав человека. (Л. А. Тихомиров, там же).

Но приблизительно в это время происходит коренной переворот в истории человеческой мысли, когда – после Декарта – наступает период субъективизма и волюнтаризма. «Остался только субъект как единственная действительность... нет ничего вне его самого» (Ортега). Если вне субъекта нет ничего, то нет и природы, а значит, если и существует природное право, то оно не может иметь объективный характер, так как единственная природа, стоящая вне всяких

сомнений, это внутренняя природа самого человека, которую гордо называют разумом. Так на место естественного права приходит право рационалистическое, которое очень скоро прогрессирует и превращается в «право идеологическое», то есть в «антиправо». Так, уже упомянутый выше Гросио, как и Томасио и Пуффендорф, считают, что только человеческий разум может конструировать право, в согласии с «человеческой природой», но без всякой нужды учитывать историческое право, общественную действительность и традиции.

Со временем, в противовес таким взглядам, воздвигаются школы историцизма и позитивизма, в свою очередь впадающие или в релятивизм, или в грубый материализм.

Обычное право

Уже Аристотель различал «писаные законы» («ката граммата номой») от «законов нравственных» («ката то этос»). Причем «нравственные законы важнее писаных, и касаются вещей более важных», (Политика, 1287 в).

Согласно Аристотелю, право по своей сущности отличается от искусств и от интеллектуальных дисциплин, так как оно является общественной силой, которая зарождается и становится таковой благодаря своей длительности во времени. Говоря другими словами, фундамент, на котором покоятся писаные законы, является многолетним отстоем нравов, обычаев и традиций, не подвластным прихотям законодателей. Это и выразил Гораций словами: «законы без нравов напрасны», предвосхищая нашу русскую поговорку: «где добры в народе нравы, там хранятся и уставы».

Наша «Русская Правда в главной основе своей имеет княжеские уставы», которые возникали из княжеских судебных приговоров. «Но судебные приговоры основывались большею частью на обычном праве: собирая их, составитель собирал собственно постановления обычного права». (М. Ф. Владимирский-Буданов).

Таким образом, писаные законы являются правом в полном смысле слова только тогда, во-первых, когда они уходят своими корнями в традиционную нравственную почву собственного народа, и во-вторых, когда они находятся в соответствии с естественным правом, признаваемым в качестве высшего правового критерия. Эта взаимосвязь разных видов права чрезвычайно важное явление, без понимания которого невозможно понять саму сущность правового строя.

При этом необходимо отметить, что нравы и обычаи, «отвердевая», как говорит Тихомиров, создают ту общественную структуру, для которой в богатом русском языке существует особое выражение: быт. Право должно охранять нормальное развитие народного быта, а не ломать его.

Если нравственное право, а еще больше естественное право, являются своего рода объективным критерием для юридического права, то неизбежно встает вопрос: существуют ли еще какие-нибудь иные, кроме этих, критерии?

Трансцендентное право

Как раз естественное право подводит нас к следующему, более глубокому фундаменту права. Дело в том, что своим природным происхождением, естественное право является трансцендентным по отношению к человеку, то есть является независимым от него, выходит за рамки его воли, так как вся природа сама по себе объективна по отношению к человеку, хотя она и сосуществует с ним. Кроме того, является очевидным, что Творец и Законодатель природы является одновременно Творцом и Законодателем и для человека.

Декларация независимости США ссылается на Творца как на Первоисточник известных прав: «Мы считаем очевидными следующие истины: что все люди созданы равными; что они одарены Творцом известными неотчуждаемыми правами...» Конституция Аргентинской Республики ссылается на «Бога, источника всего разума и справедливости».

Высший пример трансцендентного права мы находим в Синайском Законодательстве. И если уж искать прочный фундамент для права, то ничего лучше Десятисловия нельзя будет никогда найти. Синайское Законодательство дало человечеству, помимо естественного права, высшее положительное право трансцендентного происхождения.

Спиноза в своем известном «Богословско-политическом трактате» даже высказывает мысль, что принятие ветхозаветными евреями Синайского Законодательства обеспечило им сохранение их свободы и их естественных прав. Сначала они передали все свои права (свое «естественное право») в руки «не человека, но самого Бога, когда без колебаний, единодушно, обещали полностью следовать Божественным указаниям и не признавать никакого права, кроме того, которое Бог откроет их пророкам». (17, 27). Спиноза говорит

о пакте, положенном в основание ветхозаветного государства, ссылаясь на Исход, 24, 7: «И взял книгу завета и прочитал вслух народу, и сказали они: всё, что сказал Господь, сделаем и будем послушны». В результате этого, говорит Спиноза, «они не передали своих прав никакому определенному лицу, но уступили друг другу их равную часть... и обязались единодушно исполнять все, что Бог укажет... они остались свободными...» (17, 33).

Нарушение этого пакта, говорит Спиноза, привело, в конечном итоге, к ущемлению прав и свободы: «Но весь народ, за исключением левитов, поклонился золотому тельцу, и первенцы были отвержены Богом, будучи избраны в замен им левиты». Потому что, продолжает Спиноза, «для того, чтобы понять гибель государства, необходимо знать, что первоначально было решено дать священство всем первенцам, а не только левитам». (17, 96). «Ибо все первенцы – Мои». (Числа 3, 13). «Вот, Я взял левитов из сынов Израиля вместо всех первенцев». (Числа 3, 12). «За то, что они постановлений Моих не исполняли и заповеди Мои отвергли. И попустил им учреждения недобрыя и постановления, от которых они не могли быть живы». (Иезек. 20, 24-25). Таким образом, отступление от Закона (т. е. от трансцендентного права) ведет к гибели государства через попущение «недобрых учреждений», от которых граждане «не могут быть живы». (Иезек. 20, 24-25).

Спиноза ссылается также на апостола Павла, который учит, что грех происходит от нарушения Закона: «Что же скажем? Неужели от закона грех? Никак. Но я не иначе узнал грех, как посредством закона». (Римлянам 7, 7).

Вообще, апостол Павел придает большое значение Закону: «Посему закон свят, и заповедь свята, и праведна и добра». (Римлян. 7, 12). «Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием». (Римлян. 7, 22). Но кроме того, апостол Павел указывает на порядок ценностей в области права: Закон Божий, естественное право, государственное право. Те, которые не имеют Закона Божия, должны следовать природному, естественному закону: «Потому что не слушатели закона праведны перед Богом, но исполнители закона оправданы будут; ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их». (Римлян. 2, 1-15). Но кроме того, апостол Павел указывает на необходимость соблюдения даже

среди язычников не только природных законов, но и государством установленных законов: «Но Павел сказал к ним: нас, Римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают? Нет, пусть придут и сами выведут нас». (Деян. 16, 37).

Апостол Павел, подчеркивая свое римское гражданство, требует законности от государства, не имеющего Закона, полученного путем Откровения. Это требование сводится к двум условиям: государственная власть не смеет применять силы без суда и не смеет действовать тайно.

Противоположностью законности является беззаконие. Если законность есть суть государства, то беззаконие ведет к его упразднению. Но беззаконие не есть пассивное или аморфно-инертное состояние. Если законность несовместима с тайными действиями, то беззаконие как раз и есть тайна, мистерия, находящаяся в действии: «Ибо тайна («мистерион») беззакония («аномиас») уже в действии («энергентаи»), только не свершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь». (2 Солун. 2, 7). В немецком переводе «беззаконие» указано как «зло», а «будет взят от среды удерживающий теперь» как «тот, который теперь удерживает, должен быть убран». Несмотря на предпочтение, которое нужно отдавать буквально-точным переводам Священного Писания, этот перевод «беззакония» как «зла» не лишен глубокого смысла, указывающего на конечную метафизическую сущность права, как средства для отделения, преодоления и удерживания зла в обществе (что сегодня упорно умалчивается).

Государственное право

Требование суда предполагает наличие государственных положительных законов, на основании которых действует суд. Значит, кроме естественного права, требуется наличие, в согласии с ним, государственного права. В немецком переводе «без суда» истолковано как «без права и без приговора».

В чем же заключается сущность этого римского права, осуществление которого требует апостол Павел? Вопрос немаловажный, особенно если учесть значение римского права в истории человечества. В свою очередь, именно это обстоятельство затрудняет нахождение простого ответа на этот вопрос.

Чтобы хотя бы как-то попытаться познать или, вернее, почувствовать эту сущность римского права, заслуживают внимания вы-

сказывания на эту тему испанского философа и знатока истории Рима Ортеги-и-Гассета.

Он говорит, что под римским правом принято подразумевать в первую очередь совершенство его юридической техники и четкость его понятий. Но необходимо, продолжает Ортега, также исследовать, почему именно в Риме были достигнуты это совершенство и эта четкость. «Несомненно, в первичном отношении римлянина к праву есть что-то особенное, чего нет в той же степени у других народов».

Ортега резюмирует это «особенное отношение к праву у римлянина» следующим образом: «Право не основывается на чем-то, в свою очередь, юридическом, так же как наука не основывается в конечном итоге на чем-то научном, но они основываются на определенной всецелой ситуации коллективной человеческой жизни. Поэтому, когда раскалываются общие верования, раскалывается легитимность». Другими словами, право уходит своими корнями в общие верования народного коллектива, и только такая целостность обеспечивает легитимность самого государства.

В своем труде «Одно толкование всемирной истории», изданном посмертно, откуда взяты предыдущие выдержки, Ортега также указывает на религиозное и монархическое происхождение римского права: «Царь, сенат, консул юридически легитимны тогда, когда исполнение ими власти основано на плотной вере всего народа в то, что действительно они имеют право ее исполнять. Но как мы видели, за царем не признается это право обособленно, но вера в право̀ царя или сената управлять существует только лишь как часть всецелой веры в определенное мировоззрение, разделяемое всем народом; в сумме это есть "консэнсус". Это представление должно быть религиозным». И дальше: «Народ римский верил в трансцендентное, как бы сверхчеловеческое право сената осуществлять свой авторитет. Я говорю, что народ римский верил, не этот и тот и другой индивид верили. Речь идет о коллективной вере...» Слово «верил» подчеркнуто два раза самим Ортегой, причем так и напрашивается перевести эту «коллективную веру» как веру соборную, но это другая тема. (Все же необходимо отметить взаимосвязь у Ортеги таких понятий, как право, общие верования, легитимность, авторитет и «консэнсус»).

Этот соборный характер правообразования подчеркивается Ортегой в другом месте: «Власть не исходит из индивидуальной воли, но из анонимного императива, в чьем образовании сотрудничают,

более или менее, все, и которое провозглашается словами никого, то есть законом. Для того, чтобы превратиться в автомат закона, правитель должен прекратить управлять за свой счет и по своему вкусу и должен отказаться от своей собственной личности». («О Римской Империи»).

Ортега также говорит, что римское право характерно не своим частным содержанием, а отношением к нему римского народа на протяжении своей истории. Само же содержание римского права, можно добавить, касалось не только общественных традиций (мос майорем), семьи и частной собственности, но и личных гарантий для граждан. Современный «habeas corpus» ведет свое происхождение от римского «de homine libero exibendo».

Конечно, после кризиса традиционных римских верований, а затем и римских учреждений, наступивших через некоторое время после Пунических войн, частично меняется и положение права в Риме. Усиливается известный формализм, иногда превращающий юридическую фикцию в самодостаточную цель в области права. Особенно это относится к политическому праву, когда широко распространяется система фиктивных выборов, для внешнего оправдания нелигитимного захвата власти.

Эта юридическая фиктивность переходит затем в западной Европе, через Средние века, и в нашу современную цивилизацию. Но если в Риме она была обусловлена главным образом мировоззренческим кризисом, в современной цивилизации она имеет более сложные причины. Конечно, и в современной цивилизации мы страдаем от мировоззренческого кризиса, даже можно сказать, что сама эта цивилизация в ее современной переходной форме является результатом такого кризиса. Но кроме этого, частное положение права в рамках современной цивилизации обусловлено и другими причинами, как например: отрыв государственного права от других видов права; подмен соборных верований беспочвенными идеологиями, отрицающими объективный характер права; понимание права как нагромождение любых норм, санкционированных государством, и т. д.

Такое право, которое – говоря словами Ортеги – основывается только «на чем-то юридическом» и которое сведено к поверхностным и формальным аспектам, иногда с прибавлением идеологического суесловия, можно назвать «юридическим правом», следуя за Л. А. Тихомировым и за выражением А. И. Солженицына: «юридичес-

кая жизнь». Действительно, «ужасно то общество, в котором вовсе нет беспристрастных юридических весов. Но общество, в котором нет других весов, кроме юридических, тоже мало достойно человека». (Из речи Солженицына «Расколотый мiр»). Но кроме того, это опасно, ибо если юридические весы являются единственными, то человек оказывается полностью во власти государства, или вернее очередных заправил в этом государстве, так как весы эти поставляются самим государством.

Так и получилось, что знаменитый «рехтсштат» немецкой юридической школы, считающей, что право – это совокупность норм, диктуемых государством, превратился плавно и даже органически в гитлеровский «рейх»: у рычага государственной машины, монопольно фабрикующей (иногда в инфляционном ритме) обязательные для всех нормы, стал человек, никакими другими нормами не связанный.

Для обеспечения «правового государства» также недостаточно соблюдения таких чисто идеологических требований, как партийный плюрализм, индивидуальные гарантии и демократическое разделение власти на исполнительную, законодательную и судебную, так как это все лишь внутригосударственные меры.

Правовая симфония

Шестая Новелла Кодекса Юстиниана говорит: «Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием, это – священство и царство. Первое служит делам божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят от одного источника и украшают человеческую жизнь... Когда священство беспорочно, а царство пользуется лишь законной властью, между ними будет добрая симфония». Эта Новелла и является источником той теории симфонии, которая сегодня снова иногда вспоминается, но, конечно, совершенно неправильно, под влиянием идеологической пристрастности. Симфония в государстве – это есть доброе согласие власти и Церкви, при условии законности первой и беспорочности второй. Это есть доброе согласие двух добрых сторон.

Правовой строй, в свою очередь, это симфония всех видов права: Божественного, естественного, нравственного и государственного. Правовой строй – это как бы самонесущий себя свод, возвышающийся над четырьмя столбами четырех основных видов права. И одновременно обеспечивающий своим покровом настоящее мирное

согласие между всеми членами общества. Это и имели в виду римляне, утверждая, что согласием граждан сильно общество. Если греки «согласие» производили от «созвучия» (симфония), то римляне согласие, как и аккорд, производили от «сосердечия» (конкордия). Аккорд всех видов права вызывает и обеспечивает сосердечие среди общества. Это и будет правовой строй.

Попытка приближения к определению

Право, как органическая совокупность всех его видов, это соборно признанный всем обществом принудительно-объективный распорядок для удержания зла и для справедливого согласования свободных действий человека в этом обществе.

Правовой строй – это симфония Божественного, естественного, нравственного и государственного прав, одновременно действующих в рамках организованного общества и обеспечивающего свободу и частные права всем его членам, даже от покушений на них самого государства.

Человеческие права – это лишь известный подбор вне контекста некоторых естественных прав человека, в их идеологическом толковании и редакции, без указания на их место в общей структуре права.

ОСНОВЫ ВОИНСКОГО ДУХА

Военный справочник. «Часовой».

Воинский дух

Воинский дух – это дух победы, храбрости, самоотвержения, самопожертвования, честности, великодушия, благородства, национальной гордости.

Без воинскаго духа немыслима армия. Армия – это священное воинское братство, тесно связанное круговой порукой, в котором все должны помогать друг другу, где нет места ни взаимному недоверию, ни недоброжелательству, ни тем более каким-либо интригам, унижающим воина (Ген. А. М. Драгомиров: «Наука побеждать Суворова»).

Армия служит величайшей на земле цели – славе, могуществу и защите Родины. Девизом нашей Императорской армии было: «За Веру, Царя и Отечество». Добровольческая армия несла девиз: «За Россию, единую, великую и неделимую». На французских знаменах красуются надписи: «Честь и Родина».

Знамя

Символом того, что судьбы Родины переданы в руки Армии, служат знамена (в кавалерии штандарты, на флоте – Андреевский флаг). «Знамя – высокий символ – символ Родины. Там, где оно развевается, - там Франция, - пишет полковник Лебо. – В колониях, заграницей на море – оно защищает родную землю, ея равнины и горы, ея пастбища и леса, ея реки… ея славную историю, ея идеалы, право на правосудие…»

«Знамя – душа Армии», - говорит генерал Краснов (Ген. П. Н. Краснов: «Душа Армии»). «Знамя – великий символ бессмертной идеи защиты Родины. Русский воинский устав учил: «Знамя есть священная хоругвь, под которую собираются все верные своему

долгу воины и с которой следуют в бой с врагом. Знамя должно напоминать солдату, что он присягал служить Государю и Родине до потери жизни. Величайший позор для части – потерять свое Знамя. Такая часть подвергается расформированию, а люди, которым непосредственно была вверена охрана Знамени, предаются смертной казни через расстреляние».

«Роль Знамени, - говорит полковник Лебо, - связать настоящее с прошлым и сделать будущее достойным нашей славной истории».

Присяга

Поступившие в армию воины приносят присягу перед строем своей части… В знак верности до последней капли крови, каждый присягающий целует полотнище знамени. Священник читает текст присяги, полковой адъютант – выдержки особаго регламента, где говорится о карах нарушившим присягу и наградах героям.

Мундир

«Сомкнутый строй, - пишет генерал Краснов, - команда, ружейный прием, торжественно принесенное к строю Знамя, барабанный бой и музыка делают толпу людей единомышленниками, собирают их чувства, их душевное «я» в одну большую коллективную единицу».

Это чувство слиянности людей, это чувство особой коллективной единицы, столь важное на войне и для войны, усиливается и углубляется одинаковой одеждой, одинаковым номером, общим названием полкового мундира…

«Полковой мундир, являясь вывеской на человеке, определяет всем, кто он, связывает носителя мундира и заставляет человека вести себя так, чтобы не замарать мундира» (генерал Краснов).

Отдельные воины носят личныя отличия в виде орденов, полки свои боевыя награды получают в виде отличительных знаков на полковой форме (кроме Георгиевских знамен и штандартов, серебряных труб, Высочайших грамот и пр.). Вспомним только аксельбанты лейб-гренадер, красные отвороты на сапогах апшеронцев, павловския гренадерки, пробитыя пулями в 1807 году, георгиевския ленточки Черноморскаго флота, знаки отличия на головные уборы и нагрудные знаки, гусарские ментики, шефские шифры.

С честью и достоинством нося полковой мундир, офицер и солдат являются, тем самым, постоянными защитниками чести родного полка, чести Армии, чести и достоинства своего Отечества.

Воинския традиции

Передаваемыя из поколения в поколение традиции придают воинским частям – носителям их – особое, отличное от других лицо. Индивидуальность части, обуславливаемая ея традициями, не только не идет в разрез с общим воинским духом, но, наоборот, всемерно укрепляет его и подымает качество и боеспособность армии. Выходя в поход 1914 года, каждая воинская часть и каждый военный корабль мечтали быть достойными своих предков, мечтали вписать новыя страницы в военную историю, мечтали быть лучше, храбрее и доблестнее своих боевых братьев. И это общее братское соревнование, всемерно подкрепленное еще великим воинским правилом взаимной выручки («сам погибай, а товарища выручай»), и давало те многочисленные и изумительные примеры воинской доблести и героизма, которыми славилась Армия Российская, помнящая заветы Суворова: «Горячая любовь к Отечеству, чувство долга, возведенное до высочайшей степени, чувство чести и национальная гордость» (генерал А. Драгомиров).

Начальник

Без начальников армии, даже проникнутыя воинским духом, могут с честью умирать, но не могут побеждать. Вот старая римская формула: «Лучше армия баранов, предводимая львом, чем армия львов, предводимая бараном». Львы, предводимые львом, - идеал, к которому каждая армия должна стремиться.

Суворовское правило гласило: «Полная власть Главнокомандующему – одним топором не рубить вдвоем». Вождь и Армия неотделимы друг от друга, и счастливы, славны и непобедимы были только те армии, которыя имели хороших вождей. Гениев мало. Но талантов много. Талант, не зарытый в землю, отшлифованный, усиленный образованием и опытом, одаренный волей и настойчивостью, открывает возможность стать хорошим военноначальником. В этом смысле старая наполеоновская поговорка: «Каждый солдат носит в ранце маршальский жезл», - не устареет никогда. В разныя эпохи истории жизнь предъявляла к военному начальнику одне и те же требования: 1. умение владеть массами и повелевать ими, 2. умение личным примером действовать на войска, 3. любовное и отечески заботливое отношение к своим солдатам.

Приказы начальников должны быть кратки, образны, должны вдохновлять и увлекать. Вот знаменитый приказ Петра перед Пол-

тавским сражением: «Воины! Пришел час, который должен решить судьбы Отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру вверенное, за род свой, за отечество, за православную нашу веру и церковь. Не должна вас смущать слава непобедимаго неприятеля, которой ложь вы доказали не раз своими победами. Имейте в сражении перед собой правду и Бога, защитника нашего, а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россия в славе и благоденствии для благосостояния вашего!»

- Сослужим службу царскую, - приказывает Суворов, - и нам честь! И нам слава! Братцы! Вы – богатыри!... Неприятель от Вас дрожит! Вы – Русские! Слава…Слава…Слава…

Приказ Азовскому мушкетерскому полку о штурме Праги в октябре 1794 года начинался так: «…Его Сиятельство граф Александр Васильевич Суворов приказал: 1. Взять штурмом Прагский ретраншамент…»

Приказал… И Прага была взята. Приказ равнялся исполнению. Могучая общая воля солдат сливалась в единой воле полководца и творила чудеса.

Все это мало изменилось и для условий сегодняшняго дня. Неважно, что современные приказы передаются по радио и телеграфу, - читают их в полках, батареях, эскадронах и на судах с голоса. Неважно, что штабы Верховных Главнокомандующих находятся далеко в тылу. Сражения осложнились, поля боев бесконечно увеличились, но долг увлекать солдат своим собственным примером по-прежнему принадлежит начальникам, хотя и меньших воинских объединений (командирам полков, порою даже начальникам дивизий). К этим начальникам идет волевой ток от Верховных Вождей, влечет их вперед, они увлекают за собой солдат. Принцип остался тот же: приказание равно исполнению.

Воспитание офицера

В наш век техники и материализма, в стране, дорожащей своим национальным существованием, офицер уже не может явиться только начальником солдат. Помимо специальнаго военнаго образования, офицер, образованный человек вообще, должен быть педагогом и психологом. «Без образования, без знания не может быть офицер», - говорит генерал Краснов. «Одной храбрости теперь мало даже для солдата…»

С храбростью, самоотвержением, честностью, силой воли, преданностью Родине, заботой о подчиненных, современный офицер должен сочетать ум, наблюдательность, трудолюбие, образование и обладать высоко развитым чувством национальнаго достоинства. Он должен быть гражданином своего Отечества в лучшем смысле этого слова. Кадры таких офицеров не могут, конечно, подготовляться только кратковременным прохождением службы в войсках. Должна быть создана особая офицерская психология будущих защитников Отечества. Всеми признано, что этого можно достичь только патриотическим воспитанием и допризывной подготовкой в гражданских школах. Кадровые же офицеры, получившие специальное военное воспитание в корпусах и военных училищах, должны быть поставлены в такое положение, чтобы звание офицера было не только почетно, но и давало офицеру возможность свое здоровое влияние оказывать на окружающее общество. Созданный государством кадр офицеров – профессионалов должен руководить целым рядом здоровых отраслей народнаго быта: спортом, физическим воспитанием, воспитанием молодежи (сокольство, скаутизм, допризывныя когорты и т.д.). Если в русской смуте среди общаго хаоса и растерянности одни только русские офицеры бросили гордый вызов поработителям Отечества, то можно с уверенностью сказать, что правильно воспитанное будущее русское офицерство явится надежнейшим оплотом Отечества.

Офицерская психология была так сильна в русском офицере в 1917 г., что, не соразмеряя сил, он бросился в неравный бой, и не только умирал с честью, но и много раз побеждал со славою, и не его вина, если не победил до конца.

- Офицер испил горькую чашу до дна и остался русским офицером, - сказал однажды генерал Кутепов. – Что осталось у офицера?.. Чувство долга и чести.

А сохранив до конца чувство долга и чести и свою офицерскую психологию, - он сохранил за рубежом, в условиях жизни невероятно тяжелых, и самое ценное, что было у Русской Армии, - ея бесподобный воинский дух. Следовательно, и самое главное, что необходимо для будущаго возрождения армии, - воинские кадры.

В этом его громадная историческая заслуга.

Воспитание солдата

Офицер по самому существу своему должен быть отцом и старшим братом солдата, но не его товарищем. Военное зиждется на строгом повиновении младших старшим. Без принципа старшинства армия неминуемо превращается в недисциплинированную толпу и разлагается. В наше время самый последний рядовой должен быть военно-образован, следовательно, - офицер должен быть отцом, братом, воспитателем и учителем солдата. Из разнообразнаго человеческаго материала, поступающаго в Армию, офицер должен сделать однородную, дисциплинированную, одухотворенную одними идеалами и военно-образованную массу.

Методы воспитания солдата менялись и будут меняться, но всегда и неизменно будут применяться великие суворовские заветы: «Каждый воин должен понимать свой маневр», «Тяжело на ученьи, легко на походе», «Победи себя – будешь непобедим».

Воинское звание высоко и почетно. Это должно быть твердо внушено солдату и не на словах, а на деле проводиться в жизнь. Громадное значение в воспитании солдата имеют и до сих пор сомкнутый строй, строевыя занятия (парусное учение на флоте) и церемониальный марш…Они повышают чувство бодрости, храбрости, помогают одолевать животный страх, - говорил Суворов. – «Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет». И для воспитания солдата наших дней бессмертные суворовские заветы сохраняют все свое значение: «Бодрость…смелость…храбрость…субординация…экзерциция…дисциплина…Все начинай с благословения Божьяго и до издыхания будь верен Государю и Отечеству…Бог нас водит…Он нам генерал…Слава!…Слава!…Слава!»

(«Армия и Флот. Военный Справочник», издательство «Часовой», Париж, начало 1930-х годов).

Директор Корпуса
Генерал-Лейтенант Б. Адамович

ШЕСТЬДЕСЯТ СЕМЬ МОИХ ЗАВЕТОВ КАДЕТАМ ПЕРВОГО РУССКОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА КАДЕТСКОГО КОРПУСА

I
САМОЕ ГЛАВНОЕ

1. Быть верными старой России и относиться уважительно к её прошлому.
2. Быть верными Югославии.
3. Уважать религии.
4. Уважать русские старые обычаи.
5. Охранять нашу национальность.
6. Помнить, чьё мы имя носим (России, Святого Благоверного и Великого Князя Александра Невского и Шефа корпуса).
7. Сохранять русский воинский строй и выправку.
8. Подчиняться не рабами, а доброй волей.

II
ОТНОШЕНИЕ К КОРПУСУ

9. Любить Корпус, как любят старые кадеты.
10. Не грязнить гнездо и будущие воспоминания о своём детстве, отрочестве и юности.
11. Оберегать дом Корпуса и всё в нём.
12. Соблюдать в Корпусе гостеприимство к старым кадетам.
13. Не набрасывать тень на кадет своим поведением вне Корпуса.
14. Соблюдать форменность кадетской одежды.

III
ОБЛИК КАДЕТА

15. Быть бодрым.
16. Закалять свою волю.
17. «Терпеть безропотно лишенья» («К. Р.»).
18. Быть везде и всегда «с поднятым забралом».
19. Смотреть людям в глаза. (Лк. XI-34). «Как утра блеск, твоё сияет око» («К.Р.»).
20. Быть честным во всём.
21. Помнить, что честен в великом лишь честный в малом. (Лк. XVI-10).
22. Не обманывать.
23. Не лгать.
24. Не хвастать (Ін. VIII-54).
25. Не хамствовать (Сим, Хам и Иафет).
26. Не быть грубым.
27. Быть приличным.
28. Не сквернословить.
29. Не опускаться.
30. Быть чистоплотным («Чистота – лучшая красота»).
31. Держаться скромно.
32. Соблюдать трезвость.
33. Знать свои недостатки.
34. Не оправдываться ни тем, что «все по-волчьи воют», ни тем, что «один в поле не воин».
35. Быть, а не казаться.
36. Быть благодарным. (Благодарность – «первый взнос в уплату долга» и – «шестое чувство человека»).

IV
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

37. Помогать Товарищам.
38. Не завидовать.
39. Поддерживать выдающихся.
40. Не нарушать прав собственности.
41. Делиться.
42. Не делать бесчестного ни ради Товарищества.
43. Не подводить Товарищей под ответ за свои поступки.

44. Не преклонять служебный долг пред долгом Товарищества.
45. Почитать требующего по долгу службы.
46. Не оскорблять.
47. Помнить: оскорбление Товарища оскорбляет Товарищество.
48. Поддерживать взаимную уважительность.
49. Младшим не драться, старшим не расправляться насилием.
50. Уважать молящегося.
51. Охранять младших кадет, как братьев.
52. Если загрязнился, не грязнить чистых (Мф. XVIII-6; Лк. XVII-1, 2).
53. Не соблазнять «малых сих» (Мф. XVIII-6; Лк. XVII-1, 2).
54. Не дружить во вред Товариществу.
55. Не образовывать партий (Мф. XII-25).
56. Поссорившись, думать о мире.
57. Не доносить и не сплетничать.
58. Выдавать через старших: антинационалистов, развратников, развращающих, хулящих Корпус (Мф. XII-31; Мрк. III-29) и воров.

V
ИЗ ПРАВИЛ ОБЩЕЖИТИЯ

59. Не лишать Товарищей удобств общежития.
60. Стеснять себя, чтобы не стеснять Товарищей.
61. Не бояться быть вежливым.
62. Уважать чужое горе, печаль, радость и веселье, отдых, сон, труд и покой.
63. Не выдавать грубостью и руганью своей ненаходчивости и ограниченности.
64. Не барствовать перед прислугой.
65. Не брать пищи до раздачи.
66. Соблюдать за едой приличие.
67. Не проявлять и не высказывать брезгливости.

День Праздника Роты Его Высочества.
1934 г.

Директор Донского Кадетского Корпуса
Генерального Штаба
Генерал-лейтенант Черячукин

ПАМЯТКА КАДЕТУ ДОНСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА

I

1. Веруй в Бога и молись Ему, чтобы Он сохранил тебя на пользу твоей Родины.
2. Не забывай свою Родину, наш Тихий Дон и своих родных.
3. Будь всегда честен и говори правду.
4. Старайся помочь своему товарищу, тогда и товарищ тебя всегда поддержит.
5. Не обижай более слабого и новичка, тогда и более сильный тебя не обидит. Если не хочешь себе никакого зла, то не делай его никому.
6. Никогда не ленись. Будь готов делать всякую работу, а не быть белоручкой.
7. Уважай добрые желания других, тогда твои желания будут уважены.
8. Не соглашайся исполнить что-либо вредное для себя и товарищей.
9. Твоя Родина, Дон, понесла большие испытания, и своей честной работой ты можешь помочь забыть их.

II

1. Утром не валяйся даром в постели и вставай в назначенный час.
2. Мой чище руки, лицо, шею, уши и полощи лучше рот.
3. Аккуратно одевайся. Не грязни даром свою одежду, оберегай ее, помни, что она дается тебе надолго.
4. Всегда знай свои вещи и не путай их с чужими.

5. Не грязни помещение, где ты живешь, и соблюдай в нем чистоту.
6. Что бы ты ни нашел, не считай своей собственностью, а принеси и сдай воспитателю.
7. Не приобретай денег и вещей азартной игрой. В противном случае это породит в твоей душе вредные наклонности.
8. Не кури табак. Для детской груди он вреден. Начинающий курить в детском возрасте всегда будет хилым.
9. Не скрывай своих болезней и береги свое здоровье. Помни, что болезни очень часто приходят от грязни.

III

1. Помни, что пребывание твое в корпусе не должно быть праздным, так как каждый день твой, проведенный без смысла и полезной работы, дорого обходится твоей Родине, которая тратит на тебя свои средства. Поэтому возместить эти траты ты можешь своим трудом и полезным ученьем.
2. Выучивай всегда все заданное тебе и чаще повторяй все пройденное. Выученное – не тяжесть на плечах, а дар, обогащающий ум твой и приносящий пользу в жизни.
3. Будь любознательным. Не упускай случая обо всем расспросить. Это разовьет у тебя сметку и находчивость. «Не заметил», «не видал», «не слыхал» - это ответы рохли, над которым все смеются.
4. Соблюдай во время занятий порядок и ничем его не нарушай. Только тогда все, что услышишь от преподавателя, легче поймется и запомнится.
5. Всегда точно являйся везде к намеченному времени, куда тебе приказано.

IV

1. Точно и быстро исполняй отданное тебе распоряжение. Будь всегда вежлив и почтителен к старшим, тогда ты сам быстро завоюешь уважение всех.

V

1. Если тяжело станет на душе, если загрустишь по Родине – поговори с воспитателем; если не успокоишься, пойди к священнику; если очень тяжело, испроси у воспитателя разрешения прийти к Директору.

VI

1. Настанет день, когда ты возвратишься домой – предстань тогда таким, чтобы Родина и родные твои нашли в тебе опору, а не стыдились бы тебя.

Тель-эль-Кебир (Египет),
21 апреля 1920 года.

(В. Г. Улитин «За курганом...». Сборник статей и очерков. Составитель К. Н. Хохульников. РостИздат. Ростов-на-Дону, 2000 г.).

Генерал-лейтенант Б. В. Адамович

ДВЕ РЕЧИ ДИРЕКТОРА РУССКОГО КОРПУСА

Речь, сказанная перед всенощной, накануне перваго праздника корпуса в 1921 году

Многие спрашивали меня: почему наш праздник установлен 23 ноября (по старому стилю).

Я решил дать ответ на этот вопрос перед всем корпусом, накануне праздника, чтобы все слышали мой ответ и крепко запомнили.

Ответ на этот вопрос должен знать каждый кадет и каждый служащий в корпусе.

Я отвечаю: так Богу было угодно.

Вы знаете как, год и два тому назад, Вы были охвачены внутренней враждой и раздором. Вы помните, как год тому назад, в начале ноября, эти раздоры поставили перед нами грозный вопрос: быть или не быть Русскому кадетскому корпусу.

Вы помните мои беседы о Товариществе, которыми я с этого места ответил на Ваши раздоры.

У меня в кабинете есть картинка, подаренная мне одним полочанином. На ней изображена русская тройка, коренник под дугой с надписью «Товарищество», а внизу моею рукой помечено: «Память 23 ноября 1920 года».

Это был день, в который мне стало известно, что Вы решили покончить с раздорами; это был день, в который я уверовал в разумность работы моей и моих сотрудников и в то, что Русский корпус не развалится.

23 ноября 1920 года – это был день памяти Св. Благовернаго Князя Александра Невскаго, родившагося в 1220 году, день памяти его 700-летия.

Не для того ли, чтобы не забыли на чужбине русские люди 700-летия своего Благовернаго Князя, послал он нам в этот день свою милость.

Так вот почему, когда мне предложили решить: в честь какого Святого освятить нашу церковь и на какой день установить наш праздник, я избрал 23 ноября – день памяти Св. Благовернаго Князя Александра Невскаго.

Я избрал этот день, как праздник Товарищества, с верой в помощь Александра Невскаго и с надеждой, что из году в год оно будет крепнуть в Русском кадетском корпусе и утверждать его право на существование.

Вера не обманывает никогда. Не обманули меня и надежды. Буря стихает или затихла. Вещие добрые признаки расцвета Товарищества предварили наш праздник. Знаем, что братским Товариществом охвачены наши кадеты – студенты; знаем, что все Вы, охваченные благородным Товарищеским порывом, сами полуголодные, отказались от улучшенной пищи и послали помощь кадетам – студентам, не разбираясь, пойдет ли она Киевлянам, Одесситам или Полочанам; а десять дней назад Бог послал мне быть свидетелем тому, как, в тягостной обстановке, Одесситы и Полочане пошли на помощь Киевлянам, встревоженные за их участь.

Да будет же этот день, из году в год, днем прославления наших заповедей Товарищества.

Сегодня, в канун нашего праздника, по старой традиции Русской Армии, мы помянем тех, кто ближе и дороже всех нашей Товарищеской семье, и помолимся: об упокоении душ Основателей наших корпусов Императоров Николая I и Николая II, о Шефе Киевскаго корпуса Великом Князе Владимире Александровиче, Одесскаго корпуса Великом Князе Константине Константиновиче, об Августейшем Полочанине Князе Олеге Константиновиче, о покоящемся в Александро-Невской Лавре Генералиссимусе Князе А. В. Суворове, о тех, кого поминаете Вы в Ваших вечерних и утренних молитвах.

По старому завету, начнем наши молитвы поминальной песней Дворян и Константиновцев «Братья, все в одно моленье…»

Кадеты, сегодня вы пропоете эту песню перед новой запрестольной иконой: когда батюшка откроет завесу Царских врат, Вы увидите перед собой спасенное кадетами полотнище знамени Симбирскаго кадетскаго корпуса с ликом Спаса Нерукотворнаго.

Так пойте же вновь перед кадетским знаменем старую песню Дворян.

Речь, сказанная перед литургией, в день перваго праздника Корпуса в 1921 году

Многие спрашивали меня: почему наш праздник установлен в честь Св. Великаго Князя Александра Невскаго. Я решил дать ответ на этот вопрос перед всем корпусом в день праздника, чтобы все слышали мой ответ и крепко запомнили. Ответ на этот вопрос должен знать каждый кадет и каждый служащий в корпусе. Я продолжаю. Семь веков назад, на заре объединения Русской земли, попавшей под иго татар и теснимой немцами и шведами, на севере Руси загремела слава молодого и прекраснаго Новгородскаго удельнаго Князя Александра. С малой дружиной, с девизом «Не в силе Бог, а в правде», 20-летний Князь одержал 15 июля 1240 года, в день Св. Владимира, блестящую победу над шведами в устьях Невы; за ту победу он получил прозвание «Невскаго»; той победой он нанес первый удар в стену Европы, чтобы прорубить в ней окно и сделать Россию Великой Державой.

Недаром пять веков спустя другой исполин Русской земли, Царь Петр Алексеевич, одержал победу над шведами на той же Неве и заложил на ней свою столицу, перенес в Петербург из Владимира мощи Св. Благовернаго Князя Александра Невскаго и основал в его честь Александро-Невскую Лавру.

Недаром, закончив Великую Северную войну, прорубившую окно в Европу и сделавшую Россию Великой Державой, Царь Петр заключил Ништадтский мир 30 августа 1721 года, в день перенесения в Петербург мощей Александра Невскаго.

С тех пор прошло два века. Императорский период Русской истории прервался. Россия поругана, унижена, оскорблена, раздроблена, обессилена и вычеркнута из списка Великих Держав.

Задача Вашего поколения восстановить ея былую силу и славу и вернуть ей Великодержавность.

С кем же, как не со Св. и Благоверным Князем Александром Невским, идти Вам для совершения этого подвига?

Когда во Владимир, где впоследствии Князь Александр Невский был Великим Князем, дошла весть о его кончине, Митрополит Кирилл сказал народу: «Зашло солнце земли Русской», - и народ ответил воплем: «Погибаем мы».

Не повторяйте этих слов отчаяния, но, со словами Князя Александра Невскаго «Не в силе Бог, а в правде» и под Святым покровом Его, собирайся в жизнь, моя малая кадетская дружина, молись и добивайся, чтобы снова взошло великое солнце Русской земли.

Игорь Автамонов

ПОКОРИТЬ НАС СИЛОЙ НЕВОЗМОЖНО

(ПЕСНЯ ДУШАНА)

(В этой песне передана древняя легенда. Заимствована она из рассказа сербского педагога и историка Е. А. Елачича. Этот рассказ вошел, под названием «Сильные духом», в сборник его произведений, изданный в Белграде в 1930 году. В нем Е. А. Елачич в точности воспроизводит легенду-сказание, которое он слышал из уст местных жителей в низовьях Дуная в начале XX века.)

Серокрылый сокол, серокрылый сокол,
Поднимись высоко – прямо в облака.
Ясными очами, серокрылый сокол,
Поищи далеко, где Дунай-река.

Серокрылый сокол, поищи очами
Вдаль под берегами, нет ли где врага.
Сокол серокрылый, поплыви кругами,
Охраняй веками наши берега.

Вольные мы птицы, сокол серокрылый!
Прадедов могилы по реке Дунай…
Кровь огнем струится, прожигает жилы,
Если вражьи силы наш тревожат край!..

Помнишь ли ты, сокол, помнишь ли, как было?
Царь могучий Рима, гордый Ариан,
Пировал на славу; войско победило
И царя пленило Адакадских стран.

Весело играют арфы золотые,
Средь гостей почетных пленный Гелихон,
Осушают чаши гости дорогие,
Ариана славят все со всех сторон.

Всех царей и шахов, королей, султанов
Близких и далеких и заморских стран,
Всех земель народы, всех князей и ханов
Покорил всесильный, мудрый Ариан.

Пир вокруг веселый; сыновья пустыни –
Плясуны нубийцы пронеслись, как рой;
А потом персидки – статные рабыни,
А за ними баски, эфиопов строй…

Но приподнял кубок царь могучий Рима, -
Всё окаменело, всюду тишина!
Только из курильниц вьются струи дыма,
Ароматов сладких стелется волна.

«Все ль народы мира, всё ль нам покорилось?
Отвечайте смело», - Ариан сказал.
«Может, племя диких где-нибудь сокрылось,
И про них доныне я и не слыхал?»

Все цари и шахи, короли, султаны –
Все встают с поклоном: «Нет племен таких!
Все тебе покорны!» Все князья и ханы:
«Было б племя диких – знали бы про них!»

Ариан доволен: «Все нам покорились!»
Чашу золотую осушает он.
Все уже поднялись, все уж поклонились,
Только не поднялся пленный Гелихон.

Но без злобы в сердце, с милостью, по-царски
Ариан промолвил, опершись на трон:
«Что же ты ответишь, пленник Адакадский,
Новый наш советник, друг мой Гелихон?»
«Не гневись, владыко! Не ищи в ответе
Дерзости строптивой – это не обман, -
Отвечает пленник, - но живут на свете,
За Дунай-рекою, племена славян!

С ними я сражался – грозные то сечи!
Братья в битвах пали, ранен был и я,
Покорить их в рабство – не было и речи:
Победить их можно, покорить нельзя!»
Снова носят слуги яства меж столами,
Снова чаши полны икмарийских вин,
Стройные плясуньи вьются мотыльками,
И приветлив снова Рима господин.

Мало кто заметил, что тревожней очи,
Что перста движеньем позван Врелиан,
Полководец славный, что до поздней ночи
С ним беседой тихой занят Ариан.

Серокрылый сокол, помнишь – по Дунаю
Ветры гнали стаю грузных кораблей,
Пыль клубилась в поле без конца и краю,
Двигались к Дунаю тысячи людей?

Помнишь, серокрылый, вспоминаешь, птица? –
Мутью шла водица, дымная заря,
Стан как муравейник, как жестоки лица,
Рыщет колесница римского царя.

Вспоминаешь, сокол? – Все пришли народы:
Римские когорты – с ними Врелиан,
Галлы, бриты, баски – с ними воеводы,
Гоги и магоги, много египтян.

На щитах узоры, ярко блещут брони,
Украшают шлемы, меч давно готов!
Копья, колесницы, боевые кони
И полсотни грозных боевых слонов…
В лес десяток смелых послан Арианом:
Чтоб найти живущих, чтоб найти славян,
Чтоб сказать безумным племенам-славянам,
Что покорность ныне примет Ариан.

Чтобы поклонились, чтоб несли бы биру,
Что покорным милость дарит Ариан.
А не то положат шеи под секиру,
А не то урок им будет грозный дан!
Прибыли из лесу очень скоро вести,
Что пришлют славяне завтра же послов.
Ариан доволен, он не хочет мести,
Он не хочет крови, но к войне готов.
На холме высоком он сидел на троне.
Появиться вскоре уж послы должны;
А вокруг – доспехи, копья, шлемы, кони,
Страшные верблюды, грозные слоны.

Трон блестит на солнце, веют опахала,
В золото курильниц фимиам кладут,
Царская когорта у подножья стала…
Вдруг пронесся шепот: «Вот они идут».

Светлая цепочка, витязи младые,
Вьется по тропинке, душ десятка два.
Белые рубахи, щит, мечи стальные…
Впереди их старец – посох, борода…

В них не видно злобы?! В них не видно страха?!
Так, как будто к дому своему идут.
Всех богатств на старце – белая рубаха!..
Этих ли в покорность не повергнет кнут?

Царь смотрел и думал: «В чем тут скрыто чудо?
Что они за люди? Кто у них король?»...
Подошли славяне, старец принял блюдо,
Круглый хлеб на блюде, рядом с хлебом соль!
Ближе к трону старец подошел степенно,
Царским приближенным блюдо передал.
«Царь великий!» - молвил старец вдохновенно,
«Гость славянам в радость, гостя Бог послал!

Прибыли мы встретить гостя дорогого,
А дары земные – это дружбы знак».
Слуги Ариана переводят слово
И трясутся в страхе, красные, как мак.

«Хитрости Востока!» - Ариан решает.
«Живо расспросите: много ль их в лесу?
Велика земля ли? Кто их посылает?
Если переврете – головы снесу!
А еще скажите: не пришел я в гости,
Я для них владыка, повелитель, царь!
Будут мне покорны – будут целы кости!
Хлеба мне не надо. Кто их государь?»
Усмехнулся старец, бороду сжимая.
«Нас не сосчитаешь!» - он сказал в ответ.
«Нас – как игл на ели, и земля большая,
На восток, на север – ей предела нет!

Вольны мы, как ветры, мы – как в небе тучи,
Нет у нас ни князя, ни владыки нет...
Не принять подарка – волен ты, могучий,
Но не гоже гостю, гостю то не след!»

Переводят слуги, в страхе запинаясь;
Ариан разгневан дерзостью такой.
Но, сдержавшись, молвил, к старцу обращаясь:
«Не лукавь, безумец, не лукавь, седой!

Отвечай мне правду: войско велико ли?
Положи оружье, да к себе ступай.
От племен славянских, близко ль, далеко ли,
Главарей и старост всех ко мне скликай!
Чтобы были в сборе здесь через седмицу!
Посмотрю, покорны ль, данью обложу.
А не то распашем вашу мы землицу!
Я тебя с дружиной златом награжу».

Старец улыбнулся с жалостью во взоре,
С лаской посмотрел он и сказал потом:
«Не к добру идешь ты в этом странном споре;
Против нашей воли – хочешь быть врагом?

От гостей мы злата никогда не брали,
От врагов подавно злата не возьмем.
Край наш во владенье боги предкам дали,
И с тех пор поныне вольно мы живем.

Покорить нас силой – это невозможно:
Ига чужеземцев не снесет народ!
Отобрать оружье лишь у мертвых можно!
По добру ты лучше вороти поход».
«Замолчи, безумец! Дерзкий, как гиена!» -
Царь хрипел, как ворон, царь рычал, как лев. –
«Все чтобы немедля стали на колена!
Положить оружье!» - он кричал сквозь гнев.
Повернулся старец к юным воям белым
И спросил: «Согласны ль меч и щит отдать?
Кто приказ исполнит – тот вернется целым,
Но покорный должен на колена стать!»

Белые березки – витязи младые,
Что стояли смирно, будто тишь вокруг, -
Разом всколыхнулись, будто ветры злые
Из дубравы темной налетели вдруг.

Молния сверкнула – то мечи блеснули,
Разом обнажили, крикнув: «Никогда!»
Локоть к локтю стали и щиты сомкнули…
Рабство горше смерти! Мертвым нет стыда!
Сокол серокрылый, как враги завыли!
Как мечи рубили и взлетали вновь!
Как трещали шлемы! Ноги как скользили!
Копья как ломили! Как лилася кровь!

Серокрылый сокол, видывал ты грозы,
Видывал ты бури - пыль, и гром, и мрак…
Налетели ветры – ломятся березы…
Роща поредела… Наседает враг…

Горсть осталась белых, рубятся упорно,
Окружает белых вал из мертвых тел.
Ариан хотел бы кончить все проворно.
Царь не ведал ране столь бесславных дел!

«Кучка безрассудных столько порубила,
Долго длится битва, будто от зари?!
Трое их осталось!» Силу ломит сила,
Вот упали разом! Разом пали три…

Ходит царь могучий, ходит меж телами
И понять не может, что случилось тут…
Воронье, слетаясь, шелестит крылами:
«Эти не сдаются, эти не бегут!»…

Звезды над Дунаем в темноте мерцали,
Месяц серебрился в глубине небес,
По волнам Дуная огоньки бежали, -
Словно души мертвых уходили в лес…
А в шатре злаченом обсуждал с друзьями
Ариан, волнуясь, как славян пленить.
И решил под утро, с первыми лучами,
Царь поход великий вовсе отменить.

А на месте битвы войску повелели
Над телами мертвых набросать курган…
Вырос он горою, и растут там ели,
По утрам порою спит на них туман…

Опускайся, сокол, сокол ясноокий,
Враг ушел далеко, весть с собой неся,
Что славяне крепки, что Дунай глубокий,
Что они жестоки – покорить нельзя!

Опускайся сокол, сокол серокрылый,
Прадедов могилы – под курганом спят.
Кровь у нас вскипает, прожигает жилы,
Если вражьи силы нас пленить хотят!

(И. А. Автамонов. «Рогнеда» (поэма). 2-е издание, Лос Анджелес – Нью-Йорк, 1988 г.).

А. Г. Тарсаидзе

МОРСКОЙ КОРПУС ЗА ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА 1901 – 1925

УКАЗ Петра Великаго от 14-го января 1701 года

«Великий Государь, Царь и Великий Князь Петр Алексеевич указал именным своим повелением в государстве своей державы, на славу Всеславнаго Имени Всемудрейшаго Бога и Своего Царствования, во избаву же и пользу Православнаго Христианства Быть Математических и Навигацких мореходных хитростно наук учению».

Хронологическая таблица истории Морского корпуса

1701 г. – Навигацкая школа
1715 г. – Академия Морской Гвардии
1752 г. – Морской Шляхетный Корпус
1802 г. – Морской Кадетский Корпус
1867 г. – Морское Училище
1891 г. – Морской Кадетский Корпус
1906 г. – Морской Корпус
1914 г. – Морской Е. И. В. Наследника Цесаревича Корпус
1916 г. – Морское Е. И. В. Наследника Цесаревича Училище

Смерть «Белого Флота»

Перейдем теперь к последнему акту трагедии – к Голгофе Русского флота в Бизерте, где железная воля вновь подняла Андреевский флаг и высоко держала его вплоть до октября 1924 г.

Прежде чем приступить к этому описанию, необходимо сказать несколько слов о Севастопольском Морском Корпусе, так тесно связанном с судьбою Флота.

Как было уже сказано, Морской Е. И. В. Наследника Цесаревича Кадетский Корпус был закрыт приказом Временного Правительства летом 1917 года, и его воспитанники были переведены в 6-ю роту Морского Училища в Петрограде.

Одновременно, командир Роты Его Высочества (в Севастополе) кап. 2 р. Берг, был назначен начальником строевой части и командиром гардемаринской роты О. Г. К. (Начальником О. Г. К. был контр-адмирал С. Н. Фролов).

Но закрытие О. Г. К. (Отдельные Гардемаринские Классы) осенью 1917 года принудило кап. 2 р. Берга вернуться в Севастополь, как «заведующего всем имуществом и зданиями Морского Кадетского Корпуса, а также начальника его охраны». В эти тяжелые дни, полный энергии и сил В. В. Берг был принужден бездействовать: со сторожем Корпуса, вольнонаемным и бывшим матросом, стариком Селезневым, он коротал дни, охраняя здание…

Прошел роковой 1917 год, промелькнул и кровавый 1918 год, наступило лето 19-го. Мигом все переменилось. Окрепшая Добровольческая Армия, наконец, заняла Севастополь, и начальство обратило внимание на пустующее здание. Разные комиссии пытались открыть в здании «приют для беженцев», «Симферопольский Университет», разные склады, Красный Крест и т. д., но об открытии Морского Корпуса не было и речи. Лишь благодаря энергии одного человека, судьба Корпуса была решена.

Энергичный капитан 2 ранга (впоследствии контр-адмирал) Н. Н. Машуков занялся этим вопросом. Написанный им 11 июля 1919 года на рейде Новороссийска рапорт был представлен Начальству, и Корпус удалось отстоять от посягательств других учреждений.

В этом пространном рапорте Н. Н. Машуков писал, что возрожденная Россия, несомненно, будет нуждаться во Флоте, и поэтому в личном составе. «Производится покушение на единственную Морскую школу, - писал Машуков. – Армия, в самом срочном порядке, учреждает в Екатеринодаре 3 военных училища, уже функционирует Кадетский Корпус; а что же делается для воссоздания личного состава Флота? Даже «Держава Украинская», за время своего недолговременного существования, и та открыла Морское Училище в городе Николаеве, собирая туда бывших воспитанников Морского Корпуса и Гардемаринских Классов».

Рапорт произвел впечатление на Начальство, и 6 сентября 1919 года полетели по всему Южному Краю России объявления о приеме юношей в Корпус на 260 вакансий.

В октябре, по личному выбору генерала Деникина, директором Корпуса был вновь назначен адмирал С. Н. Ворожейкин. Закипела работа – начался ремонт здания.

Новые воспитанники были собраны, главным образом, из кадет сухопутных Корпусов и Гимназий, и, таким образом, до прихода в Севастополь «Китицынского отряда», в Севастопольском Корпусе было очень мало воспитанников Петроградского Морского Училища.

Сначала были составлены 2 роты: одна гардемаринская и одна – кадетская.

Наконец, наступило утро торжественного дня 17-го октября 1919 года. Во временной церкви Морского Корпуса начался молебен; служил Епископ Вениамин (ныне в Нью-Йорке представитель Московской Патриархии) при большом собрании воспитанников и гостей.

Среди присутствующих находились Командующий Черноморским Флотом вице-адмирал Ненюков, контр-адмирал М. И. Саблин и многие из офицеров и родителей воспитанников.

Казалось, вновь воскрес старый Морской Корпус!

Начались занятия. Но обучение и воспитание гардемарин и кадет часто прерывалось несением охраны Штаба Командующего Флотом. Корпус, естественно, считался «наиболее надежной частью».

«Иногда, - вспоминает адмирал Ворожейкин, - оставались только мальчики кадеты. Все это требовало особой энергии и заботы преподавательского состава».

В конце декабря 1919 года Командующий Флотом, ввиду тревожного положения, решил распустить Корпус, распределить гардемарин по судам, а кадет вовсе уволить, но адмирал Ворожейкин протестовал против этого намерения. Вскоре Командующий Флотом получил из Екатеринодара телеграмму от генерал-лейтенанта Лукомского (Начальника военно-морского Управления) следующего содержания: «Ваше решение распустить Корпус означает погубить с таким трудом созданное дело, лишить Флот будущих офицеров, город лишить надежной части, мальчиков же кадет выбросить на улицу. Главнокомандующий приказал Корпус не распускать».

Корпус был спасен. Но не долго на родной земле продолжалась его жизнь.

Началась эвакуация, и 30 октября 1920 года Севастопольский Морской Корпус, со знаменным флагом (герб Морского Корпуса) и оркестром музыки, покинул свое здание и на баркасах направился к эскадре. Корпус был погружен на «Генерал Алексеев», и в 10 час. вечера эскадра снялась с якоря. (Было вывезено 320 гардемарин и кадет, 60 офицеров и преподавателей, 40 человек команды и 50 членов семей).

«Все дальше и глубже в черную ночь уходит линейный корабль, - пишет В. В. Берг, - прислушиваясь к радио «белого адмирала» на крейсере «Генерал Корнилов».

Белая Армия и Флот, их семьи покидали родную землю и расставались с матерью – Родиной…».

Эскадра исполняла приказ генерала Кедрова: «Белому Флоту взять курс на Босфор и идти каждому, по способности, в Константинополь».

День 6-го ноября встретили в море. Вместо торжественного обеда и парада, тем же Епископом Вениамином был отслужен только молебен.

Наконец показались живописные берега Босфора; эскадра прошла мимо Константинополя в Мраморное море и стала на якорь.

В этот исторический поход Эскадра вывезла 136 000 человек, не пожелавших остаться во власти у красных. Как много людей обязано Флоту спасением своей жизни!

Изумленные турки увидели Андреевские флаги, но не «победительницы – России», а России в изгнании. Французские флаги, поднятые на мачтах, молча свидетельствовали об этом…

Вскоре вся «Белая» Русская эскадра, под флагом контр-адмирала Кедрова, покинула воды Мраморного моря и направилась, с согласия Французского правительства, в Бизерту.

Эскадра состояла из линейного корабля «Генерал Алексеев» (б. Император Александр III); крейсера «Генерал Корнилов» (б. «Кагул»); эскадренных миноносцев «Гневный» и «Цериго»; миноносцев «Капитан Сакен», «Жаркий», «Звонкий»; подводных лодок «АГ 22», «Буревестник», «Тюлень», «Утка»; вооруженных ледоколов «Гайдамак», «Джигит», «Илья Муромец»; тральщиков «Китобой» (единственный корабль Балтийского Флота), «Баклан», «Березань»; посыльных судов «Лукулл» (погиб в Константинополе), «Якут», «Днепровец», «Атаман Каледин» и «Севастополь». Эскадру добавляли бывший мин. корабль «Георгий Победоносец», быстроходные катера СК-1, СК-6 и транс-

порт-мастерская «Кронштадт», транспорт «Рион», лоцманское судно «Казбек», буксир «Черномор» и яхта «Алмаз». (Канонерская лодка «Грозящий» была затоплена 26 февраля 1920 г. двумя офицерами, не желавшими сдать свой корабль французам. Мичманы Непокойчицкий и Рукша были арестованы за это французскими властями).

Уже на пути в Бизерту приказом генерала барона Врангеля Директором Морского Корпуса был назначен адмирал Герасимов.

Грустно было Эскадре отдавать якоря в Наварине, где, около столетия тому назад, победоносно на весь мир прогремел подвиг русских моряков. Вскоре Эскадра подошла и к конечному порту; показалась Бизерта – будущая гробница нашего Флота.

Началась новая эпопея – организация Морского Корпуса. Как уже было выше указано, воспитанники Владивостокского Морского Училища, влившись в «Севастопольский», а теперь и в «Бизертский» Корпус, составили 1 роту Корпуса (100 человек). «Новоиспеченные» мичманы образовали офицерские курсы: артиллерийского и подводного плавания. Многие из них служили в Корпусе отделенными начальниками, другие же исполняли обязанности на Эскадре.

Вскоре для Корпуса было найдено помещение; начались занятия.

Русская же «колония» совершила чудеса в Бизерте. Занимаемый ею старый форт «Кебир» был сделан неузнаваемым: создали церковь, устроили театр, где стали даваться концерты, лекции и балы. В этом африканском городке русские изгнанники, на изумление французов и арабов, внесли свою культуру и совершенно изменили всю жизнь.

Жизнь шла своим чередом. «Государство в Государстве» продолжало расширяться.

В Корпусе занятия сменялись парадами, празднованием 6 ноября, с традиционным гусем. Шли годы, начались и выпуски из Корпуса.

5-го июля 1922 года гардемарины, окончившие Корпус, были произведены в Корабельные Гардемарины, а 6 (19) ноября того же года окончила Корпус и 3-я Гардемаринская рота и стала, в свою очередь, Корабельной Гардемаринской. Этот выпуск (3-ий из М. К. в Бизерте) состоял из 71 воспитанника (66 корабельных гардемарин и 5 ст. гардемарин).

В июле 1923 года окончила среднее образование и стала Гардемаринами 4-я рота кадет.

В октябре 1924 года окончила Корпус 5-я рота, в мае 1925 года – 6-я рота, а в июне того же года 7-я. Так закончилось русское и морское образование воспитанников Морского Корпуса в Бизерте.

Благодаря усилиям Начальства и, главным образом, капитана 1-го ранга Китицына, многим удалось получить возможность отправиться в высшие учебные заведения Европы, главным образом, в Чехословакию. Перед отъездом этой группы, среди которой было много молодых офицеров и гардемарин, М. А. Китицын, желая спаять своих питомцев, организовал кружок, эмблемой которого явилось звено с датой выхода отряда из Владивостока « 31-1-20» с буквами «М. У.» (Морское училище).

Впоследствии «звено» показало свою сплоченность: они устроили свою кассу взаимопомощи, помогая нуждающимся, хотя, благодаря полученному образованию, большинство было хорошо устроено.

Часто вспоминала молодежь свою старую школу, которая так много сделала для них, а иным и спасла жизнь.

Но всему приходит конец. Осенью 1924 года Франция признала Советскую Россию и установила дипломатические сношения. Это сразу отразилось и на Бизерте.

Вот как эти дни описал старший лейтенант А. Зернин – свидетель этого грустного события.

«Морской префект Бизерты, вице-адмирал Эксельман, прибыл на флагманский корабль нашей эскадры и объявил командующему о свершившемся факте. Затем, перед собранием всех офицеров, он произнес полную симпатии к старой России речь, в которой, со слезами на глазах, объявил о необходимости, в кратчайший срок, покинуть корабли.

- Вам, офицеры без страха и упрека, - сказал он, - будет сделано все, чтобы смягчить тяжелую минуту, и надеюсь, что мне не придется отдать приказ о спуске Андреевского флага…

На другой день флаги были спущены по сигналу русского адмирала, с церемонией, установленной для спуска флага при окончании кампании. (Флаги были спущены 16 (29) октября 1924 г., в 17 часов 25 минут). Одновременно с этим, экипаж эскадры снял военную форму и приступил к передаче кораблей французам.

Между прочим, Морской Корпус был переименован в «орфелинат» и просуществовал еще около года, до мая 1925 года, но тогда там остались только кадеты. Вскоре после этих событий, советская власть прислала комиссию под председательством б. профессора

Морской Академии, генерала Крылова, для осмотра кораблей. (Б. генерал Крылов в своих воспоминаниях, вышедших в Ленинграде в 1941 году, описывает это событие).

Адмирал Эксельман не пожелал встречаться с советской комиссией и уехал в Париж, отказавшись от должности Морского Префекта.

Советская комиссия признала корабли негодными к плаванию; с кораблей было свезено все, что можно, и на пустые корпуса были поставлены французские караулы…

Вслед за этим корабли были проданы на слом.

Началась агония русской эскадры, все еще стоявшей на рейде. Агония эта длилась 11 с лишком лет, пока корабли медленно разбирались по частям. Снимались орудия, механизмы, медь и каютная отделка, затем были разобраны и сами корпуса.

Последним пошел на плаху линейный корабль «Генерал Алексеев», началось и его четвертование. Но агония гиганта длилась долго: армия молотобойцев не скоро справилась с его могучим корпусом, и стук тяжелых молотов долго отдавался в нашем сердце…»

С исчезновением «Генерала Алексеева» в бизертских водах не осталось русской морской силы…

В 1936 году в Бизерте образовался Комитет для сбора пожертвований на постройку храма «Родным Кораблям». Председателем был адмирал С. Н. Ворожейкин.

Заканчивая историю последних годов жизни Морского Корпуса, Морского Е. И. В. Наследника Цесаревича Корпуса и Училищ в Санкт-Петербурге, Петрограде и Севастополе, и его последних разветвлений: Морского Училища во Владивостоке, Морского Корпуса в Севастополе и Бизерте, хочется привести несколько строк из советской литературы, которые показывают, что наше старое образование и наши традиции и дух Корпуса и Училищ были оценены даже большевиками, скупыми на похвалы Старой России:

«Молодые командиры, - говорится в советском морском сборнике № 6 за 1929 год, - не пропитаны в достаточной степени воинским духом. Причиной этому служит то, что уставы изучаются механически, без достаточного проникновения устава в быт и жизнь Училища (Морского). В Училище не выработался еще костяк, который смог бы организовать прибывающий состав курсантов в духе Училища. До Революции этот костяк выковывался в старших ротах, и старшие роты давали весь тон Училищу, как по дисциплине, так и

по соблюдению традиций Училища. Перестраивая жизнь в условиях социалистического строительства, мы старый костяк сломали, как не соответствующий духу Революции. Взамен его мы должны были построить свой красный костяк с революционным духом и воинской дисциплиной. Мы построили его, но в процессе строительства не сумели влить в него душу».

Год спустя, тот же советский морской сборник (№ 1, 1930 г.) восклицает: «Для теперешнего Флота вы (т.е. курсанты) еще сойдете, но по сравнению со старшими гардемаринами (императорскими) вам еще далеко…»

Закончим мы наш очерк словами последнего Начальника Морского Училища в Петрограде, генерал-лейтенанта А. М. Бригера: «Дух Корпуса жив и поныне, пока живы его питомцы, любящие его, одухотворяемые его идеалами и жалеющие его в трудные минуты его страданий».

Нью-Йорк, 19 ноября 1944 г.

*(**От редакции:** Александр Тарсаидзе окончил Общие Классы Морского Училища в Петрограде в марте 1918 года. Член Исторической Комиссии Общества Бывших Русских Морских Офицеров в Америке. Книга А. Г. Тарсаидзе «Морской корпус за четверть века. 1901-1925» издана в Нью-Йорке в 1944 г.).*

ВЫПУСК МОРСКОГО УЧИЛИЩА 1920 ГОДА

Предзнаменование

Вечером 3 октября 1917 года перрон Николаевской железной дороги в Петрограде был переполнен провожающими: шла посадка и проводы гардемарин Отдельных Гардемаринских Классов и Морского Училища во Владивосток, в учебное плавание, сроком всего на 9 месяцев.

Был дан, наконец, третий звонок, пронзительно засвистел обер-кондуктор, паровоз рявкнул, и поезд начал тихо и медленно уходить на неведомый Восток.

И вдруг, неожиданно для провожающих и самих гардемарин, послышались звуки печального напева песни Балтийских Подводников, подхваченные по окнам вагонов всеми гардемаринами, и весь вокзал заполнила грустная песнь, к большому смущению и неизъяснимой печали провожавших:

«...и не-е воро-тимся назад...»

Так оно и вышло, так и не вернулись, ни через девять месяцев, и ни через девять лет, и ни даже через двадцать девять лет, и вряд ли когда-либо вернемся...

Понятие: Выпуск 1920 года

Выпуск 1920 года Морского Училища, его начало, его «закваска» - это осень 1914 года, когда около 40 молодых людей были приняты в младшую роту, 6-ю, Морского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича корпус, по экзамену, бывшему с преимуществом для сыновей морских офицеров.

Называется Выпуск Двадцатого года, потому что, без объявления Российской Империи самой свободной и демократической страной, Выпуск должен бы быть произведенным в 1920 году в мичманы, что и произошло с большей частью Выпуска: мичмана приказом ге-

нерала Врангеля в ноябре 1920 года, и ушедшие из М. У. во Владивостоке были произведены адмиралом Колчаком в подпоручики в 1918-1919 г.г., и из них большая часть Приморским Правительством Меркулова в мичмана в 1921 году.

Уехавшие из М. У. в конце 1918 г. на фронт за Урал были произведены за боевые отличия в офицеры: корнеты, хорунжие и подпоручики адмиралом Колчаком и Командующими отдельными частями уже после падения власти Верховного Правителя.

Из них закончили Белую Борьбу старшими по Выпуску: полковник Константин Слюз и штабс-капитан Борис Афросимов.

Состав Выпуска

Выпуск образовался из кадет 4 роты Морского Училища (около 100); принятых в 3 роту Отдельных Гардемаринских Классов осенью 1917 года по конкурсу аттестатов (120 человек); зачисленных в 1919 году в Выпуск гардемарин 2 роты Отдельных Гардемаринских Классов, которые оказались в Сибири (15 человек); двух юнкеров Флота и одного гардемарина Морского Инженерного Училища, состоявших в Сибирской флотилии; кадета 2 Петр. Корпуса, оказавшегося в поезде при отбытии из Петрограда и впоследствии бывшего во второе «Орловское» плавание в Европу.

Боевая часть Выпуска 1920 года

Наш выпуск разделился тогда, на Дальнем Востоке, на две части.

Большая часть, бывшая в Морском Училище во Владивостоке под отеческим попечением нашего дорогого начальника, капитана 1 ранга Китицына, и прибывшая в Европу, в Дубровник. Большинство этой части проследовало за М. А. Китицыным в Крым, несмотря на его уже близкое падение под напором красных, и была в последний момент, что называется, произведена в мичманы.

Меньшая же часть нашего Выпуска не была почти в Морском Училище во Владивостоке, часть из них кончила Офицерскую школу на Русском Острове, другие из этой части отбыли на запад, на Урал и за Урал, где были бои с красными, или отбыли туда на бронепоезде. Многие из них были ранены (например, Борис Афросимов – 5 раз), многие из них жизнь свою положили за Белое дело.

Наконец, многие из этой меньшей части нашего Выпуска оставались в Приморье, приняли участие в перевороте и утверждении

Приморского Правительства, где опять были раненые (Кумминг потерял руку). Они все были переименованы в мичманы.

И, по справедливости, эту меньшую часть Выпуска следует называть боевой частью выпуска.

Те, кто пришли к Врангелю в Крым, - пришли защищать последний кусок Русской земли; но им не пришлось «понюхать пороху», и они только помогли эвакуации до Бизерты. Тому редактор Иван Белавенец свидетель, он там был, и был рулевым на транспорте, дававшем уголь Эскадре.

Боевая часть Выпуска разделяется на:

1. Ушедших на бронепоезде Сибирской флотилии в 1919 году на запад: Корцин-Жуковский, Зандрок, Могучий, Коринтелли, Попов (2-ой роты О. Г. К.), Шишикин.
2. Уехавших на Камскую флотилию, Пермь: Борис Афросимов, Фосс, Муринов, Навроцкий.
3. Служивших в Казачьих частях: Псиол, Лайминг, Малыгин, Семенов Георгий, Казанский, Фролов, Хардалло, Слюз.
4. Окончивших Офицерскую Стрелковую Школу на Русском Острове и произведенных в подпоручики адмиралом Колчаком осенью 1919 г.: Багговут, Белов, Белый, Гайдаш, Герасимов, Глаголев Дм., Горбачев, Иванов Емельян, Куницын, Кумминг, Делимарский, Любарский, Максимов, Решетов, Рябов, Рубцов, Савельев, Слоев, Стеценко, Штац, Узунов, Фадеев, Воробьев, Новоселов, Малык, Морошкин.
5. Вернувшихся с пути «Орла» обратно на Дальний Восток: Степанов Ал., Ильинский, Соколов-Калишский.

Все они – г.г. офицеры, и большинство из них были произведены за боевые отличия в следующие чины, например, Слюз – войсковой старшина, Фролов – штабс-ротмистр, Степанов Ал. – лейтенант, Афросимов – штабс-капитан.

Окончившие Офицерскую Школу на Русском Острове, после переворота и службы в Сибирской флотилии, были переименованы в мичманы, например: Делимарский, Любарский, Белый, Герасимов, Стеценко, Фаддеев, Багговут, Решетов и др.

Вообще же говоря, мои списки далеко не полные, собраны они по отдельным письмам наших однокашников, например, Герасимова, Делимарского, и весьма желательно, чтобы наши товарищи по Выпуску «Боевой части» исправили, дополнили и описали их службу, а о многих из них описали обстоятельства их смерти на поле брани.

Быть может, кто-нибудь из старых офицеров возразит, как же они, кончившие Офицерскую Школу на Русском Острове, все же нашего 1920 года, например. Позволю доложить, что в Императорском Александровском лицее считались одного Выпуска даже его не кончившие. За сим, как же можно не считать одного Выпуска бывших, например, в роте с 6-ой роты, как Белый, Слюз, а считать принятого из Николаевского Инженерного училища гардемарина, волею революции оказавшегося на Дальнем Востоке. Все: и бывшие во второе плаванье, и воевавшие в Сибири – одно; одного Выпуска, с 6-ой роты приема, непосредственная связь и преемственность старого Морского Корпуса. До нас был Выпуск 1918 года, о нем мало слышно, большинство из них осталось, по-видимому, в Советской России. После нас уже идут Выпуски из Морского Училища в Бизерте, куда была влита 2-я рота гардемарин с «Орла».

Уходы Выпуска из России

Белые армии были разбиты околпаченными русскими красноармейцами, наивно уверовавшими в невозможное устроение жизни и государства по заветам безбожных проходимцев, и при поддержке так называемого общественного мнения «великих демократий».

После героической борьбы и поражения уцелевшие остатки Белых армий ушли от красных, от советской власти, покинули Россию, и как время показало, навсегда.

Уходов Армии из России было много из разных мест и в разное время, и всегда полные трагизма: нелегко русскому покидать родную землю.

Таким образом, Выпуск 1920 г. – малая часть Белых армий – оказался волею Провидения заграницей:

1. После падения Правительства адмирала Колчака, из Владивостока в Японию и дальше в Крым. Крейсер 1 ранга «Орел» и п.с. «Якут», под командою капитана 1 ранга М. А. Китицына, 31 января 1920 г. – 120 старших гардемарин Выпуска.
2. После падения Правительства генерала Врангеля, из Севастополя в Бизерту, п.с. «Якут» (капитан 1 ранга Китицын), в составе Черноморского флота, свыше 100 вымпелов – 45 мичманов Выпуска.
3. После падения Приморского Правительства Меркулова, из Владивостока в Корею и далее на Филиппины, под начальством адмирала Старка – 20 мичманов и подпоручиков Выпуска 1920 г.

4. После занятия красными китайцами Шанхая – уход на Филиппины на американских транспортах в феврале 1949 года – Псиол, Делимарский, Ильинский и Максимов.
5. Бегство в 1945-48 годах в Европе: из красной Сербии кадет Загурский, Соколовский и Фолькерт; от красной армии из Данцига Путиловский; из советской Чехии Александров Н. Н., Степанов Юрий, Юнаков, Акимов и Горных – в области Германии и Австрии, занятые англичанами и американцами.

Хронология Выпуска

1914 г. сентябрь – Начало Выпуска 1920 г.: 6 рота Морского Е. И. В. Наследника Цесаревича Корпуса. 2 отд. – 60 кадет.

1915 г. - 5 рота – 3 отделения – ок. 80 кадет.

1916 г. - 4 рота – 4 отделения – ок. 100 кадет.

1917 г. 26 и 27 февраля – Оборона и сдача Училища членам Государственной Думы.

1917 г. – Производство в гардемарины при г. Керенском и плавание по способности на кораблях действующих флотов Черного, Балтийского и Белого морей.

1917 г. октябрь - Объединение 3 роты морского Училища и вновь принятых в Отдельные Гардемаринские Классы (230 человек).

1917 г. 3 октября – Отбытие в учебное плавание во Владивосток на 9 месяцев на крейсере «Орел».

1917 г. 17 ноября – Общее собрание команды крейсера «Орел» под предводительством принятого вновь гардемарина Гуркало.

1917 г. 27 ноября – Побег 5 гардемарин из-под ареста на берег в Нагасаки.

1918 г. 25 января – Списывание команды крейсера «Орел» и пожелавших гардемарин (10 человек) во Владивосток при помощи англичан в Гонконге.

1918 г. май-июнь – Отбытие гардемарин (22 и 33) из Гонконга в Маньчжурию в отряды, действующие против большевиков.

1918 г. 14 октября – Съезд гардемарин в Маньчжурии на ст. Эхо на похороны В. Кривошеина.

1918 г. ноябрь – Приход крейсера «Орел» из-за границы с гардемаринами и прибытие гардемарин из Маньчжурии. Открытие Морского Училища.

1918 г. 19 ноября – Адмирал Колчак – Верховный Правитель.

1918 г. декабрь - Отбытие около 25 гардемарин в Действующую Ар-

мию за Урал и около 30 гардемарин в Пехотную Офицерскую Школу на Русском Острове и их производство в подпоручики через 4 месяца.

1919 г. 8 апреля – Поход на тр. «Магнит», Шаланде № 2 и других судах в залив Америка против красных.

1919 г. июнь - Уход старших гардемарин в плаванье на Камчатку на п.с. «Якут», «Улисс» и «Диомид».

1919 г. 6 октября – На «Улиссе» в Сангарском проливе качка силой 52 градуса на один борт.

1919 г. 13 октября – Корабли вернулись во Владивосток.

1919 г. 16-19 ноября – Подавление восстания Гайды гардемаринами. Командовавший караулом, охранявшим пленных красных мужиков, старший гардемарин П. Н. Макшеев отпустил их на свободу, ввиду грозившей им пытки – порки шомполами – со стороны армейской части.

1920 г. 25-27 января – Подавление восстания егерей.

1920 г. 31 января – Эвакуация Морского Училища на п.с. «Якут» и кр. «Орел» в Японию.

1920 г. 11 апреля – Производство в корабельные гардемарины – 120 чел.

1920 г. октябрь – Дубровник. Списывание 76 корабельных гардемарин на берег и отбытие на п.с. «Якут» в Крым к генералу Врангелю ок. 50 корабельных гардемарин.

1920 г. ноябрь – Эвакуация Крыма. Производство прибывших корабельных гардемарин в мичманы приказом генерала Врангеля.

1920 г. конец декабря – Прибытие Эскадры и мичманов Выпуска 1920 г. в Бизерту и постепенный их разъезд во Францию, Чехию, Болгарию и Нью-Йорк.

1921 г. – Производство подпоручиков Выпуска в мичманы Приморским Правительством Меркулова и их служба генералу Каппелю, Дитерихсу и Приморскому Правительству.

1922 г. 24 сентября – Эвакуация адмирала Старка из Владивостока (28 вымпелов) с мичманами Выпуска 1920 г. и их разъезд в Сан-Франциско, Шанхай, Гонконг и Австралию.

1948 г. – Эвакуация Шанхайская в лагерь на острове Тибабао (Филиппины) и разъезд четырех человек Выпуска в Чили и Австралию.

(Хронология Выпуска далеко не полна и не точна. Покорная просьба исправить и сообщить Автору).

*(**От Редакции:** Материалы по истории Выпуска 1920 года содержатся в изданиях, под названием «Письмо Ивана Белавенца»: «Морского Училища Выпуск 1920 г. Тридцать лет спустя», Нью-Йорк, 1950 г. и «Морского Училища Выпуск 1920 г. 37 лет спустя», Нью-Йорк, 1957 г.*

Иван Митрофанович Белавенец предваряет свои машинописные «Письма» 1950, 1951, 1957, 1960 г.г., содержащие 100 и более страниц, таким, к примеру, предисловием:

«30 лет спустя» есть частное письмо, написанное Иваном Белавенец к тем его однокашникам по Морскому Училищу, которым дорога жизнь Выпуска за 30 лет рассеяния. Как интимное письмо, «30 лет спустя» не подлежит общественному оглашению, перепечатке, переводу в частях или в целом, покупке или продаже, оценке в русской или иностранной печати, и нарушение правил частной переписки будет преследоваться по закону».

Редакция взяла на себя смелость опубликовать выдержки из этих «Писем», представляющие несомненный интерес для истории, с любезного разрешения Марины Александровны Гершельман, вдовы мичмана Сергея Сергеевича Аксакова, принадлежавшего к этому легендарному Выпуску).

К 250-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ МОРСКОГО УЧИЛИЩА

Тебе, наш Корпус, твои дети,
Шлем свой привет, свое «ура».
Ты создан был в глуби столетий
Железной волею Петра.

И по державному завету
Ты душу Флота воспитал,
И Адмиралу и Кадету
Единый путь предначертал.

Ты выковал героев долга,
В бою познавших жизни цель,
Ученых, и морского волка,
И добывателей земель.

Сенявин, Ушаков, Корнилов,
И Крузенштерн, и Невельской,
Маститый Лазарев, Нахимов,
Колчак – Правитель и Герой.

Не перечесть имен могучих,
Как всех имен не перечесть,
Кто пал в бою, кто был умучен
За Славу Русскую, за Честь.

Кто создал век побед гремящих:
Кинбурн, Чесму и Наварин,
Средь моря вод Синоп горящий,
Дым Севастопольских руин.

И, наконец, дариносима,
Под злобу, клевету и смех,
Сияет царственно Цусима,
Как искупление за грех.

И от времен Петра доселе,
Чрез славы дни и скорби мрак,
Мы скажем: честно мы носили
Андреевский могучий флаг.

Ты воспитал нас, Корпус славный,
Ты создавал Российский Флот.
Прими ж привет, Старик Державный,
В твой этот юбилейный год.

И в дни изгнания лихие
Завет твой свято сохраним
И верность Флоту и России
Потомкам нашим возвестим.

(«Морского Училища Выпуск 1920 года. 30 лет спустя.» Дополнение № 1. Письмо Ивана Белавенца. Нью-Йорк, март 1951 г.)

*(**От Редакции:** Юрий Петрович Степанов родился в г. Уфа в Сибири в 1899 г. Корабельный гардемарин выпуска 1920 г. Морского училища. Среди друзей по выпуску имел славу поэта и прозвище «Лиловый негр». Большая часть его произведений погибла во время войны в Европе, и лишь в издаваемом Иваном Белавенец (США) «Письме» были опубликованы несколько его стихотворений и поэма. Ю. П. Степанов приехал в Аргентину из Европы в 1949 году, жил одиноко, нуждался. Основным содержанием его жизни была служба псаломщиком в православном храме (был посвящен в стихарь Епископом Владимиром (Раич) в 1936 году). В последние годы жизни работал над созданием «Сказания о Выпуске 1920 года», от 1914 до 1925-26 г.г. Судьба рукописи неизвестна. Скончался Ю. П. Степанов 29 марта 1966 года и похоронен на Британском кладбище Буэнос-Айреса).*

Полковник Н. А. Чудинов

КРЫМСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

Крымский кадетский корпус, сформированный в Ореанде (в Ялте – Крыму) летом 1920 года из осколков Владикавказского и Петровско-Полтавского кадетских корпусов, как во время пребывания своего в Крыму, так затем и при эвакуации, широко открыл свои двери не только всем кадетам бывших Российских корпусов, но и всей русской учащейся молодежи, влившейся в Белую Армию.

Вследствие этого, по прибытии на территорию Королевства СХС, в Стернищенский лагерь, Крымский корпус, оказавшийся чрезвычайно громоздким по численности (временами число кадет превышало 600), оказался чрезвычайно пестрым по своему составу. Рядом с детьми, только что достигшими школьного возраста, только что выпавшими из родительского гнезда, фигурировали юноши, сложившиеся под непосредственным воздействием кошмарных условий современной действительности, фигурировала молодежь, с головою окунувшаяся в ту грязь тыла, которая в конце концов захлестнула все белое движение.

Об оздоровлении корпуса хирургическим путем не могло быть и речи, т.к. пристроить куда-либо удаленных из корпуса оказывалось невозможным, наполнять же сербские тюрьмы русскими юношами-неудачниками было, конечно, крайне нежелательно. Педагогическому персоналу корпуса предстояла работа исключительной трудности, усугублявшейся еще и самою обстановкою жизни в Стернищенском лагере, где, благодаря местным условиям, постоянный надзор за кадетами был почти немыслим, как была немыслима и сколько-нибудь правильная постановка учебного дела. Наиболее характерными и типичными проступками этого периода жизни корпуса, помимо общей распущенности и грубости, было крайне нечистоплотное отношение к чужой, и в особенности казенной собственности. Случаи так называемого загона казенных вещей были явлением самым заурядным, и проступки подобного рода в

сознании кадетской массы трактовались не как явления позорные, а скорее как лихость и молодчество.

При подобном положении вещей, при крайней бедности воспитательского воздействия (благодаря условиям расквартирования, не было возможности осуществлять даже и наказаний), борьба со все более и более нараставшим злом могла вестись лишь в совершенно иной плоскости, и педагогическому персоналу приходилось думать не столько о предупреждении и пресечении проступков, сколько о развитии в кадетской массе благородных чувств высшего порядка, которые могли бы снять с кадетской души ту накипь, которою она обросла в период лихолетья. Чувствами такого порядка, по мнению педагогического персонала, были те устои, на которых держалась и крепла Русская земля, те устои, которые и раньше клались в основу всего кадетского воспитания, и которые формулировались тремя словами: Бог, Царь и Родина.

Разумеется, трудно быть судьей в собственном деле, но тем не менее, оглядываясь на пройденный тернистый путь, педагогический персонал Крымского корпуса может с чувством нравственного удовлетворения констатировать, что избранное им направление было направлением вполне правильным, что умело поддержанный идеализм кадетской души помог ей очиститься от «многия скверны», и что, конечно, среди всего русского беженства не найти молодежи, столь беззаветно и глубоко патриотической, как Крымские кадеты...

Это настроение кадет сплотило их массу в одно монолитное целое, это настроение создало в их среде истинное товарищество, это настроение, сделавшее их, правда, несколько нетерпимыми, совершенно устраняет развитие в их среде того политиканства и партийности, от которых так страдает наше русское беженство.

С течением времени, поведение кадет в Стернищенском лагере стало заметно улучшаться, повысилась их учебная трудоспособность, главным же достижением педагогической деятельности явилось то обстоятельство, что проступки кадет, считавшиеся ранее лихостью и молодечеством, стали получать должную оценку и в самой кадетской среде.

В 1922 году корпус был водворен в г. Белая Церковь. Первоначально расквартирование его на новом месте было чрезвычайно неудовлетворительно, и кадетам, перенесшим много всяких мате-

риальных лишений и невзгод в Стернищенском лагере, пришлось немало пострадать и в Белой Церкви.

Крайняя скученность, отсутствие самой примитивной мебели, кишащие клопами полы и стены, холод и невозможность отопить помещение без зимних рам, отсутствие помещений для церкви и столовой, все это делало жизнь кадетскую крайне неприглядной и тяжелой…

Новым фактором в жизни корпуса явилось непосредственное соседство Николаевского Кавалерийского училища. Это соседство, не отразившись на идеологии кадет (оба учебные заведения по настроению своему были совершенно тождественны), тем не менее, оказало некоторое, и притом отрицательное, влияние на кадетские нравы, то влияние, которое всегда оказывает близость почти уже взрослых молодых людей к зеленой молодежи.

«Цук», потребление спиртных напитков, посещение притонов и тому подобные проступки, наблюдавшиеся в жизни корпуса в период пребывания его в Белой Церкви, если не происхождением, то, во всяком случаем, своим развитием во многом обязаны соседству с Кавалерийским училищем. Однако, наряду с этим отрицательным влиянием, близость училища дала корпусу и известные плюсы, выработав в кадетах известную подтянутость, воинскую лихость и щеголеватость. Совместная жизнь корпуса с училищем продолжалась, впрочем, весьма недолго, т.к., через несколько месяцев по прибытии корпуса в Белую Церковь, Николаевское училище было расформировано.

С течением дальнейшего времени и с улучшением кадетского быта, заметно стало улучшаться и общее поведение кадетской массы. Случаи загона стали спорадическими, и о том беззастенчивом отношении к казенному имуществу, которое было господствующим в Стернищенском лагере, в Белой Церкви не могло быть и речи. Главным и наичаще повторяемым проступком кадет в Белой Церкви являются их самовольные отлучки, борьба с которыми представляется несколько затруднительной, благодаря условиям расквартирования (отсутствие отдельного места для прогулок, возможность удирания через окна 1-го этажа), хотя и эти проступки становятся более редкими. Работоспособность кадет тоже начала заметно повышаться, появился интерес к учебному делу, а две первых же матуры дали прекраснейшие результаты и вызвали са-

мые лестные отзывы присутствовавших на матурных испытаниях сербских профессоров.

Крымские кадеты в настоящее время представляются в своей общей массе молодыми людьми очень отзывчивыми, чуткими и сердечными, они очень любят свое родное гнездо и дорожат его доброй славой, они проникнуты воинским духом и, поступая по окончании корпуса в университеты Королевства, однако, только и мечтают о той минуте, когда по приказу Главнокомандующего станут в строй и посвятят все свои силы и свою молодую жизнь святому делу освобождения Родины от красной нечисти.

1925 год, Королевство СХС, г. Белая Церковь

К. Ф. Синькевич

ПРОГУЛКИ, ПЕСНИ, ПОХОДЫ

Глава из книги «Вне Родины», изд. «Воскресенье», Москва – Рыбинск, 2004.

Я начинал входить в тот возраст, когда у мальчика меняется голос, появляются первые половые признаки вроде пушка над верхней губой и бесконечных чирьев, или фурункулов, которые нам в амбулатории смазывали мазью и закрывали куском марли, заставляя потом принимать «фурункулин», средство, составленное на основе дрожжей, крайне невкусное.

У большинства перемены происходили почти безболезненно. Мы с удивлением наблюдали, как из хора уходили наши потрясающие дисканты, вроде Бориса Гридина, обладавшего поразительно чистым голосом. Он начал хрипеть и оказался не в состоянии вообще петь в хоре.

Кстати, о хоре. В начале 20-х годов преподавателем пения был капитан Комаревский, приносивший с собой в класс скрипку и слегка ударявший нас смычком по голове за невнимание или шумное поведение. Через год он покинул нас, и пение стал преподавать «Мешок» - подполковник Александр Николаевич Пограничный. У него действительно была несколько мешковатая фигура – кадеты часто давали безошибочные прозвища как «зверям», так и собственным товарищам.

С семьей Пограничных у нас установились самые сердечные отношения. Супруга подполковника Любовь Яковлевна была подругой моей матери. Обе учились в одной гимназии в Киеве и, встретившись неожиданно в Белой Церкви после долгих лет разлуки и беженской жизни, бросились друг другу в объятия. У Пограничных было четверо детей. Старшая дочь Галина, за ней Александр – одноклассник нашего Шуры, второй сын Дмитрий, на год моложе, а младший Анатолий. Был еще Пограничный Юрий, кончивший корпус в 1928 году, являвшийся двоюродным братом троих старших.

В большом нижнем зале, который тогда лишь начали приводить

в его великолепный вид, он построил класс и, вызывая по очереди кадет, брал на рояле «ля» и заставлял кадета протянуть эту ноту. Это был его метод определения, кто со слухом, а кто без слуха. Я попал в список «бесслухих», а Пограничный долго удивлялся: почему у отца Феодора, обладающего таким хорошим слухом, сын оказался без слуха? Видимо, потому, дорогой Александр Николаевич, что таланты иногда проявляются поздно, а также потому, что вы не умели «открыть» способности. Позже, слушая, как я на гитаре исполнял хроматическую гамму аккордов в «Старинном вальсе», он только ахал и охал: «И как же я не заметил такого таланта?!»

Полковнику П. я благодарен за то, что он меня и всех нас приучил к пению чудных украинских песен. Проведший всю свою жизнь на Украине, он полюбил малороссийские песни и старался передать нам все, что знал. Мы пели хором «Солнце нызенько», «Стоить гора высокая», «Ой, нэ ходы, Грицю», «Три вербочки», замечательные украинские рождественские колядки и др.

А. Н. Пограничный, имевший много других качеств, был заядлым рыболовом, хотя не очень удачливым. Приходя домой грязным и усталым из очередного похода на Дунай или Яругу, он сдавал супруге пару рыбешек, и она потом рассказывала: «А мой бiдный опять ничего не поймал». Это было его домашним прозвищем, неизвестным более широкому кругу лиц. Уже будучи студентом, я с ним пару раз встретился на Яруге. Он по-прежнему ходил туда пешком, а я уже был полностью «моторизован», разъезжая повсюду на велосипеде.

С Пограничными из России выехала их знакомая миловидная Ефимья Федоровна, известная тогда среди друзей как Фимочка, ставшая матерью члена Объединения, преподавателя русского языка в военной школе языков в Монтерее, Святослава Миоковича. Его отец, славный кадет третьего выпуска Крымского кадетского корпуса Сергей Миокович, скончался в Югославии в 90-х годах.

В эти годы я был 13 или 14 лет и учился в 3-м или 4-м классе. В теплые осенние дни, в субботу или воскресенье, нас отправляли походным порядком на Дунай с ночевкой. Это были незабываемые прогулки! Кто-то из воспитателей занимался хозяйственной частью, нанимали телегу с возницей, укладывали сотню одеял, сотню котелков, провиант – картошку, сало, хлеб и чеснок с луком, и выходили рано из корпуса, чтобы добраться до берега реки засветло. Ходьбы было всего около двух часов – 12 километров – но у нас поход зани-

мал не менее трех часов. Задержка объяснялась необходимостью делать привалы, когда тем, кто умудрился растереть себе ноги, делали перевязку, поили холодным чаем всех «умиравших от жажды», а тех малышей, кто не мог идти, усаживали на подводу. Таким порядком мы уже за полдень добирались до берега Дуная у села Паланка. У берега стоял небольшой «гай» - лесок с тенистыми деревьями, - где мы и располагались на ночь. Вечером раскладывали костры, в то время как заядлые рыболовы сидели с удочками на крутом берегу, либо готовили ночные, «донные», приспособления.

Поджарив над костром кусочек сала, надетый на палочку, закусив хлебом с луком или, еще лучше, чесноком и запив горячим чаем, мы укладывались спать. Устроившись на «постель» из сухих веток и травы, завернувшись в одеяло, лежали некоторое время неподвижно, глядя на яркие звезды, отгоняя назойливых комаров и делясь впечатлениями дня. Единственным спасением от комаров было закрыться одеялом с головой или устроиться поближе к костру с той стороны, куда шел дым. Не всем нравился выбор между комарами и дымом. Несмотря ни на что, какой-нибудь особенно голодный комар выбирал мгновение, когда ветерок относил дым чуть-чуть в сторону, и немедленно впивался в шею или в затылок. С другой стороны, даже тем, кто заворачивался в одеяло, не удавалось полностью избежать атаки: комар обязательно преодолевал все препятствия и кусал в крошечный, оставшийся незащищенным, краешек уха. Тогда мы еще не знали, что кусают только самки, которым кровь необходима для производства потомства. Вряд ли, однако, наше отношение к ним изменилось бы, если бы мы это знали. Мы бы продолжали с остервенением хлопать себя по укушенному месту, нередко с кровью размазывая труп паразита по телу. Но усталость и молодость брали свое, и мы крепко засыпали до утра. Не спал лишь один дежурный, в чьи обязанности входило также поддержание огня в костре, горевшем всю ночь для отгона комаров, а также просто для создания уюта. Дрова были с вечера собраны всем лагерем. А сухих дров, принесенных волнами могучей реки и выброшенных далеко на песчаный берег, было предостаточно не только в леске, но и на берегу Дуная.

Перед нами текли быстрые струи, становившиеся в этом месте особенно бурными, так как на их пути лежал островок. Хорошие пловцы, которые переплывали на него днем, бродили по нему, как аборигены в тропических джунглях. Островок оставался необитаемым и не посещаемым никем, кроме них, потому что был слишком

мал, чтобы разводить на нем хозяйство, и достаточно неприступен, чтобы добираться до него лишь для прогулки. Будучи расположенным в сотне метров от берега, он играл роль воронки, куда устремлялась вода, и течение в суженном проходе сильно увеличивалось. Поэтому для того, чтобы достигнуть островка, необходимо было подняться на полкилометра вверх по течению и лишь тогда бросаться в воду, иначе течением проносило пловца мимо острова. Для кадет остров представлял неодолимую приманку именно этой своей неприступностью.

Я, конечно, умея к этому времени уже отлично плавать, доплыл до островка, но чуть было не расстался с жизнью. Островок был покрыт густым лесом. С другого конца, вниз по течению, находилась довольно длинная коса из намытого течением песка и мелкой гальки. Босиком, в одних трусах я направился погулять по косе. Песок под ногами был довольно твердый, и я смело шагал по нему, но когда достиг края воды, почувствовал, что ноги быстро уходят вглубь. У меня хватило присутствия духа не испытывать судьбу и не ждать, пока ступни коснутся твердого грунта, а рвануться что было сил из затягивавшего меня песка обратно на твердую почву; бросившись для этого ничком, я схватился руками за более твердые края сыпучей ямы и выбрался наружу.

Возможно, подо мной был лишь неглубокий слой песка, но я этого до конца не выяснил. Меня спасло то, что опасная зона, покрытая водой, находилась у самой воды и не затягивала так сильно, как затягивает лесное болото или сыпучий песок пустыни. Словом, мне удалось выбраться, но признаюсь, что я натерпелся страха. О своем приключении я сообщил товарищам, и меня за это поблагодарили. Никто не решился проверять правдивость моего рассказа.

Другим запомнившимся мне походом была экскурсия с ночевкой всей нашей роты на речку Яругу. «Яруга» по-сербски означает ров, или овраг. И действительно, это была не речка, а скорее длинная извилистая балка, наполненная водой и выходившая мелким широким устьем к Дунаю. Длина оврага, вероятно, не превышала трех четвертей километра. Весь овраг зарос с обеих сторон деревьями и кустарником, а в своем начале становился все мельче, превращаясь в болотце и заканчиваясь лужком. Вероятно, овраг образовался природным путем после обвала рыхлого слоя земли, как всякий овраг, а весенние разливы и паводки доканчивали дело.

Рыбы в Яруге было много. Как-то мы пришли сюда поздней осе-

нью, когда воды в овраге оставалось совсем немного, а рыба сидела в многочисленных углублениях с чистой, ничем не загрязненной водой. Все эти места в то далекое время были девственны в буквальном смысле слова. Нигде нельзя было увидеть ни банки, ни бутылки, ни картонки, ни прочих признаков «цивилизации». Посещения Яруги сотней кадет, конечно, «исправляли» это ненормальное положение, но мы сорили «чистым» мусором, то есть остатками еды, обрывками бумаги и другим вполне невинным материалом, который через год полностью поглощался природой.

В ямах на этот раз не было никакой иной рыбы, кроме щук. Картина ясна: щуки, попавшие сюда при охоте за добычей, оказались летом заперты в водоемах и, сожрав всю другую рыбу, сидели голодные и, наверное, злые. Такой рыбной ловли никому из нас не приходилось наблюдать никогда в жизни, ни до, ни после. Голодные щуки мгновенно бросались на любую приманку, и наиболее удачливые рыболовы вытаскивали их десятками. Мне думается, что мы полностью опустошили все водоемы. Это было какое-то побоище: на куканах, в сетках, в сумках – всюду лежали щуки всяких размеров, начиная с крупных, до двух килограммов весом, и кончая мелкими, всего, может быть, весом в восьмушку фунта.

Для малышей это был улов. Это был год 1925.

*(**От редакции:** Константин Синькевич – кадет Крымского Кадетского Корпуса и Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса. Окончил 12-ый выпуск этого последнего Корпуса. Был редактором Бюллетеня Сан-Францисского Кадетского Объединения).*

А. Г. Денисенко

ПЕЧАТЬ ДАРА ДУХА СВЯТОГО

Розыск о знаке Святого Владимира

Spiritus eternum rectorum est. **Romani.**
(*«Дух - вечный руководитель».* **Римляне.**)

Не в силе Бог, а в правде.
Св. Александр Невский

Символы увенчивают идеи

Символы, идеи и следующие за ними люди составляют высшие круги жизни. Всякое изменение действия одного из этих звеньев отражается на деятельности всего круга, почему они связаны меж собою сопряженным, соподчиненным, строго соответственным взаимодействием, а управляются единым смыслом и единой целью.

Человек выбирает и вынашивает идею, а потом идея увлекает человека за собой. Человек увенчивает идею соответствующим ей символическим образом, а потом, особенно в борьбе, возносит его как знамя.

Символ исходит, рождается из идеи, а в дальнейшем, как путеводная звезда, освещает и направляет жизнь идеи. Чем больше людей или даже поколений увлечено идеей - тем сильнее таинственная мощь влияния символа на ее успех, т. к. он выражает сущность величия идеи.

Поэтому символ обязывает идею и людей, прежде всего, к верности, почтению, активности, и только при этом условии он излучает притягательную силу, которая дает идее жизненную мощь и приближает день победы.

Символика знака Святого Владимира

Все попытки разгадать символику знака Владимира Святого упираются в вопрос: что представляет «фигура» (предмет, составляющий рисунок) знака – иного пути нет.

Исходной точкой нашего розыска является народное объяснение фигуры Владимирского знака, как Голубя Духа Святого, а главным источником справок и освещения данного вопроса – исследование барона М. А. Таубе «Родовой знак семьи Владимира Святого в его историческом развитии и государственном значении для древней Руси» (1).

При этом подчеркиваем, что необходимость ознакомления с результатами прежних решений о знаке (без чего наш розыск может показаться излишним) и, в то же время, в условиях эмиграции трудно преоборимая недоступность соответствующей литературы, вынуждает нас, в изъятие из общих правил, дать описание общего положения вопроса о знаке, почти целиком в том виде, в каком его сделал М. А. Таубе.

Конечно, мы могли бы пересказать это описание, но, учитывая, что Таубе в своем труде дает оценку всем прежним решениям, точность, обоснованность и авторитетность которой при пересказе, несомненно, снизится, - мы предпочитаем воздержаться от переложения. (2).

Разные гипотезы значения знака

«...Не менее 40 ученых пробовали разрешить загадку этого изображения, но "сфинкс" (по выражению покойного гр. И. И. Толстого) оставался все-таки неразгаданным, - несмотря на то, что именно этот выдающийся русский нумизмат в своем капитальном труде "Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского" (СПБ, 1882) дал уже, казалось бы, замечательное по полноте и строгой объективности изложения твердое научное основание для систематического расследования и решения вопроса. Если разгадка, тем не менее, и в последующие годы не была найдена, то это объясняется тем обстоятельством, что из 20 с лишком предложенных решений почти ни одно не являлось результатом систематического и детального расследования. Вопрос трактовался всегда как-то мимоходом, притом главным образом только в связи с нумизматическими проблемами русской археологии, тогда как, на самом деле, он значительно более широк.

Чтобы как следует в нем разобраться, необходимо начать с краткого обозрения предлагающихся до сих пор его решений. Сведя их в группы, представляющие однородные гипотезы, получим следующую картину»: (3).

А. Знак как символ государственной власти:

1. Трезубец: Карамзин (1815), Снегирев, новейшая украинская терминология. (4).
2. Верхушка Византийского скипетра («диканикий»): гр. Уваров (1851).
3. Скифский скипетр: Самоквасов (1894).
4. Корона: Вильчинский (1908).

Б. Знак как церковно-христианская эмблема:

1. Трикирий: Воейков (1816), бар. Шодуар, Сахаров, Рейхель, Шуберт.
2. Labarum (5).: Волошинский (1853), Гиль, гр. Гуттен-Чапский.
3. Хоругвь: Тилезиус (1882).
4. Голубь Св. Духа: Куник (1860), Стасов, Гильдебранд, Арнэ.
5. «Акакия»: Sr Cumberger (1900). (6).

В. Знак как светско-воинская эмблема:

1. Якорь: Бартоломей (1861).
2. Наконечник «франциски»: Тилезиус (1864). (7).
3. Лук со стрелой («Куша»): А. В. Толстой (1882). (8).
4. Норманский шлем: Милюков (1889).
5. Секира: Сорокин (1894).

Г. Знак как геральдически-нумизматическое изображение:

1. Норманский ворон: Кене (1859).
2. Генуэзско-литовский портал: гр. Строганов (1860), Лелевель.

Д. Знак как монограмма:

1. Руническая: гр. И. И. Толстой (1882), Куник, Чернев, Орешников, Болсуновский.
2. Византийская: Болсуновский (1906), Соболевский, Грушевский, Скотинский.
3. «Украинская»: В. Пачковский (1923). (9).

Е. Знак как геометрический орнамент:

1. Византийского происхождения: гр. И. И. Толстой (1886).
2. Восточного типа: Н. П. Кондаков (1891).
3. Славянский: Левшиновский (1915).
4. Варяжский: он же.

Столь удивительное разнообразие мнений не свидетельствует, очевидно, ни об убедительности предлагающихся решений (от которых отказались сами авторы), ни от правильности метода исследования. Во всяком случае, оно заставило ряд ученых отказаться от дальнейших отгадок того, что собственно «знак» собою изображает (in specie), и ограничиться лишь определением его значения (in gencie). На такую точку зрения стал и сам гр. И. И. Толстой в своем упомянутом выше труде. В нем автор, к которому присоединился тогда акад. Куник, приходит к выводу, что «знак, несомненно, служит родовым "знаменем" (печатью, тамгою) Киевского великого князя, в смысле его семейного знака собственности; напротив - что он изображает, неизвестно, так как это, очевидно, не какой-нибудь определенный предмет, как символ государственной власти, а условная "геральдическая" фигура, скорее всего скандинавского происхождения, может быть, руническая монограмма». (10).

Несколько ниже барон Таубе говорит, что:

«Все отгадки "предметного" значения должны быть признаны несостоятельными, за явной их произвольностью или полным несоответствием основному свойству "знака": его "изменяемости" в различных вариантах, его способности "сокращаться" (путем урезывания среднего стержня или острия фигуры), "дополняться" (привнесением сторонних украшений) и "перевертываться" - очевидно, без ущерба для изображаемого им символа.

Действительно, как справедливо говорит Левшиновский, все попытки объяснения "загадочной фигуры" были не результатом "исследования", а "простыми догадками"». (11).

Чтобы покончить с приведенными выше группами, отметим, что, по мнению барона Таубе, решения, обозначенные буквой «Д», «ни в коей мере не напоминают бывшие в то время монограмматические знаки (совершенно определенного буквенного характера) - весьма ненаучный прием произвольного "разреза" любой геометрической фигуры на отдельные "буквы" может, очевидно, всегда дать в результате любое сочетание букв и слов по любому

алфавиту, в зависимости от фантазии автора данной гипотезы». (12).

Полагая, что барон Таубе достаточно и вполне обоснованно выявил несостоятельность прежних решений, мы, вместо поочередного рассмотрения их, ограничимся лишь примечанием общего порядка.

Пытаясь найти основную причину, приведшую к ошибочным решениям, прежде всего укажем, что М. А. Таубе, соглашаясь с предположениями ряда исследователей, признавших знак «своего рода гербом» (13), считает, что они ошиблись в том, что знаку, имевшему общее значение, иногда приписывали «значение либо государственной власти, либо клейма финансового порядка, либо личной или семейной собственности князя». (14).

По нашему же скромному мнению, главная причина, вызвавшая «простые догадки» и давшая в конце концов ошибочные решения, кроется не в преуменьшении или «дроблении» значения знака (в этом отношении мы разделяем мнение М. А. Таубе), а в шаблонных мерках и предвзятом подходе к содержанию знака.

По-видимому, и сузившие «объем» значения знака, и те, кто считает его «своего рода гербом», - не смогли отвязаться от комплекса представлений, связанных с гербами (в полном значении слова) и по шаблону искали в знаке предмет или фигуру, символизирующую мощь или право власти.

При таком подходе исследователи невольно выхватили знак из его «среды» - эпохи, навеки ознаменованной Крещением Руси, и, в то же время, отделили от богато одаренной личности творца эпохи - князя Владимира, соединявшего особенности, казалось бы, несовместимые в одном человеке.

Исследователям казалось маловероятным, что знак вчерашнего рьяного язычника, каким был князь Владимир до крещения, может иметь христианскую символику, тем более, что даже в поздние века основу гербов (без кавычек) обычно составляет все та же идея мощи или власти, а религия отражается в них лишь придатком или деталью религиозного характера, а иногда их и вовсе нет. Но так поступают обычно в странах, где недооценивают значение религиозных факторов, или имеется несколько вероисповеданий, и ни одно из них не приобрело главенствующего положения, или когда герб и религия приняты из разных культурных «самодовлеющих» центров или не в одно время.

Два символа Святого Владимира

Наш же случай, по-видимому, совершенно особый, т. к. есть основания предполагать, что князь Владимир дал народу два символа: крест Христов и свой знак, который, принадлежа эпохе Крещения и не будучи стеснен еще не сложившимися геральдическим традициями, мог с необычайной «не соответствующей» знаку «кесаря» полнотой содержать религиозную, и к тому же христианскую символику.

Именно в силу того, что оба символа даны творческой волей человека, крестившего Русь и, по всем свидетельствам, пережившего лично духовное возрождение, они могут быть связаны меж собою с исключительной для знаков столь различного назначения гармонией, которая, в таком случае, и должна быть ключом древней народной реликвии. (15).

Как видно из перечня прошлых решений, почти все они не отвечают выдвинутому нами положению и, в то же время, склонны отражать чуждые, а порой даже враждебные нашему народу умонастроения и идеологии («норманисты», сепаратисты), а мы соглашаемся с народным объяснением знака, из которого определенно явствует, что светоч веры и основоположник культуры и государственности русской у их истоков водрузил символы внутренне единые. (16).

(Пропуск одной страницы в оригинале автора).

Всё это заставляет нас отказаться от сомнительного вывода в столь кардинальном вопросе. (17). Но все же, продолжая сравнивать с той же тамгой (18) знаки князя Владимира, принадлежавшие ему вполне достоверно, - рис. 2 (М.) и рис. 1 и 3 (Т.) - найдем и другие основания предполагать между знаком Владимира и тамгой какую-то связь или зависимость: нельзя не признать, что упомянутые знаки отличаются от нее гораздо меньше, нежели от целого ряда своих же вариаций (например: 25, 29, 31 - таб. Т.). Кроме того, собственные знаки кн. Владимира, как и тамга, не имеют креста, а среди вариаций знака встречаются без креста даже двузубцы! (Таб. М. рис. 7 и таб. Т. рис. 29, 30).

Такая общность хотя и умеряется соображением, что 8 знаков, принадлежавших кн. Владимиру и его сыновьям - все «трезубцы», но все же вынуждает сделать вывод: судя по внешнему виду, можно полагать, что знак и тамга - однотипны. Более уточняющего вывода сделать нельзя, ибо символические знаки кроме форм имеют и «душу», т. е. символику, и при определении тождества знаков глав-

ным критерием является не внешний вид, а идейное содержание. В противном случае, они утратили бы право называться символическими, а в нашем случае пришлось бы все вариации Владимирского знака считать из-за различного вида «чуждыми» друг другу.

Вообще нам кажется, что вопрос происхождения знака или его возможной до-Владимирской истории может быть решен основательно только после выяснения его символического содержания, иначе вопрос станет «бесконечным» и второстепенным, т. к. неминуемо уведет нас в доисторическую эпоху, запутает в многоярусных предположениях и даст множество сомнительных версий, которые не помогут, а усложнят выяснение истины. (19)

Рассматриваемый нами случай вполне доказывает основательность такого мнения - не зная «души» знака, мы стоим перед соблазном признать его прототипом тамги (знака, клейма собственности), а от нее идет целый ряд бесконечных дорожек:

А). К 21-ой букве еврейского алфавита - sin или shin (см. рис. 52); она же - furca (вилы!) или вульгарно - lefou.

Б). К скипетру - «трезубцу» (не по описанию, а по объяснению фигуры) языческого бога морей.

В). К греческой букве ψ, которая составляет начало слова «душа» - «психе».

Поэтому поиски прототипа знака следует ограничить рассмотрением только тех символов, которые, как возможные прототипы, имеют больше преимуществ.

В этом отношении нельзя не признать, что тамга выделяется из иных символов древнего мира, причем не только видом своим, но и назначением и принадлежностью, а главное, местом и временем действия примыкает к знаку вплотную, и тем самым ставит под вопрос роль князя Владимира как создателя знака; оспаривает вообще христианский характер символики знака и одновременно угрожает разрушить миф о его, якобы, норманском (Таубе) происхождении. (20)

Чтобы разобраться в этом клубке сложностей и противоречий, остается выяснить, что могла означать тамга у антов? Решение этого вопроса, быть может, предполагает ответ и на следующий: могла ли тамга быть прототипом Владимирского знака?

Этому поиску предпошлем мнение двух советских ученых.

«Открытие изумительной преемственности культовых изображений между скифо-сарматским миром и позднейшим славянским поз-

воляет предполагать, что анты были неизбежным промежуточным звеном, восприявшим часть скифо-сарматских религиозных представлений и передавшим их Киевской Руси, а через нее и далее.» (21)

«Византийцы видели в антах искусных воинов, людей, способных воспринимать культуру "ромеев" и оплодотворять ее элементами своей культуры, людей, могущих принять активное участие в политической жизни империи.

Византия неоднократно приглашала антских вождей на военную службу. В 469 году начальником фракийских войск Византии был славянин или ант Анангаст. В 30-х годах 6-го века ант Хвалибуд был начальником византийских гарнизонов по Дунаю, а другой ант Доброгаст был командующим Черноморской эскадрой. Среди военачальников византийского войска упоминается ант Всегорд». (22)

Связи антов с Византией шли в сторону Причерноморья, которое еще с апостольских времен было постоянным очагом христианской культуры, и вообще не ограничивались отдельными лицами, а охватывали порой значительные группы антов. Характер связей позволяет предполагать, что некоторые вожди антов были христианами, что, в свою очередь, могла отразиться на их родовых символических знаках - тамгах.

А в общем, приведенные выше ссылки, в отношении определения религиозной принадлежности тамг, ориентируют нас весьма различно: на язычников-сарматов и на христианскую культуру «ромеев» - но мы привели цитаты не для того, чтобы защищать одну из ориентаций и доказывать, что даже в языческую эпоху тамги, как предполагаемые прототипы знака, содержали христианскую символику. Хотя такая возможность не исключается, у нас иная цель: мы хотели обосновать мнение о том, что вопрос происхождения знака, пока его символика не вскрыта, действительно превратится в «бесконечный», и, таким образом, наше намерение - в поисках прототипа ограничиться рассмотрением тамги и «норманского мифа» - можно считать вполне оправданным.

В ту эпоху родовые символические знаки, почти как правило, были связаны с религиозными верованиями, и это обстоятельство весьма облегчает нашу задачу выяснения содержания тамг.

Вспомним, что анты, а несколько позже и русичи, не имели общей для всего племени веры, а каждый род, в зависимости больше всего от ступени своей культурности, имел собственную, родовую. Поэтому более сложные и возвышенные верования, естественно,

были у знати и стояли надо всеми «частными» верами и богами настолько высоко, что вызывали подражание со стороны более примитивных, слабых или даже подчиненных родов.

Антская знать, а потом и русская, верила в загробную жизнь и все события и природные явления воспринимала как действия духов умерших. В поисках защиты от нежелательных явлений природы и жизни, люди обращались с молитвами к духам умерших родичей, и со временем это обожание сложилось в очень высоко развитый культ предков (23), который, если вспомним антских вождей, служивших Византии, мог иметь и реальные основания.

Вызванные этим культом особенности древних погребений (с едой, оружием, скотом и рабынями) и тризн прекрасно свидетельствуют, что русичи получили культ от антов.

Общеизвестно, что некоторые отголоски культа предков славяне сохранили до наших дней, а в первый век после Крещения Руси языческие привычки были настолько сильны, что князья перед битвами нередко молили своих умерших родичей о даровании победы.

Потребность иметь изображения своих невидимых покровителей привела антов к созданию символических тамг, которые, вместе с культом предков, могли быть переданы русичам, и у их до-варяжской знати могли существовать вплоть до Рюриковых и Владимировых времен.

Из всех предметов и живых существ, еще до обожания предков имевших культовое значение, роль символа духов подходит больше всех - птице. Из почитавшихся нашими древними известны - петух, ворон и кукушка, но предполагать, что кто-нибудь из них был изображен на тамге, а с нее впоследствии перешел на Владимирский знак, нельзя: на тамге изображены только крылья.

Манера изображать вместо целого только характерную часть предметы или живого существа - стара как человечество, но в данном случае она может объясняться не технической легкостью, а степенью развития символических представлений у антов: в условиях более примитивного идолопоклонничества большей части народа, изображая только крылья, антская знать отдаляла свой знак от грубого тотемизма и одновременно подчеркивала нематерьяльность, символичность изображения.

При этом знать, конечно, не имела в виду ни одну из птиц, т. к. это означало бы возвращение к уже пережитым, низшим ступеням язычества.

Но не исключена возможность, что такая тонкость стилизации была навеяна чуждой, более высокой культурой; связи антов с Византией вполне оправдывают такое предположение.

Теперь вернемся к сравнению знака с тамгою и уточним принятый тогда вывод: внешнее и притом не постоянное сходство («двузубцы» среди более поздних вариаций) не распространяется на предметы, составляющие фигуры тамги и собственные кн. Владимира знаки - и в первом случае изображены только крылья, т. е. характерная принадлежность всех птиц, а в другом - целая птица, и, если верить народной памяти, птица вполне определенная - Голубь. (24)

О «двузубцах», встречающихся среди вариаций Владимирского знака, придется говорить подробно несколько позже, а сейчас достаточно подчеркнуть, что при решении вопроса сходства или различия антских и русских символов главное внимание следует уделять ближайшим к тамге (по времени возникновения), а не удаленным от нее вариациям знака. Сообразно с этим, в «двузубцах» XI-го века нельзя усматривать доказательства происхождения знака от тамги, потому что между тамгой и «двузубцами» имеется целый ряд «трезубцев», принадлежавших лично Святому Владимиру (и 4 «трезубца» его сыновей), которые являются «родоначальными» образцами для всех последующих вариаций. Встречающееся среди сих последних не постоянное сходство с тамгой («двузубцы» без креста) объясняется традиционным изменением фигуры знака, которая, по сути своей, так же далека от смельской тамги, как далеки безымянные крылья от голубя, а духи языческих «щуров» - от Духа Святого.

А если знаки Святого Владимира имеют фигуру сложнее, нежели тамга (третий «зубец»), и содержат другой предмет (не крылья, а целую «птицу»), и, как увидим, отличаются и символикой, то вполне уместно спросить: могла ли, при всем указанном, тамга быть образцом для изображения Голубя, символа Святого Духа?

Утвердительный ответ заставит нас прийти к нелепому утверждению, что значки летчиков чуть ли не всего мира тоже происходят от антской тамги, потому что все они содержат птичьи крылья...

Отнюдь не собираясь, в данном случае, применить правила русской геральдики ни к антской тамге, ни даже к знаку (хотя они сложились отчасти под влиянием последнего), все же нелишне отметить, что спорные случаи геральдика решает в пользу Голубя:

«Форму голубя придают в гербах и другим птицам, если порода последних неизвестна». (25)

Чтобы наши рассуждения и доводы не приобрели характера односторонних или предвзятых, нельзя забывать, что пока не будет установлена принадлежность знака (рис. 1, таб. М., он же рис. 34, таб. Т.), он, как могущий стать соединяющим звеном между антскими и русскими символами, будет снижать достоверность или делать условным всякое решение по вопросу происхождения знака Святого Владимира: этот знак лишил нас возможности прийти к выводу, что прототипом знака является тамга, а сейчас не позволяет категорически утверждать, что она не могла быть его прототипом.

Поэтому уместно рассмотреть, изменится ли достоверность народного объяснения знака, если допустим, что завтра будет обнаружена тамга, совершенно сходная со знаком (собственность кн. Владимира), или конкретно будет установлено, что спорный «двузубец» (о котором идет речь) действительно принадлежит князю Владимиру?

Наружное сходство символических знаков далеко не всегда обеспечивает и единство их символической сути. История учит, что знаки, вполне схожие по виду, в зависимости от тех или иных важных событий, связанных с ними, или под влиянием новой духовной и целевой направленности людей, в различных эпохах могут иметь иное символическое содержание (как, например, в данном случае: тамга, знак Святого Владимира, знаки летчиков). В этом отношении и Крест Господень из символа позора и казни, каким был до распятия Христа, стал символом искупления и вечной жизни.

А под влиянием различной целеустремленности в наше время сложилось положение, что называется, «скандальное»: знак Святого Владимира одновременно увенчивает борьбу за Россию и борьбу… против России!

Факт изображения знака на Десятинной церкви, сам по себе, говорит о том, что если он имел и языческое прошлое, то к моменту постройки храма уже содержал христианскую символику; иначе быть не могло: принцесса Анна, духовенство и мастера-греки, строившие и украшавшие храм, указали бы на недопустимость клеймения храма языческим символом. С другой стороны, во мнении народа, языческое клеймо на первом монументальном храме, без сомнения, снизило бы престиж Христианства.

Итак, если сходно нашему допущению, при любом происхождении, при каком угодно назначении и самом скудном символическом содержании, знак существовал и до кн. Владимира, то он мог заменить его языческую суть христианской, а слово «мог», в данном

случае, равноценно слову «должен», потому что Крещение Руси, как событие эпохального значения, переоценивало ценности языческого мира и не только могло быть основанием для замены всего знака (т. е. фигуры и символики), или только языческой символики, но даже требовало этой замены.

Следовательно, во всех случаях инициатива князя Владимира в выборе символического содержания для своего знака не исключается, а его известный ответ Митрополиту - «Боюсь греха» - прекрасное свидетельство, с какой проникновенностью он воспринимал нормы Христианства, что, в свою очередь, является гарантией, что знак, обнаруженный на Десятинной церкви и дворце князя, не был языческим.

Полагая, что научный метод исследования, на котором настаивает барон Таубе, не может игнорировать соответствующих доводов жизненного свойства, осмеливаемся утверждать, что кто впервые видит икону Крещение Христа на Иордане, непременно обращает внимание на Голубя.

Мог ли Креститель Руси не видеть эту икону?

Мог ли не заинтересоваться значением Голубя?

Мог ли не избрать его в свой знак, если только при этом Голубе могло свершиться таинство Крещения Христа и Владимирской Руси?

Подводя итог выяснения содержания тамги и сравнения ее со знаком, заключаем:

А). Сопоставляя факт изображения знака на Десятинной церкви с установленным ранее несходством фигур и различием предметов, составляющих антский и русский знаки, приходим к убеждению, что знак князя Владимира является христианским символом, но, тем не менее, совершенному исключению тамги, как возможного прототипа, мешает причина только формального свойства - не установленная окончательно принадлежность знака (рис. 1, М., он же 34, таб. Т.).

Б). Как бы впоследствии ни определилась принадлежность этого знака, можем считать, что после принятия князем Владимиром Христианства или, во всяком случае, не позже Крещения киевлян, знак содержал христианскую символику. (26)

В). Что же касается мифа о норманском происхождении знака, в обоих случаях (произошел ли он от тамги или от Голубя, символизирующего Святого Духа) он отпадает как совершенно излишний.

В дальнейшем верность принятых нами заключений надеемся подкрепить иными, убедительными доводами.

Ошибочные заключения

Теперь ознакомимся с предварительными выводами М. А. Таубе, на основании которых он пришел к заключению о знаке, противоречащем народному объяснению.

«Можем определенно сказать, что он действительно представлял собою родовой знак осевшего в России варяжского дома, семьи "старого Игоря". В самом деле, из приведенных выше данных видно:

1. Что в первичной дошедшей до нас форме загадочная фигура была еще языческим символом ("освящение" фигуры крестом появляется только в некоторых более поздних вариантах), причем в традиционной форме, без креста, она удерживается в старшей линии княжеского дома, у Полоцких князей.
2. Что она была, очевидно, не личным знаком Владимира Святого (который, вероятно, оставил бы его после Крещения), а именно уже старой эмблемой всего его рода, и
3. Что дальнейшее ее развитие, с разнообразными изменениями у отдельных членов рода или его линий, как нельзя лучше подходит к обычному свойству "изменяемости" родовых знаков, известному нам из фольклора разных времен и народов». (27)

Примечания к этим выводам будем располагать, придерживаясь последовательности автора, но перед этим напомним, что в предыдущей главе, когда мы условно предположили, что, быть может, «завтра» будет доказано происхождение знака от тамги, - мы не намечали, кому из князей, в таком случае, мог принадлежать почин принятия знака-тамги, т. к., с нашей точки зрения, выяснение этого вопроса не предопределяет языческого содержания символа, принадлежавшего лично кн. Владимиру, и в обоих случаях его можно считать новой эмблемой (т. е. христианской): если предки Владимира пользовались иными знаками, и если князь Владимир вложил в «старую эмблему» (тамга) новое, христианское содержание.

Но исследователи, которые, как и Таубе, считают знак символом языческой эпохи, вопросу почина должны придавать гораздо большее значение, т. к., с их точки зрения, принадлежность знака князю-язычнику определяет языческую суть символа вплоть до момента добавления к нему креста.

Под таким углом зрения, утверждение исследователя (о том, что знак принадлежал всему роду осевшего в России варяжского дома) кажется не достаточно обоснованным, чтобы, при данных условиях, можно было отнять инициативу принятия (тамги), или создания знака у князя-христианина и отдать ее князьям-язычникам.

Вывод исследователя производит впечатление недостаточно обоснованного, потому что он сделан без учета одного весьма значительного факта, который считать случайным, по нашему мнению, никак нельзя.

Рюрик; затем Олег, «прибивший щит» к Царьградским вратам; «старый» Игорь; Святая Ольга - «мудрейшая из жен»; мечтавший превратить Русь чуть ли не в империю, олицетворение князя-воина, Святослав Игоревич - все были славны, воинственны, имели различные сношения с другими народами и видали, как говорится, свет; но ни источники иностранцев, ни богатый и культурный по тем временам Новгород, ни народная память - ничего определенного не говорят о знаках властвования ни предков князя Владимира, ни его современников и братьев Ярополка и Олега Святославичей.

Эта «неизвестность», конечно, не позволяет думать, что у предков князя Владимира, в отношении знака властвования, была некая невообразимая пустота, но она же не дает оснований и для утверждения, что знак был «старой» родовой эмблемой: «неизвестность» позволяет не утверждать, а только предполагать.

С принципиальной стороны - знаки были и у предшественников кн. Владимира, а «неизвестность» станет вполне понятной, если допустим, что только он широко использовал знак (на церкви, на дворце, на монетах), а до этого он играл роль только клейма-печати. (28)

Как печать, он мог быть известен только узкому кругу лиц, который на первых порах после «призвания варягов», к тому же, и состоял, главным образом, из норманнов, - что еще больше объясняет «неизвестность».

Но такое предположительное объяснение совсем не укрепляет утверждения, сделанного исследователем, потому что вопрос о фигуре, которая могла быть на печатях Рюриковичей-язычников, может иметь несколько решений:

А). Возможно, что печати содержали ту же фигуру, что и на Владимирском знаке, и так же, как и он, подвергались варьированию, ибо, заменяя подпись, они не могли быть постоянными.

Б). Фигура печатей могла бы быть иной, не Владимирского образца, и тоже подвергалась варьированию.

В). Каждый князь-язычник мог иметь свою оригинальную фигуру печати, или даже несколько печатей, содержавших различные фигуры.

За вероятность последнего предположения говорит наличие у самого кн. Владимира и у других князей нескольких вариаций (правда, не на печатях) знака; может быть, эта особенность имеет корни в языческой эпохе, а крайнее развитие получила у последних поколений Рюриковой династии: число печатей, содержавших различные, вполне оригинальные фигуры и принадлежавших одному князю, иногда достигало 12-ти; причем понятно, что у первых Рюриковичей было еще меньше причин иметь на печатях вариацию одной и той же фигуры, т. к., до Владимира включительно, все они были неграмотны. (29)

Исследователь фигур и символов на печатях средних веков свидетельствует:

«Изображения эти, впрочем, были так неопределенны, что государи одной и той же страны, в разное время и при разных обстоятельствах, меняли символы, по-видимому, совершенно произвольно». (30)

А какое неопределенное отношение к печатям было на Руси, даже в начале 17-го века, видно из сочинения Котошихина:

«...И у старых родов князей и бояр, и у новых истинных, своих печатей нет, да и не токмо у князей и бояр и иных чинов, но и у всякого чину людей Московского Государства гербов не бывает; а когда случится кому к каким письмам или послам к посольским делам прикладывать печати, и они прикладывают, какая у кого печать получилась, а не породная». (31)

Итак, заканчивая разъяснения «неизвестности», можно указать, что из трех возможностей две (Б и В) - исключают принадлежность Владимирского знака кн. Игорю или иному предшественнику Владимира, а достоверность тех же Б и В укрепляется убедительным фактом, которым пренебрегать никак не смеем: из всех известных к нашему времени знаков Владимирского образца, самые старые принадлежат князю-христианину Владимиру.

Теперь перейдем к выводам М. А. Таубе, обозначенным цифрами.

1. Очевидно, и новый исследователь подошел к знаку слишком формально: кресту придает значение добавления, которое

«освящает» «языческий» символ, и, сообразно с этим, знаки, принадлежавшие лично князю Владимиру, как бескрестные, тоже считает языческими и, следовательно, не образцами, а вариантами «старой, родовой» эмблемы всего дома Рюрика. В свете только что оконченных примечаний, отсутствие креста на знаках, принадлежавших князю Владимиру, вряд ли можно расценивать как доказательство, что таким знаком пользовались и Рюриковичи - язычники; с другой стороны, тогда возникает недоумение: как же следует объяснить, по меньшей мере, странное обстоятельство, что некоторые потомки князя Владимира, уже зная примеры «освящения», все же предпочли иметь бескрестные, «языческие» знаки? Если указание исследователя о том, что князья Полоцкие удержали в своем доме «традиционную форму» бескрестного знака, следует понимать, как намек на возможное сознание их первородства среди Рюриковичей, - можем сослаться, что не все варианты знака, не имеющие крестов, принадлежат князьям-полочанам (4, 19, 27, 30, 34, 35 - таб. Т.), и, очевидно, эта особенность знака объясняется основаниями более широкими, нежели претензии «Рогволжьих внуков». Если бы отсутствие или наличие креста меняло в корне символику знака или только расширяло ее объем, крест, наверное, стал бы непременным придатком или постоянной «частью» фигуры знака, и те же князья Полоцкие вряд ли решились бы пользоваться «устаревшим» или «неполным» символом, ибо он, помимо прочего (что признает и исследователь), знаменовал принадлежность к правящему роду. А т. к. крест не стал неотделимой частью знака, то можно заключить, что варианты знака, не имеющие креста, совершенно полно выражают символическую суть, а крест (или кресты) служат, главным образом, придатком, уточняющим различно стилизованные изображения единой для всех вариантов русского знака символики. Такой вывод, как нам кажется, укрепляет любопытная подробность: для «освящения» знака достаточно придать к нему один крест, а не два или три, как иногда встречаем. В свете наших недавних рассуждений и выводов (конец предыдущей главы и разделы А, Б, В - в настоящей), заключение М. А. Таубе о том, что кн. Владимир «не оставил» (в смысле - не изменил) «старую эмблему», приобретает характер неубедительный и позволяет нам, к высказанным уже доводам

за то, что знак, принадлежавший кн. Владимиру, был новый, если не полностью, то, по крайней мере, символическим содержанием, прибавить еще одно соображение: если бы знак имел языческое «прошлое», то князь Владимир, став христианином, к старой фигуре присоединил бы крест.

2. Став, после смерти своих братьев Олега и Ярополка, «самовластцем» всей Русской Земли, кн. Владимир мог изменить знак, нисколько не опасаясь, что одна из линий рода задержит у себя «старый языческий» знак, и создастся положение, удобное для оспаривания прав на великокняжеский престол. В этом отношении, сыновья кн. Владимира имели больше оснований опасаться замены «языческого» символа христианским, в особенности если вспомним притязания Святополка Окаянного и распрю между Ярославом Мудрым и Мстиславом Тмутараканским, закончившуюся разделом Руси на две части (помимо особого положения Полоцка). Ни династических, ни психологических причин оставить (в смысле - сохранить) языческий символ у князя Владимира не было, и можно утверждать, что решимости характера, нужной для «освящения», а если надо, то и для замены всего знака, - у него было достаточно, ибо, при весьма развитом культе предков, он нашел в себе силы отвергнуть веру отцов. Следовательно, с психологической стороны было бы непонятно, что при принцессе Анне и греческом духовенстве кн. Владимир не решился или не считал необходимым сделать более легкий шаг - заменить хотя и «старый», но языческий символ, тогда как очевидно, что этот шаг логично следует из замены веры.
3. Конечно, свойства знака «изменяться» посредством «дополнений» и «сокращений» присущи не только русскому, но способы выявления этих свойств, как увидим, предопределены символическим содержанием основной фигуры знака и поэтому весьма оригинальны. Что же касается свойства фигуры не менять символику и в «перевернутом» состоянии - даже меньше, нежели о первых двух, можно говорить, что и оно как нельзя лучше подходит к обычному свойству «изменяемости» родовых знаков разных времен и народов. (32) Все три свойства «изменяемости» являются своеобразным шифром знака и критерием правильности решений о его фигуре, а идеи монограммного и орнаментального объяснения, вне всяких сомнений, возникли в результате «невозможности» отыскать

предмет (фигуру), отвечающий этим особым свойствам. Основание для такого заключения находим в тексте исследователя, который выдвигает тоже орнаментальное объяснение; этим мы и начнем новую главу розыска.

«Очевидно, что фигура X, отдельные части которой могли отпадать или заменяться другими, а сама фигура перевертываться без ущерба для ее постоянного символического значения, не могла, по крайней мере, первоначально, представлять собою никакого реального предмета видимого мира». (33)

Далее, согласившись со сходными мнениями Толстого, Кондакова и Левшиновского, автор говорит: «Мы имеем дело с условной геометрической фигурой, с известным орнаментом» (34), - а чтобы не ошибиться в выборе его прототипа среди множества «трехчастных» фигур символов древнего мира, ищет «характерную художественную деталь» Владимирского знака и обнаруживает их даже несколько:

«Общий характер ленточного переплета, его оригинальное цветовидное центральное ядро, перехват или узел, а также привходящие впоследствии дополнения или украшения фигуры (кресты определенного типа, птицы и пр.).

По всем этим художественным деталям несомненной кажется скандинавская родина знака» (35), - заключает исследователь.

Затем на камнях средней Швеции Таубе обнаруживает множество рунических начертаний, по его мнению, очень схожих со знаком, но, к сожалению, приводит только одну группу, «ленточный орнамент которой в основной своей части представляет прямой и ясный прототип русской "загадочной фигуры"» (рис. 41-43, таб. Т.). (36)

Считая, что обнаруженный «прототип» обладает теми же свойствами «изменяемости», что и Владимирский знак, т. е. может «сокращаться», «дополняться» и «перевертываться», исследователь заключает:

«Словом, на полу-языческих, полу-христианских рунических камнях Швеции X - XIII веков мы констатируем художественную эволюцию орнамента, совершенно аналогичную и параллельную знаку Владимира Святого за тот же период (ср. рис. 41-43) - до его полного превращения в иные изображения (хоругвь, процветший крест, "колонны")». (37)

Уверенность Таубе в том, что его заключение верно, выражается и в примечании о знаке, имеющемся в шведском соборе (1017 г., в

Скаре, под изображением ярла Рогволда или его потомка - Св. Эрика: рис. 40, таб. Т.), который кажется ему - «вводящим исследователя в соблазн по этому знаку презюмировать прямую генеалогическую связь между русской княжеской семьей и соответствующим родом шведских ярлов». (38)

Судить о достоверности принятого М. А. Таубе чуть ли не самого важного вывода мешает отсутствие в нем точности: говоря о том, что основная фигура знака не представляла никакого реального предмета, исследователь ограничился выражением «первоначально», и в то же время не дает ответа на ряд вопросов, вытекающих из такого неопределенного утверждения.

Конечно, встречающиеся в более поздних вариантах знака дополнения (кресты, «птицы») - реальные предметы, но все же:

А). Каким образом символика знака, при всех вариантах, могла оставаться неизменной, если фигура изменилась от «нереальной» до реальных предметов?

Б). Почему, происходя от шведских орнаментов, содержащих реальные предметы (змей, «птиц», кресты), русский знак, в отношении содержания фигуры, был, первоначально, какой-то пустышкой?

В). Как отражалось добавление креста к русскому знаку: «освящался» ли весь знак, или только его фигура, или только символика? Не превращался ли знак, как шведские орнаменты, в языческо-христианский символ?

Г). Принимая во внимание, что иногда крест помещается возле фигуры знака, а в других случаях сливается с нею, - одинаково ли при этом «освящались» знаки?

Д). Если знак - рис. 5 (Т.), несмотря на то, что крест не касается фигуры, следует считать «освященным», то почему знак - рис. 1 (Т.), изображавшийся (на монетах) у плеча князя Владимира, который в то же время имеет в руке крестообразный скипетр, исследователь не считает «освященным»? - ведь в обоих случаях крест не касается фигуры?

Оправданность всех этих вопросов позволяет считать вывод исследователя недостаточно убедительным.

Выражение М. А. Таубе «кресты определенного типа», пожалуй, тоже не соответствует действительности, т. к. оно вряд ли может охватить 5-6 разновидностей креста (вплоть до «андреевского»), встречающихся на русском знаке.

Что же касается переплета и перехвата (как «характерных художественных деталей» фигуры), мы склонны видеть в них не содержание фигуры, а только отражение норманской техники изображения; иначе говоря, они были не «текстом», а «почерком»; в противном случае, как объяснить, что знак кн. Владимира - рис. 1 (Т.), Ярослава Мудрого - рис. 5 (Т.) и Мстислава Тмутараканского (рис. 4, М.) этого перехвата не имеют?

К тому же, в окончательном заключении о содержании фигуры знака (см. ниже) исследователь не дает указаний о перехвате, и его, по-видимому, надо предполагать в упомянутых «формах рунического орнамента».

Оставляя вопрос вполне возможного родства Рюрикова дома с линией, к которой принадлежал ярл Рогволод, открытым, - о соблазнявшем барона Таубе знаке (рис. 40, Т.) думаем, что, несмотря на подкупающую «трехчастность», он походит не столько на русский знак, как на излюбленные в Шотландии знаки типа «Thisthe». (39)

Ввиду важности указания об аналогичности и одновременности изменений русских и шведских «орнаментов», сожалеем, что исследователь не представил нескольких, ярких в отношении сходства, шведских экземпляров для сравнения их с русскими знаками соответствующих годов. А впрочем, в те времена не ставили датировок даже на монетах, и отчасти поэтому далеко не все вариации русского знака определены в отношении их принадлежности.

Но и без сравнения можно предполагать, что «аналогичность» (и так далее) имеет совсем противоположный смысл: варьирование знака совершалось без влияния на него шведских змеиных орнаментов, а сходство художественных эволюций, на которых настаивает исследователь, могло быть результатом известных случаев нумизматических подражаний Киеву, имевших место в XI веке в Польше и в скандинавских странах. Описывая один случай подражания монете Ярослава Мудрого (рис. 5, Т.), исследователь говорит:

«Эта, особенно для того времени, чрезвычайно художественно исполненная монета, вызвала грубые подражания в скандинавских странах, причем знаку тут явно был придан характер стилизованной летящей птицы (рис. 6, Т.). Это навело впоследствии, через Прибалтийские земли, к ассоциации идеи птицы с фигурой знака Рюрикова дома (см. прибалтийские подвески, 8 и 42, и киевские - 18. 20, 21), а у некоторых ученых XIX века - к объяснению фигуры как (будто бы) "Голубя Св. Духа" или "норманского ворона" (см. выше)». (40)

Неизменно внимательный к другим моментам сходства между шведскими и русскими знаками, в данном случае, несмотря на бесспорную значительность подражания, исследователь ограничился лишь констатацией факта, как будто мастерское исполнение киевской монеты может исчерпывающе объяснить причины подражания, настолько полного, что среди русских вариаций знака нет ни одной, которая в той же мере была бы похожа на знак князя Ярослава.

Назвав такое подражание грубым, тем не менее, исследователь отмечает не причины его, а последствия, т. е. говорит о том, что ассоциация идеи птицы с фигурой знака возникла благодаря этой скандинавской копии (рис. 6, Т.) и двум прибалтийским стилизациям знака, для которых (так следует понимать?) образцом служил уже не русский знак, а скандинавская копия.

Вопреки такому мнению, мы считаем, что и до этого Владимирский знак и походил на «птицу», и изображал ее, но, во избежание голословности, обратимся к самим символам.

Сам по себе факт подражания знаку в ряде стран говорит о том, что оно не было «случайным». Затем, несмотря на то, что объем подражания превосходил «нумизматическое», т. к. оно простиралось даже до заимствования знака Киевского князя, все же оно производит впечатление не слепого повторения, а уточнения, выполненного, очевидно, с полным пониманием внутреннего и внешнего значения образца.

Контур русского знака, если не считать чуть большей заостренности крыльев, в копии сохранен полностью; остальные различия: три крестика и кружочки - вариации деталей образца, и лишь две подробности оригинальны - разрез клюва и глаза, но они имеют характер уточнения; уменьшение числа кружочков позволяет думать, что в Скандинавии знали точно - что они символизируют.

Вообще такое поистине грубое подражание можно объяснить сочетанием двух положений: знания, что русский знак изображает, и желания сохранить его символическое значение, ибо хотя часть внесенных в копию изменений и согласована с какими-то неизвестными нам скандинавскими представлениями или условиями, все перечисленные различия все же не отдаляют фигуру копии от образца.

Исходя от народного объяснения знака и наблюдения, что почти все добавления, встречающиеся в его вариациях, имеют характер религиозно-церковный, возникает предположение о значении кружочков: князь Ярослав, при отце и при Святополке Окаянном, кня-

жил в Новгороде, землю которого после возведения собора стали называть «землей Св. Софии»; город делился на пять «концов», а все княжество, в основном, состояло из пяти «пятин», которые в виде кружочков могли быть помещены на крыльях голубя.

Если эта «простая догадка» окажется верной, - получим еще одно доказательство, что не скандинавы «превратили» фигуру знака в «птицу», а она и раньше была ею. Сомневаться же в том, что в Скандинавии знали объяснение знака непосредственно от кн. Владимира или Ярослава, не приходится (41), но при этом нельзя не учитывать, что даже в те времена личное знакомство и родственные связи - причины недостаточно основательные для того, чтобы государи, пренебрегая назначением и содержанием символического знака, перенимали его у властителя другой страны. (42)

В идейно-политической атмосфере Европы того времени столь откровенное подражание едва ли было бы возможным, если уже тогда знак был «старым родовым», и совершенно немыслимым, если бы он содержал языческую символику: очевидно, он был еще «новым», а его символическая суть была христианская и настолько «заманчива» и универсальна, что главы государств заимствовали ее, не нанося ущерба достоинству и владетельным правам одной и другой стороны, как, например, перенимают крест или скипетр, увенчанный крестом. (43)

Все эти соображения и доводы позволяют воспринимать «аналогичность» в смысле, совершенно не схожем с тем, который защищает исследователь: русский знак, перенесенный на скандинавскую монету, естественно, стал широко известен и мог отразиться на местных рунических орнаментах в том отношении, что Голубь, как совершенно определенный символ, вместе с крестом (появившимся не с русским знаком, а вследствие принятия Христианства и скандинавскими странами), стал деталью многих рунических начертаний, которые сохранили местные змеиные сплетения.

С другой стороны, рунических орнаментов такое множество, а серия вариаций русского знака настолько «многоразлична», что поиски сходства между ними, благодаря тождеству двух деталей (Голубя и креста), очень облегчены. К тому же, невольно приходим к мысли, что идея орнаментального объяснения знака не создает точных рамок, при которых было бы возможно только одно истинное решение, т. к. допускает нахождение сходства между орнаментами даже в сомнительных случаях. (44)

Дальше: ссылка исследователя на прибалтийский орнамент (рис. 42, Т.), как на иллюстрацию «аналогичности» изменений, на наш взгляд, мало убедительна: самая оригинальная способность Владимирского знака - «перевертываться» - на этом орнаменте не аналогична русской манере изображать Голубя, летящего вниз или «почивающего» на фигуре знака (см. рис. 18, 20, 21 - таб. Т.); Голубь, лежащий на спине, может иметь совсем иное символическое значение - не сошествие Св. Духа «на землю», а… скорее отражает один из этапов борьбы язычества против Христианства, в которой гибли даже короли, пытавшиеся распространять Христианство силой. (45). Для окончательной оценки «аналогичности и одновременности изменений» русских и скандинавских символов, следовало бы знать, какими родовыми или личными знаками властвования пользовались скандинавские короли в конце X-го и в начале XI-го веков (46), но что касается «нумизматического» казуса - неоспорно, что его производили люди, знавшие истинное содержание русского знака, а вызван был тем, что в нем видели, прежде всего, символ принятия Христианства.

Окончательное заключение о «внутреннем значении» знака М. А. Таубе формулирует так:

«"Загадочная фигура" является, наверное, ничем иным, как стилизацией фигуры морского трезубца, как древнейшей эмблемы власти, в привычных для пришедших в Россию варягов формах рунического орнамента». (47)

Таким образом, новое решение о знаке является интересной комбинацией двух, по мнению автора, возможных объяснений: в «условном орнаменте» причудливо сплетены - древний языческий узел, обладающий магической силой «заговора» или заклинаний, и древнейшая эмблема власти - трезубец, характерные черты которого исследователь усмотрел в прямоугольности верхних частей «крыльев» фигуры, отличающихся от закругленных изгибов, свойственных скандинавским змеиным орнаментам.

Указывая, что трезубец был заветным знаком викингов, помимо прочих доказательств его распространенности, Таубе ссылается на монету Хорика Датского (854-870, рис. 38, Т.) и современную кн. Владимиру печать «варяжской стражи византийского базилевса», на которой изображен Архангел Михаил, держащий «цветовидный трезубец в деснице». (48)

Не возражая против распространенности трезубца - символа, которым любили пользоваться лица, прославившиеся морскими победа-

ми или претендующие на владычество на морях, - к примечанию автора, из которого видно, что печать «варяжской стражи» принадлежала, собственно, государственному чиновнику (и могла в чем-то подражать императорской), добавляем, что в шуйце (49) Архангела Михаила отчетливо видно «яблоко» - держава, и поэтому можно предположить, что в деснице его не трезубец (к чему он «переводчику»?), а скипетр, верхушка которого («диканикий», см. рис. 51) несовершенством тогдашней техники могла быть «превращена» в цветовидный трезубец.

Причины ошибочности объяснений

Но, разумеется, причины, вынуждающие нас не разделять объяснение знака, выведенное исследователем, более веские:

1. Трудно усвоить, что князья не сделали мотивом своего знака властвования одно из событий, которыми полна их жизнедеятельность, а предпочли нечто «сложно-безвидное». Кроме того, решение Таубе противоречит народному объяснению.
2. Мы не знаем, как можно согласовать два утверждения исследователя: одно - что знак, при всех своих «изменениях», не менял символическую суть; а другое - что «первоначально» он не представлял собою реального предмета, потому что обладал «странными» свойствами «изменяемости». Каким образом символика могла быть неизменной, если «не-первоначально» (отсутствует указание) фигуры, по-видимому, начали представлять реальные предметы? Полагаясь на народную память, мы считаем, что и «первоначально» фигура содержала реальный и вполне соответствующий «душе» знака предмет: рисунок знака был достаточно характерен, чтобы вполне отчетливо выразить заключенную в нем символику. В позднейших же вариациях (которые, по Таубе, перестали быть «нереальными») она могла изображаться с меньшей ясностью, т. к. оправданные стремления потомков князя Владимира - придать своим знакам вид, отличающийся от других вариантов того же знака (как видно из таблиц) - приводили и к очень большим отклонениям от образца и, естественно, порой могли нанести фигуре ущерб настолько большой, что ее изобразительность должна была снизиться. (50)
3. Уже говорилось о том, что идея орнаментального решения, да еще, как в данном случае, комбинированного или условного, слишком «эластична», т. к. ей не мешает ни несходство закругленных линий змеиных орнаментов с прямоугольностью вер-

хушек крыльев (у Таубе это слово в кавычках) русского знака; ни исчезновение на многих вариантах третьего «зубца», т. е. факт превращения фигуры из «трезубца» в «двузубец»!

4. От автора научного, современного исследования мы вправе были ожидать, что он не ограничится только указанием «тройной» «изменяемости» знака и «наблюдением» за его превращением в «колонны» князей Литовских и киевскую «хоругвь» XIV - XV веков, но и докажет верность своего объяснения знака, испытав его всеми тремя способами.
5. Если примем точку зрения М. А. Таубе, неизбежно возникает вопрос: почему в знаке Ярослава скандинавы не узнали своего же змеиного орнамента? Казус «нумизматического подражания» свидетельствует не только о силе культурного влияния Руси, но, совместно с наличием антской тамги и отсутствием данных о знаках до-Владимирской эпохи, обесценивает значение скандинавских орнаментов, как возможных прототипов русского знака. Вряд ли необходимо перечислять все имеющиеся в тексте розыска причины нашего несогласия с заключением, принятым бароном Таубе, а поэтому укажем еще одну и продолжим розыск.
6. В примечании к своему решению о знаке исследователь говорит: «К этому скандинавскому… синтезу… полному… магических представлений… не преминули затем присоединиться… славянские народные представления» (51), - и затем поясняет: «Оказывается, что до нашего времени в некоторых глухих углах русских Карпат народным заклинательным знаком, рисуемым под Рождество или на Крещение на дверях хат, является не крест, а схематическая фигура Владимирова знака в прямом или перевернутом виде. (Рис. 48, таб. Т.)». (52)

В данном случае, пожалуй, излишне ставить вопрос - каким образом знак Владимира Святого целиком превратился в «заклинательный» и, очевидно, «языческий», и поэтому перейдем к выводам, которые можно сделать из этой любопытнейшей и очень ценной для нашего розыска народной традиции:

А). Память народа обладает большой силой: у нас народ еще не забыл, что знак представляет Голубя, а на Карпатах знак Св. Владимира до сих пор изображают как птицу, у которой голова повернута в сторону и изогнуты концы крыльев (см. рис. 5, названный В. В. Мавродиным «клеймом ремесленника»). (53)

Б). В условиях многовекового «пленения» Карпатской Руси, при котором всякая народно-русская (в смысле - национальная) манифестация могла вызвать жестокое гонение, начертание Владимирова знака, даже в глухих углах, было бы невозможным, если бы его символическое содержание не имело совершенно определенного религиозного значения.

В). Сравнивая народно-религиозный карпаторусский обычай с имеющимся на территории России (на Страстной неделе), приходим к заключению, что замена креста Владимирским знаком является прямым и вернейшим доказательством того, что оба символа принадлежат к символам одного качества.

Г). Знак указанной схемы (рис. 48, Т.) и однокачественный, по своему содержанию, с крестом - никакой другой фигуры, кроме Голубя - Св. Духа представлять не может. Databaseстойность этого заключения несомненна, потому что знак изображает и день праздника Крещения Христа. (54)

Д). Причина замены креста знаком ясна каждому, кто знаком с историей этой оторванной ветви русского народа, явившей исключительную силу национального характера: причина в том, что знак, имеющий символику религиозного характера, в то же время был и знаком «кесаря» и сохранялся в памяти народа как символ единства Русской Земли или государственности.

Е). С точки зрения М. А. Таубе, карпаторусская манера изображать знак в прямом и перевернутом виде будет необъяснима (к этому моменту вернемся в очередной главе).

Ж). Эта традиция косвенно доказывает обоснованность нашего мнения о причинах, вызывающих, при князе Ярославе, «нумизматические» подражания, и вообще придает нашим главным выводам большую значительность.

З). Карпаторусское восприятие содержания и значения (знак «кесаря») седого символа, очевидно, соответствует тому идейному замыслу, который вкладывал в свой знак кн. Владимир, и поэтому такое восприятие следует считать классическим.

Голубь Святого Духа

Считая, что истинность народного объяснения знака и вытекающего из этого объяснения утверждения, что он изображает Голубя Святого Духа, уже достаточно обоснованы, все же приступим к проверке.

Плеяда известных к нашему времени вариаций знака так обширна и разнообразна, что каждое из прежних решений находит экземпляры, подкрепляющие его, но, кроме Голубя, ни одно из решений не выдерживает испытания тремя основными способами «изменяемости». Больше того, по нашему мнению, Голубь обладает и четвертой особенностью, которую М. А. Таубе заметил, но не придал ей значения: он может «висеть» в воздухе, т. е. быть изображенным летящим.

На монетах кн. Владимир изображен держащим в правой руке крест или крестовидный скипетр, левая рука князя прижата ладонью к груди, а знак начертан у левого плеча, как бы висящим в воздухе. (55)

При всяком содержании знака (включая монограмму и «условный орнамент»), ему полагалось бы находиться не у плеча, а в свободной левой руке или на ней; и только один знак не мог держать кн. Владимир - тот, который символизирует Голубя Духа Святого (объяснять, почему, - излишне).

Если наше решение о содержании знака верно, то применима ли к нему способность «сокращаться»? Иначе говоря, можно ли, как встречаем среди вариантов знака, изображать Голубя без туловища, а иногда и без головы?

Неполные геральдические или символические фигуры птиц русская геральдика позволяет рассматривать, как целые изображения: «Вместо птиц, могут быть помещаемы в гербах одни только крылья их, и притом или оба (vol), или одно (demi vol) с плечом и ногою». (56)

В нашей отечественной иконописи принято обыкновение (вспомним традицию антов), чтобы подчеркнуть исключительную духовность лиц, признанных Церковью святыми, изображать их фигуры без проекции теней: изображается, собственно, не тело, а «видимость телесная».

По сходной логике, и у Голубя Духа Святого можно опустить (с большим основанием, нежели у иных геральдических птиц) нехарактерную, излишнюю для него телесную часть - туловище. Такая стилизация, не меняя символического содержания, прекрасно подчеркивает, что фигура (птица без туловища, или только крылья) имеет значение не реальное и символизирует безграничность, вездесущность.

Наряду с этим, результат орнаментального решения, к которому пришел М. А. Таубе, очевидно, не может удовлетворять такому

свойству знака, ибо трезубец, будучи лишен среднего стержня или зубца, превратится в другую фигуру, т. к. станет двузубцем, и, по нашему разумению, символика знака станет иной.

О другом «слагаемом» решения, составленного М. А. Таубе, т. е. об «узле», мы вынуждены умалчивать, потому что, к сожалению, в должной мере не уяснили себе ни сути его, ни формы. К тому же, нам представляется, что узел, обладающий магической силой «заговора» и заклинания, должен иметь совершенно определенную вязку, - чего на практике не находим.

Итак, народное решение безукоризненно согласовывается с этим «правилом» изменяемости и даже помогает вскрыть внутренний смысл сокращения, которое освящено древней традицией Русской Земли еще со времен антов; отвечает своеобразию русского иконографического символизма; и, несомненно, является источником традиций более поздней эпохи, вылившихся, в конце концов, в правила русской геральдики.

Попутно отметим, что в розыске мы не раз в соответствующих моментах приводили справки из геральдики, но, не желая идти «по линии наименьшего сопротивления», не делали их исходным базисом принимаемых нами заключений. Заканчивая розыск, мы должны указать, что видоизменения Владимирского знака, зародившегося в «предысторическое» для геральдики время, служат основой для нее, а поэтому многие принципиальные (не детали) положения геральдики не только отражают, но, в свою очередь, объясняют некоторые «индивидуальные» особенности знака.

Следующая способность знака - «дополняться» - свойственна очень многим символическим знакам, и нередко подчинена определенным правилам.

В знак Владимира Святого дополнения вводятся, чаще всего, с определенной целью - уточнить символическую суть знака, претерпевшего в соответствующем варианте изменения основной фигуры (поэтому следует различать неоднозначные по смыслу понятия: дополнение, украшение). При этом выразительность символики достигается не только содержанием введенных дополнений, но и способом их размещения.

Знаку - Голубю Духа Святого - вполне естественно быть изображенным (в зависимости от религиозно-стилистических представлений владельца) без креста, с одним, двумя или даже тремя крестами: не меняя сути основной символической фигуры знака, крест или

кресты уточняют главную идею - изображена «святая» или посланная Богом птица (к таким относятся все «трезубцы» русского знака, изображенные с крестами).

В других случаях дополнения более необходимы, т. к. появляются вследствие «сокращения» фигуры: крест, как бы «вросший» в крыло, впервые встречаем на фигуре «сокращенной», ставшей «двузубцем» (см. рис. 25 и 26 - Т.), и он имеет, очевидно, назначение указать, что странная фигура, имеющая только крылья и голову, все тот же «святой» Голубь, потому что она неразрывно связана с крестом.

Кстати, предположения о том, что знак изображает норманского ворона, явно несостоятельны, т. к. крест может быть «крылом» только Голубя - Св. Духа.

Уже указанные знаки - 25 и 26 (Т.), судя по заботе их владельцев целым рядом дополнений увеличить изобразительность фигур, наводят на мысль, что эти варианты одни из первых (если не первые), изображающие Голубя без туловища.

Описывая их, М. А. Таубе говорит: «Над центром фигуры вместо стержня изображен тонкий с кружочками на концах крест, или полумесяц, или какой-то неясный значок (три разновидности)». (57)

Эти же знаки мы нашли у И. В. Скворцова (ошибочно приписанные Ярославу Мудрому), причем рисунки их предельно отчетливы и без труда позволяют видеть, что, кроме полумесяца, справа у головы Голубя помещен кружок с сиянием, который по ассоциации с полумесяцем хочется объяснить, как изображение солнца. (58)

Другая подробность еще значительнее: левое (геральдическое) крыло имеет характерную штриховку «елочкой», наподобие птичьего пера (59); линия, где заканчивается штриховка, и стержень «пера» хорошо видны и на рисунке того же знака в таб. Т. (рис. 25).

На другом знаке в учебнике Скворцова (рис. 26, Т.) кружок, который мы склонны объяснить как солнце, изображен без сияния, а крыло, так же, как и в таблице Таубе, вместо штриховки имеет только линии.

Полумесяц, солнце (?), штриховка «елочкой», «вросший» в крыло крест указывают, что стихия фигуры - «небо», т. е. что она является птицей, которая по ценности своей настолько близка кресту, что неразрывно связана с ним, а наличие зараз символов дня и ночи говорит о том, что птица имеет непреходящее, вечное значение.

На некоторых вариантах крест помещен вне основной фигуры, обычно над нею, по-видимому, из-за желания подчеркнуть роль Го-

лубя как посланца Божия, а в общем содержание и размещение дополнений отвечает даже догматике Православия, а крест, особенно «вросший» в крыло, как символ Христианства, отвергшего язычество, трудно совместить с магическим узлом и трезубцем.

Почтение к кресту сказывается в весьма любопытной подробности: пренебрегая правилами симметрии, крест на русских знаках никогда не сливается с туловищем фигуры Голубя; такая тонкость стилизации, одновременно, доказывает истинность народного объяснения знака.

Если идеалом «взаимосоответствия» фигур и выражаемых ими символов является гармония, то несомненно, что видоизменения фигур (посредством дополнений и, как в знаке Владимира, - даже способ размещения дополнений), в той или иной мере, отражаются на выразительности символического содержания. Отсюда, даже без ссылки на кропотные правила геральдики, можно сделать вывод, что «перевернутые» символические знаки противоречат своему прямому назначению, а их символическое содержание, несомненно, изменит свой смысл. (60) Трезубец, изображенный зубьями вниз, будет выражать нечто противоположное символу могущества, и, следовательно, решение, предложенное бароном Таубе, не выдерживает всех трех испытаний, не считая 4-го - не может «висеть в воздухе», т. е. летать.

А Голубь выделяется и из круга птиц-символов, т. к. удовлетворяет всем тонкостям стилизаций Владимирского знака, характеру, способу и смыслу присоединения деталей, уточняющих символику, и, даже будучи обращен головой вниз или к земле, не теряет ни своей символической сути, ни ореола Божия Посланца.

Какой знак самый старый

Вполне понятное желание - установить, какой же из собственных знаков князя Владимира самый старый и является образцом, встречает затруднения. (61)

Из удостоверенных Владимировых знаков известны две группы, вернее - пары: два знака, бывших на зданиях, и два - на монетах. Сходство между каждой парой знаков настолько велико, что М. А. Таубе в своих таблицах представляет эти пары объединяющими их типами: рис. 1 (Т.) типичен для знаков, имеющихся на монетах кн. Владимира, а рис. 3 (Т.) - для знаков, бывших на Десятинной церкви и киевском великокняжеском дворце.

Знак типа 1 (Т.), по-видимому, более позднего происхождения, потому что вариация знака, принадлежавшая Святополку Окаянному (рис. 4, таб. Т.), княжившему после Владимира (1015-1019), более близка к этому типу знаков: средние стержни фигур одинаково тонки вверху и так же заострены внизу (в расширенной части стержня).

Что касается другой пары знаков, не имея точно ориентирующих данных - какой из них старше, будем догадываться. Говоря о каменном здании во «Владимировом граде», находившемся возле Десятинной церкви, Мавродин добавляет: «Рядом, к западу, было расположено другое каменное здание, обмазанное штукатуркой, с богатой фресковой живописью. Родовой знак Владимира на одной из плит датирует здания концом X и началом XI веков». (62)

А Таубе, доказывая принадлежность знаков типа 1 князю Владимиру, говорит: «Решающим соображением является здесь общее сходство этого варианта знака со знаками на двух обломках кирпичей из киевских раскопок 1907 г. в усадьбе г. Петровского (на месте великокняжеского дворца, уничтоженного пожаром в 1017 г.) и 1908 г. в усадьбе Десятинной церкви, построенной в 991-995 г.г. (рис. 3, таб. Т.)». (63)

Сопоставляя эти цитаты и сравнивая однотипные знаки - рис. 3 (Т.) и рис. 2 (М.) - можно заключить, что первый относится к церкви, а второй к дворцу. За это говорит и соображение о том, что, как известно, кирпичи были не прямоугольные, а слегка скошены (см. рис. 3, Т.).

Несмотря на то, что мы не знаем года закладки дворца, а время постройки церкви определяется спорно (летописец говорит, что кн. Владимир заложил храм сразу же после Крещения киевлян), склоняемся к тому, что знак, обнаруженный на кирпичах, более старый. Кирпич настолько обломан, что фигура знака повреждена и в нижней части является незаконченной, но даже в таком виде она явно сложнее однотипной ее вариации - рис. 2 (М.), т. к. имеет ответвление, идущее от нижнего отрога вниз, вправо. Другое различие усматриваем в нижних отрогах: линия его, на знаке таблицы Мавродина, не так закруглена, как у знака - рис. 3 (Т.). Благодаря этим различиям, можем считать, что рисунки Т. и М. выполнены с двух различных оригиналов.

Все это имеет значение для «экскурса» предположительного характера, который мы намерены сделать.

Дело в том, что пара старейших Владимирских знаков, которые мы только что рассматривали, по нашему мнению, существенно отличаются от всех иных вариантов (включая знаки и на монетах кн. Владимира) схемой своих фигур. Очень может быть, что мы имеем дело со своего рода «характерной художественной деталью», подобной той, которую искал М. А. Таубе при выяснении прототипа знака.

Если присмотреться к этим знакам, то не так легко сказать, как изображены их фигуры: летит ли Голубь вверх или вниз?

Привычное по другим вариантам знака положение крыльев (острия их направлены в сторону хвоста) внушает, что птицы летят вниз, но при таком решении придется мириться с нелепым следствием, что голова фигуры в несколько раз шире хвоста. Это несоответствие настолько велико, что ссылка на несовершенство тогдашней техники здесь неуместна - изображения достаточно велики, т. к. находятся не на «дробнице» - миниатюре, а на плите и кирпиче.

Правда, сам князь Владимир начал (см. знаки на его монетах - рис. 1, Т.) стилизовать туловища в виде несоразмерного с крыльями и головой тонкого стержня (что, по-видимому, привело впоследствии к «двузубцам»), но такая стилизация не объясняет данный случай: хотя при туловищах-стержнях фигуры тоже обладали непомерно большими головами, но все же формы голов имели соответствующие им очертания, т. к. в том месте, где приходится клюв, птицы были заострены и вопроса о направлении «полета» не вызывали.

Чтобы решить этот вопрос, остается предположить, что фигура изображает птицу головой вверх, так, как Голубь изображается на иконе - Крещение Христа на Иордане; тогда, как нам представляется, «несуразности» схемы знака исчезнут, и фигура примет вид Голубя с поднятыми вверх крыльями (64), а «ответвление» превратится в оперение хвоста, т. е. станет деталью-украшением, ибо ее отсутствие (см. фигуру - рис. 2, М.) не наносит ущерба основному рисунку фигуры и нисколько не меняет символику ее.

В дальнейшем, начиная со времени ковки князем Владимиром монет, самое большое распространение приобретает фигура Голубя, обращенного головой вниз. Чтобы не ошибиться в оценке этой перемены, нельзя упускать из вида, что и при этом фигура осталась прежней, а изменилось только положение ее. Следовательно, неизменная символическая суть фигуры получила несколько иное смысловое выражение, как, например: крест, помещенный над фигурой

знака, и крест, «вросший» в крыло фигуры, - при едином значении основного содержания - все же выражают неодинаковую «символическую» мысль. С точки зрения схематической точности, конечно, старейшие знаки больше похожи на свой прообраз с иконы, нежели обращенные вниз головой, и именно как Голубя, «свидетельствовавшего» свершение таинства Крещения Руси, князь Владимир поместил на доме Божьем и княжеском.

Голубь же, летящий вниз, отражал другой момент - не Крещение, а последствия его, т. е. изображал Святого Духа, сошедшего после Крещения на Русскую Землю.

Судя по книге Мавродина, такая стилизация знака могла вполне объясняться религиозными представлениями крестившихся русичей, которые в Крещении видели верный залог спасения души и помощи Божьей в земной жизни.

В силе этой уверенности, нельзя не признать, играли роль и незабытые воззрения культа предков, по которым духи умерших участвуют во всех явлениях жизни.

Очень может быть, что наше предположение об особом положении фигур на двух старейших знаках верно, потому что на протяжении четырех веков при всевозможных распрях и даже вражде между многими князьями-Рюриковичами, подвергаясь, по-видимому, не только свободным изменениям, но и отражая на себе иногда влияния Запада и Татарской Орды, среди всей плеяды вариаций русского знака - характерное изображение Голубя, как на первых знаках, не повторялось, и можно думать, что знак - печать дара Святого Духа - оставался общепризнанной потомками Владимира привилегией только Крестителя Руси.

Даже варианты знака - 2 (Т.) и 19 (Т.) - не оспаривают это положение, т. к. первый не имеет нижнего отрога и является, собственно, ливонской подвеской, а у второго, благодаря положению его крыльев, вид просто перевернутого знака; во всяком случае, расположение деталей фигуры иное: острия крыльев направлены в сторону хвоста.

На знаках - рис. 20 и 21 (Т.) , кроме основной фигуры, которая обращена «головой» вверх (голова заменена крестом), имеется изображение Голубя в профиль, сидящего на упомянутом кресте. Отсутствие точных указаний, к какой эпохе принадлежат эти киевские подвески, заставляет строить разные предположения.

Во-первых, причина описанной манеры изображать Голубя может быть в том, что знаки дополнены, вернее - составлены, из целого

ряда предметов, которые несколько затемняют принадлежность их фигур к разновидностям Владимирского знака.

Во-вторых, направленность фигур «от земли к небу», наличие в них вместо среднего «стержня» архипастырского жезла и «панагии», а вместо крыльев - клобуков с «наметками» вынуждает считать их не княжескими подвесками, а монастырскими или архипастырскими. Кроме того, на этих знаках явственно проглядывает влияние западного символизма, т. к. на Западе изображение Голубя, сидящего на кресте впрямь, символизирует Апостола, а сидящего в профиль - Иисуса Христа.

Знаки сыновей Святого Владимира

Сообразно ранее высказанным соображениям, знакам, которыми пользовались сыновья князя Владимира, следует уделить особое внимание, потому что принадлежность их установлена почти во всех случаях бесспорно, и владельцы их, так же как и Олаф Шведский, знали внутреннее содержание знака-образца, а это дает уверенность считать, что принятые в их знаках изменения вполне «законны», и поэтому помогут нам вскрыть истинное содержание древнего знака и, таким образом, проверить правильность сделанных нами заключений.

Следы княжения Вышеслава и Изяслава Владимировичей археологии неизвестны, быть может, потому, что князья умерли еще при жизни отца и, наверное, своих собственных монет не ковали.

Знак князя Святополка (рис. 4, Т.) креста не имеет и, как уже было говорено, является вариацией знака (типа), имеющегося на золотых и серебряных деньгах князя Владимира.

О знаке князя Ярослава Мудрого (1019-1054) к тому, что раньше говорилось, следует прибавить, что из всех вариантов русского знака он больше всех походит на летящего вниз Голубя; кроме того, этот знак имеет две разновидности, которые, судя по рисункам (ср. рис.3, таб. М., с рис. 5, таб. Т.), отличаются только небольшим крестиком, помещенным над средним «стержнем» знака.

Кто из двух князей-братьев первый «освятил» свой знак, пока что трудно сказать, т. к. неизвестно, когда какими знаками они начали пользоваться (на монетах нет датировок), и имел ли и Мстислав Тмутараканский (как мы предполагаем) вначале бескрестный знак или с первых же лет своего княжения пользовался (бесспорно ему принадлежавшим) знаком с тремя крестами.

Странное обстоятельство, что знаки кн. Ярослава имеют меж собою столь незначительное различие, наводит на мысль, что крестик принадлежит не новой серии монет (оригинальной, с видоизмененным при помощи крестика знаком), а добавлен посредством перековки на часть монет одной и той же серии.

Для проверки такого предположения следовало бы сличить две различных монеты Ярослава, и если окажется, что действительно, кроме крестика, они ничем не различаются, - можем считать, что перековке подверглись монеты, еще не вступившие в обращение, т. е. в момент ее еще находившиеся в казне Ярослава, а факт частичной перековки позволит допустить, что она была вызвана причинами серьезного и, быть может, неожиданного свойства. Но предполагаемая перековка - только «яркая, уточняющая деталь», ибо и без нее (если монеты принадлежат различным сериям) не исключено, что добавление креста было вызвано серьезными мотивами, которые объясняются трагическими событиями, происшедшими после смерти кн. Владимира. Вполне возможно, что два князя придали к своим знакам кресты из-за понятного желания отмежеваться от Святополка, погубившего князей - Бориса, Глеба и Святослава; при этом символика знака, очевидно, не изменилась: начертав крест выше фигуры, кн. Ярослав как бы «демонстративно» подчеркнул ее христианскую суть.

Догадка о том, что злодеяние могло быть причиной добавления креста, интересна и в отношении объяснения - почему «освящение» знака (помимо князей-полочан) не превратилось в постоянную традицию: остро переживали «окаянство» ближайшие потомки Ярослава Мудрого, а потом, несмотря на то, что летописец продолжал вещать, что из могилы Святополка Окаянного идет «смрад велик по сей день» (65), трагическое событие утратило свою прежнюю остроту, и крест вводился не постоянно, лишь как пособие для уточнения символической сути основной фигуры в ее некоторых вариациях.

Считая, что для отыскания истинного значения знака необходимо учитывать обстановку, в которой он «жил» и видоизменялся, напомним, что кроме братоубийства имелось и другое основание для того, чтобы Ярослав и Мстислав при помощи креста могли символизировать, что для них, как настоящих наследников князя Владимира, Святополк «изгой» или отщепенец: мы имеем в виду указание о том, что «когда, по закону левирата, Владимир взял в жены вдову убитого Ярополка, она уже “бе непраздна”, от нее же родился Святополк». (66).

При всем этом, вполне естественно, что полоцкие князья, имевшие с киевскими особые счеты, не разделяли отношений Ярослава и Мстислава к Святополку Окаянному и, в свою очередь, демонстративно продолжали изображать свои варианты Владимирского знака без креста.

И, наконец, если кружочки на знаках Ярослава Мудрого действительно означают новгородские «пятины», то бескрестным знаком он пользовался до гибели трех братьев, а знаком с крестом - между годами 1014-1019, когда, продолжая княжить в Новгороде, вел борьбу со Святополком за великокняжеский престол; как выглядела предполагаемая третья вариация, мы не знаем, но, наверное, пяти кружочков на ней не было.

Если ко всему сказанному о знаке кн. Ярослава напомним, что он вызвал подражание в скандинавских странах, которое еще больше подчеркнуло правоту народного объяснения; вспомним, что этот же знак внушал академику Кунику мысль о Голубе Духа Святого, - можем заключить, что он не обесценивает нашего утверждения о содержании символа Святого Владимира.

Знак Мстислава Владимировича князя Тмутараканского (рис. 4, таб. М.) выделяется четкостью и изяществом фигуры, напоминающей венец; был составлен, по-видимому, мастерами-кавказцами, строившими для Мстислава Владимировича соборы в Тмутаракани (не закончен) и в Чернигове; изображает летящего вниз Голубя, который на верхушках крыльев имеет два симметрично расположенных «косых» крестика, а головой касается (как бы несет в клюве) гораздо большего креста, тоже «косого».

Вся эта художественная композиция изображает Св. Троицу, в лице Духа Святого сходящую, точнее - благословляющую Русскую Землю, но поскольку центральной и основной фигурой знака остался Голубь, нет оснований думать, что символика знака подверглась изменению: по сути дела, он не изменился бы, если бы два крестика находились над основной фигурой.

Заслуживает особого внимания, что впервые и очень находчиво Русь изображена крестом Андрея Первозванного - Апостола, который, по преданию, проповедовал на землях, впоследствии ставших русскими, за что и почитается покровителем Руси. Это умилительное утверждение самоценности Русской Церкви через четыре века выльется в основную духовно-политическую идею Московского Царства («Третий Рим»).

Среди внутренних украшений Киевской Софии (Ярослава Мудрого) на шиферной плите имеется изображение «птицы», стоящей впрямь и, как и на знаке кн. Мстислава, на верхушках крыльев имеющей два крестика. Несмотря на то, что фигура птицы не окружена лучами, местонахождение ее и наличие крестов позволяет видеть в ней не орла, а Голубя - символа Духа Святого (не эмблему княжеской власти, а только символ религиозно-церковного порядка).

Отсюда можно сделать вывод, что правила русской геральдики, по которым изображение в гербе Голубя считается символом Духа Святого, если оно окружено лучами, - на знак кн. Владимира не распространяется.

Осталось разобраться в странном, на первый взгляд, обстоятельстве - почему знаки самого Крестителя Руси не содержат креста?

Проповедь и усвоение Русью основ Христианства, при почти сплошной неграмотности народа и недостатке священства, труд великий и длительный. Вначале крестился Владимир, затем Киев, потом народ, но фактически, при князе-христианине, большая часть народа еще оставалась языческой. (67). В таких условиях, во имя успеха своего замысла, сразу же после своего крещения, кн. Владимир, пожалуй, даже должен был не связывать два новых символа воедино: знак Голубя, но без креста, в народе, продолжавшем быть языческим, не мог вызвать ни равнодушия, ни насмешки, ни вражды - язычники видели в знаке только птицу (символ власти или дома княжеского) и почитали его как знак любимого князя, а христиане старые и Владимирского крещения чтили в нем «крещенского» Голубя, или Духа Святого. Если такие причины имели место, то расценивать их как недостойную хитрость не приходится, наоборот - в них следует видеть мудрость Владимира, как Крестителя и владетельного князя одновременно.

Другая причина, вынуждавшая кн. Владимира не прибавлять к своему символу крест, не предположительного характера, а совершенно бесспорна и убедительна: на иконе (а мы ведь считаем, что прообразом знака было изображение Голубя на иконе) Голубь тоже не имеет креста.

Результаты розыска

Заканчивая розыск, который мы производили, исходя от народного объяснения фигуры знака, следует отметить, что академик Куник обладал научной проницательностью, ибо даже не зная двух собственных знаков кн. Владимира (рис. 2, таб. М., и рис. 3, таб. Т.),

он, хотя и на время, пришел к правильному решению, от которого, конечно, не отказался бы, если бы в то время столь ценные для исследования знаки были известны, а посему можно считать, что и его предположение о знаке, в какой-то мере, тоже является доказательством истинности народного объяснения.

При весьма ограниченном числе источников, с которыми нам удалось ознакомиться, свою основную задачу - создать канву для полного и окончательного розыска - как могли, выполнили посредством не претендующего на безошибочность выяснения, что могла представлять фигура знака и что она символизировала.

Более широких задач мы себе не ставили, но, конечно, было бы ошибкой - не присоединить к розыску решение М. А. Таубе о значении знака в общественном и государственном быте Древней Руси.

«Это был, прежде всего, заветный знак власти и собственности князя».

«В тех или других вариантах его встречали в Киеве и в Полоцке, в Галиче и в Чернигове, на берегах Дона и на берегах Немана...»

«Такое его распространение красноречиво говорило о тройном (или трояком) единстве в государственном и социальном строе Древней Руси...»

«В течение всего до-татарского периода этот знак указывал, конечно, на единство княжеского рода...»

«Общность знака знаменовала собою, конечно, и единство Земли Русской - несмотря на все ее деления на более или менее самостоятельные волости-княжества и несмотря на всю непрекращающуюся "котору" между князьями-правителями этих волостей...»

«Единство культурное. Оно уже переливалось за пределы собственной Земли Русской, захватывая собою менее культурные "лимитрофы"...» (68)

Со временем Голубь сделался Божественной печатью творческих сил русского народа, и, главным образом, поэтому наше первейшее достояние народное - одной горсти которого хватило нам, чтобы прожить много-много лет за рубежом и все же остаться русскими, - запечатленная Голубем Российская культура соединила множество народностей в единую нацию.

Веруем ли мы в Единого Бога или еще не ощущаем в себе зова этой веры, христиане ли мы или других вероисповеданий, - все мы крещены в общей Российской культуре и не можем изменить ни ей, ни ее Печати - символу Святого Владимира, без потери русскости.

Выводы и предложения

Приступая к выводам и предложениям, которые могут иметь вполне практическое значение, уточняем, что встречающиеся в них допущения объясняются не отказом от сделанных в розыске заключений, а желанием подчеркнуть их убедительность.

1. Будем ли считать прототипом знака антскую тамгу или Голубя - Духа Святого, в обоих случаях миф о норманском происхождении знака будет излишним, т. к. фактически знак возник на Русской Земле, а давность его возможных прототипов исчисляется не меньше, нежели 15-ю веками.
2. Сходство символических знаков утверждается, преимущественно, единством их символических содержаний, а не внешним видом, который играет зависимую от символики роль. Поэтому, если даже допустить, что знак был принят в доме Рюриковичей еще в языческую эпоху, - его сходство со знаком, изображавшимся на Десятинной церкви, будет только внешнее, а по символическому содержанию они будут совершенно различны. Сообразно с этим, совершенно неправильно называть все известные ныне русские вариации знака соборным названием - знаки Рюриковичей: гораздо точнее будет называть их знаками Владимировичей, т. к. до сих пор не обнаружен ни один знак, который можно было бы отнести к языческой эпохе, а самый старый из известных принадлежит Св. Владимиру.
3. Основной, центральной и обязательной фигурой знака, на протяжении веков, является различно стилизованное изображение Голубя или, минимально, его крыльев, а все известные добавления к этой фигуре непостоянны и, за весьма редким исключением (солнце? полумесяц), церковно-религиозного значения. Даже самое частое дополнение к фигуре - крест - встречается далеко не на всех знаках (иногда помещается вне основной фигуры), и поэтому, как и другие дополнения, не может считаться непременной принадлежностью знака. Из этого логично следует, что попытки ввести в знак не освященные традицией предметы, например, оружие, не только извращают фигуру, но и с точки зрения символизма лишают знак права называться Владимирским. Это положение, естественно, распространяется и на попытки дать знаку названия, не соответствующие его фигуре и символике, например, «трезубец» или «вилы». (69)

4. Слово «трезубец» в применении к знаку Св. Владимира обычно вызывается причинами отрицательного свойства - недоразумением, незнанием, произволом или злым умыслом. Как видно из всей серии вариаций Владимирского знака, число «зубцов» не является основным критерием для определения фигуры знака, тем более, что и символика его не имеет ничего общего со скипетром бога морей или «вилами».

Умышленное извращение содержания знака вполне возможно, ибо настоящее значение, историческая роль и религиозная суть символики не соответствуют идейно-политическим упованиям сепаратистов и их покровителей.

Нам приходилось видеть знак, на котором, вместо привычного «среднего стержня», был изображен острием вверх меч. Думать, что этот знак составляли люди несведущие в символике и в политике, - наивно. Здесь, наверное, не обошлось без недобрых молодцев, забывших свое русское имя и уже давно доказавших, что они готовы повторить историю пасынка кн. Владимира - Святополка, заслуженно прозванного народом и, в первую очередь, киевлянами - Окаянным. Зло нашего времени - в чрезмерной вере в силу и в «железо», но даже железо мечей - тленно, и Голубю оно не нужно: Дух Святый - Божья Сила оживотворила даже непостижимую вечность.

«Трезубец» - (укр. «трізуб») - кличка, данная знаку, главным образом, людьми, готовыми свершить против нашего народа Каинов грех, и этого уже вполне достаточно, чтобы в среде национально-здравомыслящих людей она не употреблялась.

Со времени гетмана Скоропадского (1918 г.) знаком Св. Владимира стали пользоваться украинские политические группировки. С таким бесправным присвоением символа Российской государственности и культуры, тем более что руководящая роль среди украинцев в те времена принадлежала сепаратистам, «Национальный Союз Русской Молодёжи» (затем переименованный в «НТС») не мог примириться и, стремясь вернуть знаку Св. Владимира подобающее ему обще-Российское достоинство и значение, принял его своей эмблемой в начале 1930-ых годов.

Исходя из собственных идеологических положений, а отчасти из-за желания сделать ее несколько отличной от «украинских» знаков, НТС решил изображать свою эмблему при девизе «За Россию» или на «национальном» (бело-сине-красном) щите (нагрудный знак). Принятие НТС древней, народно-государственной реликвии нанес-

ло тогда украинствующим большой удар: знак Владимира Святого, как эмблема организации, исповедующей обще-Российскую идеологию, стал неустранимым обличителем извращения сепаратистами истории русского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ

1. «Владимирский сборник», 1939 г., Белград.

2. Следует добавить, что труд М. А. Таубе сравнительно нов; очень хорошо документирован и широко разбирает вопрос; пользуется и советскими научными источниками, что увеличивает обоснованность соответствующих заключений; и, наконец, в шести таблицах содержит более 50-ти достоверных, возможных вариаций Владимирского знака и его предполагаемых прототипов. Ссылаясь на эти рисунки, мы будем сохранять ту же нумерацию их. Нумерацию же таблиц не будем воспроизводить даже в цитатах из труда М. А. Таубе. Кроме того, ссылки на рисунки из таблиц М. А. Таубе или В. В. Мавродина будем, соответственно, отмечать буквами – М. или Т.

3. В дальнейшем, за недостатком места, мы принуждены отказаться от подробных библиографических указаний. Специалисты легко разберутся в сделанных здесь ссылках. Примечание Таубе.

4. У Карамзина и др. «трезубец» есть только описание, а не объяснение фигуры; то же - «трізуб» современных украинцев с 1918 г., когда Центральной Радой он признан гербом Украины. Примечание Таубе.

5. Хоругвь Константина Великого после принятия им Христианства; изображалась на печати и монетах.

6. «Акакией» назывался мистический мешочек с землею, принадлежавший к полному императорскому орнату византийских василевсов и от них заимствованный в первоначальный коронационный обряд королей венгерских и германских императоров, так называемый «Bursa Sancti Stephani» среди регалий этих последних. Примечание Таубе.

7. «Франциска» - копье с двойной секирой, протозан, в качестве «любимого оружия норманнов». Примечание Таубе.

8. «Куша», указанная А. В. Толстым по польской печати Подола и приводившая в недоумение И. И. Толстого, есть не что иное, как польско-литовский герб «Kusza» (Коялович). Примечание Таубе.

9. См. это весьма курьезное «объяснение» ниже. Примечание Таубе.

10. Барон М. А. Таубе. Указанный «Владимирский сборник», страница 90, 91 и 92.

11. М. А. Таубе, Указанный источник, стр. 92 и 93.

12. Метод Болсуновского, разрезавшего «знак» на греческие буквы и получившего слово «Базилевс» (!), - нашел, к удивлению, одобрение акад. Соболевского (и проф. Грушевского?), а в наши дни привел к оригиналь-

ному «украинскому» выводу: г. Пачковский разрезал знак по-своему и получил слово… «Украина Володимира»! См. этот курьез в журнале «Україньский Скиталець» 1923 г. Примеч. М. А. Таубе, стр. 106.

13. М. А. Таубе. Указанный источник, стр. 92-93.

14. Там же.

15. В. В. Мавродин «Древняя Русь», 1946, Госиздат, стр. 243: «Даже нерасположенный к Владимиру Титмар Мезобургский отмечает, что Владимир «очистил себя от пятна прошедшего раздачею щедрой милостыни, выкупал пленных и кормил их». Проф. Е. В. Спекторский, указанный «Владимирский сборник», «Своеобразие Крещения Руси», стр. 57: «Ставши христианином, князь Владимир совершенно переродился, так что его жизнь превратилась в житие».

16. «Родство» этих старейших русских символов отмечено и тем, что, в графическом отношении, их схематизированные изображения выделяются простотой и очень схожи меж собою.

17. «Классификация древнейших русских монет по родовым знакам» в «Известиях Академии Наук СССР. 1930. Отделение гуманитарных наук», стр. 87-112, фиг. I на стр. 93 и текст на стр. 95. «"Простота" этого варианта двузубца говорит скорее о дальнейшей его схематизации у более отдаленных потомков Ярослава» (Примечание М. А. Таубе, стр. 95). По-видимому, и Мавродин не знает, к кому отнести этот спорный вариант: назвав его в своей таблице родовым знаком кн. Владимира, стрелки к знакам Ярослава и Мстислава (рис. 3 и 4-й) ведет только от рис. 2 (М.) - принадлежность которого князю Владимиру совершенно бесспорна.

18. Оказываем предпочтение Смельской, потому что ее схема среди вариаций знака встречается чаще, и вообще она ближе подходит к нему и, следовательно, имеет больше шансов считаться прототипом русского знака (рис. 54). При этом мы не ставим вопрос - какая из тамг более позднего происхождения, хотя и это тоже имеет значение в решении основного вопроса: был ли создателем знака кн. Владимир?

19. М. А. Таубе. Указанный источник, стр. 106: «Руководствуясь только внешним сходством с Владимировым "трезубцем", можно прямо заблудиться в древнейших человеческих идеограммах - китайского, индийского, сумерийского, египетского, древнегреческого, иранского, скифского, кельтского или германского мира».

20. Ниже нам придется рассмотреть подробно и эту версию, т. к. ее выдвигает и барон Таубе.

21. Б. А. Рыбаков «Анты и Киевская Русь» в «Вестнике древней истории», кн. 1, стр. 327, 1939 г.

22. В. В. Мавродин. Указанный источник, стр. 58.

23. Б. Н. Сергиевский «Время Владимира Святого» в указанном «Владимирском сборнике», стр. 132: «Глава семьи и рода совершал моления божествам – силам природы и душам предков – и хранил неприкосновенность религиозных обрядов».

24. Смельская тамга, кроме крыльев, имеет и голову, но это не превращает ее в целую птицу и, следовательно, сути дела не меняет.

25. П. Фон Винклер. «Русская Геральдика». Вып. 1-ый, СПБ, 1892. Стр. 85.

26. Если прообразом знака был Голубь Духа Св., то, разумеется, он никогда не был языческим символом.

27. «Родовые знаки у всех народов имеют весьма значительную литературу. "Hantgemal" и "Haus und Hofmarnen" германского мира со всеми их индивидуальными изменениями нашли известного исследователя в Homeyer-e (1852 и 1870). В России – довольно многочисленные работы об инородческих знаках и тамгах». М. А. Таубе. Указанный источник, стр. 104-105.

28. Александр Лакиер «Русская Геральдика», СПБ, 1855 г. Кн. 1, стр. 5: «...они (печати) подтверждали подпись или даже заменяли ее для безграмотного». Там же: «Печати предшествовали княжеским гербам».

29. При большом числе печатей у одного лица (неграмотного), по-видимому, одна заменяла подпись, а остальные «скрепляли», т. е. подтверждали ее; разумеется – в важнейших случаях.

30. Действительно, фигуру Владимирского знака на своих печатях изображали не все князья -потомки Владимира Святого.

Цитата в тексте взята из указанного источника А. Лакиера, стр. 30.

31. Сочинение Котошихина (при Алексее Михайловиче), гл. 2-я, стр. 12.

32. М. А. Таубе. Указанный источник, стр. 105.

33. Там же.

34 и 35. Там же. Стр. 106.

36. Там же. Стр. 107. Рисунки шведских рунических изображений, как видно из указания исследователя, взяты из посвященных этим изображениям изданий Dybeck Stevens.

37. М. А. Таубе. Указанный источник, стр. 108.

38. То же. Собор Св. Марии.

39. «Чертополох» - англ.

40. М. А. Таубе. Указанный источник, стр. 94. Указанные в тексте автора номера рисунков искать в таблице Т.

41. А. Л. Погодин. Указанный «Владимирский сборник», «Варяжский период в жизни князя Владимира», стр. 24: «...Будущий шведский король Олаф Тригвесон дважды жил в Киеве (978-987 и 990-991) и, несомненно, под влиянием крещения Владимира, и сам принял через несколько лет Христианство». Следовательно, Олаф был в Киеве и во время возведения Десятинной церкви, на которой находился знак – Рис. 3 (таб. Т.).

42. Говоря о родственных связях семьи кн. Владимира с Польшей, Чехией, Болгарией и Византией, В. В. Мавродин считает, что: «Эти связи, прочно включившие Русь в семью передовых и могущественных хрис-

тианских государств Европы, сами были следствием принятия христианства. Политические связи не могли быть скреплены брачными союзами, если бы киевские князья и княжны были язычниками». Указанный источник, стр. 248.

Герб Королевства Польского, быть может, тоже возник не без влияния Голубя (см. рис. 2, М. и 3, Т.), а события между 1015-1031 (вторжения и вмешательство в дела наследия) могли превратить его фигуру в орла.

43. Христианская Церковь еще не была разделена на Православную и Католическую.

44. См. перечень прежних решений о содержании знака: идея орнаментного объяснения уже «допустила» четыре (!) ответа: византийский, славянский, варяжский и восточный; пятый (?) – «комбинированный» орнамент (тоже варяжский) – мнение М. А. Таубе.

45. А. Л. Погодин. «Варяжский период в жизни князя Владимира» в указанном «Владимирском Сборнике», стр. 19: «Ведь мы знаем, что шведский король Олаф Тригвесон, живший в Киеве при дворе кн. Владимира, принял сам Христианство, а народ его не поддержал, и еще до 1245 г. в Швеции шла борьба между Христианством и язычеством».

46. По сведениям, требующим уточнения, в середине XI в. символом шведского короля была лилия; такое указание, если вспомнить «чертополох» (наше объяснение знака – рис. 40, Т.), делается особенно интересным.

47. М. А. Таубе. Указанный источник, стр. 109.

48. «Рис. 39 по Schlumberger, Un Empereur Bizantin an dixieme siecle, Nicephore Phocas, стр. 49. Как видно из греческой надписи на оборотной стороне печати, она принадлежала некоему Михаилу, главному "переводчику" варяжской императорской стражи в Константинополе. Это был очень высокого ранга сановник, с греческой стороны возглавлявший англо-скандинаво-русскую колонию в восточной империи». Примечание Таубе, стр. 109.

«Десница» - правая рука (церков.-славянск.).

По А. Лакиеру («Русская геральдика», таб. 4, рис. 1), печать киевских князей начала XII века (чуть ли не самая старая русская печать, известная отечественной сфрагистике, т. е. науке о печатях) была двусторонняя и изображала с одной стороны – лик Иисуса Христа, а с другой Архангела Михаила, поражающего змия.

49. «Шуйца» - левая рука (церков.-славянск.).

50. Поэтому главное внимание мы сосредотачиваем на самых древних знаках, а не на поздних их вариациях, которые отделены от знака-образца иногда длинным рядом вариаций, уже понесших (умеренные или нет, оправданные или нет) изменения. Проверка же «законности» изменений затруднена до невозможности, потому что некоторые владельцы знаков, желая предохранить их от подделок, усложняли фигуры своих вариаций всякими вычурами. Кроме того, для проверки необходим критерий, т. е. надо знать символическую суть знака-образца, и, таким

образом, получается заколдованный круг, выход из которого отягощен тем обстоятельством, что к нашему времени археология не знает знаков всех потомков кн. Владимира, а принадлежность части дошедших до нас определена спорно.

51. М. А. Таубе. Указанный источник, стр. 110. Цитируем с пропусками.

52. Там же. Примечание автора: «Сообщение д-ра Кузеля и проф. Д. Дорошенка на нашем докладе о "трезубце" в заседании Украинского Научного Института в Берлине 20 января 1928 г. См. журнал "Трізуб" (Париж), 1928 г., номер 6, стр. 15».

53. «Клеймо ремесленника» - не что иное, как «дань» В. В. Мавродина истмату, т. к. им клеймили произведения, выполненные в мастерских, принадлежавших князю, отмечались границы княжеских «перевесищ» и иных угодий; словом – это был «знак княжеской собственности», а не «фабричная марка».

Рисунок этого знака мы воспроизвели не совсем точно: на оригинале верх среднего «стержня» почти не виден.

Загибы на трех остальных концах знака – очередное доказательство, что фигура представляет не трезубец, а своеобразное (с точки зрения правил перспективы) изображение птицы, у которой голова повернута в сторону и изогнуты концы крыльев.

54. Религиозно-народный обычай – пускать на праздник Крещения 6/19 января голубей - повелся на Руси, по-видимому, со дня Крещения Киева.

55. М. А. Таубе. Указанный источник, стр. 93: «Небольшой значок в форме "трезубца", нанесенный у левого плеча в изображении князя на "златниках" Владимира Святого…» Ссылаемся на это описание, т. к. технические трудности не позволяют привести рисунка «златника».

56. А. Лакиер. Указанный источник, стр. 62.

57. Все прежние попытки «предметного» объяснения, не исключая и «норманского ворона», М. А. Таубе признал несостоятельными.

58. М. А. Таубе. Указанный источник, стр. 94.

Удивительно, что такое убедительное указание на принадлежность фигуры знака, как полумесяц, не подсказало исследователям правильного объяснения.

«Неясный значок» похож на греческую букву «альфу» (символ «Начала» - Бога), слившуюся с ободком, украшающим монету.

59. При данном положении крыла, направления штрихов «елочки» и ворсинок птичьего пера не совпадают, но смущаться такой мелочью не приходится, т. к. русская нумизматика, а еще больше – сфрагистика, знают случаи, когда не только буквы надписей на деньгах и печатях, но даже рисунки фигур на них изображались наоборот.

60. Несколько раньше мы уже говорили о том, что шведское изображение «перевернутого» голубя не отвечает русской манере (см. рис. 42, таб. Т.).

61. Следует знать, что знак – рис. 7 (Т.), который служил художнику Нарбуту образцом при составлении проекта герба Украины, раньше считался собственным знаком Владимира Святого, а сейчас ученые приписывают его Владимиру Мономаху. С другой стороны, интересно, что крест не был включен в герб Украины!

62. В. В. Мавродин. Указанный источник, стр. 125.

63. М. А. Таубе. Указанный источник, стр. 95.

64. П. фон Винклер. «Русская Геральдика», СПБ, 1892. Вып. 1-ый, стр. 85: «...Голубь, окруженный лучами, - Св. Духа, и в этом случае он изображается впрямь с распростертыми крыльями». Приводим, опустив описание иных значений голубя-символа.

65. Цитируем по памяти.

66. В. В. Мавродин. Указанный источник, стр. 225.

67. В.В. Мавродин. Указанный источник, стр. 248: «Во времена Владимира только среднее Приднепровье было очагом Христианства, да и то наши источники связывают укрепление Христианства с именем Ярослава».

68. М. А. Таубе. Указанный источник, стр. 110-111. Цитаты приведены с пропусками.

69. Кличка «вилы» удобна для дискредитации знака Святого Владимира, потому что так же называется еврейская буква Sin или Shin.

Буэнос-Айрес, 1954 г.

*(**От Редакции:** Алексей Гордеевич Денисенко (1907-1962) – Кубанский казак, из одного из старых запорожских родов. Окончил Крымский Кадетский корпус в 1927 году, 7-ой выпуск. Секретарь Правления Кадетского Объединения в Аргентине. Основатель, издатель и редактор «Кадетского письма» в 1955-1961 годы. Публикуем впервые чудом сохранившийся машинописный экземпляр его многолетнего исторического труда, с авторскими собственноручными пометками, переданный «Кадетской перекличке» его сыном, Гордеем Алексеевичем Денисенко, кадетом 28 выпуска ПРВКККК. К сожалению, в оригинале нехватает одной страницы. Этот пропуск указан в публикуемом тексте. Подзаголовки добавлены Редакцией. Редактор «Кадетской переклички» был в свое время хорошо знаком с данным трудом А. Г. Денисенко, ибо вёл тогда оживленные дискуссии с автором на эту тему.)*

Полковник Н. А. Чудинов

НАДЕЖДА РОССИИ

Каждый, в ком бьется русское сердце, при взгляде на Цесаревича Алексея подумает: за что Он, предназначенный для царствования, понес жестокие мучения и так ужасно погиб.

Светлую память Царственного Отрока никто – ни враги, ни друзья русского народа – не могут омрачить ни одной тенью.

Гибель Царской Семьи - самое ужасное злодеяние из всех злодеяний, совершенных в России, и пока существовать будет русская нация, ярко сиять будет в народной памяти Царственная Семья, окруженная светлым ореолом мученичества.

Но особенно дорог сознанию русскому всегда будет Царственный Отрок, который с каждым днем своей жизни все более и более привлекал к себе народное сердце.

Наследник Цесаревич Алексей Николаевич родился 30 июля 1904 года. Он был общим любимцем Царской Семьи, Двора, и атмосфера особо сердечного к нему сочувствия проникла в народные массы.

Армия особенно полюбила Наследника, когда Он пребывал в Царской Ставке в Могилеве при Государе. Ему было тогда 12 лет. Государь и Наследник жили в г. Могилеве в губернаторском доме. Наследник был приветливый, мягкий и скромный мальчик, был всегда оживлен, носил походную солдатскую форму, особенно дружил с Бельгийским военным представителем при Ставке генерал-лейтенантом бароном Риккель, с которым играл и возился, иногда даже на торжественных приемах. Спал Наследник на походной кровати в одной комнате с Государем. Очень любил Он совершать после завтрака прогулки на автомобиле, на которые обыкновенно Государь брал Наследника с собой.

Привлекательные черты Его характера сказывались во многих мелочах повседневной жизни. Перед одной из прогулок Государь, выйдя из дома, задержался, Наследник же в это время подбежал к автомобилю. Находившийся у автомобиля генерал Воейков предупредительно открыл дверцу и сделал движение, чтобы помочь Наследнику войти в автомобиль, однако Наследник отстранил руку генерала и, сдвинув брови, полушутя сказал: «Генерал, Вам бы следовало знать, что раньше Император, а потом Наследник». Не войдя в автомобиль, Он остался ожидать Государя.

Гулял обыкновенно Наследник в находящемся при губернаторском доме большом саду, обнесенном высокой каменной оградой. Однажды, после классных занятий, Наследник убежал в сад и долго не возвращался. За Ним отправился Его воспитатель, но найти Наследника не мог. Обошли весь сад, но Наследника не было. Приближалось время завтрака. Государю боялись доложить, и озабоченные воспитатели бросились в окрестности усадьбы. Недалеко от сада один из воспитателей нашел большую толпу мальчишек, игравших в чехарду, здесь же находился Наследник и командовал игрой. Воспитатель увел Наследника к Государю и доложил о происшедшем. Государь сказал:

- Как Тебе не стыдно убегать без разрешения и играть в неподходящем обществе?

- Нет, Папа, - последовал ответ, - я был в обществе мальчиков, Твоих подданных, мне с ними гораздо интереснее играть, чем быть с Твоими генералами.

- Как же Ты попал к ним?

- Я пролез через водосточную трубу в саду, и буду всегда убегать к ним, если у меня не будет своего общества. Среди этих мальчиков есть кадет 1-го кадетского корпуса Андреев. Разреши, Папа, чтобы он приходил ко мне.

Кадет Андреев был приглашен к Наследнику и сделался Его другом. Кадет сопровождал Наследника и во время прогулок на автомобиле. По своей инициативе Наследник покупал конфеты и сладости, и когда выезжали в деревню, Он останавливал автомобиль, становился на сиденье и кричал: «Дети, дети!». Сбежавшейся детворе Наследник разбрасывал сладости, а затем сходил с автомобиля и под своей командой устраивал игру.

Во время одной из таких игр, сопровождавший генерал недовольным тоном заметил: «Ваше Высочество, Вам неудобно играть с деревенскими детьми».

Однако, Наследник необычно для Него, всегда очень скромного и мягкого мальчика, ответил: «Это не Вам судить. Мне Император позволил, а Вы помолчите».

В тот же год осенью как-то Наследник явился к Государю и сказал:

- Папа, дай мне 500 рублей.

- Зачем Тебе деньги? - удивился Государь.

- У Андреева бедна мать, ей не на что отправить сына в корпус, я хочу ей помочь.

Наследник получил 500 рублей и сам отвез деньги матери кадета Андреева. Проводив Андреева в корпус, Наследник явился к Государю, расплакался и заявил: «Мне здесь скучно, отправь меня, Папа, в корпус».

В этом Ему было отказано. Успокоившись, Он сказал Государю:

- Папа, отчего у вас несправедливо принимают в корпуса?

- В чем Ты видишь несправедливость? – удивленно спросил Государь.

- Вот в семье Андреевых два брата, отец их убит в Японскую войну. Одного мальчика приняли в корпус, а другого не принимают. Я Тебя прошу, Папа, прикажи принять и младшего Андреева.

После этого младший Андреев был принят в тот же корпус, в который раньше был принят его брат.

Так, во многом Наследник Цесаревич обнаруживал свои природные царственные качества, доброе сердце и завоевывал себе общие симпатии и любовь.

Последние страдальческие дни своей жизни Наследник был болен. По свидетельству убийц, Наследника вывозили из дома в коляске. По данным расследований, на ужасную казнь Государь вынес Наследника Престола на своих руках.

Наследник Цесаревич Алексей Николаевич приял мученическую кончину 14 лет отроду.

Моральная ответственность за ужасное преступление лежит на всем русском народе. Когда Россия возвратится к своей нормальной жизни, светлый образ юной русской Надежды – Цесаревича Алексея, вместе со всей Его Царственной Семьей, замученной преступными руками, будет вечно жить в русском эпосе, как бессмертно живут дорогие народному сердцу страдальцы.

Бесчисленны погибшие сыны России, но среди них Цесаревич Алексей олицетворяет наиболее чистые и возвышенные души.

Теперь же, когда разоренное наследие юного Мученика все еще находится во власти убийц и злодеев, для верующего русского народа Цесаревич Алексей живет в светлых чертогах Небесного Царства, от Всемогущего Царя украшен нетленным венцом мученичества и белыми одеждами и, по словам Апокалипсиса, имеет дерзновение взывать перед престолом Всевышнего Царя за весь свой страдающий народ: «Доколе, Владыка святой и истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу».

Доколе, Господи!..

Март 1926 года. Королевство СХС, г. Белая Церковь

(***От Редакции:*** *Полковник Николай Александрович Чудинов родился в г. Сухуме 1 марта 1871 года. В течение ряда лет был воспитателем в Тифлисском, затем во Владикавказском кадетском корпусе. В Изгнании – воспитатель в Крымском кадетском корпусе, в Первом Русском Великого Князя Константина Константиновича кадетском корпусе. Скончался 27 октября 1942 года в Югославии. Отрывки из воспоминаний и стихотворения Н. А. Чудинова воспроизводятся по авторской рукописи.).*

Генерал-майор И. С. Дамаскин

АЛЕКСАНДРОВСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

В училище нас встречают приветливо, разбивают по ротам, и я попадаю во 2-ю роту к ротному командиру капитану Н. В. Новоселову. Юнкера зовут его «Трещоткой» за его склонность к многоглаголанию. Курсовым офицером у нас штабс-капитан Добронравов, называемый «Мордоворотом» за его действительно богопротивнейшую физиономию. Первое время нас подвергают всевозможным испытаниям, и лишь после присяги разрешают отпуск в город. Мне, впрочем, нельзя присягать вместе с другими, т. к. нет полных 17 лет. Поэтому эта церемония откладывается до 22 октября 1892 года, когда я достигаю возраста военного совершеннолетия и становлюсь способным принять присягу на верность службе.

А пока знакомимся с училищными порядками и друг с другом. Схожусь с кадетами Симбирского корпуса, и в особенности с Леонидом Кондратьевым, с которым меня впоследствии снова свела судьба уже в Академии, и с киевлянами. Все славные ребята. Саша Васильев уже на старшем курсе, но в 3-ей роте. Он встречает меня как родного и знакомит меня с правилами жизни в училище. С восторгом отзывается о столичных театрах и обещает в первый же отпуск свести на представление. Наконец мне 17 лет. Я присягнул при торжественной обстановке и сделался полноправным юнкером. В ближайшую же субботу мой гид ведет меня в Большой театр на «Евгения Онегина». Я в диком восторге и от величественности и красоты здания театра, и от нарядной толпы, наполняющей зрительный зал сверху донизу. А когда открывается занавес и под аккомпанемент мощного оркестра раздаются первые звуки пения, мне представляется, что я отделился от земли и медленно плыву к небесам… Позже я пересмотрел весь репертуар Оперного театра, но ни одна опера не произвела на меня такого сильного впечатления, как это творение бессмертного Чайковского.

Васильев видит мое настроение и добродушно подшучивает над моими переживаниями.

Выходим во время антракта в фойе, и там мои глаза слепнут от блеска столичной толпы, мундиров офицеров и туалетов дам.

Поздно вечером возвращаемся в училище. Я весь во власти пережитого. Ложусь на койку, но долго не могу заснуть. Утром с трудом просыпаюсь по сигналу. Кругом знакомые лица юнкеров. Конец волшебной сказки: действительность вступает в свои права.

Александровское училище того времени считалось у нас самым легким в смысле дисциплины. Многие даже считали александровцев распущенными. Местами это отчасти было справедливо. Достаточно сказать, что в училище практиковалась так называемая «травля» юнкерами своего начальства. Поводом к такой травле являлась обычно – с точки зрения подневольных – приготовленная пища. Дело в том, что кухня наша была под наблюдением какой-нибудь роты по очереди. Старшие юнкера этой роты дежурили по кухне и следили за работой поваров, а ротный командир той роты был ответственным за исправное функционирование «брюха» училища. Кормили нас превосходно. Обеды из 2-х блюд, а два раза в неделю, по четвергам и воскресеньям, когда играл наш чудный оркестр, давали еще и сладкое. Но поскандалить всегда приятно, в особенности когда можно укрыться за спиной других и выйти сухим из воды. И вот из-за какой-нибудь подожженной булки или пересушенного бифштекса подымается в столовой шум, переходящий постепенно в рев. Недовольная рота, обыкновенно первая, конечно если не она кормила, начинает изрыгать хулу на «кормящего» ротного командира, обзывая его по этикету ему подаренной кличкой. Больше всего доставалось капитану Дудышкину, ротному командиру 3-ей роты, которого обзывали «Пупом». Это был офицер маленького роста, несоразмерно толстый и с совершенно голой головой. При первых же звуках начинающейся травли он краснел до корней оставшихся на затылке волос и убегал из столовой. Доставалось и нашему ротному, капитану Новоселову, а также и роты Его Величества капитану Хухрякову, называемому «Хухрой».

Бывали случаи травли даже и Начальника училища, добрейшего генерал-лейтенанта Левачева, которого звали непочтительно «Ишаком».

Такие с точки зрения дисциплины совершенно недопустимые явления, в особенности в учебном заведении, подготовлявшем бу-

дущих офицеров, конечно, заслуживает самого строгого осуждения, и приходится удивляться, что высшее начальство, которому было известно об этом, не принимало никаких мер, чтобы обуздать расходившихся юнкеров и искоренить зло.

Подготовка юнкеров велась в двух направлениях: строевом и учебном.

И в смысле строя у нас было много легче, чем в Павловском училище. Муштрой нас не изводили, а о так называемом «цуке», т. е. придирках юнкеров старшего курса к младшему, не было и помина. Между тем, это ненормальное явление махровым цветом цвело в Николаевском Кавалерийском училище, вызывая у многих начальствующих лиц не осуждение, а похвалу.

В смысле строевой подготовки юнкера младшего курса были вверены начальству отделения, назначаемому из портупей-юнкеров, «папаш». С ними мы занимались одиночным обучением, гимнастикой и так называемой «словесностью», т. е. изучением уставов: строевого, внутренней и гарнизонной службы.

Мой «папаша», портупей-юнкер Ивачков, не очень утруждал нас «моралью строгой», ружейными приемами и шагистикой мучил умеренно и к пустякам не придирался. Фельдфебелем роты был киевлянин Резниченко, уравновешенный хохол, который по окончании училища недолго пробыл на военной службе и, выйдя в запас, служил по переселению крестьян в Сибирь, на каковом поприще позже, во время Японской войны, судьба нас снова столкнула в Омске. Его всегдашним спутником был Павел Коровиченко, также из кадет Киевского Корпуса, впоследствии мой товарищ по Военно-Юридической Академии, а потом адвокат и ставленник Главковерха Керенского, печально закончивший свою необычную карьеру на посту Командующего войсками Туркестанского военного округа, разорванный взбунтовавшимися солдатами при попытке усмирения.

Учебное дело находилось по преимуществу в руках офицеров Генерального Штаба, преподававших военные науки: тактику, администрацию, военную историю. Остальные важные предметы: артиллерию, фортификацию, военную топографию и военное законоведение - преподавали специалисты.

Из предметов общеобразовательного характера проходились: русский язык, французский и немецкий, химия и механика. Химию преподавал полковник, впоследствии генерал, Нечаев, про которого старшие юнкера говорили, что он не имеет представления о своем

предмете и что лаборатория находится всецело в руках его помощника, которого и называли «причиной опытов удачных». Рекомендовалось называть химика «Ваше Превосходительство», хотя он и был всего полковником, т. к. в противном случае он придирался к ответам на репетициях.

Механика была в руках Мошнина, человека солидных знаний и очень строгого. Предмет этот был нам нужен как подспорье к прохождению артиллерии.

Иностранные языки преподавал Соколов, бывший притчей во языцех у юнкеров. Крайне рассеянный и близорукий, он часто делался жертвой непозволительных выходок со стороны юнкеров, вообще очень слабо владевших иностранными языками. Бывало, на репетициях один и тот же юнкер, знаток иностранных языков, подряд несколько раз выступает за своих товарищей, меняя на всякий случай голос, а иногда и внешность, путем подвязывания платком щеки, чтобы преподавателю не бросилась в глаза идентичность юнкера.

От такого преподавания забывалось и то, что приобреталось в Корпусе, а бывало и так, что юнкер, с детства умевший говорить по-французски или по-немецки, начисто забывал эти языки в училище.

Преподаватель русского языка, чью фамилию я позабыл, заботился о нашем правописании и стиле и часто заставлял нас писать сочинения на различные литературные темы.

Его достижения были не велики, т. к. среди нас было и осталось немало грамотеев, писавших собаку через ять. Стиля нам тоже не удалось выработать. Писал хорошо только тот, кому этот талант дался в Корпусе, большинство же не умело толком передать на бумагу самого элементарного рассказа.

Среди наших однокурсников выделялся своими литературными познаниями юнкер Петр Пильский, впоследствии известный писатель и критик. Он поступил к нам из кадет бывшего 3 Московского Корпуса, которых звали чижами, вероятно, за живость и экзальтированность, отличавшую их от других кадет. Пильский с кадетских лет вращался в разных литературных кружках, много читал и уже кадетом стал баловаться пером. Благодаря ему я имел возможность познакомиться с такими произведениями, которые считались у нас запретным плодом и за самое чтение которых ожидали юнкера разные скорпионы, вплоть до исключения из училища. Так, от него я получил для прочтения знаменитый роман Чернышевского «Что

делать?», который на меня, впрочем, не произвел предполагаемого впечатления, но причинил мне немало хлопот, т. к. приходилось прятать его под матрац и быть все время начеку, чтобы не попасться начальству.

Позже я записался в общественную библиотеку и проглотил большое количество книг, которых в училище было достать невозможно.

В этом отношении попечение начальства шло так далеко, что под запретом находились даже некоторые произведения Достоевского и Салтыкова-Щедрина.

Поэтому приходилось читать их тайком, большей частью ночью при свечном огарке, закрывши свет одеялом или подушкой.

Таким способом я перечитал всего Достоевского, Щедрина, Белинского, писателей-народников: Глеба Успенского, Златовратского, Решетникова и др., попавшись только один раз Новоселову, который отобрал у меня какой-то том Достоевского и вернул мне его лишь после производства в офицеры.

Все общеобразовательные предметы проходили у меня на репетициях гладко. Даже механик Мошнин меня выделял из ряда других, ставя мне высшие отметки: пригодились уроки математика Халилеева!

Но зато другой цикл предметов, чисто военного характера, мне сразу пришелся не по душе. Еще с артиллерией и фортификацией можно примириться, хотя чертежи орудий и бастионов мне не особенно удаются. Военная история – тоже предмет недурной, если на него смотреть с чисто исторической точки зрения. Законоведение же мне положительно нравится. Учебник написан толково, и в усвоении элементарных начал права препятствий нет. Это совсем не то, что корпусное законоведение, написанное каким-то вычурным, малопонятным языком, с потугами на научное изложение самых простых вещей.

Но зато тактика! Мой разум решительно отказывается понимать, за какие заслуги этому предмету присвоено название науки? Масса цифр и воды, с удалением которой остается один голый остов – устав строевой службы. И всю эту дребедень надо заучивать, наполнять голову ни к чему не нужным хламом. Нет, это положительно выше моих сил! К тому же и преподаватель вроде нашего корпусного Куртукова. Все меры принимает к тому, чтобы увильнуть от лекции, приходит на полчаса позже, за мел берется с таким видом, как будто бы делает нам величайшее одолжение, и на репетиции придирается

к каждому пустяку. Типичный момент! Делает блестящую карьеру, благодаря своей жене – писаной красавице, которая пленяет московское общество на всевозможных вечерах…

Да, много крови мне испортил господин подполковник Малинка! И когда читаются курсовым офицером отметки по тактике, он с недоумением меня спрашивает: «Чем объяснить, что по химии и механике Вы имеете лучшие отметки в классе, а по тактике семерки и восьмерки?» Что я могу ответить на такой вопрос?

Законоведение преподает полковник Сперанский, по образованию военный юрист. Он долгие годы в училище. Его товарищи по Академии давно уже генералы, а он все сидит полковником. Предмет свой знает великолепно, но повторение из года в год одного и того же ему осточертело, и за последнее время он фактически перестал преподавать и охотно ведет в классе беседы на разные темы, подчас не имеющие никакого отношения к преподаваемому им предмету. Нельзя, впрочем, отнять от этих бесед практического значения. Он приводит примеры из судебной практики, придавая им иногда анекдотическую форму, знакомит нас с бытом казарм, поскольку это отразилось в том или другом процессе. На репетициях требует знаний только от тех, кто желает получить приличную отметку. Для шестерки же не нужно никаких знаний. Достаточно, если юнкер ответит на вопрос преподавателя: «Курите ли Вы?», - положительно или отрицательно.

С таким способом преподавания, конечно, трудно согласиться, особенно если принять во внимание роль молодого офицера в деле отправления правосудия в войсках Российской Армии. На младших офицеров, тотчас же по выпуске их из училищ, возлагались ответственные обязанности по производству дознания, данные которого ложились в основание приговора полкового суда, имевшего большие права по определению наказания. Производящий дознание не всегда имеет возможность обратиться в затруднительных случаях к содействию сведущих юристов, а многие важные вопросы должен решать сам. Для этого требуется основательное знакомство с общими понятиями о праве и с законами, как воинскими, так и общеуголовными. Такие знания и должно дать военное училище. Мы же при описанной постановке дела имели весьма слабое представление о предстоящих нам обязанностях и даже не знали, как практически приступить к дознанию. К сожалению, подобная постановка дела была не только в нашем училище. В погоне за популярностью и другие преподаватели

законоведения сводили подчас преподавание этого в высшей степени интересного и важного предмета к рассказыванию анекдотов или ограничивались задалбливанием юнкерами основных понятий о преступлении и наказании, причинах невменяемости и невменения и т. п., не сообщая своим слушателям никаких ориентировочных данных, которые на практике могли бы послужить маяком в блужданиях по разным решениям и разъяснениям законов.

Поэтому, когда мне позже пришлось самому выступать в роли преподавателя законоведения в различных военных училищах, я главным образом придерживался практического метода, и результаты оказались блестящие. И от моих бывших учеников, и от начальников частей, куда они вышли на службу, мне приходилось слышать самые лучшие отзывы об их практической деятельности в качестве офицеров, производивших дознание, и делопроизводителей полковых судов.

Надо помянуть добрым словом и еще одного училищного преподавателя – по Закону Божьему. Это был молодой богослов, зять известного профессора богословия Иванцова-Платонова, за старостью лет только что ушедшего на покой.

Читал он историю Церкви и читал интересно, но слушатели относились к нему как-то безучастно и индифферентно. Да, впрочем, надо отдать справедливость, интересом к наукам юнкера вообще не отличались. Нередки были выходки, возможные лишь в корпусе: надуть преподавателя, воспользоваться шпаргалкой (плутовкой) и т. п. Особенно отличался на этом поприще в моем классе один юнкер, Гудим. У него шпаргализм был введен в систему. К каждой репетиции и экзамену у него были приготовлены целые томики шпаргалок, которые он весьма искусно прикреплял на резинках к подтяжкам и в нужный момент через рукав вытягивал на поверхность своей ладони и списывал содержание билета на доску. Практиковали этот способ подготовки к званию офицера и другие, в особенности по химии, списывая потом формулы при ответе. Но с Гудимом в этом отношении очень трудно было соперничать. И все-таки он однажды попался Нечаеву.

Тот же священник у нас отправлял и Службу Божью. Служил он быстро и нервно, не часто мучил проповедями, а при исповеди на Великом Посту умеренно углублялся в наши души.

Однажды он пригласил для совершения Литургии знаменитого Кронштадского пастыря отца Иоанна Кронштадтского. Мы с нетер-

пением и любопытством ожидали, что скажет нам этот уже тогда славный во всей России батюшка. В своих ожиданиях мы, впрочем, до известной степени разочаровались. Проповедь о. Иоанна оказалась достаточно бледной. Говорил он об иерархии, проводя параллель между воинским и духовным чинопочитанием и подчиненностью и без особой нужды перечисляя детально военные и духовные чины. Служил он очень нервно и, как нам показалось, в своих молитвах не умолял, а скорее требовал.

6-го декабря в училище торжества: царский праздник и училищный бал. Вся Москва бывает на этих балах. Меня лично этот бал не особенно занимает: в Москве у меня нет ни души знакомых, к танцам я охладел. Тем не менее на бал пошел, посмотреть публику и убранство зала и других помещений. Наш громадный зал, где проводятся строевые занятия, полон избранных гостей. Юнкера приложили все старания, чтобы украсить зал и превратить прилегающие к нему помещения в удобные гостиные. Гремит с хоров наш великолепный оркестр и крутятся в вихрях вальса александровцы с московскими красавицами. Но меня эта картина положительно не прельщает. Нет никакого желания самому принять участие в танцах, обнять за талию одну из присутствующих дам или барышень и ринуться в общий поток. Что же это такое? Еще так недавно на омских вечеринках танцевал человек до упаду под звуки скромной гармонии или доморощенного оркестра, а тут такой блеск и треск – и нисколько не тянет! Или это: «Так мало прожито, так много пережито!» Влияние прочитанных «умных» книг и перемена обстановки? Не знаю, отвергаю предложения товарищей познакомить с дамами и танцевать и ухожу в свою роту спать.

После первого посещения Большого театра Васильев познакомил меня с Малым театром, где тогда царили бессмертные Ермолова, Федотова, Садовская и начинала свою блестящую карьеру Лешковская, где выступали Южин, Правдин, Ленский, Музель, Макшеев и другие, и вскоре я сделался завсегдатаем этой жемчужины Первопрестольной, пересмотрев весь тогдашний репертуар. Нет надобности говорить, сколько хороших минут пережил я в зрительном зале Малого театра, слушая бесподобную Ермолову в ее лучших ролях, и нетрудно понять, какое могущественное впечатление должна была она оставить, например, в «Орлеанской деве». Эта пьеса ставилась в Большом театре, благодаря сложности постановки и громадному количеству участвующих в пьесе лиц. «Орлеанскую деву» я пере-

смотрел несколько раз, и Ермолова меня все больше и больше околдовывала и очаровывала своей гениальной игрой. На одно из представлений этой пьесы я сманил и своего земляка Смирнова, который отличался весьма дикими выходками. В полном смысле слова «дитя природы», продукт казенного воспитания, никогда за все время пребывания в Корпусе не покидавший его стен. Вместе с тем одаренный незаурядными способностями и любящий читать. Прекрасный товарищ, всегда готовый оказать услугу другому. Был какой-то праздник, и в училище послали несколько даровых лож. Смирнов был со мной в ложе. Безучастно смотрел на роскошный зрительный зал Большого театра, где был первый раз в жизни, и столь же оказался равнодушен и к происходящему на сцене и к самому появлению и игре Ермоловой. И даже, о ужас, в самом интересном месте встал со своего стула и уселся на полу ложи! Ну не варвар, не дикарь!

Летом мы выезжали в лагерь, расположенный на Ходынке. Помимо строевых занятий, занимались и военно-топографическими работами в окрестностях лагеря. Для съемок разбивались на группы и под руководством офицеров расходились на свои участки, вооруженные планшетами и разными приборами. Отношение к этим работам было довольно легкомысленное. Многие норовили увильнуть от скучного хождения по полю и нанесения на планшет разных «видов местности» и спасались от жары на дачи, или к старым знакомым дачницам, или заводили новые знакомства. Радушные дачницы угощали юнкеров чаем или ягодами, и в благодарность за это юнкера приглашали их на свои вечеринки, обыкновенно устраиваемые по четвергам. На этих вечеринках было много проще, чем на торжественных зимних балах. Посещали их обыкновенно дачницы, которых «благодарные» юнкера стремились занимать вовсю и танцами, и бесхитростным угощением. Случались и курьезы. Наприглашают юнкера своих «благодетельниц», а те и сидят около стенки «без употребления»: никто с ними не танцует. Тогда хозяева прибегают к исключительным мерам - нанимают танцоров за бутерброды: такса – два бутерброда за легкий танец; танцы продолжительные, как, например, кадриль, расцениваются значительно дороже – 4-5 бутербродов, в зависимости от условия: с разговорами или без разговоров. Первые, разумеется, дороже.

Как сейчас помню одну такую группу. В числе постоянных посетительниц наших четвергов бывали у нас две дачницы, некрасивые и немолодые девицы, которых звали: Фу-Че-Фу. Так как с ними никто

даром танцевать не хотел, то приглашавшие их юнкера нанимали кавалеров за бутерброды. Однажды такими нанятыми танцорами оказались мой земляк Тепр и юнкер Пильский. Тепр по условию должен был во время кадрили молчать, а Пильский – беспрерывно занимать свою даму разговорами, с тем, чтобы не дать ей возможности ответить что-нибудь. Около танцующих, разумеется, собралась группа юнкеров, привлеченных необычным зрелищем, и без умолку хохотала при виде двух Фу-Че-Фу и их кавалеров, из которых один молчал как истукан, а другой болтал как сорока со своей дамой. Барышни, по-видимому, ничего не заметили и были весьма довольны своими кавалерами…

Все свободное время я проводил за чтением книг. Проглотил всех русских классиков: Тургенева, Толстого, Гончарова, Достоевского, критиков Писарева, Добролюбова, Белинского. В голове сумбур невероятный. Щедрин меня привлекает своими сатирами, но смысл его писания не всегда понятен. Никаких знакомых «по ту сторону» не завожу. В танцах не участвую. С земляками мало встречаюсь. Вижусь только с Васильевым, который так же, как и я, читает взасос. Но и с ним скоро придется расстаться, т. к. в августе он получит офицерские погоны и умчится в Туркестан, который привлекает его своей девственной природой и широтой жизни.

В конце лета начинаются маневры. В них принимает участие весь лагерный сбор Московского гарнизона. Мы – малая песчинка в этом море частей. Несколько дней ходим по полю в разных направлениях и не можем схватить смысл этих передвижений. Наконец маневренная страда окончена. Старший выпуск произведен в офицеры. Еще год – и мы последуем их примеру. Я вперед не заглядываю и, откровенно говоря, не знаю, что скрывается за приближающимся призраком офицерского мундира. В казармах я перед тем никогда не бывал, солдат видел лишь на парадах и маневрах и понятия не имею об этой «серой скотинке», как любовно называл солдат Драгомиров. А между тем с ними придется иметь дело в казармах и, может быть, на поле сражения. От первых шагов в деле обучения солдат много зависит: вся будущая служба офицера и солдата. А нам до сих пор еще никак не говорили об этом «таинственном незнакомце». Не преподали, как лучше подойти к солдату, каким способом втолковать ему, малограмотному, а то и совсем неграмотному парню, подчас трудные и малопонятные основы воинской дисциплины. Внушить важность военной службы, где каждый неверный шаг может повлечь

за собою самые тяжелые последствия, испортить всю последующую жизнь…

После производства наших старших товарищей переходим снова на наши зимние квартиры. Начинают съезжаться «молодые» юнкера. Отправляюсь на вокзал встретить моих земляков. Вижусь с Саней Панкиным, который едет в Петербург в Константиновское училище. Несколько человек, в том числе Сергей Шарпантье и Володя Деханов, остаются в Москве, у нас. Деханов попадает к нам во 2 роту, Шарпантье – в роту Его Величества. На следующий год он будет назначен фельдфебелем этой роты и выйдет в Л-гв. Павловский полк. Но пока он еще в кадетской форме, и новизна обстановки его немного смущает.

Новый учебный год приносит нам и новых преподавателей. Вместо подполковника Малинки, с которым мы, к счастью, расстались, по тактике у нас подполковник Генерального Штаба Ванновский, племянник б. Военного Министра ген.-ад. Ванновского. Первое его появление на лекции не в его пользу. Надменный, с маской важного лица, не говорит, цедит что-то сквозь зубы. Не объясняет, а вещает что-то вечное, неоспоримое. Как бы делает нам одолжение своим присутствием. А между тем, все то же переливание из пустого в порожнее, все тот же «взгляд и нечто», как и в минувшем году. Уже тогда решаю, то эта «наука» не по мне и что офицер Генерального Штаба никогда не будет «героем моего романа».

Остальные науки не вносят никакого разнообразия. Одна военная история с полковником Стремоуровым составляет приятное исключение. Преподавание живое, увлекательное.

Военная же администрация, право, еще хуже тактики! Одни цифры… Тысячи цифр, никому не нужных, т. к. меняются по несколько раз в год, и то, что мы заучивали, оказывается в конце года уже устаревшим. Меня интересует лишь свод военных постановлений и другие книги, которые приносит преподаватель, и я роюсь в них, отыскивая ответы на занимающие меня вопросы.

Все отпускные дни провожу в посещении Императорских театров и музеев. Привлекает меня и театр Корша, где даются пьесы Островского, главным образом днем по воскресеньям. Часто заглядываю и в общественную библиотеку.

С Омском я в беспрерывной переписке. От бабушки узнаю омские новости. Оказывается, Мотя Панкина ушла из родительского дома к В. А. Волкову, видному омскому чиновнику, агроному. Он

разошелся со своей женой, которая его бросила, и влюбился в Мотю, а она из сострадания к нему решилась на такой шаг, благодаря чему поссорилась со своими родителями, которые ее прокляли. Бедная Мотя! Сколько ей пришлось пережить! Всецело становлюсь на ее сторону и пылко осуждаю ее родителей.

Бабушка исправно посылает мне мое «жалованье» в 5 рублей месячно, и мне этих денег хватает на мои театральные увлечения, т. к. место на галерке стоит всего 19 коп. Впрочем, я позволяю себе иногда роскошь и сижу в Малом театре в партере за 95 коп. У меня лежит в училище целый капитал – около 5000 рублей. Это пенсия моего брата и моя и сумма, вырученная от продажи нашего дома. Оказывается, мой крестный вышел в отставку и перед отъездом из Омска по случаю замужества его дочери Ольги, моей сверстницы, за одного инженера Иванова из Екатеринбурга, решил ликвидировать дела с моим домом, продав его некоему подполковнику Баскову за 3500 руб.

Поэтому бабушка перешла на квартиру, и Сперанский оставил ей часть денег из вырученных за продажу дома на содержание, до моего производства в офицеры.

О получении такой большой суммы на мое имя становится известным в училище из приказа, и некоторые товарищи предлагают мне в счет этих денег занять у ростовщиков, чтобы было чем вспомнить столицу. Меня это предложение соблазняет, и я направляюсь к одному такому благодетелю для переговоров. К счастью, разговор наш был весьма краток и безрезультатен. Узнав, зачем я пришел, ростовщик спросил меня, сколько мне лет, и узнав, что я несовершеннолетний, ответил категорическим отказом. Других попыток займа я не делал.

С середины года начинаются уже переговоры с разными поставщиками, портными и сапожниками насчет обмундирования.

Имея в запасе крупную сумму, сверх тех скромных 300 рублей, которые нам отпускались от казны на эту цель, решаюсь все сделать у лучших мастеров и в двойном комплекте.

Об этом сообщаю бабушке и впопыхах забываю на конверте написать ее адрес, ограничиваясь надписью: «Омск, бабушке». Оказывается, письмо все-таки доходит по назначению, т. к. почтальон хорошо знаком с моим почерком, часто нося мои письма, в чем я и убеждаюсь впоследствии по приезде в Омск, когда мне бабушка показала это оригинальное письмо.

Присматриваю шашку. Сведущие юнкера говорят, что Солингенский клинок самый лучший. Златоустовский же и дорог, и тяжел. Ну, солингенский так солингенский! Вот только как на эфес привязать темляк? Но юнкер Есаулов все знает. Показывает мне разные способы, и я усваиваю простейший, которым впоследствии всегда и завязывал темляк. Оказывается, это не такая пустая вещь! Точно так же, как завязывается галстук при штатском костюме! Помню, когда мне много лет спустя пришлось впервые облечься в штатское, я долго возился с водворением галстука на свое место. Позже, уже в эмиграции, вполне освоился с этим искусством и даже учил других, непросвещенных.

В этом году Москву посетил Император Александр III. Мы стояли строем на Театральной площади на правом фланге других частей, и Государь начал объезд с нас, верхом на коне во главе блестящей свиты. Государь поразил нас своим мощным видом, хотя по огромным мешкам под глазами видно было, что он нездоров. Он поблагодарил нас за прохождение церемониальным маршем, и мы ушли с плаца. Больше я никогда Государя не видел. Вскоре после нашего производства в офицеры Александр III скончался, уступив место на престоле своему сыну Николаю II.

После выпускных экзаменов, сошедших в общем благополучно, мы снова в лагере. Снова съемки, строевые учения, караульная служба. Юнкера охраняют «пороховой погреб», в котором нет ни капли пороху. Отношение к этой службе несерьезное. Как-то ночью несколько головорезов вздумали напугать часового у порохового погреба, набросили на себя простыни и стали приближаться к погребу. Часовой перетрусил и хотел стрелять в привидения, но вовремя его окликнули, и дело окончилось испугом.

Перед самым производством с выпускным юнкером 4 роты Карцевым случилось несчастье. Где-то на Ходынке или в городе он повстречался с каким-то подпрапорщиком и не отдал ему честь. Тот подозвал его к себе и спросил о причине неотдания чести. Карцев на это заявил, что через несколько дней он будет офицером, и тогда он, подпрапорщик, должен будет ему козырять. Подпрапорщик на это обиделся и подал рапорт по начальству. Бедного Карцева отставили от производства в офицеры и зачислили вольноопределяющимся в один из полков Московского гарнизона, где он провел целый год, и только в следующем году получил офицерские погоны.

Наступает день разборки вакансий. Из присланного списка видно, что в Сибирь, куда я непременно решил выйти, весьма немного вакансий, в особенности в Западную, где тогда были расквартированы лишь резервные батальоны, и то по главным городам. В Омск, куда было бы лучше всего взять вакансию, чтобы не тревожить бабушку переездом, вакансий нет. Ближайший пункт – Томск, о котором я знаю только то, что там жили мои родители и бабушка и что теперь это самый культурный город Сибири, что там университет. Решаюсь взять вакансию в Томск, если она до меня дойдет: во-первых, не так далеко от Омска, а во-вторых, быть может, удастся поступить вольнослушателем на юридический факультет, чтобы пополнить пробелы общего образования.

В день самой разборки вакансий неописуемое волнение. Фельдфебеля и старшие из портупей-юнкеров обсуждают качества гвардейских частей. Следующие по списку мечтают о гренадерских полках, артиллерии и саперных частях. Некоторые целятся на Восточную Сибирь, главным образом благодаря возможности совершить экскурсию вокруг света морским путем. Конкурируют с нашими сибиряками, которых Восточная Сибирь прельщает еще и потому, что они там родились и у них там проживают родные.

Я беру вакансию одним из первых юнкеров, вскоре из-за портупеев. До меня доходят «полноценные» вакансии, но я, верный себе, объявляю свой Томский резервный батальон, который дошел-таки до меня. Начальник училища недовольно морщится и нехотя записывает мою вакансию.

Сапожников и Нестеровский в портупеях и берут вакансии в Восточную Сибирь.

После разборки вакансий юнкера отправляются в город заказывать себе погоны, т. к. теперь наконец известно, какая на них будет «литература» и «цифирь». На моих эполетах отныне будет красоваться «Тм.Р.», между двумя звездочками. Вся моя экипировка уже сложена в офицерский сундук, представляющий совершенную крепость. Ему предстоит выдержать длинный путь, часть которого по грунтовым дорогам.

День производства празднуется шумно. Каждый вновь испеченный подпоручик получает по экземпляру Высочайшего приказа о производстве, из которого узнаем о судьбе наших земляков из других училищ. Оказывается, со мной вместе будет служить наш сибиряк Николай Рычков, произведенный из портупей-юнкеров

Павловского военного училища. Это хороший товарищ и, вероятно, будет исправный офицер.

Нам выдают прогонные деньги, а меня специально зовут к генералу Левачеву.

Милейший Начальник училища объявляет, что мне причитается получить более 5000 рублей, и предлагает зашить деньги в ладанку, которую он мне приготовил. Я благодарю заботливого генерала и готовлюсь принять от него деньги и ладанку. Но вдруг он меняет свое решение и говорит мне: «Вы еще слишком юны, деньги большие, а расстояние до Томска велико. Лучше деньги будут отправлены почтой, на имя вашего командира». Я не возражаю. Прошу только выдать мне некоторую сумму для расплаты с поставщиками за обмундирование и на прожитье в Омске до отъезда в часть. Генерал удовлетворяет мою просьбу, и мы сердечно прощаемся.

Свое производство я совершенно неожиданно справляю у «Яра». Случайно подвернулась компания из нескольких вновь произведенных офицеров и какого-то господина из москвичей. Вид знаменитого московского кабака ошеломляющий. Впрочем, сегодня все в каком-то особенном свете! И эти волшебные эполеты, обладающие каким-то магнетическим свойством, притягивают на себя внимание всех городовых и нижних чинов, так истово отдающих тебе честь! И это опьяняющее ощущение свободы после девятилетнего каменного плена! И эта радость, что тебе всего 18 лет, а ты уже самостоятельный человек! И эта перспектива продолжительного путешествия до Омска, до которого, говорят, уже доведен Великий Сибирский путь. А надо всем этим радость за свою молодость, вера в свои силы и надежда – последующей работой доказать свою трудоспособность и вложить в общее дело служения родине и свою лепту.

До того я никогда не посещал заведений, подобных «Яру». Нервирует и новизна обстановки, раздражает и выпитое вино, и песни цыганского хора, и близость полунагих цыганок. Но, по-видимому, кабак – не моя сфера. Поздно ночью расходимся от «Яра». Я еду в училище, чтобы провести там последнюю ночь.

Дальше – начинается мое путешествие. Без особых приключений добираюсь до Челябинска. Там узнаю, что до Омска ходят лишь рабочие поезда, налаженного движения еще нет. Узнаю и то, что до Омска едет вновь назначенный командир Омского резервного батальона полковник Ледерих с семьей. Представляюсь ему, и он приглашает меня в свое общество. Знакомлюсь с его супругой и детьми.

Кажется, буду иметь приятных попутчиков! Нам дают теплушку, и мы с удобством располагаемся там со своими вещами. Вскоре мы покидаем Челябинск. Поезд плетется с черепашьей скоростью. Останавливаемся по вдохновению машиниста и заведующего работами, сбросить содержимое нескольких вагонов с песком или камнями, постоять с прохладцей. Мы выскакиваем из вагона, денщик полковника Ледериха приготовляет самовар, и мы, как на пикнике, пьем всласть чай под открытым небом. Потом плетемся дальше.

Таким образом, путь, который позже проходился за один день, мы перевалили через неделю. Нетрудно понять мою радость, когда предо мною блеснула наконец серебряная чешуя Иртыша, через который уже протянулся громадный мост.

***(От редакции:** Генерал-майор Иннокентий Сергеевич Дамаскин (1875 – 1941) окончил Первый Сибирский Императора Александра I Кадетский корпус (г. Омск) в 1892 г., Александровское военное училище (г. Москва) в 1894 г., Александровскую Военно-Юридическую Академию (г. Санкт-Петербург) в 1902 г. Служил на разных постах в военно-судебном ведомстве. В 1919 – 1920 г. г. – прокурор Военно-Морского суда в г. Севастополе. Скончался в Эмиграции, в городе Зайечар, в Югославии. Настоящие отрывки из воспоминаний И. С. Дамаскина печатаются впервые, по авторской рукописи. Первая часть этих воспоминаний опубликована в «Кадетской перекличке» № 75.)*

Полковник А. А. Шкляревич

ФАНАГОРИЙСКИЙ ПОЛК

По прибытии на Сервечь Фанагорийский полк становится на продолжительный отдых в селе Малые Жуховичи.

17-го сентября 1915 г. на участке Зирин была произведена демонстративная атака фанагорийцами и астраханцами (может быть, были и другие части, я этого не знаю), окончившаяся не совсем удачно. Подступы к реке Сервечь с топкими лугами и редкими кустами обстреливались немецкой тяжелой артиллерией.

От прапорщика Гоцул остался на месте его пребывания один только Георгиевский офицерский крест, а все его тело раздроблено и рассеяно снарядом. Штабс-ротмистр гусарскаго Сумскаго полка Хоецкий, прикомандированный к нашему полку и командовавший 10-й ротой, при наступлении пропал без вести. Хотя слабые проволочные заграждения и были преодолены, но все же немецкие резервы успели вытеснить нас раньше, чем могли подойти наши резервы, а нашим резервам много мешал заградительный огонь немецкой артиллерии.

На р. Сервечь, у дер. Крыпки, я принял 3-й батальон на место уехавшаго в отпуск подполк. Чулкова.

У дер. Березово 2-й батальон занимал позицию на доступной местности у реки. На моем участке извилистая речка проходила по болотистому лугу, заросшему редким мелким кустарником. В четверть версты от реки на возвышенном месте были заранее выстроены окопы. Располагать батальон у реки – это значит сторожевому охранению противника на другом возвышенном берегу позволить держать наших людей под обстрелом, а нашим людям не окопаться из-за болотистаго места. В случае наступления противника, 3-й батальон должен будет впопыхах отойти в тыл в приготовленные окопы, теряя от усталости боеспособность и порядок. Я решаю батальон держать на возвышенном месте (как было и при п. Чулкове), высылая к ночи к реке разведчиков.

И вот шт. кап. Сушков, командующий 2-м батальоном, вносит претензию, почему я не стою к нему плечом к плечу. В штабе полка я сообщил свои основания.

На другой день на позицию прибыли нач. дивизии и командир полка. На вопрос нач. дивизии, почему бы батальону не стать у реки, я мотивировал вышеприведенными причинами. Нач. дивизии только и сказал: «Не понимаю, ведь стрелок есть такая единица, что может отбиваться на все четыре стороны». И весь сказ. Отбыли.

Подходила моя очередь ехать в отпуск. 3-й батальон я передал полковнику Варгасову, бывшему нач. хозяйственной части полка и захотевшему вступить в боевую линию (боевой офицер в войну с Японией в 1904 г.). Я предупредил, что было бы лучше не выдвигать батальон к речке. Я уехал на три недели. По возвращении узнаю, что 3-й батальон стоит на старом месте. Меня это порадовало.

Как-то раз, по уходе из полка полк. Васильчевскаго, новый командир полка полковник Викторов, у котораго я когда-то служил в роте Его Высочества, по телефону мне передал, будто на моем участке австрийцы наводят мост. Отвечаю, что ничего подобнаго, но сейчас проверю. Выслал трех боевых разведчиков. Двое возвратились ранеными, а третий остался на месте тяжело раненым. Передаю по телефону: никакого моста нет, но на чьей душе лежит вина в потере моих хороших разведчиков? Ответа никакого. Тяжело раненаго санитары вынесли в сумерки.

В конце июля 1916 г. генерал Эверт произвел большими силами наступление в районе Барановичи. Фанагорийский полк вел наступление от дер. Березовец, Крипки на Галлиполи (как мы называли Фердинандов нос), по которому наша тяжелая артиллерия била по окопам и проволочным заграждениям противника, а полевая артиллерия била не интенсивно из-за ограниченности снарядов, а потому ее участие значительнаго облегчения пехоте не принесло. От союзников снаряды все еще не доставлялись, тогда как к этому времени наша Ставка должна была их уже иметь. Эта операция осталась без успеха. В это наступление полка был убит полковник Варгасов. Я был легко ранен. Ружейная пуля на излете попала в правую ногу выше колена и врезалась в носовой платок, который в кармане уложился в 16 плоскостей. Только острие пули вонзилось в тело. Не будь того платка, берцовая кость могла бы пострадать.

В формируемую в Казани VII-ю бригаду Особаго назначения (для отправки на Французский или Салоникский фронт) требовался

от полка офицер из Георгиевских кавалеров. Предложено полк. Осташкевичу, но тот отказался, не желая расставаться с находящимся в полку его сыном – молодым офицером. Предложено мне. Я согласился, и 1 августа 1916 года выехал в Казань. Формировались полки 13-й и 14-й и маршевый батальон шестиротнаго состава. Мне поручено формировать маршевый батальон. Командиры частей представлялись командующему Казанским военным округом ген. Сандецкому. Увидав погоны Фанагорийскаго полка, генерал очень доброжелательно ко мне отнесся, сказав: «Быть вам полковником». По секретной инструкции, служба в этих бригадах считалась, как служба на фронте.

В декабре 1916 г. я был произведен в капитаны со старшинством с 1915 г., а к концу 1916 г. я уже выслужил годичный срок на производство в подполковники.

В Казани я узнал из писем из Москвы, что полк. Осташкевич убит.

В конце 1916 г. командующим IV Армией был назначен Абрам Михайлович Драгомиров (сын известнаго всей России героя Русско-Турецкой войны). До Драгомирова IV Армией командовал ген. Рагоза.

*(**От Редакции:** Полковник Александр Андреевич Шкляревич родился в 1882 году в Минской губернии. Окончил в 1906 году Виленское военное училище и вышел в I-й Кронштадтский крепостной полк, откуда в 1909 году был переведен в XI-й Гренадерский Фанагорийский Генералиссимуса Князя Суворова полк. Великую войну начал в 219 Котельническом, а затем снова в Фанагорийском, где был награжден Георгиевским оружием. Гражданскую войну провел в Сибири и, попав в плен, отбыл год в концлагере, а затем вернулся в Польшу. Скончался в Буэнос-Айресе в 1964 году. Публикуем случайно сохранившийся отрывок из его воспоминаний, по авторской рукописи).*

В СЕВЕРНОМ ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ

(В Морского Училища Выпуск 1920 года, за два дня до ухода «Орла» из Владивостока 31 января 1920 года, влились прибывшие из Мурманска гардемарины О. Г. К. и кадеты Морского Корпуса. Посему здесь печатается описание их «подвигов» в Мурманске, написанное старшим гардемарином О. Г. К. и корабельным гардемарином С. И. Хотунцовым, нашего Выпуска. Редактор сократил рассказ по ограниченности средств, раскрыл имена гардемарин и кадет, по своим возможностям, далеко не полностью, и объяснил появление гардов и кадет в 1918 г. в Северном Ледовитом океане, – о чем Редактор просил Автора, проживающего в Аргентине (1960 г.), дать исчерпывающие сведения, которые Хотунцов не дал, и Редактору пришлось обратиться к другим источникам, тоже не оказавшимся полными. Надеется Редактор, что Сергей Иванович Хотунцов не будет за все это в претензии. Иван Белавенец.)

На Мурманске, с прекрасною гаванью, в апреле 1918 г. находились: «Чесма» (бывш. «Полтава»), кр. «Аскольд» (командир – капитан 2 ранга А. Шейковский, б. ротный командир в Морском Корпусе), п. с. «Ярославна», бывшая яхта американского миллионера в 3000 тонн, п. с. «Светлана» и 4 маленьких миноносца начала столетия, совершившие путешествие из Владивостока, транспорт-мастерская «Ксения» и несколько тральщиков и ледокол «Александр Невский».

На «Аскольде» существовал комитет матросов без команды; на «Чесме» - один старорежимный матрос, чудный человек и горький пьяница, любивший флот больше отца с матерью, да фельдшер-кокаинист; на «Ярославне» почему-то был командиром старый финн, едва говоривший по-русски, и молодой парень, «законтрактовавший» себя боцманом, а на деле не могший бросить «чалки», как он называл «конец». Эти три корабля стояли на бочке. Там же стояли

английский броненосец «Глори», французский «Адмирал Аубэ» и американский крейсер.

Отсутствие команды на русских кораблях объяснялось тем, что, по Декрету Советов в начале 1918 г. о демобилизации флота (наш Морской Корпус был «закрыт» 10 марта 1918 г.), матросы покинули корабли и разъехались.

«Светлана» стояла в далеком углу, одиноким клоповником, а четыре миноносца тоскливо прижались друг к другу среди льдин недалеко от берега…

(Старший лейтенант Г. М. Веселаго, с намерением восстановить Флот, организовал «Коллегию» и послал в красный Петербург мичмана Карташова тайно пригласить желающих гардемарин О. Г. К. и кадет Морского Корпуса прибыть в Мурманск на службу Белым, и на его призыв прибыли кадеты Морского Корпуса: Атряскин, Ласдынский, Лендгольд, Апель, Петухов, Хлебников, Юркевич, Петров; и гардемарины О. Г. К.: Хотунцов, Эмме 1 и Эмме 2, Инфановский, Василевский, Боголюбов 1 и Боголюбов 2; Морского Инженерного Училища гардемарин Алекс. Васильев; Школы Мичманов В. В. – Самсон. Из них в Выпуск 1920 г. вошли: Хотунцов, Эмме и Боголюбов мл. Примечание И. Белавенец).

Прибывшие гарды и кадеты были зачислены «сторожами» на миноносцы. Начали терпеть и холод, и голод.

В Мурманске тогда было до 2 тысяч рабочих, живших в деревянных бараках; отдельно стояла церковь с домом для священника, «Коллегия» старшего лейтенанта Веселаго – Штаб Мурманской флотилии; и Совдеп бездействующий. Центромур, в котором сосредоточилось «Морское матросское начальство», продолжал управлять не существовавшим личным составом флота.

Петербург, сам терпевший голод, отказывал в продовольствии Мурманску. Союзники нажимали на Центромур, обещая продовольствие, если он порвет с «Центром». В мае Центромур объявил в Петербург, что порывает с ним всякую связь (идеология дешевле голода). Мурманск объявился Белым, и образовался Национальный фронт (английские экспедиционные войска) где-то около Кандалакши.

Англичане, давно зарившиеся на миноносцы, быстро пришли к соглашению с Центромуром и Коллегией. Три миноносца были приведены в годность за счет четвертого (Кап. Юрасовский). «Лейтенант Сергеев», «Бесстрашный» и «Бесшумный» были укомплек-

тованы англичанами, французами и янки. На каждом из них было несколько матросов-кочегаров из русских и по 3-4 гардемарина и кадета, превратившихся в сигнальщиков, рулевых и переводчиков (Хотунцов, Эмме, Инфановский).

Кадеты Атряскин, Ласдынский и гардемарин Сампсон с 1 июня стали выходить в море для встречи и конвоирования судов, приходивших из Англии и Америки. Не выговариваемые союзниками имена миноносцев были заменены соответственно буквами «А», «В» и «С», которые и были накрашены белой краской на трубе каждого. Плавали без всякого флага, ибо Россия по Брест-Литовскому миру уже не находилась в состоянии войны с Германией.

Дававшие при спуске на воду 27 узлов, миноносцы ныне давали с трудом 19.

Первый поход «Лейтенанта Сергеева» чуть не был последним. Океан был грозен, и многосаженные волны клали миноносец на борт, выбрасывая его на воздух так, что одна треть оставалась в воде… Проболтавшись так 48 часов и не встретив никакого транспорта, пошли обратно с 73 широты. Волнение утихло. Туман. Соплаватель «Бесшумный» исчез из виду. Приближаясь к Кольской губе, переменили курс, указанный командиром. Вдруг с правого крыла мостика послышался отчаянный крик сигнальщика, кадета Атряскина: «Земля!». Вахтенный начальник рванул по машинному телеграфу «Полный назад», бросился помогать рулевому «класть на борт», для чего нужно было дать 7 полных оборотов штурвалу. Миноносец задрожал и остановился, медленно поваливаясь с борта на борт. Справа – рукой подать – высилась огромная скала, а перед нею бился океан о подводные камни. Проморгай кадет Атряскин полминуты – и миноносец разбился бы вдребезги.

Результат – командир миноносца старший лейтенант Кондратенко отказался от командования миноносцем, и был утвержден англичанами старший лейтенант Бродский.

Судьба миноносцев была бесславна. После столкновения «Бесстрашного» с тральщиком, миноносец был в полузатопленном состоянии приведен в Архангельск. «Бесшумный» янки умудрились выбросить на песчаный берег. «Лейтенант Сергеев» погиб при неизвестных обстоятельствах.

Русская команда «Лейтенанта Сергеева» оставила миноносец уже после первого похода, недовольная харчем и не желая работать под командой «на собачьем языке рыжих», т. е. англичан.

Месяца через два ушли и гарды и кадеты на «Чесму», где, кроме помянутых матроса-пьяницы и фельдшера-кокаиниста, уже было несколько офицеров и 40 матросов, набранных из безработных Мурманска. Укомплектовать «Чесму» не удалось, и старший лейтенант Ювеналий Шевелев задумал вернуть к жизни «Ярославну». Убедив в необходимости этого местную власть, использовав подходящий момент происшедшего в Архангельске Белого движения (август 1918 г., правительство Чайковского), - он подошел на «Ярославне» к борту «Чесмы» и стал приводить ее в порядок. «Ярославна» была в плачевном состоянии. Работы по приведению «Ярославны» подвигались, и уже был виден результат.

Вдруг 27августа, когда все завтракали на «Чесме», дежурный прибыл с «Ярославны» и доложил, что к «Ярославне» подошла шлюпка с английскими специалистами унтер-офицерами под командой старшего офицера с «Глори». Старший офицер лейтенант фон дер Ропп вызвал гардемарина-переводчика и приказал ему пойти сказать «рыжему черту», чтобы немедленно явился с объяснениями. «Рыжий черт» неохотно подчинился и заявил, что действовал по приказанию.

Старший лейтенант Шевелев приказал снарядить четверку и отправился к английскому Адмиралу, который, по рапорту его специалистов, считал, что нужно четыре недели, чтобы привести «Ярославну» в состояние возможности выйти в море. На это старший лейтенант Шевелев возразил, что «Ярославна» будет готова через 4 дня, и что он собирается идти в Архангельск. Адмирал недоверчиво улыбнулся и сказал, что если через 4 дня «Ярославна» не выйдет в море, то он прикажет овладеть ею. Шевелев мрачный вернулся на «Ярославну» и, собрав вокруг себя род «вече», сообщил об ультиматуме «рыжих чертей».

Он не докончил своей речи: команда разбежалась по местам работ. Нельзя забыть этих четырех дней. Набранная неопытная команда, чтобы отстоять честь своего корабля и досадить «рыжим», работала до изнеможения. Кадеты Атряскин, Лендгольд, Илич, Апель и Петухов; гарды Ифимовский, Хотунцов, Эмме 1 и 2-ой – так же работали, как и все.

1 сентября в 4 часа «Ярославна» снялась и, сыграв «захождение» старшему на рейде, минуя «Глори», направилась к выходу из губы под ответное «захождение», рев и аплодисменты «рыжей» матросни: английское спортсменское сердце было побеждено рекордом кадет,

гардов и команды «Ярославны». Конечно, на гафеле красовался Андреевский флаг.

После двухмесячного ремонта в Архангельске, погрузив французского посла Нюланса, после ряда приключений (недохват угля на широте Лярвика, течи в клюзе якоря), «Ярославна» прибыла в Булонь (Франция).

Нижепоименованные кадеты и гардемарины были списаны в распоряжение Морского Агента в Париже: гардемарины О. Г. К. Эмме 1, Эмме 2, Инфимовский, Хотунцов, Боголюбов 1, Боголюбов 2; Инженерного Училища гардемарин Александр Васильев и кадеты Морского Корпуса Атряскин, Илич, Петухов, Апель, Петров.

На пароходе «Могилев» прибыли и были зачислены в Морское Училище во Владивостоке, за два дня до эвакуации 31 января 1920 года: Хотунцов, Боголюбов, кадеты Атряскин, Лендгольд, Илич, Петухов, Апель.

40 лет спустя. Атряскин-Ньюман живет в США, женат, дочь. Гардемарин Еловский вернулся из Франции в Мурманск еще в 1918 году, где у него оставалась жена (очевидно, во времена лихолетья и гардемарины были женатые); впоследствии он как-то попал во Францию и работал в балалаечном оркестре. Инфимовский списался с «Орла» в Сингапуре или Коломбо, ушел матросом на английском пароходе, был электротехником на Шпицбергене (1922 г.). Эмме дошел до Англии, перебрался в Бельгию, где и проживает (1960 г.). Кадет Петухов с 1947 года в Бельгии, работает химиком, женат на русской, по первому ее браку – Эмме. Кадет Лендгольд – неизвестно. Боголюбов-младший, по слухам, скончался во Франции.

Наконец, С. И. Хотунцов проживает в Буэнос-Айресе, вышел в отставку, овдовел, имеет сына-инженера, библиофил и переводчик русской поэзии на испанский язык.

(«Письмо Ивана Белавенца, Морского Училища Выпуск 1920 г. Сорок лет спустя». Нью-Йорк, 1960 г.)

*(**От Редакции:** Сергей Иванович Хотунцов родился в Севастополе 2 сентября (20 августа) 1898 г. Поступил в О. Г. К. в 1916 г. Совершил учебное плавание на крейсере «Орел» и вернулся на занятия в разгар большевицкого переворота в Петрограде. После описанных им выше событий в Мурманске, из Франции был направлен во Владивосток,*

откуда вернулся в Европу на крейсере «Орел», на борту которого получил звание корабельного гардемарина. Приехал в Аргентину в 1921 году и работал по специальности техника-землемера, принимал участие в строительстве линий метро и туннелей. Около 20 лет бескорыстно заведовал библиотекой при православном храме Святой Троицы в Буэнос-Айресе. Свободное время посвящал изучению экзотических языков, переводам с русского на испанский язык поэтических произведений, в том числе басен Крылова. Скончался в Буэнос-Айресе 2 июня 1981 года и похоронен на кладбище в Мороне, пригороде Буэнос-Айреса).

В. Г. Улитин

КАК ЭТО БЫЛО...

(К 80-летию восстания донских казаков и Гражданской войны)

Весна 1917 года. Все еще Тихий Дон живет своими древними устоями – по традиции все мужское население на фронтах, все сорок четыре (на своих конях) полка.

Отречение царя пришло как удар в спину – что-то будет? Февральская революция – как свежий степной ветер – сознание, что все, что застарело, чужое, наносное, теперь само отпадет, а земля наша Донская, веками кровью политая, зацветет.

Станица Каменская, трехсотлетняя история которой богата славой боевой в борьбе с врагами и особо, только Каменской присущей, духовно-дружной жизнью всех как общества. Культурный центр жизни на Дону. Станица Каменская – вот какой живет она в моей памяти.

Сама красавица степная на берегу высоком бурного Донца, южная природа, прямой, как магистраль, Донецкий проспект с аллеей из акаций посередине. Школы, начальные и средние, - со всей области учащаяся молодежь...Сейчас трудно поверить в ту открытость жизни общества – как семья! Театр, концерты и песни, танцы – два кинотеатра, зимний (в Центральной гостинице) и летний (в летнем саду) под открытым небом, - все, все осталось, живет в душе и в воспоминаниях мальчика, сына природных казаков: по отцу – урядников, лихих и славных Верхнего Дона, а по матери – командиров, по заслугам получивших право на дворянство с усадьбой в ст. Каменской.

И вот сюда, в станицу Каменскую, весть о революции пришла как о начале новой жизни, как бы распахнулась душа народа. На улицах и площадях митинги и песни, пляски: «Вышли мы все из народа – дети семьи трудовой». И, конечно, свои родимые, как бы вековые: «Ах ты, Батюшка, наш славный Тихий Дон». И какой экзамен был проведен – на любовь к родной станице, к укладу жизни, уважению к труду – никакого насилия над прошлым, над человеком.

Ведь было все кругом свое! Городской полиции у нас не было, а на вокзале по-прежнему стоял «сверхсрочный» вахмистр, при аксельбантах и шашке.

Жизнь революционных перемен вошла и в администрацию и в самоуправление на Тихом Дону, в столицу Новочеркасск – город памятников славной истории. Тут и Войсковой Троицкий Собор, высоко на горе стоящий, своей красотой и величавостью известный по всей России, и, рядом с ним, Ермак с короной Царства Сибирского в руке, а там памятники героям-защитникам России и расширителям ее границ – по Платовскому проспекту все до Триумфальной Арки разгрома армии Наполеона: от Платова донцов Наполеон чудом спасся при переправе через реку Березину. И поныне во Франции живет пословица, когда дело идет плохо: «Ce est la Berezina».

Сколько дел чудо-богатырей было увековечено в памятниках, и кто бы мог подумать, что и они будут осквернены?

Ветер революции принес перемены в Новочеркасск.

Незаметно сдал свои полномочия наказной Атаман генерал фон Граббе и покинул Атаманский Дворец. В этот исторический момент казачество будущего перешло под руководство своей интеллигенции. Сразу выдвинулся природный казак, профессор Митрофан Петрович Богаевский. Он явился в творческой роли организатора выборов Войскового Круга – верховного органа власти народной. В атмосфере грозящей анархии идеалы Казачества – народной демократии – восторжествовали. С новой силой прозвучали слова Донского гимна: «Дон детей своих сзывает в Круг Державный Войсковой – Атамана выбирает всенародною душой».

Выбор пал на природного казака, прославленного героя войны, генерала А. М. Каледина.

Дон не оскудел сынами духовной силы!

В торжественно-исторической обстановке, впервые за последние 200 лет, принес присягу на верность Дону Донской Атаман А. М. Каледин.

А что делалось в родном мне Донском кадетском корпусе? Как сыны Тихого Дона, мы осознавали, что к нам пришла очередь быть достойными нашего прошлого. Как пожар прошел по классам: «Прощайте, черные шинели, погоны синего сукна, - теперь мы больше не кадеты, а первой сотни юнкера!» Посетил нас слава и гордость Донских партизан В. М. Чернецов – принес песню: «Русь, смотри, какую силу казаки таят, за Тебя сойти в могилу каждый будет рад!»

Сколько жертв принесла Донская молодежь в своей попытке остановить гибель России! Почему же только на Дону поняли угрозу и сражались не на жизнь, а на смерть? Только один Донской Атаман генерал Каледин открыто объявил об этом и принес свою жизнь в жертву – его выстрел в сердце, как набат, поднял Донское казачество на восстание.

1917 год. Петроград, как столица Империи, в эти дни весны и лета являлся очагом распада, срыва в пропасть миллионной армии на фронтах войны. Только Казачество продолжало сохранять свою верность долгу защитников общей Родины.

Как результат большой работы обновления жизни, делегаты всех 12 казачьих Войск съехались уже в марте в Петроград на общеказачий съезд. Прибыли и делегаты от полков фронта. Основные решения съезда звучат и сегодня как высшее проявление патриотизма или как долга: первое – войну вести до победного конца, в честь павших в боях за Родину; и второе, пророческое, - за единую Россию и Казачество в ней.

Теперь трудно даже представить то духовное ядро, сохранившее Казачество до наших дней в течение пятисотлетней борьбы за право на свой образ служения Отечеству – уникальное явление в истории человечества. Стать на пути истории, задержать ее поступь можно только жертвой – на этот путь стали казаки. Но Петроград, как центр событий насильного переворота и столкновения международных сил, отразил развитие этих событий иначе (1917-1918), даже переменил свое имя на 75 лет. Отсюда шел яд сознательного отравления жизненной ткани страны, распада не только административно-государственной основы, но и духовно-общественной, и глубже всего, по-человечески, личной морально-семейной ткани, главной крепости общества.

Мой отец, делегат съезда, оказался со своими казаками на одной из площадей Петрограда, вблизи дворца балерины Кшесинской. В голубоватых тонах здание с балконом над площадью; ничто не говорило о том, что именно этот балкон войдет в историю дьявольской усмешкой над трагедией обрыва самой истории. На балконе этом стоял маленький человечек, на вид невзрачный, к тому же с козлиной бородой, и бросал какие-то слова в огромную толпу тех дней. Казаки отца протиснулись вперед, и до них доносились жестокие слова, которые картавым звуком падали в толпу: «Долой войну, штык - в землю, за трудовой народ, убей командира, грабь награбленное».

Казаки не верили своим ушам: «**Да он – шпион! Пороть, пороть!**», а старый вахмистр твердо сказал: «**Поздно! Вешать надо! Вешать!**» Старый казак был прав. Вся эта как бы нереальная обстановка – с балкона особняка балерины жестокие слова ненависти к долгу и чести – все это напоминало картины театральных мистерий в Средние века.

Слова призыва к насилию, убийству именем Революции, грабежу падали на готовую почву озлобленных масс, понявших, что их час настал. Один из таких слушателей вошел в историю восстания на Дону. Вахмистр гвардейской батареи, простоявшей всю войну в гарнизоне Петрограда, - Подтелков, казак станицы Усть-Хоперской, тридцати двух лет, сыграет свою роль предателя Казачества. К малограмотному Подтелкову присоединился 23-летний казак станицы Еланской, агроном по образованию, уже член партии большевиков, Кривошлыков. Оба они оставили свой след в истории тех роковых дней.

Весь 1917 год.

В то время как по всей стране шел распад старой имперской администрации, на Дону шла большая работа по созданию своего народно-демократического строя. Атаману Каледину удалось привлечь в помощники и сотрудники историка и профессора Митрофана Петровича Богаевского. М. П. проявил недюжинные способности, веру и энтузиазм в области гражданского строительства для объединения сил для успешной борьбы за право на жизнь. Блестящий оратор, М. П. вошел в историю Дона и России, как Баян и златоуст. Он был истинным вдохновителем и борцом за идеалы Казачества.

Каледин – Богаевский – Чернецов – три выдающихся представителя своего времени. Вождь, Идеолог и Воин-борец – они вписали свои имена в историю Дона и России!

В Петрограде большевики организовали попытку свергнуть Временное правительство Керенского, но встретили отпор Донского полка. В историю революции вошли торжественные похороны казаков, павших в бою с демонстрантами. Первые жертвы «бескровной» революции! (Генералы Корнилов и Краснов двинули казачьи полки на Петроград, но Керенский объявил их «изменниками»). Ленин, обвиненный в шпионаже и сознавая опасность, бежал через границу в Финляндию, переодетый в женское платье. Он скрывался там в шалаше до своего часа, когда путь к захвату власти открылся 25 октября.

В результате этих событий, Керенский созвал в августе историческое «московское совещание» - представителей всей страны. Донской Атаман Каледин выступил с главной речью-призывом: честь и будущее России требуют довести войну до победного конца – враг разбит! Народ, инвалиды-воины поддержали Атамана Каледина. Но развал в армии зашел далеко. Керенский не поддержал, а, наоборот, обвинил в измене, на что Войсковой Круг ответил как встарь: «С Дону выдачи нет!»

Атаман Каледин не признал диктатуры Ленина и стал главным врагом для него.

Это (действия Керенского – К. Х.) был первый открытый удар по Дону, отразившийся на хуторах и станицах, в нашей семье на Старовокзальной улице. А в центральной гостинице в станице Каменской уже «заседал» «Председатель» Совета фронтовиков, вахмистр Ф. Г. Подтелков.

1917 год. Лето на Дону – страдная пора. Уборка урожая без отцов семейства третье лето. Крепки были устои жизни по хуторам и станицам казаков. Именно это лето для меня осталось незабываемой сказкой, вошедшей в душу светлой правдой, духовной волей, связью с казачьей природой. Как и встарь, станицы берегли и хранили частицу Дикого Поля - целину и называли «Отвод». Со времен татарского нашествия оставляли сотни десятин степи с озером-прудом для своих коней походных. Но и сюда пришла далекая революция – пастухи-отарщики, неслуживые казаки разъехались по домам, оставив без призора табуны коней. Мой дедушка забрал своих домой. Призвал меня и говорит: «Твой двоюродный брат, Ванятка, и ты будете отарщиками – смотреть в степи за косяком». Дает мне седло легкое, яблоневое, с одной подпругой, послушную кобылу Лебядку, и с Ваняткой – одни в степи.

Нет, вы не знаете, что такое Донская степь! Нет слов, чтобы описать краски, запахи, простор, степное небо – как живая часть, вечно, вместе с ковылем, подвижное. А ночь и небо над тобой!

А вокруг кони – ласковый храп их ноздрей. И какие шумы и звуки проходят в ухо от Земли! Прошли годы, прошла жизнь, а степь, родная, обновляет душу казака!

Но наступили дни, когда, как перед первым ударом грома надвигающейся грозы, воздуха не стало. Везде, в том числе и в доме бабушки на Старовокзальной в Каменской, разыгралась неожиданная драма, так точно переданная в романе М. Булгакова «Белая

гвардия». Там был вопрос: «Куда теперь?» и был ответ: «На Дон! Там наше место!»... Но мы-то у себя на Дону и решаем тот же вопрос: «За что бороться и против кого?» И это в те дни, когда сознательно разжигалась партией и властями кровная вражда, ненависть неимущих против имущих.

Каменская. В доме бабушки (М. А. Дубовской), широко почитаемой попечительницы женской гимназии и даже заместителя предводителя дворянства, эти вопросы решаются в личном плане – так, собственно, трагедия войны и начиналась.

Вечер, в столовой – бабушка и младший сын В. Л. (дядя Валя) и уже прославленный партизан, сотник В. М. Чернецов. Чернецов и дядя Валя последние два года на войне вместо окопной войны ввели древний обычай ополчения – партизанскую войну по тылам врага. В Каменской он стал со своим отрядом, заставив Председателя Совета Фронтовиков Подтелкова перейти в станицу Глубокую. Чернецов, как сейчас вижу, был в полушубке и с наганом (не в кобуре) за поясом (бабушка ему на это указала). Чернецов утверждал, что достаточно убрать главарей-зачинщиков, и казаки разойдутся по хуторам. Бабушка говорила: «Не горячись! Причин для сведения счетов много, а первая задача – предотвратить столкновения между казаками!» Дядя Валя любил своих соратников-казаков и верил им. Он советовал Чернецову не торопить события. «Казаки не пойдут за изменником Подтелковым!» Ответ на роковой вопрос повис в воздухе. Ясно звучали понятия Долга, Чести, Веры и Любви к своему родному, но Чернецов остался верным себе и выступил в поход против Подтелкова. За что он заплатил своей жизнью, а Подтелкова и Кривошлыкова присудили сами казаки и, как изменников Казачества, повесили. Но его (Чернецова – К. Х.) смерть, как и выстрел в сердце Атамана, набатом отозвалась по станицам и хуторам Донской земли.

Ночь под Рождество. 24 декабря 1917 года. Наше путешествие из станицы Каменской в хутор Шумилин, такое обычное для нас, детей, в мирное время, осталось в истории тех дней, как трагическая борьба добра со злом. Все, что с нами произошло под Рождество, на всю жизнь, как свет звезды Вифлеемской, осветило наш путь.

Каждый учебный год нас возили из Шумилина в Каменскую, с севера Дона на юг, - дорога дальняя, но незабываемая – по Донской земле. До станицы Чертково восемьдесят верст и, дальше, поездом четыре пролета станций до Каменской.

Но теперь зимняя поездка в тревожное время обещала быть иной – даже опасной. Было решено, что я и младший брат едем с отцом. Бабушка считала, что оставаться в Каменской было опасно – чернецовцы с боями держали железнодорожный путь свободным. Отец, как член Круга, посылался Атаманом на север, в родные ему станицы, узнать, как крепки там казаки.

И вот мы готовы! Папа в полушубке без погон выглядит чужим в солдатской шапке, а меня с братом одели в на вырост сшитые полушубки, ставшие тоже историческими: сшил их для нас по просьбе бабушки портной военно-ремесленной школы, сам Ефим Афанасьевич Щаденко, который, как энтузиаст-социалист, ценил общественную и школьную работу бабушки. Тот самый Щаденко, который, как главковерх в Красной Армии, оставил след в истории Гражданской войны. Так, одевшись в «простой народ» и получив благословение и напутствие бабушки, мы благополучно сели в поезд в Каменской и доехали до Чертково. Нужно сказать, что папа заранее послал в Шумилин родным телеграмму, чтоб выслали за нами сани с шубами. Дедушка ответил, что пошлет Петровича (Петрович, уже старик, член семьи Улитиных, выходец из России и оставшийся у дедушки, как его правая рука).

В полдень мы были на станции Чертково – такой всем нам знакомой. Именно тут он погрузил своего «бурого» коня в вагон с надписью 8х4 ЮВЖД, отправляясь на фронт Первой Мировой войны. Ведь это была единственная станция на весь Верхне-Донской Округ. Не увидев сразу Петровича, папа решил сначала покормить нас обедом в «Зале первого класса». Папа не подумал, что этого нельзя было делать. В конце обеда к папе подошел человек под «матроса» и предложил ему пройти на разговор к «ревтрибуналу», заседавшему в дамской уборной. Какая игра слов! Какая ирония – усмешка поступи истории! Папа, сказав: «Сидите смирно!», ушел и... Но он вернулся, и тут начинается чудо! Незаметно к нам подошел человек и попросил скорее идти за ним. Это был местный учитель. Папа хорошо его знал еще со времени постройки новой школы около станции Чертково – как кооператор. Учитель провел нас к себе, познакомил с женой и маленькими детьми и рассказал нам историю с Петровичем. Тот приехал вовремя и ждал на станции, но тут появились казаки-фронтовики. Поговорив с Петровичем, они убедили его в том, что Г. А. Улитина нет в живых, напоили его и ускакали в свой хутор.

Что делать? Учитель уверял, что за нами будет погоня, что папу должны задержать. Оставаться здесь нельзя. Решено ехать в ночь. Учитель вызвал надежного мужичка. Он был прав – пришла телеграмма: «Задержать Улитина!» Но мы уже были в пути. На дровнях, в одну лошадку. Ночь под Рождество. И наше чудесное спасение. Ехать надо было по проселочным дорогам. Скоро потеряли след. Волчий вой. Но, как в сказке, донесся лай собак, и мы выехали на поляну, оттуда был виден огонек – это был казачий хутор Озерный. В первой же хате хозяин узнал папу и пригласил обогреться.

Какие силы освобождают человека от страха за себя, за свою семью? Ведь у учителя – жена и двое маленьких детей, а этот казак-фронтовик, пустивший нас к себе в уют спящей семьи среди ночи?

То был свет Рождественской Звезды, который открыл нам дорогу и сердца людей!

До рассвета мы въехали, на наших же дровнях, по накатанной дороге в станицу Казанскую (по льду переехали Дон). Трудно теперь даже представить, что значит своя станица, свои все люди. Папе по службе полагалась почтовая тройка, и, распрощавшись с мужичком, спасшим нам жизнь, мы через час (тридцать верст) уже были на площади Шумилина в тот момент, когда народ выходил из храма, и бабушка, Евдокия Ивановна, прижала нас к своей груди. Мы были дома. Но не совсем! До дедушкиной усадьбы еще надо было ехать десять верст. Те казаки, что обманом взяли Петровича, и теперь пили на хуторе, на пути в нашу усадьбу.

И снова чудо! Добрая хозяйка, где пили казаки, подслушала, что они решили убить Г. А., и «концы в воду!». Она предупредила дядю Мишу, и он, запалив коня, спас брата. Отец, не заезжая в усадьбу родителей, уехал в Воронежскую губернию и там прожил до весны, когда Шумилинцы прислали за ним – возглавить восстание против насилий отрядов красных карателей.

Но это будет уже летом 1918 года, когда донцы смело перевернули последнюю страницу своей многовековой победной истории.

Лето 1998 года.

(В. Г. Улитин «За курганом...». Сборник статей и очерков. Составитель К. Н. Хохульников. РостИздат. Ростов-на-Дону, 2000 г.).

***От редакции:** См. некролог В. Г. Улитина в этом номере «Кадетской переклички».*

НАЧАЛО ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ В РОССИИ

Волжское восстание 1921 года

Началом наших скитаний надо считать время после большевицкого переворота, т. е. конец октября 1917 года.

В Петрограде мы уже начали переживать страшное время. О службе и заработках тогда мечтать не приходилось, так как все частные предприятия были уничтожены, а в новые правительственные учреждения принимались только коммунисты. Кроме того, мы по принципиальным соображениям не хотели сотрудничать с коммунистами. Благодаря произведенной конфискации всех наличных банковских счетов, денег у нас совсем не было. Все наше недвижимое имущество было конфисковано большевиками в декабре 1917 года, а цены на товары поднимались ежедневно чуть ли не на 100 %. К этому же времени на спекулянтский рынок, где главными действующими лицами были евреи, было выброшено столько бриллиантов, золота и серебра, что они совершенно потеряли свою настоящую ценность. Вещи домашнего обихода, как одежда, посуда, мебель, еще не находили сбыта, и поэтому наше положение становилось все более и более критическим. Открытых рынков не существовало, а съестные припасы приходилось покупать из-под полы. Стали мы голодать и мерзнуть в мало отапливаемых комнатах и вкушать все прелести нового демократического строя и свободы.

Петроград за несколько месяцев власти советов сильно преобразился. Все частные магазины были закрыты. Уныло выглядели частью разбитые, частью замазанные мелом витрины. Совершенно обезлюдели когда-то пестрые и живые улицы. На площадях стали снимать памятники, и безобразно возвышались на опустевших пьедесталах белые гипсовые фигуры новых революционных светил и революционных эмблем. Улицы были засоренные и грязные, дома загажены, мостовые изрыты, и по их кочкам с трудом пробирались

редкие извозчики и комиссарские автомобили. В городе начались грабежи. Повальные обыски, с которыми большевицкие деятели стали почти беспрерывно беспокоить растерявшихся обывателей, вскоре превратились в официально разрешенные грабежи. Красногвардейцы на улицах останавливали более или менее хорошо одетых прохожих и, не стесняясь, снимали одежду. Выходы по ночам стали опасными.

В феврале 1918 года, по распоряжению властей, началась «конфискация» винных погребов. Красноармейцы врывались иногда целыми отрядами в частные дома, разыскивая погреба. Напав на след таких погребов, красноармейцы пользовались случаем и напивались до полного опьянения, а затем, придерживаясь изданного приказа, нещадно разбивали оставшиеся бутылки, выливая часто драгоценные вина прямо на улицу. Было немало случаев, когда опьяневшие люди тонули в глубоких лужах вина. Иногда вызывали пожарных, которые холодной водой поднимали и разгоняли напившихся «блюстителей порядка и законности».

После большевицкого переворота городские тюрьмы стали наполняться людьми новой классификации – «буржуями», как тогда их стали называть, - офицерами, юнкерами, собственниками больших торговых фирм, докторами, профессорами и т. д. Зловеще доносились по ночам из Петропавловской крепости ружейные залпы. Ужас охватывал жителей еще не так давно цветущей столицы, и всюду проникал голод со страшной длинной косой смерти.

К весне 1918 года город сильно опустел. Кто мог – уехал. 20-го апреля и мы тронулись в путь. Преодолев сотни препятствий с получением разрешения на выезд, мы выехали к отцу, который продолжал еще служить в Москве. Сознавая, однако, что было невозможно долго сидеть на шее у него, так как в это время отец уже ничего не зарабатывал, мы решили ехать дальше в Саратов, предварительно детально обсудив на семейном совете все связанные с нашим дальнейшим путешествием вопросы. В Саратове мы надеялись на поддержку наших родственников и знакомых и возможность получить кое-какие деньги от продажи вещей, остававшихся с прошлого года на наших дачах в 7 верстах от города.

Уезжая из Петрограда, мы, однако, не предполагали, что судьба нам не позволит так скоро вернуться обратно. Ведь в это ужасное время многие добрые люди на нашей матушке Руси только и жили в убеждении, что через 2-3 недели – до месяца все это кончится. Мы с

братом Константином сложили вдвоем всю нашу квартирную обстановку в одну большую комнату, запечатали двери и сдали квартиру неизвестному еврею с условием, чтобы он следил за нашими сложенными вещами. Мамины бриллианты и все наши драгоценности мы дали на хранение одному из наших хороших знакомых. Несмотря на все эти предосторожности, остатки нашего прежнего богатства постигла горькая участь. В нашу квартиру ворвались красноармейцы, еврея вытурили, взломали запечатанную нами дверь и все вещи разграбили. С драгоценностями было не лучше. Нашего знакомого арестовали и все у него конфисковали.

В начале июня 1918 года мы приехали в Саратов. Помню хорошо, как нас поразил вид города. Еще только девять месяцев тому назад мы оставили его цветущим, а за короткий срок царствования большевиков его просто загадили. Масса стекол в жилых домах была выбита, уничтожены были заборы, закрыты магазины и прекращена торговая жизнь.

Город точно потерял свой европейский вид и приобрел образ хаотического скопища. Везде виднелась рука разрушителей, и становилось грустно и жутко, просто не верилось, что за такой короткий срок можно было так опоганить красивый город и уничтожить следы упорных трудов многих поколений. В Петрограде и Москве разрушения не так сильно бросались в глаза, может быть, потому, что мы там это сами видели и успели привыкнуть, но разрушения, произведенные в Саратове, произвели на нас удручающее впечатление.

В Саратове нас ожидал сюрприз. Оказывается, что на Борелей большевиками была возложена огромная контрибуция. Председателем Саратовского исполнительного комитета был в то время некто Антонов, как будто прежний присяжный поверенный, который задался целью истребить интеллигентное население города Саратова. Поэтому он от всех так называемых «буржуев» потребовал уплаты огромных денежных налогов, которые носили громкое название «контрибуций». Он беспощадно уничтожал тех, кто уже потерял все свое имущество и не был в состоянии что-либо внести. На семью Борелей была наложена «контрибуция» в несколько миллионов рублей золотом. Об уплате таких фантастических сумм не могло быть и речи. Из всего этого ясно было видно, что такое распоряжение являлось лишь предлогом для того, чтобы заключить в тюрьму невинных людей и их потом расстрелять.

Наши родственники, оказывается, давно уже бежали из Саратова, скрываясь частично в различных селах и даже в киргизских степях от преследований, и оставили в городе по знакомым некоторых из своих детей, чтобы быть в курсе происходящего. Вскоре выяснилось, что все вещи, остававшиеся на наших четырех дачах в 7 верстах от Саратова, давно были разграблены приверженцами нового социалистически-демократического строя новой марксистской рабоче-крестьянской республики.

В Саратове нам оставаться было нельзя, и мы, не раздумывая долго, решили из города бежать в те же киргизские степи или окружные села по луговой стороне Волги.

В самом Саратове творились невероятные ужасы. В это время уже была организована пресловутая ЧК, или «чрезвычайка», как называли это новое полицейское учреждение обыватели. Эта самая чрезвычайка изощрялась в смысле придумывания самых различных пыток и казней. В сравнительно маленьком Саратове ежедневно расстреливались и уничтожались сотни людей. Тюрьмы были переполнены до отказа, и чтобы вместить всех арестованных, были реквизированы и приспособлены для этой цели несколько больших частных зданий. Одновременно изобретались всевозможные орудия пыток, которые можно было свободно сравнить со средневековыми методами истязаний. Снимали с рук «перчатки», т. е. отпаривали руки кипятком и сдирали с них после этого кожу, выкраивали «ремни из спины», ломали кости и пытали огнем. Специально для буржуев была поставлена на якорь в середине Волги баржа с сильной течью. На эту баржу свозили несчастных людей. Находясь там без какого-либо питания, они должны были, под угрозой, вычерпывать из баржи беспрерывно натекавшую воду. Эти люди могли выдержать всего несколько дней. Часть из них сходила с ума и приводила в трепет и ужас созаключенных своими припадками бешенства, многие кончали жизнь самоубийством. После нескольких дней такой безрассудной и идиотской работы, люди от голода и полного изнурения и изнеможения теряли силы и способность выкачивать набегавшую воду. Баржа начинала постепенно погружаться в воду, и в конце концов воды быстротечной широкой Волги накрывали почти недвижимые тела нескольких сотен приговоренных к жестокой смерти людей.

Как мы были бесконечно рады, когда наконец достигли цели и приехали в избранное нами село. Сюда еще не успели проникнуть

демоны беспощадного разрушения. Люди жили еще своей нормальной жизнью, но все же и у них в глубине души притаилась тревога за дальнейшую судьбу. С фронта возвращались сыновья-солдаты, отравленные от всяких речей и проповедей шнырявших повсюду агитаторов, которые умели ловко нажимать на больные струнки простодушных мужичков и вызывать желательное для себя настроение. Но все же еще не совсем были испорчены души этих молодых людей, еще не была заметна злоба. Мужик ожидал что-то новое, светлое, какую-то злосчастную свободу, социализм-марксизм и новые плоды «наибескровнейшей» революции.

В селах было спокойно, и мужики относились к нам хорошо, даже в тех случаях, когда наезжали всякие комиссары и отряды для поисков скрывавшихся «буржуев». В таких случаях мужики нас предупреждали и прятали. Более богатые поселяне помогали нам денежно «до лучших времен», как говорили они, и давали нам, таким образом, возможность жить тихо и более или менее спокойно, отдыхая после голодовки в городе и от всех кровавых кошмаров, которые в городах вихрем носились вокруг нас.

Осенью 1918 года село еще не успело познать большевиков. У последних было слишком много работы для извращения и истления бывших еще там недавно светлых основ традиций и благородных привычек в городах, и поэтому они еще не имели времени, чтобы заняться более серьезно жителями в деревнях. Изредка наезжали мелкие агитаторы, старавшиеся убедить крестьян в прелести новой власти и старавшиеся вдолбить им новые преимущества идей Карла Маркса, и вместе с тем разжигая в них ненависть к «кровопийцам», «эксплуататорам» и «буржуям». Но из всех этих сладких речей мужички понимали только одно, что земля теперь принадлежит им, что податей больше платить не надо и что «хозяев» вообще больше не существует. И стал как будто блаженствовать крестьянин, чудно, дескать, живется на обетованной земле, привольная жизнь как нельзя лучше подходит к его простой и невзыскательной душе. И вслед за тем стали проявляться всякие вольности, вплоть до широкого изготовления и употребления водки-самогонки и распространения пьянства среди населения.

Настоящего разорения крестьянства тогда еще не было, но сельское хозяйство в общих размерах уже начали разрушать. Главная тенденция нового социалистического правительства заключалась в том, чтобы заставить обывателя привыкнуть получать все продукты

из государственных учреждений, с запрещением и преследованием покупки на работавших нелегальным образом подобиях базаров. Результатом этого было, что городское население стало голодать, в то время как в деревнях хлеб еще изобиловал. Ввиду невозможности отправлять хлеб в города, крестьянин распоряжался им по своему усмотрению, кормил им свою скотину и перегонял на самогон.

Вскоре большевики совершили первое отступление от своей первоначальной программы. Официально разрешив открытие базаров, они вернулись к старым порядкам. Отрицая существование частного капитала, они все же допустили его в виде небольших денежных оборотов.

Пользуясь ненормальностью положения, более предприимчивые и еще не преследуемые властью люди стали заниматься спекуляцией, закупая и продавая различные продукты потихоньку от власти. Тогда большевики были увлечены уничтожением буржуазного, капиталистического, старого военного, дворянского и интеллигентного классов, и еще не обращали внимания на обнагление в своей деятельности мелкобуржуазного элемента и бывших небольших служилых чинов. Благодаря большому падению ценности денежной системы, разница стоимости товаров достигала невероятных размеров, и, таким образом, спекулянты могли сбывать свои товары с громадными заработками без какого-либо риска потерять свои деньги на таких оборотах.

Примером может служить такой факт. На Волге в 1918 году один пуд муки стоил 25-30 рублей. В Петрограде же в то же самое время стоимость пуда муки доходила до 1 000 рублей. Риск спекулянта состоял в том, что он мог нарваться на продовольственные заградительные отряды, которые появились всюду. Главная цель этих отрядов и, отчасти, возможность их дальнейшего существования заключалась в поимке спекулянтов. Вместе с комиссарами они отбирали у спекулянтов все находившиеся при них товары, даже после легализации вновь открывшихся базаров. Самое безобразное было то, что многие участники таких поимочных отрядов, не стесняясь окружавшей их публики, распихивали отобранные товары по своим карманам и сумкам. Надо отметить, что многие из тех, у кого отбирались продукты, принадлежали к числу бедных горожан, ездивших и ходивших иногда за десятки верст с тележками, а зимой с саночками в далекие села выменивать на вещи съестные припасы.

Официально каждый житель числился на довольствии правительства, и вполне естественно, что все требовали выдачи причитающегося им пайка, в особенности после того, когда все лишились своего имущества, которое было или отобрано, или уничтожено. Паек был ничтожный: 1/8 фунта хлеба в день, а часто и меньше, 5 селедок в месяц на одного едока. Чем жило миллионное население – одному Богу известно. Кто сумел сохранить кое-какие вещи, тот продавал их или выменивал на пищевые продукты, а как сводили концы с концами другие – покрыто мраком неизвестности.

Страдали от такой неурядицы в снабжении, конечно, все, в том числе и рабочие, ставшие с самого начала так рьяно на сторону коммунистического правительства и сильно поддерживавшие его. Не будучи в состоянии справиться с продовольственной неурядицей, власти все же отлично понимали, что до эксцессов с рабочими допустить нельзя, и что поэтому надо приступить к организации аппарата, который занялся бы изъятием богатых запасов хлеба из деревень. Были учреждены всякие «Центрсоюзы», «Продовкомитеты», «Особые комиссии», но для правильного ведения и распределения работ в этих вновь создаваемых организациях нужны были интеллигентные люди. Поэтому нужно было дать этим людям известную свободу деятельности, и этим можно объяснить ту передышку в преследовании, которое до этого так ревностно проводили в жизнь большевики. Опыт нас научил недоверчиво относиться ко всяким новым «генеральным линиям» большевиков. Мы ограничились тем, что перестали скрываться и зарегистрировались в сельском совете, где мы считали себя до некоторой степени застрахованными от взбалмошных и фантастических распоряжений саратовских заправил.

Осенью 1918 года мой брат Константин был мобилизован и должен был отправляться на фронт, где происходила гражданская война между белыми и красными, и на фронте он оставался до весны 1919 года. Он захворал тифом, и его эвакуировали в тыл. По выздоровлении, ему удалось благополучно отвиливать от отправки обратно на фронт. Устроился он в отделе «Всеобщего военного обучения» при Ровненском военном комиссариате, функции которого заключались в подготовке к военной службе допризывного возраста. Сестра с ноября 1918 года работала как учительница в селе Вольском, в котором мы жили, и пробыла на этой должности до своего переезда в Москву.

Я тоже взялся за работу из-за материального недостатка в семье и поступил на службу. Мне также надо было, во что бы то ни стало,

избежать насильственной мобилизации, и я с удовольствием принял должность лектора на «Курсах для малограмотных взрослых». Тогда в нашем районе деньги еще имели какую-то ценность, и моя помощь семье была очень существенна. Кроме того, мне очень не хотелось, чтобы меня угнали из нашего села на тяжелые физические работы и оторвали от матери и сестры.

К этому времени стал процветать небезызвестный «Отдел труда». По существу, это учреждение должно было устраивать безработных людей на службы, но оно вскоре изменило свои функции. Из органа вспомогательного, оно стало органом принудительного труда и постепенно начало заставлять всех, не служивших в советских учреждениях и, по мнению Отдела труда, безработных, переходить на работу в пользу советской власти.

Еще страшнее этого органа были всякие наезжавшие комиссары, имевшие громадные полномочия расправляться с встречавшимися с ними людьми по своему усмотрению, до расстрела без всякого суда. Такие типы могли схватить и меня и угнать на непосильные для меня работы.

Моя служба не была ни сложная, ни тяжелая, и получаемое жалование давало возможность кое-как сводить концы с концами. Но наступавшее зимнее время мы встретили неподготовленными. Уезжая из Петрограда, мы могли захватить вещей только полтора пуда на человека, на основании изданного большевиками нового закона. Таким образом, с собой нам удалось взять очень немного вещей, и выехали мы в летних пальто. Не имея ни шуб, ни валенок, ни теплого белья, мы все неимоверно страдали от сурового холода среднерусской зимы. Мне лично еще приходилось в тонком пальто часто ездить в лес по дрова и выполнять различные хозяйственные работы по нашему дому. Денег наших едва хватало на пропитание, так что о новых приобретениях нельзя было и думать.

Весной 1919 года курсы, на которых я состоял преподавателем, были закрыты. И меня после этого мобилизовали на должность делопроизводителя в Вольский Райпродком. Вольское – это село, в котором мы жили. А Райпродком – это районный продовольственный комитет. Совдепия начала создавать к тому времени множество правительственных учреждений, а грамотных людей не хватало, поэтому нас искали. Оплата труда была грошовая, несмотря на трудность в подыскании работников.

Задача Райпродкомов – в изъятии у крестьян причитающегося по нарядам продовольствия и снабжение населения через правительственные кооперативы необходимыми обще-потребительскими товарами. Но такое снабжение было намечено только на бумаге. Фактически же никаких товаров для распределения между населением не поступало… Были отдельные исключения, и раза два в год выдавалось на душу по четверти аршина дряннейшей сарпинки и по осьмушке махорки на курящего. Никаких других предметов мы не видели. Да и откуда сами большевики могли их взять, ведь с самого начала захвата власти большевиками заводы и мастерские продолжали стоять. Новых товаров не производилось, а старыми запасами старались затыкать глотки оборванных и раздетых красноармейцев и вышедших на улицу рабочих.

Во главе Райпродкома стоял пожилой комиссар, прошлое которого было темное. Из уст в уста шептали, что будто бы его знали в Баку содержателем публичного дома, другие же уверяли, что он продавал на улицах того же Баку горячие пирожки. Никакими знаниями он не обладал и был даже человеком еле грамотным, расшифровывал письма с большим трудом, а сам составлять письма не умел.

Этой его неграмотностью я воспользовался. Как-то пришло из губернского Продкома предписание произвести у одного мужика конфискацию всего имущества. Я эту бумагу уничтожил. Благодаря его полному незнанию дела и неумению вести его, мне удавалось несколько раз уничтожать подобные сношения высших инстанций и, таким образом, оказывать некоторую помощь мужикам. Первое время все сходило благополучно. Но несколько позднее в Губпродкоме узнали, что их распоряжения не исполняются. Был послан запрос в наше село. Меня уличить в чем-либо не смогли, но все же меня уволили за «злостный саботаж», как это помечено в протоколе.

Я решил скрыться на некоторое время из села Вольского и примазаться к моему брату Константину, который как раз в это время был послан военным комиссариатом произвести учет лошадей по уезду. В течение месяца я таким образом отсутствовал и, по окончании учета лошадей, вернулся в свое село. Вскоре меня снова мобилизовали, но на более легкую должность – быть учителем. Отправили меня в одно из далеких сел – Кривояр, находившееся в степи. Там я пробыл до конца января 1920 года. Из этого села я был изгнан. Мое увольнение было мотивировано тем, будто я воспитывал детей в нежелательном для революции духе. Большинство учителей

относилось несочувственно к большевикам, и социалистические реформы не имели почти никакого успеха. Я воспитывал детей так, как я понимал свою работу. За лень и непослушание наказывал, задавал уроки на дом, как в нормальной школе, и предпринимал все необходимое, чтобы оградить детей от нравственной гибели. Но такая учительская деятельность была не по вкусу новым заправилам. Нужны зло, разврат, духовное падение, тогда только христианские дети станут приближаться к коммунистическим вожделениям и смогут исполнять повеления их заправил.

За неправильное преподавание в школе в духе, противном коммунистическим учениям, я был уволен и вернулся в село Вольское.

Затем мне сообщили, что я назначаюсь на новую службу – в районное статистическое бюро. В этом учреждении я пробыл до осени 1920 года.

Да и, кроме того, надо было много работать на дом. Летом приходилось вставать в 4 часа. До 8 часов мы с сестрой занимались своим хозяйством, приводили в порядок огород, картофельное поле, бахчу, а потом помогали нашему хозяину в поле для того, чтобы и он нам не отказал в своей помощи, если бы нам это понадобилось. Зимой приходилось ездить в лес за дровами, самому рубить, пилить и нагружать, привозить воду из колодцев и из реки. Была у нас и корова, сестра ее доила, я должен был ее кормить и заготовлять с лета корм.

За это время я научился многому, и особенно обогатил свои познания в сельском хозяйстве.

С самого начала своего водворения советское правительство выпустило декрет о национализации всей частновладельческой земельной собственности, после чего последовала раздача всех земель крестьянам, в наделах, рассчитанных приблизительно поровну на ближайшие села. В некоторых местах крестьяне получили настолько большие наделы, что не были в состоянии полностью обрабатывать свои земли, за неимением надлежащего скота и необходимых для этого рабочих рук. И это, по-моему, первая причина земельного уменьшения посевной площади в России.

В 1919 году не было еще изъятия хлеба из деревень путем налоговых обязательств, и крестьяне еще жили припеваючи, не платя никаких налогов и тратя зерно только на свои личные надобности.

В этом же 1919 году городские запасы окончательно иссякли, и большевики, не находя другого исхода, наложили на деревни ог-

ромные наряды на трудовую коммуну – на область немцев Поволжья, например (как величаво стали называть район средней Волги, заселенный многими немцами-колонистами), был наложен наряд в 12 миллионов пудов зерна. В этой области насчитывалось около 150 сел. На то село, в котором проживал я, приходилось немногим более 96 000 пудов зерна. Урожай был хороший, и имелись еще запасы с прошлых лет, так что выполнить эти наряды села смогли.

Сначала крестьяне, ошарашенные таким высоким количеством, пробовали протестовать, своя мол, рабоче-крестьянская власть (хотя у власти не было ни одного рабочего), но на это советская власть сразу же ответила репрессиями и прислала комиссию с чрезвычайными правами, во главе которой стоял Колмановский. Он, перестреляв нескольких крестьян и конфисковав у более богатых, прозванных потом «кулаками», решительно все имущество, включая белье, платье и т. д., в полном смысле слова выгнал их из дома на улицу. Этими, более чем решительными действиями, он быстро прекратил всякий ропот и к весне собрал причитающийся по наряду хлеб. Отобранный у крестьян хлеб, между прочим, большей частью погиб. Он был погружен в неисправные и не отремонтированные баржи и на глазах у крестьян затонул.

В тот же продовольственный год, т. е. весной 1920 года, от правительственных учреждений был получен наряд на мясо, согласно которому было уничтожено более половины скота области. Была уже весна, когда приступили к убою этого скота на наскоро организованных пунктах, и до первых холодильников мясо дошло в совершенно испорченном виде. Цинизм дошел до того, что власти мобилизовали тех же крестьян, у которых это мясо было конфисковано, и заставили их выбрасывать его в Волгу.

При распределении нарядов мужики были распределены на три категории: кулаки, середняки и бедняки. В селах были учреждены «комитеты бедноты», на обязанности которых лежала слежка за правильным исполнением кулаками всех нарядов, а политическая цель состояла в том, чтобы вызвать раздор, вражду и недоверчивость друг к другу между самими крестьянами и, таким образом, гарантировать какие-либо выступления против власти. Это является одной из коренных систем большевиков, и, благодаря этой системе и доносам, всякие против них заговоры действительно терпели крушение, а вместе с ними и готовящиеся выступления.

Кулаками считались все те крестьяне, у которых было большое количество земли. Это было тоже одно из большевицких хитроумий. Ведь земля выдавалась по количеству душ в семье, так почему же именно этих количественно больших семейств причисляли к кулакам? На этих кулаков накладывался больший наряд, чем на других, и их в первую очередь расстреливали, и у них в первую очередь конфисковывалось все имущество, если село не смогло выполнить полученного от правительства наряда. Поэтому понятно, что каждый крестьянин стал уменьшать свою посевную площадь до минимума, надеясь этим избежать прослыть за «кулака» и попасть в первую категорию. Благодаря такому положению, получилось, что посевная площадь нашей области, в которую мы случайно попали, летом 1920 года уменьшилась приблизительно на 75 % по сравнению с 1917 годом.

Продовольственная кампания за 1920-1921 годы была для крестьян еще тяжелее и сыграла свою решительную роль в отношении всего экономического положения области. Наряды от правительства становились все большими, а благодаря меньшим посевам и, кроме того, неурожаю, что большевиками в расчет не принималось, сборы зерна сильно уменьшились. В неурожайные годы собирали максимум до 15 пудов с десятины, а по наряду надо было сдавать до 100 пудов.

Крестьяне сразу поняли всю невозможность выполнения таких нарядов и поэтому на своем сборе решили послать в Москву делегацию, которая должна была доложить центру о положении на местах и настоять на уменьшении наряда. Но эта делегация была в Москве целиком арестована, и никто никогда о ней больше ничего не слыхал. Тогда крестьяне решили прибегнуть к иному способу, чтобы оставить что-нибудь для семьи: хлеб стали прятать в степи в вырытых для этого ямах…

Вполне естественно, что после этого начались репрессии со стороны властей, и крестьяне стали отвечать восстаниями. Возникло партизанское движение с убийствами коммунистов.

Относительно партизан и восстаний должен сказать, что эти движения начались с самого начала. По всей Росси стали бродить меньшие и большие группы людей, которые, уцелев после ликвидации восстаний, спасая свою жизнь, соединялись в партизанские отряды, не веря в призрачную амнистию и милость большевиков. Сильно способствовало партизанскому движению небывалое ко-

личество дезертиров. Крестьяне, ознакомившись с методами рабоче-крестьянской власти, превращались в короткий срок в ненавистников большевиков и предпочитали бороться, чем стать в ряды Красной армии, подвергаться издевательствам со стороны солдат-коммунистов и советского начальства, находиться в вечном трепете за свою жизнь и вести полуголодное существование красноармейца. Лишь очень небольшой процент из мобилизованных большевиками на военную службу действительно оставался в армии. Большинство, по получении обмундирования, дезертировало и скрывалось на своих же хуторах в степи, либо в лесах и горах. Была налажена среди них целая система разведки, имелись свои агенты среди крестьян и даже некоторых должностных лиц. Таким образом, эти партизанские отряды были, в большинстве случаев, заблаговременно извещаемы о появлении карательных отрядов или так называемых «комдезертиров» (комитет по борьбе с дезертирами, имевший в своем распоряжении красноармейские отряды).

Мне пришлось особенно близко познакомиться с бытом этих партизан-дезертиров, когда я, после ликвидации того восстания, в котором участвовал, в течение нескольких месяцев скрывался в степи, пользуясь приютом у соучастников нашего же восстания. У каждого партизана имелось свое логовище, в котором он мог быть совершенно спокоен за свою безопасность. На хуторах, в помещениях, в конюшнях вырывался под полом подземный ход, который вел в подземные комнаты. В этих коморках была устроена вентиляция, положен некоторый запас провизии, и была разостлана солома, так что в них можно было спокойно выжидать, пока не минует опасность… Мне лично тоже не раз пришлось отсиживаться в этих подземных помещениях, когда я не успевал удирать от красных карательных отрядов и проводил в этих коморках иногда по несколько часов, пока отряд не удалялся.

Пользуясь симпатиями всего населения (редко кто выдавал партизан, а если кто выдавал, то такой подвергался жестокой мести), партизаны жили довольно свободно, несмотря на то, что им грозил верный расстрел в случае поимки. Многие работали у своих же односельчан на полях. Инстинктивно эти отдельные партизаны образовывали маленькие боевые дружины, которые всегда приходили на помощь происходящим где-нибудь вблизи восстаниям, или, объединившись вместе с другими такими же

небольшими боевыми отрядами, образовывали более крупные партизанские дружины.

Подобных отрядов было в то время много, и они были, главным образом, неуязвимы тем, что в каждый момент могли исчезнуть, рассыпавшись по своим хуторам, и собираться в более ли менее организованные партизанские отряды по первому зову. Эти беглецы из Красной армии были опасным для советской власти элементом, могущим быть ей активной оппозицией. Поэтому власти принимали все меры, чтобы их уничтожить, не гнушались никакими средствами, заманивая их ложными обещаниями амнистии и иногда устраивая даже инсценировку ложных восстаний с провокационными целями для их поимки.

Наряд на государственные поставки выполнялся очень вяло. До декабря 1920 года было сдано только 5 % от предписанного количества, и села отказались выполнять его дальше. В район был направлен продовольственный отряд, который, будто бы, состоял из тульских продовольственных работников-коммунистов, уже отличившихся у себя в Тульской губернии при взимании продовольственного налога страшными зверствами.

Начальником этого отряда был некий Попов, мальчик лет 22-х. По дошедшим до нас сведениям, это был студент, научившийся произносить громкие, но очень плохо преподнесенные речи, составленные по коммунистическому шаблону. Он уже состоял членом коммунистической партии и до этого был одним из главных деятелей Тульской ЧК.

Районным продовольственным комиссаром стал туляк Кудревич. Это был довольно красивый блондин, поляк по национальности. Ему было около 23-х лет, и он был студентом-медиком, если не ошибаюсь, 2-го курса. Меня поразило с самого начала его хорошее отношение ко мне. В Туле он был чекистом, работал в каких-то карательных отрядах, и до нас дошли слухи о якобы совершенных им зверствах. Ему было точно известно мое прошлое социальное положение. Очевидно, мои сослуживцы-коммунисты не преминули осведомить его о моих политических убеждениях и о моем поведении на службе. Поэтому мне показалось странным и непонятным его, коммуниста-чекиста, хорошее отношение ко мне. Ни с кем из служащих он никогда не разговаривал, а меня часто задерживал у себя в кабинете, подтрунивая над моей неразговорчивостью, иногда заходил в комнату, где я работал, и подолгу у меня засиживался.

Сначала мне казалось, что под этим отношением кроется какая-нибудь гадость, и поэтому я был с ним особенно осторожен, но под конец я мог убедиться в необоснованности моих подозрений.

Как-то мне пришлось вместе с ним отправиться на охоту на волков – у меня не было никакой возможности от этого отказаться. Когда мы возвращались после охоты, случилось так, что мы с ним вдвоем ехали в одних санях. И вот тут-то он мне задал вопрос, как я смотрю на вопрос большевизма, и, в частности, он хотел узнать мое мнение об его, Кудревича, отношении к большевикам. Под влиянием ли дивного зарождавшегося утра, или под влиянием каких-либо других впечатлений, я решил ответить ему совершенно откровенно, скрашивая грубые факты более тонкими выражениями. Очень скоро после этого разговора мне самому стала неприятна моя излишняя откровенность, и я даже стал каяться за свой необдуманный поступок, боясь, что он подложит мне какую-нибудь свинью, но Кудревич и впоследствии ничего скверного в отношении меня не совершил… Наоборот, он мне даже спас жизнь.

Это было в январе 1921 года. В северной части Донской области восстал некий штабс-капитан старой службы Вакулин с 300 человек своего гарнизона. Проделав ряд удачных маневров, он всюду наголову разбивал красных, и ему удалось, в конце концов, увеличить свой отряд до 15 000 человек. Эти бойцы были, в большинстве случаев, перешедшие к нему красноармейцы. Впоследствии Вакулину пришлось скрыться, и он бесследно исчез в киргизских степях.

Другой такой предводитель партизан, Антонов, появился в Тамбовской губернии после рейда генерала Мамонтова из армии генерала Деникина. После ухода генерала Мамонтова, он продолжал вести боевые действия против красных со своими партизанами и довел свою армию до численности в 30 000 человек. Эта его армия могла в любой момент рассеяться и перестать существовать для того, чтобы по первому призыву снова собраться в течение нескольких часов и превратиться в мощную боевую силу. Это подтверждало то, что советы в то время не имели достаточно сил, чтобы бороться с партизанщиной, и наглядно показывало, что русский народ вовсе не с распростертыми объятиями встречал большевиков, но сопротивлялся, вплоть до открытых боевых столкновений.

В то время, когда Вакулин со своим отрядом подходил уже к нашему уездному городу Ровное, из губернской ЧК пришло распоряжение отправить меня и еще нескольких моих сослуживцев как

заложников в их распоряжение. Это было равносильно приговору к смерти, т. к. заложники, попавшие в лапы большевиков, больше никогда не видели света Божьего. На счастье, эта телеграмма с этим распоряжением сперва попала в руки Кудревича, и он, рискуя собственной головой, ее порвал, и таким образом спас меня от верной смерти.

Отношение его ко мне было просто непонятно. Я видел его несколько раз, когда он выходил из себя и превращался в страшного зверя, и часто слышал, как он до полусмерти избивал людей, расстреливал и издевался над ними. Но конец его был печальный. Застрелив ни с того ни с сего собственноручно одного мужика, он сошел с ума и был после этого отправлен в психиатрическую больницу в Саратов.

Тульский продовольственный отряд с первых же дней приступил к деятельной работе. Было приказано собраться сельским сходам. Крестьяне собрались, но ни к каким обсуждениям приступлено не было. Их согнали в нетопленые сельские церкви, где теперь происходили обыкновенно сельские сходы, и там продержали восемь суток без пищи и воды. В то же самое время принялись за более зажиточных крестьян – «кулаков». У последних было конфисковано все имущество, многие были тут же расстреляны, а другую часть угнали в концентрационные лагеря на насильственные работы. После восьми суток, арестованные в храме крестьяне были выпущены на волю. Но этим счастьем воспользовались только некоторые, другие же снова были посажены в амбары – импровизированные тюрьмы. С этими бедными людьми проделывались невероятные жестокости: их избивали до крови нагайками, поливали холодной водой и с открытыми ранами сажали на мороз. Многих расстреливали, а часто только симулировали расстрел, нагоняя на мужиков страх. А семьи просто выгоняли на улицу из своих же домов. Так расправлялся Тульский продовольственный отряд с крестьянами, не выполнившими данный от правительства наряд к назначенному сроку.

А у крестьян в то же время было собрано все, весь наличный запас зерна, и даже все то, что было предназначено для посева. Испуганные люди отдавали все до последнего, лишь бы отделаться от страшных истязателей. Редкий смельчак пытался что-либо укрыть – находили все, а с отважившимся на такой шаг смельчаком немедленно расправлялись, как с обыкновенным преступником, и либо расстреливали, либо приговаривали его на тяжелые каторжные ра-

боты в советских концентрационных лагерях. Люди, например, зарывали хлеб в ямы, а сырая земля осаждалась, и на снеге образовывалась воронка, которую быстро находили преследователи.

Уже зимой 1920 года начался голод. Решительно все зерно было отобрано, и даже на посев не было оставлено ничего, не говоря уже - на еду. К этому прибавился наряд на мясо, и снова было отобрано около 70 % скота. Пришло это распоряжение в декабре, как раз в то время, когда скот телится, так что с этим нарядом погибла вся молодая скотина.

В первых числах марта 1921 года в Саратове начались беспорядки на экономической почве. Рабочие требовали, чтобы власти дали разрешение ревизировать продовольствие на складах, чтобы узнать, на какое время они еще были обеспечены съестными припасами. Рабочих стали арестовывать и даже расстреливать, но брожение не прекращалось и даже грозило принять серьезные размеры, тем более, что после этого высланные на усмирение войска нередко переходили на сторону восставших. Саратовский гарнизон открыто высказывал свои симпатии к восставшим, и поэтому власти заперли красноармейцев в казармах, отобрав у них шинели, папахи и сапоги. Это, между прочим, был излюбленный способ большевиков, чтобы обеспечить себя от восстаний и дезертирства красноармейцев. После этого было приказано вывезти из сел все, что имелось на ссыпных пунктах. На эти пункты крестьяне свозили весь свой хлеб, который должны были сдавать по наряду.

Вся предыдущая деятельность большевиков и последний, крайне бесстыдный приказ повлекли за собой полное разрушение сельского хозяйства и вызвали голод. Вполне возможно, что за всей этой разрушающей деятельностью скрывался небезызвестный дьявольский план, что голодными массами руководить легче, чем сытыми, легче подчинить их своей воле с помощью преступных элементов, щедро теперь набираемых в советские активные организации.

На ссыпных пунктах к этому времени уже оставалось очень мало зерна. В местечке Вольском находилось, например, около 35 тысяч пудов, тогда как площадь засева требовала около 600 000 пудов семян, а у самих крестьян не осталось хлеба даже на пропитание.

Когда из сел стали увозить последние остатки зерна, поднялся ропот. Крестьяне поняли, что им готовится голодная смерть. Числа 20 марта 1921 года в село Чарабаево, находившееся в 15 верстах от города Ровное вниз по течению Волги, был отправлен приказ – очис-

тить все амбары и свезти хлеб в Саратов. Такой же приказ получили и многие другие местечки и села.

Жители села Чарабаева, забыв о могущих наступить тяжелых последствиях, запротестовали и наложили на амбары свои замки, поверх уже существовавших советских. Как всегда в таких случаях, советы выслали карательный отряд, который должен был силой укротить недовольных крестьян. Но этот отряд был крестьянами встречен с оружием в руках. Они вступили в борьбу, отряд разоружили и многих заядлых коммунистов тут же перевешали... После этого чарабаевцы сразу же подняли восстание.

Инстинктивно поняв, что только с расширением восстания они могут надеяться на успех, они решили отправиться в соседние села и просить о помощи. Неорганизованной гурьбой они сперва направились в село Золотое (на правом берегу Волги, верстах в пяти ниже Ровного) и просили собратьев примкнуть к их движению. Село Золотое без долгих разговоров примкнуло, и восстание стало быстро расширяться. Первая цель была занять город Ровное, окружив его со всех сторон. Все эти события произошли с невероятной быстротой, и для власть имущих незаметно. В городе Ровное спохватились только тогда, когда повстанцы уже показались на улицах города. Коммунистам пощады не было, и кто не успел спастись, был повстанцами убит.

Со взятием города Ровное, повстанцы стали проводить, хотя и примитивную, но все же какую-то организацию. Отдельные лица взяли инициативу в свои руки и привлекли к работе всех бывших офицеров и интеллигенцию. Были собраны свои повстанческие отряды, которые, в свою очередь, были разделены на группы. Эти группы были посланы в другие села для увеличения своих составов, и в то же время им были даны оперативные задачи для борьбы с еще незначительными красными силами.

Обстановка, в сущности говоря, была тяжелая. С утра до самого вечера велись бои, так как красные уже спохватились и направляли свои карательные отряды в район действий повстанцев. К сожалению, еще не успели довершить организацию повстанческого движения, в отрядах еще не было никакой дисциплины, и у многих бойцов даже не было оружия. Во время первых боев люди шли с вилами и топорами, и только через несколько дней, после маленьких побед над красными, повстанцы имели возможность вооружиться отбитым у красных оружием. Но все же это было слишком мало, чтобы с успехом продолжать борьбу. Кроме того, не было людей, знавших военное

дело, которые могли бы правильно руководить восстанием и борьбой. Многие боялись позднейшей расправы красных и держались в стороне, не желая принимать участия, другие же только внешне как бы примкнули к движению и старались не выделяться из общей толпы. Надо еще принять во внимание и психологическую сторону: невооруженные люди боялись открытых встреч и боев с красными и часто избегали непосредственных стычек, при натиске противника удирали с поля боя, вызывая этим нередко панику у других, более стойких.

Лично я сразу же примкнул к этому восстанию и руководил небольшой группой плохо вооруженных людей в нашем районе.

Советы, конечно, не могли оставаться безразличными к такому восстанию. Ими были немедленно собраны необходимые части, и в нашу сторону был командирован красный отряд, состоявший из отборных частей кавалерии Буденного с придачей батальонов китайской и латышской пехоты, численностью приблизительно в 6 000 человек. Устоять такой силе мы не могли и начали отступать.

Интересно отметить, что советская власть в своей борьбе с повстанцами и партизанами применяла только свои испытанные коммунистические части, вроде китайских и латышских пехотинцев, своих курсантов или отрядов ЧК, и некоторых надежных полков из конницы Буденного. Мобилизованные красными люди в такой борьбе не применялись, за исключением очень редких случаев. Бывало не раз, что таких мобилизованных уводили из опасных районов из боязни перехода их на сторону партизан. Красная армия в то время еще не была надежным элементом, и никогда политически надежной для советов не будет. Советским заправилам это было ясно. Поэтому, для поддержания хоть какой-то дисциплины, нужно было применение очень суровых мер в частях армии, вплоть до террора.

Очень было трудно во время отступления справляться с потерявшими бодрость духа повстанцами, уже начинавшими, под влиянием неудач, мечтать о побеге. Малейший напор со стороны красных вызывал падение настроения, нежелание давать отпор и, вслед за этим, неизбежный отход назад. Часто мне стоило неимоверных усилий, чтобы задержать моих бойцов. Перед селом Привальное нашей группе удалось собрать некоторую силу и контратакой даже выбить красных из села.

В то время другие энергичные руководители приступили к формированию новых повстанческих отрядов в степи. У селения

Скатова этим новым руководителям удалось произвести удачный маневр, что позволило окружить красных со всех сторон, оставляя красным только один выход – на Волгу, которая уже собиралась вот-вот тронуться из-за таяния снегов и льдов под влиянием весеннего солнца. Бой длился четверо суток. Красные, зная, что пощады им не будет, дрались отчаянно. От 6 000 отряда осталось всего человек 70, которые успели перебежать на другую сторону Волги, остальные или были уничтожены (китайцев и латышей – наемников советской власти – не жалели), или утонули при попытке перебраться со своими обозами через покрытую рыхлым льдом Волгу. Победа была полная, и мы ликовали, тем более, что у красных были отобраны трофеи в виде нескольких пулеметов и нескольких тысяч винтовок. К нашему большому огорчению, мы вскоре заметили, что красные увезли с собой все свои боевые припасы и патроны, которые вместе с ними погибли при переправе через Волгу.

Положение же для нас все же создалось критическое. Хотя мы и успели вооружить весь наш отряд, но патронов у нас оказалось очень мало, а четырехдневный бой истощил все сделанные нами запасы.

На следующее утро после окончания нашего боя, мы получили грозные известия. Из Саратова против нас было выдвинуто несколько красных полков, уже находившихся в пути. Кроме того, нам сообщили, что по Волге шел в нашем направлении ледокол, который должен был высадить красный десант в тыл нам.

Описывать эти последние бои я не стану – это была отчаянная защита обреченных на смерть людей. Местные повстанцы, увидев, что успеха больше ожидать нельзя, стали от нас разбегаться по степи. Началось быстрое отступление. Налаженная было организация стала быстро распадаться. Наше маленькое войско представляло собой несколько слившихся отрядов, но действовавших самостоятельно друг от друга. Отступление шло вдоль Волги в направлении на город Ровное.

Здесь нам сообщили следующее: на горной стороне Волги, где наше общее восстание занимало несколько квадратных верст, оно уже было ликвидировано красными, и власть коммунистов была восстановлена. После неудачного штурма города Голого Камыша, где полегло около 3 000 повстанцев, наши отряды были совершенно разбиты красными курсантами.

Увидев, что помощи нам было ожидать не от кого, мы решили разделиться и продолжать борьбу в степях малыми отрядами. Лич-

но я отправился на северо-восток, где надеялся примкнуть к еще не разгромленным красными отрядам, но и тут меня ожидало горькое разочарование. Село Танкашуровка, которое я имел в виду, после отчаянной геройской защиты было снова занято красными. Крестьяне сперва впустили красных в село, но потом по сигналу с топорами бросились на них. Красные же, после вторичного занятия села, в виде мести, расстреляли решительно все население, включая женщин и детей, и село сожгли дотла.

Красными было послано много разных частей во все районы восстания, а в селах были установлены патрули. С целью переловить всех, были выпущены предательские воззвания, в которых всем сдавшимся обещалась полная амнистия.

Сначала повстанцы отнеслись к этому призыву очень недоверчиво, но потом, видя, что к явившимся повстанцам никаких репрессий не предпринималось, они постепенно стали сдаваться.

Чтобы узнать все необходимые мне подробности, я подкрался к самому селу Вольскому, где мне удалось вызвать сестру. Она мне рассказала, что успела поговорить с некоторыми комиссарами, которые гарантировали ей полное мое прощение, свободу и т. д. Но в то же время она рассказала, что у нас дома, в комнате, которую мы занимали, и днем, и ночью делались обыски – искали «бандита Бореля».

Считаю это великой Божьей милостью, что не арестовали ни моей матери, ни моей сестры. Красные ограничились только тем, что описали наше «имущество», состоявшее из одной походной кровати (другая кровать принадлежала хозяину дома) и старой корзины, где хранились старые тряпки нашего былого белья и одежды.

Этим заманчивым обещанием свободы со стороны большевиков я большой веры не придавал. Когда, благодаря царившему вокруг голоду и всяким другим сложным причинам, партизанским отрядам пришлось ликвидироваться, я решил попытаться спастись бегством заграницу, что в то время считалось почти невыполнимым. Нужны были для этого огромные средства и большие знакомства среди имевших власть людей. Ни теми, ни другими я не обладал. Но так как у меня другого выбора не было, и я, по существу, ничем большим не рисковал (тут бы меня, в конце концов, все равно переловили и расстреляли), я решил попытать счастья и попробовать пробраться в Ревель, где у меня были родственники со стороны матери. Но перед моим бегством мне хотелось попрощаться со своими, и поэтому я снова отправился в село Вольское. В то время я находился верстах

в 55 от этого села. Вещей у меня не было, и я, руководствуясь солнцем, без дорог отправился прямо по степи к нашему селу. Было это, помню, в воскресенье 17-го апреля.

Весна была в полном разгаре, и солнышко давно уже освободило землю от ее зимнего покрова. Меня весело приветствовали свежие пучки зеленой травки, пробивавшиеся сквозь рыхлую и сырую землю. К вечеру я добрался до хутора одного знакомого мужика и остался у него ночевать. На следующий день чуть свет я уже вскочил и стал собираться в дальнейший путь. Когда я прощался со своим гостеприимным хозяином, он вдруг мне сообщил неприятную новость: в этот день, т. е. сегодня, большевики собирались выслать большой отряд для поимки еще скрывавшихся в степи партизан и дезертиров.

Много видал я таких отрядов, и от этого удеру – решил я, и, не поддаваясь уговорам моего любезного хозяина переждать у него, настоял на своем намерении сегодня же продолжать путь. Я хорошо знал степь, долго там прожил и привык к ней, знал, как можно использовать каждый бугорок, каждый овражек или рытвинку для укрытия, как спрятаться от совершенно не знавших степи красноармейцев, и поэтому мало боялся надвигавшейся опасности. За эти недели мытарств в степи мне не раз приходилось попадать в передрягу, не раз рыскающий по степи красный отряд проезжал от меня шагах в 50-ти, так что к этим опасностям я привык и не особенно из-за них беспокоился.

Мой мужичок, видя, что меня не переубедить, предложил мне воспользоваться, по крайней мере, его подводой, чтобы не тащиться оставшиеся мне 30 верст пешком. Мне это предложение улыбнулось, и я согласился. Вместо кучера, он мне дал своих двух сыновей, 7 и 8 лет, и набросал в телегу много соломы. Мы тронулись в путь.

Было чудное весеннее утро. Я удобно растянулся на разостланной соломе и с наслаждением дышал свежим, душистым степным воздухом и мысленно переселился в другие, чудные миры недействительности. Плохо кормленные тощие лошади, изредка подгоняемые криками моих возниц-мальчиков, брели уныло по дороге, и монотонный стук колес, попрыгивавших на кочках неровной дороги, как-то увеличил мое спокойное настроение, так что я даже совершенно позабыл о необходимости принять кое-какие меры предосторожности.

Мы проехали уже около двух часов, и при спуске с одного небольшого холма один из мальчиков вдруг вскрикнул, обращаясь ко

мне: «Дяденька, дяденька, посмотрите, вон едут телеги, полные солдатами!»

Я приподнялся и увидел жуткую для меня картину: вся степь, насколько у меня хватало зрения, кипела всадниками и пехотинцами, а по дороге шла одна за другой вереница всяких подвод. От горизонта до горизонта тянулась лава конницы, а уже шагах в 50 от меня ехали в нашем направлении две подводы, на которых восседало человек 10 красноармейцев. Надо было принимать быстрое решение. Соскочить с подводы я уже не мог, слишком ничтожно было расстояние, отделявшее нас от красноармейцев, они бы меня сразу же догнали и застрелили. Оставаться же на фуре было тоже рискованно: во-первых, меня могли бы узнать, и тогда бы меня на месте расстреляли, а если бы не узнали, то бы арестовали и взяли с собой, а там меня все равно кто-нибудь бы распознал, и моя участь была бы решена. Закопаться в солому тоже было опасно, нашу фуру могли бы обыскать, и если бы нашли, то расстрел был бы обеспечен.

Все это мигом пронеслось в моей голове, но, к счастью, у меня неожиданно появилась новая мысль, которая меня и спасла: взглянув на своих двух мальчишек, я решил притвориться ребенком. Мысль была дикая, но в Совдепии случаются самые дикие вещи, и почему бы не рискнуть? Решено – сделано.

Мальчишкам я приказал, в случае если их спросят, кто я, ответить, что они меня не знают, что я, кажется, поляк, беженец еще с военного времени, работник, и что я попросился на подводу, потому что болен. Я сейчас же зарыл свои ноги в солому, вырыл маленькое углубление для плеча и накрыл верхнюю часть моего туловища вместе с головой курткой, так что принял вид небольшого лежащего ребенка.

Через несколько минут подъехали красноармейцы.

«Стой!» - крикнул кто-то из подъезжающей подводы. Мальчики остановились. Испуганные мальчики что-то пролепетали.

«Откуда вы едете?» - послышался вопрос. Мальчики рассказали. Тут я услышал, что кто-то приказывал красноармейцам обыскать нашу фуру.

- Ну, кто у детей прятаться будет. Брось, лучше поедем скорее дальше, а то мы и до вечера не доберемся.

Послышался небольшой спор между начальством и солдатами, после чего раздалась команда: «Трогай!» - и подвода стала от нас удаляться. Я слышал еще, как о дно нашей телеги ударился воткнутый

штык – красноармейцы, очевидно, хотели убедиться в том, что тут никого постороннего нет. Отделавшись лишь испугом, мы благополучно продолжили путь.

Как только расстояние между нашей фурой и подводами красноармейцев стало заметно увеличиваться, я соскочил и бросился бежать по тянувшемуся недалеко оврагу. Надо было искать убежище, чтобы скрыться, потому что кругом еще шла лава растянувшейся конницы.

Как мне удалось прорваться через шедшую навстречу лаву, и как миловал меня Господь при дальнейших опасностях, рассказывать не буду, но к вечеру того же дня, пережив еще несколько самых неожиданных приключений, я добрался до Вольского.

По дороге к Вольскому я встретил нескольких жителей этого села, которые ко мне относились благосклонно, и от них узнал, что войти в село днем было невозможно (всюду в это время выставлялись сильные караулы). Поэтому мне надо было искать возможность проникнуть в село ночью.

Я был одет в ужасные лохмотья, которые я выпросил у одного мужика, чтобы сойти за беженца-рабочего. На голове у меня была старая изодранная шапка, лицо было уже неделями небритое, и я надеялся, что такой вид меня сделает неузнаваемым. Все обошлось хорошо, меня действительно никто не узнавал, и я невредимым явился домой.

Было слишком опасно жить вместе с моими в занимаемой нами комнате, во-первых, из-за частых обысков, а во-вторых, из-за прислужниц, работавших у нашего хозяина, которым я не доверял. Поэтому я поселился через двор от нас, у знакомого крестьянина на сеновале, где я спал и где просиживал целый день, являясь только вечером на несколько часов домой.

В Вольском мне сообщили, что меня старательно ищут, поэтому я решил с уходом больше не медлить. Я приготовил себе фальшивые документы и смог это сделать легко, потому что у меня остались некоторые печати и бланки различных сельских советов. Одна из моих родственниц, случайно проживавшая и укрывавшаяся в том же селе, согласилась напечатать их на пишущей машинке.

В ночь с 22-го на 23-е апреля 1921 года я двинулся в путь, в полном сознании, что расстаюсь с моей матерью и сестрой надолго, а может быть, и навсегда.

Должен отметить то редкое содействие и самоотверженное самопожертвование, которое проявил в отношении ко мне наш до-

мохозяин. Ведь он был самым простым и небогатым крестьянином и отлично знал, кем являюсь я. Мне нужно было переехать через Волгу, проезжая до этого мимо двух большевицких постов, которые были выставлены у берега специально для того, чтобы проверять все отчаливающие лодки у всех лиц, у которых должны были быть на руках пропуска от соответствующих революционных комитетов. Революционные комитеты заменяли сельские комитеты в тревожные и опасные для советов моменты и состояли из трех коммунистов по назначению от губернского исполнительного комитета. Эти революционные комитеты пользовались неограниченными правами.

Несмотря на верную смерть в случае поимки (посты состояли из местных коммунистов, знавших меня хорошо в лицо), мой хозяин и еще один молодой крестьянин добровольно взялись меня перевезти на противоположный берег. Мы навалили множество рыболовных сетей в приготовленную нами лодку и всяких других снастей, и рано утром, до восхода солнца, с громкими песнями проехали мимо постов. Они приняли нас за рыбаков и нас не задержали.

Переправившись на другой берег Волги, я от всего сердца поблагодарил моего хозяина и другого крестьянина за их самоотверженное решение помочь мне в моем бегстве и двинулся дальше в путь, по направлению к городу Саратову.

Это ужасное путешествие мне чуть не стоило жизни. По крайней мере, я пережил несколько страшных часов, во время которых мне пришлось напрячь все свое внимание и стараться не терять своего самообладания, чтобы спасти себя от казавшейся неминуемой смерти. Проходя через селение Сосновка, которое находилось верстах в 20-ти от Вольского и где меня знали многие мужики, я нарвался на милицейский пост, был им арестован и препровожден в управление милиции, где меня сразу же стали допрашивать. Этот допрос длился несколько часов, и это были страшнейшие моменты моей жизни. Я врал, врал без умолку, сочетая в своей голове факты, чтобы казаться правдивым. Меня отпускали, снова задерживали, опять допрашивали и снова освобождали. Я смог притвориться невинным дурачком, и мне, в конце концов, как будто поверили и наполовину отпустили, отправив поесть к одному из крестьян, чтобы вечером на пароходе отправить дальше, в Саратов. Этим обстоятельством я воспользовался и удрал, направившись к другому крестьянину, к которому питал доверие и о котором твердо знал, что он меня не выдаст.

Переход мой дальше был неимоверно тяжелым. Боязнь встретить по дороге людей побудила меня избегать идти по этим самым дорогам, и я шел вдоль крутого, полного оврагами берега, сворачивая вглубь только около сел, которые обходил большими кругами. Путь мой лежал по пересеченной местности. То я шел по пескам, то попадался мелкий кустарник, который мне цеплялся за одежду и царапал руки и лицо, то приходилось спускаться вниз по обрывистым оврагам, то влезать на крутые подъемы. Таким образом я проходил целый день, от 6 часов утра до 9 вечера, почти что без остановок, так как мои короткие привалы не превышали 10-15 минут, чтобы за это время не затекли усталые органы. Около 9 часов вечера, уже ничего не видя перед собой из-за спустившейся темноты, я остановился в одном неглубоком овраге, решив здесь переночевать.

Ночью поднялась сильная буря с дождем. О сне, конечно, не было и речи. Я промок до мозга костей и, дрожа от холода так, то зуб на зуб не попадал, двинулся дальше, как только стало сереть небо. Но идти было почти немыслимо. Мои ноги, натертые в некоторых местах до крови от тяжелых сапожищ, сильно давали себя чувствовать, и все тело болело от частых падений. Меня знобило от усталости, от холода и сырости. Ведь я же продолжал свой путь совершенно мокрым, а до Саратова оставалось еще верст 15.

Но идти я уже больше не мог. Боль, которая вызывалась каждым шагом, была так сильна, что я был не в состоянии ее преодолеть. И поэтому я принял решение потихоньку продвинуться к проходящей невдалеке железной дороге. Я едва передвигал свои ноги и должен был подолгу останавливаться, чтобы набирать силы, но в конце концов, напрягая свои последние силы и запасшись огромным терпением, я добрался до ближайшей станции. Там я прождал недолго. Довольно скоро подошел товарно-пассажирский смешанный поезд. Я вскочил незаметно на одну из пустых платформ, несмотря на опасность быть пойманным. На этой платформе я сейчас принял лежачее положение, чтобы укрыться от чужих и нежелательных взоров. Благополучно проехав весь путь, я решил все же до самой станции Саратов не доезжать, и поэтому, когда поезд стал сильно замедлять ход, я на ходу соскочил.

В Саратове я отправился сперва к семье нашего бывшего служащего, которая меня радушно и гостеприимно приняла и приютила и дала мне возможность морально воспрянуть после всех тягот последних дней. Я вспоминаю теперь, что это было исключительно

мое категорическое желание выскочить из окружающей меня опасности, которое дало мне и силу, и беспрекословную волю добраться до первого этапа моей конечной цели. В этой милой семье я смог собрать свои мысли и спокойно заняться разработкой плана моего дальнейшего бегства из столь привлекательной рабоче-крестьянской демократической республики.

В Саратове я, конечно, оставаться не мог. Здесь бы меня, в конце концов, нашли. И кроме того, я, конечно, не мог оставаться на шее у милой приютившей меня семьи. А о поступлении на службу не могло быть и речи, я должен был скрываться и не слишком показываться на улицах.

Мне уже было известно, что путешествие по демократической рабоче-крестьянской республике было очень затруднительным и было связано с огромными хлопотами. В общем, делалось все возможное для облегчения народной жизни.

Пример: для того, чтобы попасть из Саратова в Москву, надо было сперва выхлопотать себе пропуск в специально для этого устроенном бюро для пропусков. Но для получения этого пропуска надо было сперва предъявить:

1. Удостоверение о службе (не служащие не могли путешествовать, и им давалось разрешение только тогда, когда давали огромные взятки «неподкупным» новым советским чиновникам – представителям новой народной власти);
2. Удостоверение личности, выдаваемое исполнительным комитетом коммунистической партии района;
3. Удостоверение о том, что данное лицо со службы отправляется в командировку. Следовательно, без официальной командировки никуда ехать было нельзя;
4. Предъявление учетной военной карточки в том случае, если желавшее путешествовать лицо на военной службе не находилось;
5. Удостоверение политической благонадежности от местного ЧК (чрезвычайного комитета по борьбе с контрреволюцией).

Во время самого путешествия эти документы проверялись десятки раз всякими милиционерами, а также агентами ЧК, которая уже начинала приобретать известность своей кровавой жестокостью.

Таким образом, как будто выходило, что ехать дальше было делом невозможным, имея в виду и мое полное безденежье.

В это время я познакомился через моих надежных приятелей, которых я еще раньше знал, с одним молодым человеком, который состоял в Саратовской тайной белой антибольшевицкой организации. Этот молодой человек мне действительно устроил проезд и, через одного из начальников Саратовской милиции, тоже, очевидно, работавшего в этой белой организации, я получил возможность выехать в Москву.

Произошло это следующим образом. Этот начальник милиции представил меня старшему конвоиру-милиционеру поезда, как своего друга, и сказал, что я поляк-беженец, возвращающийся на свою родину после войны, и что я потерял за день до этого все свои документы. Милиционер не мог не исполнить просьбы своего начальства, и я, таким образом, благополучно добрался до Москвы. Правда, мне и здесь, в поезде, надо было быть осторожным и принять на себя роль поляка-беженца. Но я предпочел ни с кем не разговаривать, сидеть молча в указанном мне углу и притвориться спящим или действительно спать. Меня посадили в отделение со старшими милиционерами и чекистами. Интересно отметить, что в разговорах эти чекисты вспоминали наше восстание и даже упоминали мое имя.

Недалеко от станции Кирсанов наш поезд чуть не попал в руки к партизану Антонову, но сопровождавший нас бронепоезд отбил атаки, и мы смогли спокойно двинуться дальше.

Очень мило и любезно попрощавшись с моими спутниками-чекистами, я в Москве вышел из вагона на платформу и бодрым шагом двинулся к выходу на улицу. На площади перед вокзалом я сел в трамвай и поехал к моим родственникам, где и остановился. Они тоже приняли меня чистосердечно и обрадовались, увидев меня. Вечером, за стаканом чая, пришлось им рассказать всю историю моих тяжелых переживаний.

После первых же дней моего пребывания в Москве, я посетил моего двоюродного брата и попал к нему на обед. В это время раздался неожиданно звонок, и через несколько минут в столовую влетает некий Л., бывший офицер, но человек очень свободных мыслей, алкоголик и кокаинист, записавшийся в коммунистическую партию и занимавший одно время высокую генеральскую должность на одном из красных фронтов. Я познакомился с ним тогда, когда он, по своей собственной инициативе, сопровождал моего больного несчастного отца к нам в село Вольское. Отец заболел в Москве чахоткой

после того, как большевики ему отказали в еде и в топливе. Зимой он принужден был жить в комнате, где нормальная температура не превышала 7 градусов ниже нуля. Когда же отцу удавалось доставать немного топлива, то температура поднималась максимум до – 1 градуса. Немудрено, что при таких обстоятельствах отец схватил туберкулез. На основании полного упадка сил, власти его, наконец, отпустили со службы. И вот, больной и немощный, он двинулся в путь к семье. Будучи знаком с моим отцом, этот Л. вызвался добровольно проводить моего отца до места назначения. Вообще это была странная личность. Несмотря на многие его отрицательные качества и даже несмотря на то, что он был членом партии коммунистов, у него вдруг просыпались благородные чувства. Один раз, например, он ни с того ни с сего решил, как мне рассказывали, освободить одного нашего родственника, которого ни за что ни про что коммунисты посадили в тюрьму. Он, узнав об этом и будучи лично знаком с этим несчастным человеком, немедленно отправился в управление губернской ЧК, ворвался в комнату начальника и с револьвером в руке потребовал немедленного освобождения родственника. Моего отца он случайно встретил в поезде и там принял решение его сопровождать, убедившись в его беспомощном состоянии. Отца он знал очень поверхностно, еще по прежнему служебному положению, когда отец был призван работать в Московском окружном интендантстве. Л. проявил к отцу столько нежной заботливости, как редко проявляет даже родной человек. Ведь он довез отца до самого села и сдал его нам на руки.

Вот с этим самым бывшим императорским офицером мне довелось теперь снова встретиться в Москве у своего двоюродного брата. Как только Л. меня увидел, он вытаращил глаза и удивленно заявил, что он только что приехал из Саратова, и что там ему совершенно определенно говорили, будто я давным-давно расстрелян. Должен тут сказать, что во время моих скитаний я по степи пустил слух, что меня расстреляли, для того, чтобы замести след от преследовавших меня коммунистов. Очевидно, этот слух стал действительно шириться, так что даже мои знакомые считали меня погибшим.

Хотя мне были известны благородные поступки Л., я все же был довольно сильно встревожен этой неожиданной встречей. Как только он меня начал расспрашивать, как все произошло, я решил соврать и заявил, что был оправдан судом и что приехал в Москву по служебной командировке. Но не успел я еще закончить, как Л. рас-

смеялся мне прямо в лицо и заявил: «Знаем, батенька, нечего очки втирать, таких не оправдывают».

Почувствовав, что дальнейшей скрытностью я могу себе только повредить, я решил ответить ему откровенно, что хочу удрать заграницу, и сразу задал ему вопрос, не смог бы он мне в этом помочь.

Л. насторожился, подумал и очень быстро согласился оказать мне содействие. Были условлены день и час будущей встречи у моего же двоюродного брата.

«Вы еще молоды, - сказал он (мне было тогда 18 лет), - и мне жаль вас, что вы попали в грязную историю. Имейте в виду, что с советской властью шутить не стоит, она никогда никому ничего не простит».

В назначенный день мы встретились с Л., который мне передал бумагу одной московской военной организации на имя Ильина и Ерофеева, по которой оба эти лица командируются в Минск за секретными бумагами. Оказывается, что эта организация посылала своего красноармейца Ерофеева в Минск за продуктами (секретные бумаги – это была только фикция). Л., узнав об этой командировке, предложил тогда организаторам поездки отправить еще и красноармейца 2-го дивизиона Ильина (под этой фамилией я и фигурировал в Москве), объясняя эту просьбу тем, что, дескать, Ильин был большим знатоком в области доставания самых разнообразных съестных продуктов. И таким образом, под фамилией Ильин, я получил командировку в Минск.

С красноармейцем Ерофеевым меня познакомил Л. Это был молодой еще парень, по-моему, мало расторопный. С другой стороны, это было, может быть, лучше, что он труднее мог догадаться об истинной моей цели, так как я знал, что мне придется много бегать по личным делам.

Я получил адрес одного еврея, проживавшего в Минске, который, по сообщенным мне сведениям, занимался переправкой людей через границу. Он должен был проживать на Захарьевской улице в доме Попова. Граница с Польшей проходила верстах в 45 западнее города. Когда наш поезд пришел в Минск, я оставил красноармейца на вокзале, а сам взял извозчика и отправился по указанному адресу. Когда я подъехал к этому зданию и спросил, где бы я мог встретиться с проживающим здесь товарищем X, то оказалось, что я на извозчике подъехал прямо к зданию ЧК. Мне сообщили, что товарищ X выселен, а сейчас этот дом занимает местное отделение

ЧК. Я вернулся к извозчику и приказал ехать обратно на станцию.

Как видно, в Минске мне не повезло. Чекисты почему-то не обратили на меня серьезного внимания и легко отпустили, но я заметил, что за мной стали следить каких-то два субъекта. Возможно, что это было сделано по доносу извозчика, так как я до этого его спрашивал относительно возможности перехода через границу. Пока я поднимался по лестнице наверх и разговаривал с чекистами, извозчик, может быть, успел доложить кому-нибудь на караульной обо мне. Доехав до станции и войдя в буфет 3-го класса, я увидел этих двух типов, упорно следивших за мной. Я сейчас же вышел на улицу и решил идти по направлению к базару, предполагая там спрятаться в толпе. Субъекты пошли за мной. Меня это начало тревожить, и я старался смешаться с толпившимся на базаре народом и постараться таким образом укрыться от их взоров. Но это удалось мне не скоро. Благодарю Бога, что на базаре было много разных людей, и это, в конце концов, мне помогло окончательно оторваться от слежки.

Эти две неудачи подействовали на меня сильно. Я растерялся. Я не знал, что мне предпринять, к кому обратиться, ведь все здесь чужое, незнакомое, и, может быть, излишняя доверчивость может мне легко повредить, если обратиться к незнакомому человеку. Я ведь даже себе не представлял, в каком направлении находится граница и как она охраняется. Расшатались нервы, вдруг как-то пропала вера в возможность спасения. Раздумывая над всем этим, я решил пока оставить попытку разыскать то лицо, которое бы мне могло помочь в исполнении задуманного мною плана, и вернуться в Оршу. Мне было известно из разговоров в Москве, что Л. должен был находиться в это время в Орше.

Много у меня было возни с красноармейцем Ерофеевым. Хотя мной и было сразу установлено, что он не коммунист, а только мобилизованный и всей душой ненавидит большевиков, но я боялся ему довериться. Он мог бы испугаться и даже отказаться следовать за мной, или просто, не умея владеть собой, мог бы случайно выдать меня. Мне стоило больших усилий уговорить его ехать в Оршу, он почему-то упорно отказывался, и только с большим трудом согласился с моими доводами.

Взяв в кассе станции обратные билеты до Москвы, мы благополучно сели в первый проходящий пассажирский поезд и ночью 15-го июня прибыли на станцию Орша, где до утра просидели на вокзале.

Все пережитые мною испытания сильно потрепали мои нервы. Ведь я не был ни одной минуты спокоен за свою безопасность с того момента, как пустился в свой дальний путь, стараясь скрыться от этой проклятой обстановки. Шел ли я пешком по дорогам и тропинкам, ехал ли в железнодорожном вагоне, бродил ли по улицам лежавших на моем пути городов или проживал на квартирах у знакомых - нигде не было покоя и не было уверенности в конечном успехе. Во время моих путешествий постоянно проверяли документы, устраивали допросы, на улицах городов производили облавы, на которые можно было легко напороться, а в частных квартирах часто производились обыски. Вставая утром, я невольно задавал себе вопрос, как пройдет грядущий день, а в душе молил Всемогущего Бога, чтобы Он уберег меня от неприятностей. И те же думы вереницей кружились в голове, когда я ложился спать. Ведь малейший ничтожный случай мог бы стать роковым для меня.

Оставив снова на вокзале красноармейца Ерофеева, я отправился разыскивать Л. по имевшемуся у меня адресу. Но оказалось, что Л. живет в вагоне 1-го класса, который стоит на запасных путях. Я его нашел довольно быстро и вошел в его купе. Он меня встретил очень радушно и просил меня рассказать ему подробно обо всем. Я стал рассказывать, но в этот момент перестал совершенно владеть собой, у меня больше не хватало сил держать себя в руках. В это время к нему в купе вошли еще двое высоких чинов государственной безопасности и спокойно уселись на противоположном диване.

- Вот видите, - обратился к ним Л., - этот молодой человек участвовал в Волжском восстании, подумайте, какую он сделал глупость.

- Да, это он сделал не остроумно, - задумчиво ответили чекисты и стали внимательно меня рассматривать.

Мне показалось в эту минуту, что Л. определенно издевается надо мной, что мои последние неудачи подстроены им нарочно для того, чтобы заставить меня еще помучиться перед окончательным арестом, тем более, что он сейчас открыто заявил вошедшим чекистам о моем недавнем прошлом. Они сидели против меня в военных формах, в фуражках с большими красными звездами вместо кокард, т. е. были представителями именно той власти, которой я больше всего боялся.

Я впал в полное отчаяние и даже разрыдался, прося дать мне

револьвер, чтобы мог сам застрелиться и избежать муки моего избиения и терзания со стороны чекистов.

- Ну, ну, успокойтесь, возьмите себя в руки, - немного взволнованно сказал Л., а новые гости чекисты почему-то не проявили никакого гнева, а, наоборот, тоже стали меня успокаивать и хлопать по плечу.

- Ничего, ничего, - сказал мне один из них, - все обойдется. Не надо себя так распускать. Ну, наделали глупостей, теперь надо думать, как выкрутиться. Л. вам все устроит.

Я сперва не поверил в искренность и все думал, что это лишь очередное издевательство и что дальнейшие мучения, физические, еще впереди. Мне было трудно успокоиться. Сильное напряжение нервов в течение такого долгого времени подействовало и на мое психическое состояние, и, при виде неминуемого конца, я потерял самообладание. Чекисты продолжали меня увещевать, и в их отношении ко мне как будто даже почувствовалась сердечность.

- Пойди, - обратились они к Л., - и сделай все возможное, а мы пока с ним посидим.

Л. поднялся и быстро захлопнул за собой дверь. Я остался с двумя другими чекистами и был в недоумении, как мне отнестись к их ласковым уговариваниям и действительно ли они искренно желают мне добра. Но все же я немного начал успокаиваться.

- Ничего, молодой человек, - сказал мне другой чекист, более молодой, сидевший ближе к окну, - Л. сейчас вам достанет пропуск, и вы сможете продолжать ваше путешествие. Вам надо обязательно выехать заграницу, иначе здесь вам несдобровать, - сочувственно произнес он.

- Да, товарищ Т. прав, - подтвердил другой, - вам надо во что бы то ни стало удрать заграницу. Нам известно, что вас разыскивают, а попадетесь вы к ним в лапы – кончится плохо.

Я слушал их и ушам своим не верил. «Неужели еще существуют хорошие люди среди чекистов, – подумал я, - и могу ли я им верить?» Но их ласковые слова меня успокаивали, и я отвечал: «Да, вы правы, мне надо отсюда убираться». И я, набравшись храбрости, даже стал их просить помочь мне.

- Сейчас вернется Л., - сказали оба сразу, - и тогда мы увидим, что можно еще сделать для вас. А более молодой еще добавил:

- Вы еще молоды, и ваша жизнь впереди. Только бы благополучно перебраться через границу. А там – все в ваших руках.

Перейдя на самые обыкновенные темы из советской жизни, я заметил, как оба чекиста старались отвлечь меня от грустных мыслей и внушить доверие к ним. Я на всю жизнь запомнил сердечность русских людей, и мог лишь убедиться в том, что советской власти они служат фиктивно, скрывая свое настоящее мнение о новых правителях. В таком непринужденном разговоре прошло время, и приблизительно через час вернулся Л.

- Ура, - громко сказал он, закрыв за собою дверь купе и держа над головой маленький конверт. – Устроил, до самой Негорелой устроил, - радостно сообщил он (Негорелая – это отправная станция на самой русско-польской границе).

- Только до Минска, - продолжал он, - вам придется пробираться «зайцем», уж как-нибудь устроитесь. Вот вам ваши бумаги. Мужайтесь и не падайте духом.

Он протянул мне свою руку, и я крепко ее пожал. То же самое проделали и двое других собеседников. Поблагодарив их за исключительное внимание, проявленное в отношении меня, я вышел из купе. Я направился на вокзал разыскивать моего Ерофеева. Нашел я его в некотором беспокойстве, сидящим за столом и распивающим чай. Я ему разъяснил, что проделал все это путешествие с обратным заездом в Оршу для того, чтобы здесь получить разрешение на проезд до границы, так как там мука дешевле, ибо тот человек, к которому я должен был обратиться в Минске, оказался в Орше.

Скоро подошел в ту сторону поезд, и мы двинулись в путь. По дороге приходилось все время пересаживаться из одного вагона в другой, во избежание недоразумений с контролером. Поезд, как почти все обыкновенные поезда в Совдепии, состоял из одних теплушек, так что проходного контроля нам бояться было нечего. Таким образом, мы благополучно добрались до Минска «зайцами», как нам предложил Л.

Дальше Минска поезда больше не ходили, а до станции Негорелая нам нужно было проделать эти оставшиеся 45 верст на паровозе, которые иногда и без всякого расписания туда отправлялся.

Это путешествие было очень неприятным и тревожным. Ввиду близкой границы, кругом кишело чекистами. Легко себе представить мое состояние, когда я чувствовал на себе испытующие взгляды какого-нибудь коммуниста, осматривавшего меня с ног до головы. Об охране границы я имел очень плачевные сведения. Вдоль всей полосы были расставлены пешие посты, постоянно ходившие по своему

участку. Незамеченным пройти было, казалось, невозможно. Кроме того, по всей окрестности разъезжали конные отряды, которые обыскивали близлежащие леса и в то же время контролировали посты. Возможность откупиться взяткой была исключена, так как, по новым советским законам, все найденное у перебежчиков имущество переходило в собственность караулов, их поймавших.

Устроившись кое-как на отходящем паровозе, мы около 18 вечера доехали до станции Негорелая. Я чувствовал невероятную усталость. Беспрестанные перебежки из вагона в вагон в течение прошлой ночи меня очень утомили, хотелось что-нибудь поесть и остановиться в какой-нибудь харчевне, чтобы немного растянуть ноги. Но благоразумие мне подсказывало, что останавливаться на самой станции или около нее нельзя и что необходимо попытаться еще во время ночи перейти границу. Но мой красноармеец стал упираться, отказавшись наотрез следовать за мной дальше. А без него мне продолжать путь было нельзя, ведь у нас на двоих был только один документ. Пришлось мне пустить в ход все мое умение уговорить Ерофеева не подвергаться излишним допросам чекистов здесь, где их так много, и уйти подальше. В конце концов, после долгих усилий, мне это удалось, и мы двинулись в путь. Направление мы взяли на северо-восток от станции. Шли мы благополучно, удачно отвечая на все вопросы, задаваемые нам попадавшимися навстречу караулами.

У крестьян я по дороге узнавал, где можно было бы купить сахарин, надеясь таким образом попасть на след контрабандистов, чтобы с ними условиться относительно перехода границы. Одним из таких разговорчивых крестьян мне было указано село Мастище, куда мы с Ерофеевым сразу отправились.

Не доходя названного села, я решил немного отдохнуть, собраться с мыслями и сообразить, каким образом мне лучше всего подойти к тому человеку, к которому я обращусь, чтобы не нарваться на предательство. Мы присели около дороги. В это время я заметил, как из-за одного из изгибов по направлению к нам шел старик. Когда он поравнялся с нами, он вежливо поздоровался и спросил, нет ли у нас закурить. При этом я сразу заметил, что, здороваясь с нами, он не произнес слова «товарищ», как было введено большевиками и как обращались коммунисты ко всем, а сказал просто «браты». Это обстоятельство меня побудило поговорить с ним серьезней об интересующем меня вопросе. Расспросив его сперва об урожае и

состоянии хлебов, я осторожно стал расспрашивать его о переходе границы, предварительно отойдя с ним в сторону от Ерофеева, который продолжал лежать на траве и с места не вставал.

Мужичок сначала отнесся очень осторожно к моим словам, боясь меня, очевидно, так как я был в форме красноармейца. Но вскоре он поверил в искренность моих слов и сам предложил провести меня через границу. Он, оказывается, был сам жителем занятой поляками территории и часто переходил границу, так что в нем я должен был иметь опытного и надежного проводника. Долго думать мне было нечего, и я, быстро решившись на этот шаг, собирался уже идти вместе со стариком, как вспомнил о красноармейце, безмятежно лежавшем на траве в полудреме. Я его разбудил и сказал ему, что он мне больше не нужен и что иду дальше без него. Стоило видеть физиономию этого несчастного обманутого человека, когда он узнал правду о своем компаньоне, и зачем я его сюда привел. Он посерел от охватившего его страха и совершенно растерялся.

Я дал ему нужные инструкции, объяснил, что говорить и как поступать, вернул ему наш общий документ и быстро распрощался с продолжавшим стоять в полном оцепенении красноармейцем. Я присоединился к старику, уже нетерпеливо переминавшемуся с ноги на ногу, боясь пропустить заход солнца, так как с темнотой усиливались караулы.

От места встречи со стариком до границы оставалось версты 4. Это расстояние мы прошли довольно быстро, несмотря на усталость и мои разбитые ноги. Сознание предстоящей опасности и невольный страх придавали мне силу и бодрость, и я даже не заметил, как мы прошли это расстояние.

Переход границы мы совершили благополучно. До границы мы шли лесом, который большевики выжгли до корня, «чтоб лучше видеть». Сама граница была обозначена вырубленной просекой, по которой взад и вперед шагали часовые. Мы перебежали в тот момент, когда часовые подходили в стороне от нас на нашу линию, откуда мы вышли. Один из часовых оглянулся на производимый нами шум и выстрелил. Раскатистое эхо пронеслось по просеке. Но мы со стариком уже успели войти в душистый лес на польской стороне и скрылись от взоров красного караула, продолжая бежать, что было духу, глубже на польскую территорию.

Мне трудно передать то ощущение, которое охватило меня, когда, обессиленные от долгого бега, мы, наконец, легли на землю,

чтобы передохнуть. Это был восторг, это было ликование всей моей души, необыкновенная радость от сознания того, что смерть, все это время подкрадывавшаяся ко мне крупной поступью, теперь шарахнулась назад, что ее видение исчезло, что можно вздохнуть свободно и даже быть уверенным в своей безопасности. Я, точно безумный, целовал землю, молился, благодаря Всемилостивого Бога, крепко жал руку старика.

Переодевшись в штатское платье, которое у меня было припасено и которое я все время таскал с собой, подарив старику все мое военное и добавив еще 1500 рублей царскими, которые в это время еще очень ценились и которые я имел при себе, я направился к видневшемуся сквозь редеющий лес селу.

В этом селе находилась польская пограничная стража, куда я зашел, чтобы получить от них необходимый пропуск для моего дальнейшего следования. Когда я явился к дежурному стражнику, тот меня сразу оборвал, заявив, что должен меня отправить обратно в Россию и принять сюда не может. Опять всколыхнулось мое сердце, снова волнение сжало мою грудь, и мне ясно представилась картина, как меня встретят на той стороне чекисты, и снова видение страшной, подкрадывающейся тихими стопами смерти всплыло перед глазами.

- Да вы же меня отправляете на верную смерть, - ответил я взволнованно польскому вахмистру, свободно говорившему по-русски.

- Что же делать, - сказал вахмистр, - у нас есть распоряжение возвращать всех беглецов обратно.

- Да, но я особый беглец, я участвовал в восстании, меня немедленно же расстреляют, потому что приказ о моей поимке разослан по всей России всем чекистским отделениям. Слушайте, у меня есть еще царские рубли, я готов вам заплатить, я готов потерять все, лишь бы не возвращаться. Подумайте, как вы можете мне помочь, я вас умоляю разрешить мне остаться в Польше.

Вахмистр нахмурил свой лоб, брови его почти соединились. Он опустил глаза и, подумав несколько минут, едва слышно сказал:

- Хорошо, что у вас есть? Посмотрим.

Я вынул оставшиеся у меня царские деньги…

- Я могу вам часть из них отдать, устройте мне размен.

Вахмистр быстро мне их разменял на польские деньги, но дал только 1\4 их настоящей стоимости. Мне пришлось согласиться на это, ибо я понял, что это был откуп от грозившей мне опасности.

На ночь мне дали возможность отдохнуть, а утром отправили в районное жандармское управление в селение Столбцы. И тут снова мне заявили, что отправят обратно в Россию. Ни мои просьбы, ни даже угрозы покончить самоубийством не помогали. Поляки видели, что я был «гол как сокол», что с меня ничего содрать нельзя, и поэтому моя личность их не интересовала. В конце концов, после длинного разговора с начальником, мне удалось его убедить отправить меня дальше в тыл, предварительно послав меня в распоряжение контрразведки, которой я мог бы передать множество секретных вещей о советской России. Я увидел, что без этой лжи мне несдобровать и что эта ложь поможет мне уехать отсюда подальше в тыл, подальше от границы. А там снова что-нибудь придумаю.

Начальник жандармского управления, очевидно, поверил моим доводам и отправил меня дальше в Барановичи. Везли меня под охраной, как преступника, но я все же был рад, что моей охраной не были опричники советской власти.

В Барановичах меня поместили в карантин, где я провел несколько дней, а потом перевели в другое помещение, напоминавшее мне тюрьму, причем при переводе меня поставили в известность, что с первым отходящим эшелоном я буду отправлен обратно в Россию. Я понял, что чиновник, которому было поручено мое дело, заранее знал, что от меня никакой взятки получить невозможно, а потому ему я не был интересен. Я понял, что снова надо действовать энергично и что потеря времени грозит мне действительно возвращением в Совдепию. Поэтому я принял решение бежать из тюрьмы. Подробно ознакомившись в течение дня со всеми возможностями, где лучше всего исчезнуть незаметно, без опасения быть пойманным караульными постами, и убедившись, что охрана очень слабая, я ночью, выбрав подходящий момент, бежал, благополучно перебравшись через все ограды. Я решил идти прямо к православному священнику города Барановичи, рассказать ему все и просить у него помощи. Я был у него уже рано утром и встретил в священнике очень отзывчивого человека, который мне сразу посоветовал обратиться к одному русскому коммерсанту, проживавшему здесь же, в Барановичах, и имевшему хорошие связи с различными начальствующими лицами польского управления. Его фамилия Назаревский. Я сразу же отправился к Назаревскому, который обещал немедленно же поговорить с начальником польского гарнизона, генералом русской службы Билевичем. Случаю было угодно, что именно этот ге-

нерал Билевич всю Великую войну прослужил вместе с моим отцом в Московском окружном интендантстве. Узнав от Назаревского мою фамилию, он сразу же вспомнил свою совместную службу с моим отцом и отдал распоряжение поместить меня в концентрационный лагерь для русских офицеров.

Через некоторое время генерал Билевич был смещен со своей должности, и меня снова перевели обратно в ту тюрьму, из которой я бежал. Несмотря на то, что в это время из Ревеля (Эстонии), где проживали мои родственники со стороны моей матери, уже были присланы необходимые бумаги для въезда в эту страну, поляки меня не выпускали. Даже больше того, вся переписка, приходившая на мое имя, поляками перехватывалась и мне не передавалась. Об этом я узнал значительно позже, когда уже был на свободе.

Но решение спастись во что бы то ни стало не покидало меня. Из так называемой тюрьмы людей, с разрешения, стали довольно свободно выпускать на улицу. Получив такой отпускной билет, я пошел к начальнику местной полиции и стал ему врать о моих связях с высшими польскими военными чинами, в доказательство чего привел заступничество генерала Билевича, и пригрозил, что устрою большой скандал, если меня еще будут держать здесь, в Барановичах. Начальник полиции встрепенулся и поверил моим словам. Он немедленно отдал распоряжение о моем освобождении, и я сейчас же, не медля ни одной минуты, по железной дороге выехал из Барановичей в Варшаву. Я заработал кое-какие деньги во время моего пребывания в русском офицерском лагере. Оттуда я ходил на железнодорожную станцию и работал, как носильщик вещей. На эти деньги я смог купить билет до Варшавы.

В Варшаве я оставаться не хотел. Мне нужно было ехать дальше, чтобы укрыться от властей, которые, я боялся, могли еще всполошиться, случайно раскрыв мою ложь, которую я им преподносил. Тут же на вокзале мне удалось продать мое штатское пальто и все мое белье. На вырученные от этого деньги я купил себе билет на Данциг. Данциг считался свободным городом, и виза туда не требовалась. Освобожденный теперь от всяких вещей, я налегке сел в поезд, который шел до пограничной станции Тшев. И тут снова пришлось поволноваться. Когда я вышел из вагона, ко мне подошел агент тайной полиции и меня арестовал. Но к вечеру меня уже выпустили, так как выяснилось, что это было недоразумением, и меня приняли не за того, кого искали.

Из Тшева я выехал в направлении на Данциг. Должен сказать, что еще в Барановичах я встретил одного немца-колониста, который участвовал вместе со мной в Волжском восстании. Он мне рассказал, что проживает недалеко от Данцига в селе Грос-Лихтенау, и даже приглашал ехать к нему. Поэтому я до самого Данцига не доехал, а слез на станции Грос-Лихтенау и отправился разыскивать моего старого знакомого. Погостив у него несколько дней, я успел отдохнуть и привести себя немного в порядок и вскоре решил продолжать мой путь на Данциг. Пришлось попросить немного денег, чтобы выехать, так как у меня уже ничего не оставалось.

В Данциге мне пришлось немного поскитаться. Не имея денег, я не имел возможности остановиться в гостинице, и мне пришлось ночи проводить на улице, устраиваясь на ночлег, как попало. Я даже не был в состоянии купить себе еду и должен был голодать. Но, к счастью, случай снова мне помог. Я встретил совершенно случайно, бродя по улицам, одного знакомого, которого я знал еще по Саратову. Он взял меня на свое попечение, пока я не списался с моими родственниками, проживавшими в Берлине (моим дядей, старшим братом моего отца). Между прочим, этот господин хотел меня даже приютить у себя, но его квартирная хозяйка, чопорная немка с чисто немецким гостеприимством, отказала принять такого оборванца, и поэтому мне пришлось и дальше ночевать на данцигских бульварных скамейках…Уже через несколько дней я получил первое письмо от моего дяди в Берлине. В этом письме мой дядя указал мне адрес одного господина в Данциге, который снабдит меня деньгами и поможет мне получить визу в Германию. Конечно, я сразу же к нему обратился и, получив деньги, смог остановиться, хотя и в дешевой, но все же гостинице и самостоятельно пообедать и поужинать. Вскоре мне была выхлопотана виза, и я уехал в Берлин.

*(**От Редакции:** Воспоминания Георгия Константиновича Бореля составлены по его письмам и отдельным записям его старшим братом, Михаилом Константиновичем Борелем (1895 – 1979), штабс-ротмистром Лейб-Гвардии Уланского Е. И. В. полка. Г. К. Борель родился в Саратове в 1903 году. Учился в Реформаторском училище в Санкт-Петербурге. После эмиграции из советской России, в 1921 году направился в Берлин. Через два года переехал в Белград, где жила семья брата Михаила. В Югославии, благодаря знанию немецкого и*

французского языков, устроился на работу чиновником на медном руднике «Бор», эксплуатируемом французской компанией, затем на руднике «Ртань». Во время Второй Мировой войны, спасаясь от Титовских партизан, напавших на рудник, Г. К. Борель с женой и ребенком вынужден был перебраться в Белград. Там он вступил в ряды Русского Корпуса на Балканах и, в чине поручика, служил переводчиком при командире Корпуса генерале Штейфоне. Затем, в конце 1942 года, с семьей уехал в Берлин к родственникам. В Берлине работал на фабрике. Спасаясь от бомбардировок и наступающих частей Красной армии, Г. К. Борель с огромными трудностями добрался до юго-западной части Баварии, которая в 1945 году была занята Американской армией. Здоровье его, после всех испытаний, было подорвано, и Г. К. Борель скончался в лагере Ди Пи «Зонтхофен» в начале 1946 года.)

Полковник Н. А. Андрушкевич

ПОСЛЕДНЯЯ РОССИЯ

Воспоминания о Дальнем Востоке

II. Красныя шайки. Союзники.

Верховный правитель объявил призыв новобранцев, и призыв этот в губерниях Уральских и Западной Сибири прошел, по имевшимся у нас сведениям, в общем гладко, и армия получила много пополнений. Решение же вопроса о распространении призыва и на области Дальняго Востока было передано совещаниям областных и уездных управляющих. Эта мера была принята потому, что атаманы Семенов и Калмыков объясняли нежелание свое отправить казаков на фронт тем, что крестьянское население края, якобы, настроено чрезвычайно большевицки и казаки нужны на местах. В совещании управляющих Приморской областью преобладало вначале мнение – о необходимости отсрочить призыв; не по причинам большевицкаго настроения, а по причине общей неустроенности. Я решительно воспротивился этому мнению, указывая на необходимость скорейшаго вовлечения крестьянскаго населения в круговорот государственной жизни. Когда новобранец отправится в воинское присутствие на призыв – это будет означать, что крестьянское население вместе с нами участвует в строении государства. Мое мнение разделял председатель совещания И. И. Циммерман, а затем после недолгих споров оно было принято и всем совещанием.

Когда вопрос о призыве был решен, управляющий Ольгинским уездом доложил совещанию о появлении в его уезде красных шаек. В сущности, в Ольгинском уезде давно, если не всегда, существовали разбойничьи шайки, созданныя по образцу шаек хунхузских, а именно, беглые каторжане и арестанты и вообще всякие отбросы, избегающие встречи с полицией и правосудием, бродят по необозримым пространствам от деревни к деревне и требуют пропитания и женщин. Помочь населению нет возможности, ввиду крайняго недостатка полиции. Сельския власти даже не извещают полицию

о разбойничьих шайках, ибо полиция шайку изловить не изловит, а деревня сгорит. В настоящее же время шайки эти обнаглели до крайности, объявляя, конечно, что они – за народную советскую власть. Были правдоподобныя указания, что сбежавшие из Владивостока, после своего падения, большевики присоединились к шайкам, вошли в их состав, усилили их собою и реорганизовали их в нечто стройное.

Сообщение это было весьма тревожно. Управляющие уездами заволновались, как бы эта зараза не проникла и к ним. Повсюду было много и разбежавшихся каторжан, и распущенной солдатни, вернувшейся с фронта, избалованной бездельем и не желающей возвращаться к труду, а пример хунхузов был весьма соблазнителен. Из дальнейшаго сообщения о делах в Ольгинском уезде выяснилось, что при преследовании их шайки отходят в горы. Уезд расположен узкой полосой между горами Сихота-Алинь и побережьем океана, вытягиваясь в длину свыше чем на тысячу верст. Поэтому преследование шаек нужно вести от горных проходов к морю, т. е. гнать шайки к берегу. Всех проходов было 2-3, но наиболее удобный – южный, частью населенный старообрядцами, и по которому еще до войны было предположено проведение железной дороги. Но для этого предприятия нужны были значительныя воинския части. Во всяком случае, совещанием была признана необходимость скорейшаго и самого решительнаго уничтожения в Ольгинском уезде имевшихся там шаек, дабы и в других уездах области не появилось бы того же.

Совещание просило меня, как военнаго, немедленно отправиться к командующему войсками округа генералу Иванову-Ринову, сообщить ему о положении дела и просить принять неотложно самыя решительныя меры.

Генерал Хорват носил звание Верховнаго уполномоченнаго Всероссийскаго правительства на Дальнем Востоке и имел двух помощников по гражданской и по военной части. Помощником по военной части на правах командующаго войсками округа был генерал Иванов-Ринов, только что назначенный и прибывший в Владивосток из Омска. Из секретнаго сообщения Омска управляющему областью, по поводу этого назначения, можно было понять, что генерал Иванов-Ринов человек беспокойный и пребывание его в Омске нежелательно, а потому, и ввиду его особых заслуг, он получил назначение в Владивосток, где будет всецело подчинен Хорвату.

Назначение это в военных кругах произвело неприятное впечатление. Дело в том, что Иванов-Ринов, происходя из сибирских казаков, всю свою службу провел в полиции в Туркестане, начав ее становым приставом. Революция отправила его на фронт. Весной 1918 года полковник Иванов оказался в Омске и здесь, скрываясь от большевиков под фамилией Ринов, совместно с Гришиным-Алмазовым организовал добровольческие офицерские отряды. Гришин-Алмазов в Сибирском правительстве был военным министром, когда же социалисты-революционеры с ним расстались, то его место занял Иванов, произведенный тем же правительством в генерал-маиоры. Иванов-Ринов принимал деятельное участие в перевороте Колчака и в своих объявлениях грозил, что он расстреляет всякаго, кто осмелится пойти против Верховнаго правителя. Благодаря столь шумной деятельности Иванова-Ринова, за ним установилось мнение, что он человек волевой, решительный и самоотверженный, но все-таки все это не давало ему данных для командования войсками, в то время, когда эти войска предстояло еще собрать, обучить и воспитать.

Генерал жил в вагоне. Его адъютант провел меня в приемное отделение. И через несколько минут я услышал, как в соседнем отделении началось чтение сводки боевых действий на далеком Уральском фронте. Сводка была крайне длинная и изобиловала сообщениями о самых мельчайших происшествиях. Сводку читал громко начальник штаба, Иванов-Ринов громко задавал вопросы. Чтение тянулось почти час. Я рассердился и поднялся уходить. В это время Иванов-Ринов быстро вошел ко мне и начал извиняться: у него такое множество дел!

Я объяснил генералу цель своего посещения и изложил мнение нашего совещания. Иванов-Ринов, выслушав меня, сказал:

- Передайте, пожалуйста, господам управляющим, что я прошу их быть совершенно спокойными, что я искореню с лица земли всех большевиков! Я не потерплю в округе никаких шаек!

Говорить больше было не о чем. Я раскланялся. Но Иванов-Ринов задержал меня в проходе вагона, сообщив, что предположено учреждение должности уполномоченнаго по охране государственнаго порядка в Уссурийском крае, с пребыванием в Имане. Не соглашусь ли я занять эту должность, оставаясь в должности управляющаго уездом. Я ответил, что от службы не отказываюсь и на службу не напрашиваюсь, но по поводу его предложения считаю необходимым посоветоваться с управляющим областью.

И. И. Циммерман посоветовал мне принять должность в интересах самого дела. Он сослался на пример Никольска-Уссурийскаго. Там и уполномоченный, и управляющий – люди весьма почтенные, пожилые, уравновешенные, один старый начальник дивизии, другой – старый судья, а между тем у них все время происходят трения. Один требует соблюдения законности и осторожности, а другой думает, что это лишь разводит преступников. Если я откажусь от предлагаемой должности, то назначат кого-либо другого, и я стану в зависимое положение.

С этими доводами я согласился.

Через несколько дней, вернувшись в Иман, я получил телеграмму, извещавшую о моем назначении уполномоченным по охране государственнаго порядка в Иманском уезде.

Должность уполномоченнаго по охране государственнаго порядка и общественной безопасности являлась продуктом государственнаго творчества социалистов-революционеров. Став у власти в Сибири, эта партия поняла, что заниматься уговариванием преступников – дело бесполезное. А потому ими был восстановлен закон об исключительных положениях. Была восстановлена власть временных военных генерал-губернаторов, но дать должности старое название постеснялись и не решились, и выдумали уполномоченнаго, не учитывая, что название должно соответствовать духу должности и быть понятным населению. В длинном ряду всевозможных уполномоченных: по снабжению, продовольствию, по топливу, Краснаго Креста и т. д. – уполномоченный по охране казался сугубо мирным человеком и одним своим званием внушения не оказывал, хотя имел право учреждать военно-полевые суды и приговоры сих судов утверждать. Положение об уполномоченных, в общем, являлось сокращенным и исковерканным сколком с стараго закона о военном положении.

В сущности, с введением должности уполномоченнаго по охране в Имане ничего не изменилось. Я получил в свое распоряжение несколько офицеров и мог их иметь, сколько хотел, требуя прикомандирования от войсковых частей. Но нужды в них не было.

Я счел долгом съездить в Никольск-Уссурийский познакомиться с уполномоченным по Никольскому уезду генерал-лейтенантом Кордюковым. Мы работали с ним вполне дружно, добрососедски, и мне часто впоследствии пришлось прибегать к его любезной помощи.

Было тихо, мирно и спокойно. Жизнь устанавливалась после революционной встряски. И если было что-то, что смущало и тревожило, так это поведение атаманов. Семенов распоряжался в Забайкальской области, Калмыков в Хабаровске и в казачьих поселках. И оба они по любому поводу повторяли, что не подчиняются Верховному правителю.

Верховный правитель еще 1-го декабря 1918 года издал строгий приказ, коим атаман Семенов смещался с должности командующаго 5-ым отдельным Приамурским корпусом и одновременно со всех должностей, им занимавшихся, а генералу Волкову повелевалось привести к повиновению всех, не повинующихся Верховной власти, действуя по законам военнаго времени. Но шли месяцы, атаман Семенов продолжал оставаться в Чите, о действиях же генерала Волкова ничего не было слышно.

Положение было удручающее. Что это за Верховная власть, приказ которой не выполняется.

Не чувствуя ни узды, ни страха, атаманские офицеры продолжали свои безобразия. Они отличались от остальных офицеров нашивками на рукавах: на щитке желтаго сукна были отбиты черной краской буквы – А. С. или А. К.

Чита, Хабаровск и Забайкальская железная дорога продолжали оставаться во власти произвола. Человеческая жизнь там, по-видимому, не ценилась. Подруге Семенова, харбинской певице, известной под именем Машка Шарабан, понравились как-то бриллианты одной дамы, и эта дама была убита вместе с мужем, полковником. Об этом дальневосточныя газеты много писали, а газета, издаваемая Семеновым, «Русский Восток», всячески поносила адмирала Колчака и выставляла в Верховные правители… Семенова.

Все это творилось под видом борьбы с большевиками. Понятие же о том, кто большевики, было, по-видимому, слишком неопределенным. Газеты пестрели сообщениями о порках учительниц, начальников станций и телеграфистов, и что удивительно: это проделывали те же самые учителя и телеграфисты, предпочитавшие семеновские чины есаулов и полковников – скромному чину прапорщика.

Калмыков, сам себя называвший младшим братом Семенова, от Семенова не отставал. При его штабе была военно-судебная комиссия, на совести этой комиссии лежало много грязи и крови. Калмыков расстрелял всю комиссию в полном составе, признав ее виновной в грабеже и вымогательстве.

Генерал Хорват силой разоружил Калмыковский отряд, располагавшийся в Гродекове, а Японское командование немедленно обратилось к Хорвату с просьбой больше этого не делать. Мысль о разоружении Калмыковскаго отряда в Хабаровске пришлось оставить.

Однажды утром ко мне прибыл комендант города полковник Худяков и доложил, что, распоряжением управления железной дороги, на станции Иман задержан поезд Калмыкова, так как последний выбрал на станции Хабаровск лучшие вагоны, окрасил их желтой краской, разрисовал буквами А. К. и получил «собственный атамана Калмыкова поезд».

Но управление дороги, не признав действия Калмыкова законными, потребовало возвращения вагонов в Хабаровск. Калмыков пришел в негодование.

Не успел я с полковником решить, что делать, как от Калмыкова явился офицер и сообщил, что атаман хочет меня немедленно видеть. Казалось бы, что ему, как офицеру, следовало прийти ко мне самому, но заниматься вопросами вежливости было некогда. На станции пахло кровью, и я отправился туда.

На вокзале на платформу, возле которой останавливаются поезда, был вкачен автомобиль, таким образом, чтобы Калмыков прямо из вагона мог в него сесть. Кругом глазела толпа мальчишек и китайцев. Начальник станции волновался.

Войдя в вагон, я встретил гробовую тишину, но мне было ясно, что шум лихой молодежи прекратился только сию минуту, когда я входил в вагон. Какой-то офицер встретил меня и проводил в одно из отделений вагона. Было грязно. Куски сахара, окурки, пепел, корки мандаринов, обгрызки сыра валялись на полу, под окнами и на диванах.

Вошел Калмыков. Я видел его в первый раз. Маленький, тщедушный человек. Поздоровались и молча сели. Калмыков забился в угол и маленькими, бегающими глазками пристально рассматривал меня.

Он начал жаловаться на то, что ему наносят оскорбление и не пропускают его собственный поезд! И что удивительно: творится это именно в Имане, где я старший и военный, и гражданский начальник.

Я не особенно возражал. Калмыков, несколько отойдя, стал выражать свое удивление, как это я одновременно и генерал-губер-

натор, и в то же время заседаю в суде. Дело в том, что незадолго до этого я огласил в приказе телеграмму, сообщавшую, что Верховный правитель утвердил определение сената об избрании меня почетным мировым судьей. Пришлось объяснить, что ни в каком суде я не заседаю, а если бы и заседал, то в этом не было бы ничего ужаснаго.

Калмыков окончил Тифлисское военное училище, предварительно пройдя Владикавказскую духовную семинарию. По окончании училища в 1913 году, вышел в 1-ый Восточно-Сибирский саперный батальон. Но на войне Калмыков принял участие уже в составе Уссурийскаго казачьяго полка, откуда, вследствие происшедших недоразумений, он был отчислен по войску.

Большевицкая революция застала подъесаула Калмыкова в Уссурийском крае. Но Калмыков там не ужился и уехал в Харбин. В Харбине он предложил Дальневосточному комитету активной защиты родины свои услуги и, собрав отряд добровольцев силою около 200 человек, стал беспокоить большевиков у станции Пограничная. После падения большевиков в Приморье, Калмыков, сопровождая поезд генерала Хорвата, направившагося из Харбина в Владивосток, вошел в пределы Уссурийскаго края и несколько усилился в численности.

Когда японцы двинулись вдоль Уссурийской железной дороги из Никольска в Хабаровск, вместе с ними отправился и Калмыков. По дороге в Имане казачий круг объявил Калмыкова атаманом Уссурийскаго войска и произвел его в генерал-маиоры.

Были казаки, которые настаивали на том, что круг в Имане – незаконный круг, и что не Калмыкову следует быть атаманом войска. За такие разговоры последовали расстрелы. Все видные степенные казаки были расстреляны. Был расстрелян и полковой товарищ Калмыкова молодой князь Хованский, как кажется, последний отпрыск этой фамилии.

Часть казаков роптала, возмущалась, но ничего поделать не могла. Калмыков держал в руках все войско при помощи «отряда имени атамана Калмыкова», численностью в 300-400 человек. В нем было много молодежи, окончившей и не окончившей Хабаровский кадетский корпус и другия средния учебныя заведения.

И вот теперь в вагоне я сидел напротив этого человека и, вместо всяких иных действий, вел с ним утомительный разговор о законности. Тем временем управление дороги, испугавшись угроз, решило пропустить в Владивосток собственный атамана Калмыкова поезд.

В области был объявлен указ Верховнаго правителя о призыве новобранцев. Указ был отпечатан по-старому – на огромных листах красной бумаги. Это было хорошо. Если подпись адмирала Колчака ничего не говорит мужику, то, быть может, на него повлияет привычный и знакомый вид указа о призыве!

Я волновался. Причин для волнения было много. Если новобранец пойдет – быть нам в Москве, - думал я, - крестьянин вовлечется в ход государственной машины, и вся работа наша пойдет много легче. Но в селах и деревнях теперь не было сельских старост, на обязанности которых лежало собрать и препроводить новобранцев в волость. Теперь были сельские комитеты и председатели сих комитетов. Всякое предписание, приходящее в село, не выполнялось немедленно, как бывало раньше, а подвергалось обсуждению в комитетах. Для возбуждения воли к тому или другому действию необходим волевой толчок. Таким толчком, бывало, прекрасно служил сельский староста. Надев на себя должностный знак, он приказывал, и всякий знал, что староста выполнял службу царскую. С ним в спор не вступали. А решения сельских комитетов не имели значения непреложности. С ними спорили, пререкались, и их не слушались.

Чтобы дать деревне толчок идти на призыв, я разослал по деревням всю милицию. Но многаго милиция сделать, конечно, не могла. Кроме того, на уезд, равный по пространству европейской губернии, было всего три стана, а на каждую волость полагалось по 2 милицейских. Милиция доносила, что крестьяне к призыву готовятся, показателем чего служит то обстоятельство, что крестьянские парни загуляли.

Сопротивление призыву со стороны уездной земской управы пришлось встретить даже в самом Имане. В земской управе, между прочим, было сложено имущество, делопроизводство и архив воинскаго присутствия. С восстановлением воинскаго присутствия не спешили, но когда решено было его восстановить, то вновь назначенный воинский начальник никак не мог получить из земской управы имущество присутствия. В управе сначала заявили, что воинское присутствие должно подчиняться земству и помещаться в комнатах земской управы, потом заявили, что никакого имущества присутствия в управе нет и т. д.

По закону, председатель земской управы или его заместитель должен присутствовать во всех многочисленных уездных присутствиях, но председатель Иманской управы, расстриженный дьякон

Попов, не считал возможным присутствовать в колчаковских правительственных учреждениях ни для себя лично, ни для своего заместителя, как лицам, принадлежащим к партии социалистов-революционеров, хотя в то же время не гнушался получать содержание именно от колчаковскаго правительства. Земская управа отказалась иметь своего представителя в заседаниях воинскаго присутствия. Мне это, наконец, надоело. Я пригрозил применением закона о военном положении и приказал своему адъютанту передать председателю управы, что если военно-полевой суд признает состав земской управы виновным и приговорит к расстрелу, то приговор суда будет утвержден и приведен в исполнение.

Земская управа немедленно выдала казенное имущество, делопроизводство и архив, и в качестве члена воинскаго присутствия и члена всех других присутствий от земской управы – прибыл ко мне заместитель председателя управы, член управы, бывший волостной старшина, и потому человек, знакомый с работой присутствий, дельный, но уже напичканный демократизмом донельзя.

Призыв новобранцев, несмотря на все принятыя меры, не удался. Причины выяснить я не мог. Вернее, причин было много, и заключались они, прежде всего, в общем нездоровом положении. Были указания, что толпы новобранцев, направлявшихся в Иман, были встречены на дорогах какими-то лицами и повернуты обратно. Арестовать никого не удалось, точно так же, как и не удалось обнаружить какия-либо воззвания, кроме старых воззваний областной земской управы о неподчинении адмиралу Колчаку.

Итоги призыва по Приморской области выразились так: в Хабаровском уезде призыв прошел вполне хорошо, в Никольском много хуже, в Иманском уезде очень плохо, а в Ольгинском уезде и того хуже. В общем, призыв дал только 30-40 % ожидавшихся новобранцев. Значительно лучше призыв прошел в соседней Амурской области.

Были восстановлены 33, 34, 35 и 36-й Сибирские стрелковые полки, и все наши новобранцы пошли на пополнение этих полков, куда были направлены также и старые офицеры тех же полков Императорскаго времени.

Разбойничьи шайки появились и в Иманском уезде. И появились они из достаточно уже ими ограбленнаго и теперь голодающаго Ольгинскаго уезда, пройдя горы по тому именно перевалу, о

котором я говорил выше. Несмотря на все настояния, генерал Иванов-Ринов не распорядился поставить заставу на этом перевале и на хуторах старообрядцев. Правда, трудно было бы держать связь с этой заставой и ее продовольствовать, и не было достаточно крепко спаянных войск.

Ольгинский уезд – растянутый, бедный и замкнутый уезд: с одной стороны – море, а с другой – непроходимыя горы. Теперь же шайки вышли в богатейшия волости Иманскаго и Никольскаго уездов и вышли на простор – к городам и железным дорогам, имея всегда в тылу тайгу и горы, где можно было легко скрываться от преследования.

Но прежде чем появились шайки из Ольгинскаго уезда, одна шайка образовалась в Иманском уезде, вполне самостоятельно. Какой-то беглый каторжник, Гришка Хромой, на деревянной ноге, перешел из своей в соседнюю волость и там в одной из деревень объявил себя начальством, действующим по приказу из Москвы. Показал какия-то бумажки с печатями. Ему в помощь дали нескольких парней. В следующей деревне Гришка Хромой произвел уже мобилизацию. Ослушаться его уже не смели: непокорным грозил немедленный расстрел рукой самого Гришки. Таким-то образом шайка Гришки Хромого возросла до численности в несколько десятков человек.

Вначале шайка Гришки не была в тягость населению, ибо его парни кормились хлебом, взятым из отцовских закромов. Наоборот, Гришку уважали и относились к нему с почтением, Гришка стал в деревне подлинным начальством, так он дал деревне то, чего не дали мы. Он чинил суд и расправу без всякой волокиты, производил семейные разделы, учреждал опеки, к нему шли все оскорбленные и униженные.

Успех Гришки Хромого был заразителен, и во многих волостях появились подобныя же шайки.

С течением времени Гришка, видимо, решил наградить покорных крестьян, и с этой целью во главе шайки, численностью в 15-20 человек, подошел ночью на подводах к железной дороге и развинтил рельсовыя гайки. Скатившийся под откос товарный поезд был немедленно разграблен, товары были погружены на подводы, и крестьяне той волости, в которой хозяйничал Гришка, получили даром и керосин, и сахар, и муку, и многое другое.

В Имане были расположены две сотни Уссурийских казаков, но именно потому, что это были казаки, я распорядиться ими не мог. Ввиду того, что Калмыков, атаман войска, не признавал правительства и подчеркивал, что казаками могут командовать только казаки, мне приходилось делать вид, что я их не замечаю и даже как будто не знаю об их существовании, хотя и казаки, и Калмыков, и я получали содержание из одного и того же казначейства.

В Спасске была расположена Воздухоплавательная школа, под начальством полковника Старипавлова, и эта школа была единственная войсковая часть, коей я мог располагать. Школа несла большую работу, в особенности впоследствии, когда шайки возросли до тысячнаго состава и намеревались разграбить оживленный и богатый Спасск, но разбрасывать состав школы по всему краю для ловли Хромого Гришки и его последователей было невозможно. Приходилось просить командующаго войсками о присылке войск.

Лишь только появилась первая шайка, для поимки ея была отправлена из Никольска полурота стрелков. Полурота прошла по весеннему бездорожью верст шестьдесят, но шайки не обнаружила. Шайка отходила дальше к горам или, что вернее, пряталась тут же в тайге. Население деревень с любопытством разглядывало стрелков, офицеров и солдат. Солдаты как солдаты: в погонах, вид настоящий солдатский. Принимали стрелков тепло. Полная неразбериха получилась в мужицких головах. Они спрашивали стрелков:

- Кто теперь вместо Царя?

- Адмирал Колчак.

- Стало быть, вы – колчаковцы?

С легкой руки земской управы и большевиков, крестьяне полагали, что колчаковцы – это бандиты, те же хунхузы, только русские. И вдруг они собственными глазами видят колчаковцев! Некоторые из крестьян обратились к офицерам с жалобами и просьбами различнаго рода, каковыя и были переданы затем мне.

Но полурота ушла. Гришка с его шайкой вышел из тайги и снова начал действовать. И, как я уже говорил, подражая ему, подобныя же шайки появились во многих других волостях.

На каждую волость полагалось по два милиционера. Они жили в своих деревнях и по службе были старательны. В конце 1918 и в начале 1919 года весьма многие солдаты, вернувшиеся с войны, просились на службу в милицию. Иногда они являлись с просьбой ко мне, вместо того, чтобы обратиться к начальнику уездной милиции.

Солдат чувствовал, в какую он попадал обстановку, и преображался. На шинель нашивал погоны, подпоясывался и являлся молодец молодцом. Милиция подобралась хорошая, так как выбор был очень большой, и брали на службу почти исключительно унтер-офицеров. Но урядники не были восстановлены, и милиционеры на местах оставались почти без надзора.

С появлением шаек, милиционеры оставались на своих местах. Их никто не трогал. Они по-прежнему несли службу и доносили участковым начальникам о всем происходящем. Но с течением времени милиция стала проникаться взглядом, что красныя шайки – все равно что хунхузския шайки. Они никому не мешают, это дело крестьянское, и трогать их не стоит. Мелькнула мысль: не задобрить ли Хромых Гришек и не привлечь ли их на государственную службу, платить им жалованье? Японцы всегда пользуются услугами хунхузов и приобретают от этого большия выгоды – их тыл и стороны всегда обеспечены и освещены, а в тылу противника, наоборот, всегда беспокойно.

Но я, разумеется, отогнал эту мысль. И приказал милиции всемерно содействовать войсковым частям в их работе по изловлению шаек, служить проводниками, вести наблюдение и т. д. И с течением времени я заметил, что милиционеры, особенно из дальних глухих волостей, стали отказываться от службы, а найти им заместителей становилось все труднее. Должностныя лица различных ведомств стали опасаться проникать в уезд. В то же время из деревень все реже обращались с просьбами о суде, о разборе того или иного дела, о том или ином распоряжении и о помощи. В деревне постепенно устанавливался свой порядок. Но этот порядок, конечно, весьма самобытный и упрощенный, установило не правительство Верховнаго правителя, а разный преступный сброд, объявивший себя начальством.

Собранных новобранцев оказалось недостаточно для пополнения армии, и потому Верховный правитель призвал под ружье на борьбу с большевиками интеллигенцию. Указ этот был сообщен по телеграфу. Составление указа, по-видимому, производилось с большой спешкой. Был указан длинный ряд должностей и занятий, дававших право на освобождение от призыва, но определения слова «интеллигент» дано не было. Бывало, всякий ротный фельдшер и всякий телеграфист считал себя интеллигентом, теперь же даже

учитель высшаго начальнаго училища отрекался от интеллигентности.

Призыв интеллигенции не дал воинским присутствиям много работы. Пришлось наблюдать много смешных и горестных картин, как призванный в присутствие интеллигент убеждал присутствие, что он и не интеллигент вовсе.

Тогда появился новый указ, определявший интеллигентом всякаго, умеющаго читать и писать. Это изменило положение дела. Воинския присутствия заработали. Но вряд ли и тогда армия получила много солдат интеллигентов. Прежде всего, решения воинских присутствий обжаловались. Для разбора этих жалоб была создана весьма громоздкая комиссия. Но и на решения этой комиссии опять поступали жалобы, и тогда была учреждена еще одна комиссия для рассмотрения жалоб, приносимых на первую комиссию. Разбор тянулся месяцами.

А затем стали разбухать учреждения, работающия на оборону, и непомерно увеличиваться списки «незаменимых в тылу работников». Призванные интеллигенты отправлялись на фронт в весьма редких случаях, ибо все как-то устраивались в тылу, оставаясь служить в старых учреждениях или поступая в новыя, спешно учреждаемыя. Так, призванные в армию сотрудники газет оделись в солдатское обмундирование и причислились к осведомительному отделению штаба округа. Они продолжали жить и работать, как жили и работали раньше, но изнашивали солдатские сапоги и получали солдатский паек и солдатское жалованье. Все их военныя обязанности сводились к тому, чтобы давать статьи в осведомительную газету, издаваемую штабом округа. Точно так же и все артисты, призванные в армию, оставались на своих местах и лишь должны были участвовать в зрелищах, устраиваемых тем же осведомительным отделением штаба округа. Тыл был переполнен всевозможными комитетами, комиссиями и отделениями, и во всех этих квартирных комиссиях, комитетах дешевых столовых, комитетах по сбору белья, по разбору жалоб на воинския присутствия, по закупке товаров для армии и т. д. главенствовали те, кому, казалось бы, прежде всего надлежало быть на фронте.

К концу лета 1919 года в Владивостоке было, вероятно, больше военных, чем гражданских лиц, а в начале, сейчас же после объявления указа о призыве интеллигенции, - интеллигенция чрезвычайно боялась призыва, и приходилось устраивать на нее облавы. Отряды

стрелков и юнкеров перегораживали улицу и требовали у прохожих предъявления удостоверений о выполнении воинской повинности. Таким путем было набрано тоже мало солдат. Тут же на улице всех задержанных сажали на грузовые автомобили и отвозили в казармы воинскаго начальника, а через несколько дней они уже лихо маршировали по улицам, распевая песни о соловье-пташечке. А еще через некоторое время почти все они рассасывались по учреждениям, созданным для обороны...

Стараниями полковника Сахарова, впоследствии главнокомандующаго, в Владивостоке, на английския деньги было учреждено военное училище. В училище, кроме рот юнкерских, были еще роты и офицерския, для офицеров производства военнаго времени. Командиром батальона был полковник Плешков, сын известнаго командира 1-го Сибирскаго корпуса. Училище производило отличное впечатление, а офицеры военнаго времени, несомненно, нуждались после революционной расхлябанности в дополнительной подготовке.

Иванов-Ринов сообщил своим ближайшим помощникам, что его главнейшая цель – это приведение в порядок атаманов. И действительно, через некоторое время, а именно спустя несколько месяцев после того, как Семенов объявил о своем неподчинении Верховному правителю, было объявлено, что оба атамана подчинились, и один из них, именно Калмыков, даже отправляется на фронт.

Сообщение о Калмыкове было встречено с большим недоверием, так как отъезд Калмыкова означал потерю им его положения. И действительно, Калмыков и сам не тронулся на фронт, и не отправил туда свои войсковыя части – шесть сотен и две батареи – все силы Уссурийскаго войска.

Было ясно, что Семенов за свое подчинение что-то выговорил лично для себя, но что именно – долго было неизвестно. (В книге Гинса «Сибирь, союзники и Колчак» приведено целиком соглашение Семенова с правительством). Но населению стало известно, что Семенов получил чин генерал-маиора, Забайкальская область была выделена в особый военный округ, а командующим этим округом назначен тот же Семенов. И население расценило подобное подчинение Семенова как его победу.

Слово «атаманщина» стало общим и распространенным. Им определялось всякое самовластие, злоупотребление властью и про-

извол. Наличие атаманщины доказывало, что правительство Верховнаго правителя не так сильно, как надо. Опыт атаманов показал далее, что можно дерзать на все. Именно после победы Семенова стали как-то болезненно заметными проявления атаманщины. На фронте обнаружилось самовластие и непокорность Гайды, потом бунт Гайды в Владивостоке, непокорность и ослушание Верховному правителю генерала Розанова в Владивостоке и т. д. Я лично считаю, что начало развала нашего дела в Сибири было положено атаманом Семеновым.

Семенов и его приближенные усердно распространяли мнение, что они неуязвимы, благодаря поддержке японцев. Это мнение вольно или невольно подтверждалось действительностью на каждом шагу. Адмирал Тонака, представитель Японии при Верховном правителе, впоследствии председатель совета министров, приобретший известность как ярый поборник захватнических действий Японии в Китае, в Маньчжурии и Монголии, намекал в то время в Омске на необходимость соглашения с Семеновым и даже справлялся, не будет ли Семенов произведен в генеральский чин.

Весь Восток относится к Японии в высшей степени подозрительно, поддержка же японцами атаманов в то время, как Верховный правитель определил атаманов, как не признающих закона и власти, утверждало нас, русских, в мысли, что Япония явно стремилась помешать возрождению русских военных сил и что атаманщина благоприятствует скрытым намерениям Японии и потому ею и поддерживается.

Управляющий областью И. И. Циммерман оставил свой пост в апреле. Подавая прошение об отставке, он предложил мне занять его место, выражая уверенность, что Верховный правитель согласится на мое назначение. Старшие чины областного управления уже поздравляли меня, младшие были приветливо любезны. Но я попросил И. И. откровенно высказать мне причины, побуждающия его к уходу.

Оказалось, что И. И. Циммерман не поладил с помощником Верховнаго уполномоченнаго по гражданской части Глухаревым. Глухарев был до революции военным прокурором в одной из армий. Генерал Алексеев, еще в начале 1918 года, завязывая сношения с Дальним Востоком, отправил Глухарева к Хорвату, и Глухарев так понравился последнему, что сделался его помощником по гражданской части. В

законе не было указаний о взаимоотношениях управляющаго областью с помощником Верховнаго уполномоченнаго. Руководствуясь точным указанием положения о правительственных комиссарах и считая себя, на основании этого закона, оком правительства, И. И. Циммерман сносился с правительством непосредственно, а Глухарев требовал подчинения себе.

Вследствие этого, отношения создались невыносимыя. Помимо этого, Циммерману было трудно ладить с разнаго рода начальством военным. В сущности, управляющий областью не был хозяином в вверенной ему области, и терпеть такое положение Циммерман не мог. Для меня стало ясно, что, будучи в сравнительно невысоком военном чине, я не буду иметь веса в глазах именно военных, приобретших за время войны и революции склонность к своеволию, и что всякого рода осложнений при мне будет еще больше.

Поэтому я отказался от предложения Циммермана.

Управляющим областью был назначен бывший Тургайский губернатор Эверсман, человек пожилой и уставший.

Генерал Иванов-Ринов был внезапно уволен от занимаемой должности командующаго войсками, занимая ее всего около трех месяцев, но заместителя ему не прислали. В исполнение обязанностей командующаго войсками вступил начальник штаба округа генерал Соколов, который, по-видимому, был совершенно равнодушен ко всему происходящему и был вечно погружен в какия-то собственныя думы.

Красныя шайки тем временем росли и в числе, и в численности состава. Ольгинский уезд, ограбленный дочиста, был ими оставлен в покое, и шайки перекочевали в богатейшия волости южной части Иманскаго уезда и северной – Никольскаго. И если население спокойно и, пожалуй, радушно принимало, питало и берегло небольшия шайки разных Гришек, то теперь оно застонало под игом шаек, достигавших тысячнаго состава.

Шайки, действуя именем советской власти, забирали всю молодежь, кормились на счет населения и для своих передвижений широко пользовались крестьянскими подводами, не считаясь ни с каким страдным временем. Населению стало столь тяжко, что оно просило помощи у власти, не разбираясь уже, колчаковская она или нет. Сами крестьяне помогали теперь войскам, и если были достигнуты некоторые успехи в истреблении шаек, то только благодаря

местному населению. Так благодаря указаниям крестьян был пойман известный красный разбойник Шевченко, брат другого известнаго Шевченко, прапорщика из вахмистров, который тоже был начальником красной шайки.

Наступило снова благоприятное время привлечь к себе крестьянское население. Но для этого были нужны действия быстрыя, решительныя и умелыя. Между тем, штаб округа обычно предварительно запрашивал, какой численности шайка орудует в такой-то волости, и затем делал расчет: на каждую тысячу красных назначал полуроту. Полурота прибывала из Никольска обычно плохо снабженная и не приспособленная к долгому походу. Красныя шайки немедленно отходили, не вступая в бой с полуротой. Полурота, пройдя верст 20-30, голодная, уставшая, возвращалась и доносила, что никаких шаек не обнаружила. Можно было бы подумать со стороны, что красныя шайки – просто фантазия досужих людей, если бы не обязательная порча железной дороги, ежедневно, одновременно в разных местах, на всем протяжении от Владивостока до Хабаровска.

Вся тяжесть борьбы с красными шайками легла на молодыя, только что созданныя части, еще совершенно не втянувшияся в службу. Из более старых частей в Приморье была только одна рота, присланная с далекаго фронта и составленная из рабочих уральских заводов – ярых врагов большевиков. Она больше всего и работала, все время перебрасываясь из одного края области в другой. Затем весьма усердную службу нес конно-егерский полк, под командою полковника Враштила, составленный наполовину из добровольцев.

Какой-то рок тяготел над нами. К шайкам прибыли советские комиссары и дали шайкам некое подобие воинскаго устройства, а также идею: шайки боролись по приказанию народной власти, находящейся в Москве, с насильниками колчаковцами. Красные устроили базу в селе Анучино, расположенном в широкой долине, покрытой лесом, в 85 верстах от Никольска, и укрепили это село. Я полагал необходимым широкое окружение шаек и загон их в село Анучино. Войск для этого хватило бы. Шайки, даже рассыпавшись по тайге, направлялись бы к Анучину, так как тысячи людей в лесу без продовольствия провести много времени не могут. Но выполнить этот план я не мог, так как, во-первых, у меня не было войск, а во-вторых, Анучино находилось не в моем уезде.

Штаб округа, в лице нескольких молодых офицеров генеральнаго штаба, упорно пытался всем руководить непосредственно и ис-

кать открытаго боя. Затем, мое положение уполномоченнаго было неопределенное и для многих непонятное. Мой сосед, уполномоченный по Никольскому уезду, действовал, стесняясь этого сугубо мирнаго звания, просто, как начальник дивизии, вызывая, в свою очередь, недоумение среди гражданских властей, почему начальник дивизии вторгается в гражданския дела?

Я же был в обратном положении. Начальники частей дивизии, прибывая в мое распоряжение, стеснялись мне подчиняться, как молодому подполковнику и лицу, состоящему на гражданской службе.

Подобная борьба с разбойничьими шайками не вселяла в населении доверия к нам. Населению казалось, что красныя шайки сильнее нас, а вывод, вытекающий из такого умонастроения, - ясен.

Я пробыл в должности уполномоченнаго по охране до августа месяца, и за это время только раз какая-то красная шайка, застигнутая врасплох, вступила в бой с полуротой стрелков. Превосходя полуроту в численности раз в десять, шайка не выдержала огня и бежала, оставив убитых. В другой раз какая-то шайка была обнаружена на работе – развинчивала гайки рельс, готовя крушение поезда. При этом деле были схвачены члены шайки в числе, кажется, одиннадцати человек.

Военно-полевой суд приговорил их к расстрелу. Прежде чем утвердить приговор, я пожелал видеть приговоренных. Предо мною оказались деревенские парни, на вид лет 15-20, глупые, невежественные, неграмотные. Они тупо смотрели куда-то в пространство, ошеломленные всем случившимся. У меня не поднялась рука оборвать их молодую жизнь. Все захваченные парни были призывного возраста, и я приказал отправить их в Амурскую область, в распоряжение благовещенскаго воинскаго начальника, для зачисления в войска.

Еще раз я не утвердил приговора военно-полевого суда по следующему случаю. В Имане, возле вагонов, занятых под постой батальона стрелков, стрелками же был задержан иманский мещанин, сапожник по ремеслу, Краснобай, проповедовавший стрелкам необходимость перебить всех офицеров. Военно-полевой суд в тот же день приговорил его к расстрелу. Но к дверям моего дома пришла жена Краснобая, с кучей ребятишек, мал мала меньше. Плакала несчастная женщина, ребятишки бессмысленными глазами смотрели на меня, прижимаясь к матери. Кто их кормить будет, рыдала женщина. В течение целых суток я не имел душевнаго покоя.

Обходя тюрьму, я зашел в камеру Краснобая. Краснобай бросился в ноги. Дрянной, грязный, вечно пьяный, с взлохмаченной бородой. Он умолял, плакал, клялся, что сделал преступление по темноте своей.

Я пощадил его ради его детей. Впоследствии Краснобай был советским комиссаром, и на его совести лежит очень много осиротевших детей.

Безуспешная борьба наша с шайками привела последних к решению напасть на большую железнодорожную станцию Мучная, возле которой находилась военная мельница. И мельница, и станция были разгромлены, а кстати был обстрелян и почтовый поезд, подошедший к станции во время ея разгрома. Было убито и ранено свыше 30 ни в чем не повинных людей.

Охранять железную дорогу становилось все труднее. Не проходило ночи, чтобы где-нибудь не был бы испорчен путь: сожжен мост или развинчены гайки. Сами по себе повреждения пути не были значительны и быстро исправлялись, но докучали оне сильно. Поставить часовых на каждый мостик мы не могли. И поэтому союзное командование взялось за охрану наших железных дорог.

Распоряжения по этому поводу были даны Верховным правителем, а союзное командование, принимая дороги для охраны, еще раз торжественно сообщило населению Сибири и, пожалуй, целому миру, что союзныя войска пребывают в пределах России с исключительной целью охраны передвижений чехов к портам.

Эта охрана чехов чуть ли не всеми державами мира вызывала всеобщия насмешки. Как будто они сами не могли себя охранять.

И в самом деле, чехи не имели воинскаго вида. Пополневшие, округлившиеся на русских хлебах, на сибирском масле, чехи имели вид добродушных, туповатых пивоваров, чего угодно, но только не солдат. Кстати, и генералы их были удивительными генералами: например, Чечек, австрийский прапорщик, был до войны представителем одной автомобильной фирмы, чешский главнокомандующий Сыровой, еще за год до генеральских погон, был тоже прапорщиком.

По моим наблюдениям и выводам многих, живших с чехами бок о бок, чехи уже не обладают мужеством, героизмом души, способностью к подвигу; все это им как будто незнакомо и чуждо, они вечно погружены в расчеты и размышления о выгодах.

Чехов не любили. Но сказать «не любили» - мало. Трудно передать чувство русских к чехам. Разочарование, досада на самих себя и презрение к «братьям» переплетались в этом чувстве. Любопытно было наблюдать отношения иностранцев к чехам. Англичане их сторонились, как, впрочем, сторонились всех. Французы смотрели на чехов с покровительственным высокомерием и как будто проверяя самих себя: выгодную ли сделку они сделали, приобретя таких друзей, а чехи на каждом шагу подчеркивали, что французы и они – совсем одно и то же. Было смешно.

И поэтому я лично был очень удовлетворен, когда за охрану Уссурийской железной дороги, на помощь нам, взялись не чехи, а японцы и американцы.

Путешествие чехов по Сибири, как я уже упоминал, охраняли почти все державы мира. Здесь были и сербы, и румыны, и итальянцы, и поляки, и французы, и англичане, и канадцы, и даже китайцы, и анамиты. Но все эти иностранныя части были весьма незначительны и тонули в количестве американских и, особенно, японских войск.

Японцы высадили четыре дивизии. (Японская дивизия равна, приблизительно, нашему старому корпусу и насчитывает до 50 тысяч человек). Этих войск было, пожалуй, вполне достаточно для уничтожения всех большевицких армий и занятия Москвы, так как большевицкия армии 1919 года не обладали ни стойкостью, ни упорством. Японския же войска дошли только до Иркутска.

Значительно меньше, всего, кажется, около 10 тысяч, было американцев, и занимали они, преимущественно, только Приморскую область.

Японцы приучались к нашим морозам: одетые в полушубки из длинношерстаго козьяго меха, они обучались даже стрельбе на морозе. Внутренняя служба неслась японцами крайне строго. Японский солдат всюду: и в казарме, и на улице, и даже в веселом доме – чувствовал себя солдатом и не распускался.

Совсем не то было у американцев. В местах расположения американских войск был сплошной разгул и днем, и ночью. В Спасске одна из казарм была приспособлена американцами под тюрьму или арестный дом для своих солдат. Арестованные жили припеваючи, играли в карты день и ночь, бросали кости, распевали негритянския песни и имели вволю женщин и вина. Наиболее частым проступком

арестованных была продажа своего вооружения, преимущественно револьверов Кольта, скупавшихся китайцами. Американские солдаты бродили толпами, и одним из любимых ими удовольствий было – сбрасывание впереди идущих китайцев ударом ноги под спину. Китаец падал, кричал, ругался, а американцы от души смеялись. У американцев была своя полиция, но и наша имела немало возни с ними.

Но при всем том, американский солдат, несомненно, явится на войне сильным противником. Американец – не чех. Американец преисполнен сознания своего превосходства и силы и с этим сознанием не легко расстанется. Плохо обученный, без прошлаго, американский солдат в грядущей войне будет драться стойко, хладнокровно, стиснув зубы. Не возьмет он врага искусством – возьмет измором. Американский флот несравненно выше сухопутной армии. Впоследствии, в бытность мою председателем Народнаго собрания, мне пришлось побывать на американском крейсере, прибывшем в Владивосток. Любезный командир показал мне некоторыя упражнения матросов, но и без этих упражнений я глазом стараго военнаго увидел многое. Видна была дисциплина, и служба неслась строго.

Из остальных иностранных войск в Сибири, англичане выделялись своею внешностью и обычным сознанием своего достоинства. Все их желания исполнялись беспрекословно. Генерал Нокс сумел убедить, что Англия самый искренний наш друг. В каждом скором поезде был отведен вагон исключительно для англичан, на всех крупных станциях были английские коменданты. Англичане держали себя так, как будто они были в своей колонии. От нас сторонились, но были вежливы. Французов было очень мало, хотя французский генерал Жанен считался главнокомандующим всех союзных войск. Когда он в конце осени 1918 г. прибыл в Владивосток, его встречали чуть ли не по-царски, русские, конечно. Ему было оказано внимание и радушие до предела, до забвения собственнаго достоинства. Проливали вино и речи говорили в изобилии. Как кажется, Жанен добивался быть главнокомандующим и над русскими войсками, но был обрезан Колчаком. Выдав адм. Колчака, в конце того же года, руками чешскаго генерала Сырового, в руки социалистов-революционеров и большевиков, Жанен незаметно выехал во Францию. Французов не любили и с ними ссорились.

Хмурые, нелюдимые сербы были скромны. Итальянцы оставили после себя, пожалуй, наилучшия воспоминания, с ними легко сходились и дружили. Над робкими румынами посмеивались.

Поляки тоже охраняли чехов, причем им пришлось охранять «братиков» на деле, а не на словах. Как известно, именно польская дивизия шла в ужасные морозы в конном строю сзади поездов, переполненных чехами. Сдерживая натиск красных, польская дивизия погибла полностью, заодно с польскими женщинами и детьми, поезд с которыми чехи держали последним в длинной ленте поездов, спешивших на восток. Поезд этот был захвачен красными.

На Дальнем Востоке и в Сибири было много поляков. Они служили на русской службе офицерами, судьями, врачами, инженерами, лесничими. Жили хорошо, и вряд ли они охотно покидали весною 1919 года насиженныя места, выезжая в Польшу. Впрочем, уезжала больше чиновная братия, а торговопромышленники покуда оставались. Уезжали и русские из западных губерний. Звали и меня, как уроженца Вильны. Прощались тепло и расставались друзьями.

Отношение японцев к русским властям и населению было скорее грубое. Торчащие повсюду японские жандармы, японские флаги, рассованные повсюду кстати и некстати, обилие японских войск без видимой и ясной цели и т. д. не настраивали русских на благожелательное отношение к японцам. Раны русско-японской войны не были еще залечены.

Думаю, впрочем, что грубость эта была грубостью природной, азиатской, а не злобной, не проистекающей из чванливаго превосходства, а потому простительной. Наоборот, японцы, как все азиаты, чувствовали превосходство наше, как европейцев. Рядовые японские офицеры как будто были искренно и дружелюбно расположены к нам и гордились, что помогают России. Японские правящие верхи колебались в русском вопросе, в зависимости от положения дел у русских. Японцы вначале как будто бы сознавали необходимость дружбы с Россией, ввиду натянутости своих отношений с англосаксdefinitions ским миром.

Но установлению дружеских отношений с Японией и даже взаимному пониманию, вероятно, больше всего мешал сам адмирал Колчак и его министр иностранных дел Сукин, по всякому поводу подчеркивая свое расположение к американцам и, одновременно, полупренебрежительное, полуподозрительное отношение к Японии. Отсюда, вероятно, и вытекало явное внимание японцев к Семенову, истинную сущность котораго они не могли не знать. Отсюда же вытекало и недовольство русских правых кругов внешней политикой

Верховнаго правителя Колчака. Эти круги, разочарованные в союзниках и убежденные в коварстве Англии, согласились бы на дружбу с Японией и даже, вероятно, поступились бы кое-чем в пользу Японии, за ея помощь России.

Когда я наблюдал жизнь японскаго населения, а таковового в крае, главным образом, в городах, было в виде мелких лавочников и ремесленников немало, мне всегда казалось, что японцы были заняты мыслью о захвате наших областей Дальняго Востока. А почти открытая враждебность в отношении Верховнаго правителя и такая же открытая поддержка атаманов лишь утверждала мое мнение о скрытых замыслах японцев.

Японцы тщательно изучали край. Не только все форты и батареи Владивостокской крепости были ими изучены в совершенстве, но и все места квартирования наших войск, и все пути сообщения в крае. Однажды возле моего дома в Имане остановилось несколько повозок с японскими жандармами. Некоторые из японцев зашли ко мне, пожимали руки, кланялись, улыбались, и я понял, что японцы передо мною отнюдь не все – жандармы. Из повозок торчали ящики с научными приборами. Японцы заявили, что они едут в село Ракитное (самое отдаленное село в предгорьях Сихота-Алинь) посмотреть, нет ли там большевиков. Я предложил им взять с собой чинов милиции, но японцы замахали руками и поскорее уселись в повозки.

Однажды японский полк совершал поход из Хабаровска в Никольск походным порядком по проселочным дорогам, забирая возможно дальше вглубь страны от железной дороги. Командир полка объяснил мне, что он имеет приказание очистить местность от большевиков. Милиция мне потом донесла, что японский полк никаких большевиков и не искал, а просто двигался, изучая местность и дороги. Японские солдаты по деревням сплошь насиловали русских женщин, впрочем, это, как кажется, у японцев не считается преступлением.

Уссурийская железная дорога была разбита на участки, одни из этих участков достались для охраны японцам, другие американцам. Японцы несли службу охраны ревностно. Часовые на мостах были действительно часовыми, и порча пути на участках, занятых японцами, - прекратилась, чего нельзя было сказать об участках, охранявшихся американцами.

То была пора Вильсона, который, как известно, приветствовал советскую власть, а подобное поведение Вильсона определяло и поведение американских представителей американской армии в наших пределах. Американские представители явно оказывали знаки внимания земской управе, разнаго рода социалистам и даже большевикам. Непринятие мер пресечения пагубной деятельности земской управы объяснялось именно опасением вмешательства американцев. В большевицких воззваниях, появившихся летом 1919 года, объявлялось, что Америка дружна с советами, что американцы поддерживают большевиков и снабжают их оружием и т. д.

И население, действительно, наяву видело признаки американскаго внимания к большевикам. Какой-то американский капитан возил каких-то большевицких представителей с Сучанских копей для переговоров с Хорватом. Население на каждом шагу видело явное пренебрежение и чванливую грубость американцев по отношению к русским властям и не могло объяснить причины такого отношения иначе, как враждебностью к России. Русския войска были враждебны американским. Американцев раздражало внимание русских к японцам, русские это внимание назло американцам подчеркивали. Дело иногда доходило до того, что русския и американския части, вызванныя в ружье, выстраивались друг против друга, готовыя броситься в штыки. Такие случаи произошли в Спасске весной 1919 года и в Имане осенью того же года. Но должен отметить, что всякий раз американцы, не доводя дело до кровопролития, успокаивались и уступали. Значительная часть вины за столь неестественныя взаимоотношения русских и американцев, несомненно, лежала на представителе Америки Моррис и генерале Гревс, смотревших на русскую жизнь почему-то через социал-революционные партийные очки.

Большим злом являлись и американские переводчики, сплошь евреи, дети выходцев из России; переводчики эти служили посредниками для американских солдат при покупке вина и женщин и при столкновениях с русской полицией. Хуже было, однако, то, что переводчики эти, весьма слабо зная русский язык, служили в то же время и осведомителями американскаго начальства о русской жизни, переводили им русския газеты, т. е. переводили, что хотели и как хотели.

Красныя шайки были так уверены в благожелательном к ним отношении американцев, что однажды совершенно спокойно пришли на станцию Зеньковка, с целью разрушить путь. Американский

караул, однако, воспрепятствовал шайке. Тогда обозленная шайка захватила с собой двух американских солдат и увела в тайгу. Пленники были раздеты и на ночь были привязаны к деревьям на съедение комарам. После этого случая, американцы стали нести службу значительно ревностнее.

*(**От редакции:** Полковник Николай Александрович Андрушкевич кончил I Московский кадетский корпус и Александровское военное училище в Москве. После недолгой военной службы, пройдя через Юридический факультет Петербургского университета, служил Земским начальником в Минской губернии. Во время Первой Мировой войны находился в строю, на немецком фронте, где был четыре раза ранен. После революции, не признав Брест-Литовского сепаратного мира, перешел в Финляндию, где был принят в Мессопотамский экспедиционный корпус Английской армии. Сразу после окончания Первой Мировой войны попал во Владивосток, где стал Правительственным комиссаром Иманского уезда, потом Уполномоченным по охране Государственного порядка в Уссурийском крае, Председателем совета второго съезда несоциалистического населения Дальнего Востока, Председателем городской думы города Владивостока и Председателем Народного собрания. С 1922 по 1924 год был преподавателем правоведения в Хабаровском Графа Муравьева-Амурского Кадетском Корпусе, в составе каковото прибыл в декабре 1924 года в Югославию. Публикуемая выше глава II из его неизданной книги «Последняя Россия» является продолжением главы I, опубликованной в № 75 «Кадетской переклички».*

Генерал-лейтенант А. В. фон Шварц

РАССКАЗЫ О ЖИЗНИ ЗАГРАНИЦЕЙ

Мысли и встречи

На каком-то итальянском пароходе мы с женою выехали из Константинополя в Италию. Мраморное море, Дарданеллы, Эгейское море, Афины с Акрополем и другими памятниками древности, затем Коринфский канал и Ионическое море – все прошло, как в тумане…

Больной и морально измученный, я ничем не интересовался, нигде не сходил на берег и не сохранил об этом путешествии воспоминаний.

Наконец Торенто, где мы оставили пароход и решили, прежде чем направиться в Пельи, цель нашей поездки в Италию, посетить прежде всего Бари, чтобы поклониться мощам Св. Николая Чудотворца, там почивающим. Так и сделали. Помню, что прибыли в Бари перед вечером. Кажется, что отель, в котором мы остановились, назывался «Кавур», и помню отлично, что в отведенном нам номере был балкон.

Войдя в комнату, я прошел прямо на балкон и был поражен необычайным зрелищем. Улица вся была залита электрическим светом, и в этот именно момент из соседнего храма выходила духовная процессия: несли хоругви, кресты и статуи, за которыми следовало духовенство, все в белых ризах и со свечами в руках. Процессия медленно двигалась в сторону нашего отеля и прошла мимо так близко, что я с балкона отлично ее наблюдал и слышал пение. На душе стало как-то спокойнее…

На другой день мы посетили храм Св. Николая и приложились к раке Чудотворца. Мощи Угодника почивают в склепе под первым этажом, и чтобы видеть их, нужно было лечь на пол и наблюдать через круглое большое отверстие в полу. Там мы узнали, что в Бари живет православный священник в качестве главы духовной православной миссии, существующей здесь с давних пор. Мы сейчас же стали разыскивать и посетили его. Отец Василий Кулаков оказал-

ся прекрасным священником, истинным служителем Божиим. Мы много беседовали с ним, слушая с интересом его рассказы о жизни в Бари. Несмотря на революцию, создавшую новую обстановку, он не хотел покидать Бари. «Господь направил меня сюда, - говорил он, - и я останусь тут». Несмотря на то, что наше знакомство было слишком кратковременным, я сохранил о нем наилучшие воспоминания.

Уже несколько успокоенный душевно беседами с отцом Василием, я выехал в Неаполь и затем в Рим, потому что нельзя же быть в Италии и не посетить Неаполя и Рима. Однако, болезненное состояние помешало поездке на Везувий и визиту в Помпею.

Рим произвел впечатление более сильное, чем Неаполь, побывали в Ватикане, на Форуме и на развалинах Колизея и любовались прочими памятниками.

Из Рима скорым поездом в Геную, и, не останавливаясь там, прямо в Пельи на нашу милую «Вилла Дория».

Вместе с нами выехал из Константинополя и путешествовал мой старый друг и незабвенный товарищ, полковник Сергей Филиппович Собин, прекрасный человек, старый холостяк, очень честный и прямой. Сергей Филиппович был связан со мной дружбой со школьной скамьи инженерного Училища. Его сестра Лидия Филипповна была замужем за А. Ф. Марксом, известным издателем «Нивы»; он был много старше жены и ревновал ее даже к родному брату: не позволял ей гулять с братом по Невскому. Он говорил жене: «Ведь на лбу его не написано, что он твой брат». Маркс был большой русский патриот, принесший стране нашей много добра его прекрасными изданиями «Нивы» и давая в приложении к ней полные собрания сочинений русских классических и других писателей, поэтов и художников. В то время в России было мало семейств, в которых не было бы «Нивы».

В Пельи, в полном спокойствии и абсолютной тишине старого дворца «Дория» и заглохшего векового парка, окруженный заботами жены и славных старушек сеньорин Торре, я стал приходить в себя, здоровье мое начало восстанавливаться.

В Генуе посетил русского генерального консула г. Пустошкина.

При Консульстве была небольшая библиотека русских книг и журналов. Прогулки в парке Дория и чтение заполняли день.

Так прошел месяц, и я уже настолько окреп, что мог предпринять поездку в Париж. Торопился и не хотел откладывать эту поездку, чтобы поскорей представиться Русской Делегации, там заседавшей.

В Париже я сейчас же занялся делами, которые я считал спешными и неотложными, т. е. визитами к председателю и членам Русской Делегации.

Вскоре, однако, я убедился, что мне нечего ждать помощи от Русской Делегации, и тогда мы с женой решили вернуться в Пельи, где жизнь была дешевле и спокойнее. С. Ф. Собин остался в Париже, а мы с женой вернулись в Пельи, снова на виллу Дория.

Здесь я занялся составлением моих воспоминаний об обороне Ивангорода. Все детали обороны были тогда еще вполне ясно сохранившимися в памяти, и поэтому описание всех обстоятельств обороны вышло и полным, и вполне точным.

Мы прожили в вилла Дория несколько месяцев, в том самом помещении, где жили раньше, и где некогда, лет сорок назад, жил известный русский писатель Болеслав Маркевич, написавший здесь свой известный роман «Четверть века назад».

Однако мы все же должны были покинуть виллу Дория и переселиться снова в Париж. Причиной этого была необходимость найти какую-либо работу и зарабатывать, так как наши небольшие средства неуклонно приближались к окончанию.

В Париже я встретил генерала Носкова, с которым встречался во время войны в Ставке Верховного, где он, тогда еще полковник, служил в отделе контр-разведочной службы.

Чтобы удешевить нашу жизнь, мы поселились не в гостинице, а сняли квартиру на улице Бассано в том доме, где жил генерал Носков. Однако найти работу для меня было нелегко, так как в Париже после демобилизации было много уволенных офицеров, и все они тоже искали заработка. Мои друзья, французские генералы, старались во всю, чтобы найти мне заработок, но, по их мнению, работа должна была соответствовать мне, и маленькое место они не решались предложить (хотя я с удовольствием взял бы его). Так создалось довольно затруднительное положение. Тогда жена, видя, что мне не удается найти постоянный заработок, решила сама взяться за работу. Она обладала большим талантом к рисованию и большим художественным вкусом, что, в связи с умением шить, вязать и вышивать, и навело ее на мысль заняться вышивками и шитьем платьев и других вещей. Не помню, какой именно случай свел ее с одной американкой, мадам Фулер, оказавшейся удивительно сердечной и, вместе с тем, поразительно тактичной женщиной: она немедленно стала доставлять жене заказы от ее соотечественниц,

богатых американок, и жена стала вышивать, кроить, шить и примерять.

Я очень страдал морально, видя жену, просиживавшую дни и ночи за иглой и, особенно, стоящей перед заказчицей с булавками и с сантиметром в руках.

Чтобы хоть несколько облегчить ей этот труд, я готов был исполнять роль слуги, таща за ней пакет с заказами, когда она отправлялась на примерку, но она этого не допускала, а дабы еще удешевить нашу жизнь, мы переехали на Saint Germain en Lay, где дешево наняли домик на 2 rue des Echyers.

Здесь я закончил мои воспоминания об обороне Ивангорода на русском языке. Генерал Hellot находил, что книга эта должна стать известной французским инженерам и офицерам, и вместе с тем он, по-видимому, хотел помочь мне, и поэтому представил в Штаб Армии свое мнение о необходимости издать эту книгу за счет Штаба. Предложение было принято, и книга была взята для издания фирмой Berger-Levrault, уже издавшей мои предшествующие сочинения.

Я получил от фирмы несколько тысяч франков, из которых половину или какую-то часть уплатил Федору Ивановичу Гучкову, двоюродному брату Александра Ивановича Гучкова, сделавшему французский перевод.

Таким деликатным манером французские военные поддержали меня.

Я часто посещал генерала Hellot в его служебном кабинете на улице Гренель 39, где мы много беседовали на фортификационные темы. Однажды он предложил мне посетить Метц, чтобы ознакомиться со знаменитыми «Feste», сооруженными немцами. Я с радостью принял это предложение. Hellot выхлопотал даровой проезд и назначил одного инженерного полковника, чтобы сопровождать меня. В Метце я увидел много интересного и мало мне известного, а также некоторые вещи, подтверждавшие мои идеи относительно будущих форм долговременной фортификации, уже начавшие формироваться.

Между тем, в русских беженских кругах мое пребывание в Париже стало известным, и постепенно установилась связь с разными лицами, главным образом, правого направления.

Более близкая связь установилась у меня с Иосифом Григорьевичем Лорис-Меликовым, бывшим во время войны русским посланником в Сиаме, племянником генерала графа Лорис-Меликова

знаменитого. Мы много размышляли о положении в России, и оба считали необходимым еще раз попытаться освободить ее от большевизма. В этих беседах принимал участие и генерал Безобразов, бывший командир Гвардейского корпуса. Мы пришли к мысли, что наилучшим способом было бы сформирование большой армии из русских пленных, в большом количестве находившихся в Германии. Мне было предложено взять на себя командование будущей армией, на что я согласился.

Однако наших рассуждений было мало, нужно было согласие на это французского и немецкого правительства. Пока велись переговоры с французским Министерством иностранных дел, в газетах стали появляться сообщения о некотором сближении, начавшемся между немецким и советским правительствами, а вскоре это подтвердилось и сделало нашу идею получить согласие немецкого правительства совершенно невыполнимой.

В этот период я узнал близко и очень сошелся с генералом Палициным. Я знал его еще в Петербурге в мирное время, когда он состоял в высокой должности Начальника Главного Управления Генерального Штаба, и во время войны в штабе генерала Алексеева на Западном фронте и на Кавказе при штабе Наместника; и там, и там он играл уже второстепенную роль, но мне он всегда казался и более способным, и более умным, чем его начальники на фронтах.

Однако это знакомство было только официальное, теперь же в Париже я имел случай узнать его, как человека. Нужно заметить, что незадолго до революции он был послан в Париж в качестве представителя Государя Императора при Высшем Французском Командовании, а после крушения власти остался в Париже.

Когда генерал Деникин учредил там свое представительство, то назначил в качестве своего представителя генерала Щербачева. Этот генерал имел громадный штаб, и назначил генерала Палицина начальником одного отделения штаба, чтобы дать ему средства к жизни. Однако средства эти были, по-видимому, очень незначительны, и генерал Палицин с женой должны были поселиться в Булонь-сюр-Сен, откуда старик и являлся ежедневно на службу в штаб.

Пока генерал Деникин платил жалованье аккуратно, все шло нормально. Однако однажды пришло сообщение, что высылка денег уменьшается, тогда генерал Щербачев приказал начальникам отделений сократить жалованье их подчиненным. Все так и сделали, за

исключением Палицина, который не уменьшил, а сохранил жалованье подчиненным, за счет своего собственного.

С этого момента его существование стало очень трудным. Однажды я поехал навестить его в Булони и встретил его невдалеке от его дома, он шел с судками в руках и, увидев меня, сказал: «Идите в дом – жена дома, а я сейчас вернусь, вот только возьму для жены немного дарового супа, что раздается там бесплатно».

Вот какова была жизнь бывшего начальника Главного Управления Русского Генерального Штаба и представителя Его Величества в Союзной Армии. Почтенный старик предпочитал страдать сам, чем обездолить своих подчиненных: не знаю другого подобного случая.

Одновременно с генералом Палициным нас посещал еще другой старый русский государственный деятель: член Государственного Совета Владимир Иосифович Гурко. Он с женой и дочерью Варварой Владимировной жили тоже в большой нужде: сам Владимир Иосифович писал статьи в «Возрождении», а его супруга и дочь шили, вышивали, и на это жили кое-как. Однажды я шел с Гурко, и когда проходили мимо одного шикарного особняка, он, указывая на него, сказал: «Вот тут живут родственники жены; когда мы жили в достатке, в России, они всегда проводили лето у нас в деревне, ну а теперь не знаются с нами».

Тогда же я познакомился с писателями Куприным и Буниным. Впечатление, произведенное первым, было гораздо более приятное, чем от второго.

Между тем, здоровье мое стало снова ухудшаться, пришлось отправиться в госпиталь.

Как только встал, сейчас же взялся за перо и начал новый большой труд о применении фортификации для обороны государства. Написал его по-русски, закончил уже в Аргентине, и там же сам перевел его на испанский и издал в 1925 году.

Часто навещал меня мой старый друг Сергей Филиппович Собин, также любивший фортификацию, и мы вместе обсуждали и создавали новые формы укреплений в соответствии с прогрессом оружия и современной тактики.

В свободное время я любил гулять по знаменитому Сен-Жерменскому парку, и тогда у меня уже окончательно укрепилась идея необходимости полной маскировки укрепленных позиций при помощи древесных насаждений. В громадном старом парке эта идея окончательно созрела, и впоследствии она выражена в моей книге:

«Прошлое и настоящее долговременной фортификации и ее применение для обороны государства».

В экономическом отношении мы жили в это время на средства, добываемые моей женой шитьем платьев для американских и французских дам. Все мне не удавалось достать постоянную работу, и я был очень озабочен и обеспокоен этим. Постепенно укреплялась мысль, что трудно найти постоянный хороший заработок в Париже, что необходимо для этого переселиться в другую страну.

В это время в Париж приехал генерал Василий Иосифович Гурко и, узнав от брата, что я в Париже, разыскал меня и посетил. Мы провели несколько приятных часов в беседе о прошлом, но, кроме того, он был тогда совершенно убежден, что Государь и вся Его Семья живы, избегли опасности и находятся в безопасности.

Он говорил даже, что местопребывание Государя ему известно, и, глубоко веря в это, не считал возможным открыть кому-либо, даже мне, этот большой секрет. По некоторым намекам можно было понять, что Государь находится в Тибете, скрытый в одном из буддийских монастырей. Василий Иосифович Гурко верил в это и не сомневался, что близок час освобождения и обретения Царя. Увы, час этот не пришел…

Решение мое переселиться в Аргентину произошло следующим образом. Как-то, рассматривая карту Южной Америки, я остановил мое внимание, почти бессознательно, т. е. без особых к этому причин, на республиках Аргентине и Венесуэле.

В это время пришел ко мне К. Я. Ильяшенко-Синяговский, состоявший в возглавляемом мною правительстве в Одессе в качестве государственного контролера. В беседе я сообщил ему о появившейся у меня мысли переселиться в другую страну. Стали обсуждать возможности и решили, что для этого необходимо обратиться к дипломатическому представителю намеченной страны, и Ильяшенко, находя, что мне самому идти и предлагать свои услуги неудобно, вызвался сходить в Аргентинское посольство и прозондировать почву.

Через день он сообщил мне результат его визита. Он узнал, что аргентинским представителем в Париже состоит доктор Марсело де Альвеар, что он представился посланнику и сообщил ему о моем пребывании в Париже и о моем желании поступить на службу Республики.

На другой день я представился Аргентинскому посланнику, он произвел на меня впечатление человека очень культурного, весьма любезного, тактичного и очень благожелательного.

В разговоре выяснилось, что поступить на военную службу нельзя, вследствие существования в Республике закона, воспрещающего прием на службу иностранных офицеров. Посланник выразил его мнение, что для меня было бы наиболее удобным во всех отношениях занять кафедру в их высших военных институтах по одной из военных специальностей. Я вполне согласился с посланником.

Некоторое время спустя он сообщил мне, что получено согласие на занятие мною кафедры фортификации в двух высших Военных школах, и что он ждет только детальных указаний, чтобы составить контракт, который я должен буду подписать.

Так прошел весь 1921 год.

Наконец я был вызван военным агентом, и мы приступили к составлению проекта контракта. Согласно этому контракту, я приглашался в качестве профессора фортификации, как гражданский профессор военных предметов и без присвоения какого-либо чина в армии.

Я охотно согласился с этим, т. к. мою военную карьеру считал конченой и мечтал лишь о спокойной должности по моей специальности.

С другой стороны, настаивать на присвоении мне чина генерал-лейтенанта было равносильно стать старшим над всеми аргентинскими генералами и надолго закрыть им дорогу к производству, что, несомненно, породило бы сразу много врагов.

Чтобы избежать этого, я охотно отказался от военного чина.

В январе 1923 года полковник Cassinelli, в качестве представителя Аргентинского правительства, и я подписали контракт, и в феврале месяце мы с женой выехали в Аргентину. Таким образом, мои переговоры о моей службе в Аргентине длились почти два года. Все это время я продолжал составление моего труда по применению «Долговременной фортификации».

Но в то же время я собирал и изучал все, что появлялось в военной литературе по вопросу о роли крепостей в минувшей войне и о причинах быстрого падения большинства из них. Это изучение привело меня к убеждению, что идея, настойчиво пропагандируемая в печати, что крепости в современных условиях войны не могут оказывать длительного сопротивления, и поэтому являются бесполезными, совершенно неверна, что причины быстрого падения крепостей в Бельгии, Франции и России не в неспособности сопротивляться, а, главным образом, в несоответствии крепостной техники с

прогрессом осадных средств, и в неспособности командного состава оборонять их.

Придя к такому заключению, я решил выступить в защиту крепостей, потому что считаю их элементом совершенно необходимым для организации обороны государства. Тогда я взялся за составление нового труда и, чтобы обосновать мои идеи на фактах, собрал большое количество документальных данных. По полноте и документальности содержания труд этот является по вопросу о крепостях единственным в мировой военной литературе. Он был издан в Аргентине в переводе на испанский, сделанном мною же. Манускрипт (русский) был переведен Ф. И. Гучковым на французский язык, но это издание не состоялось.

В течение этих последних двух лет произошло несколько событий. Одни из них стерлись из памяти, другие запечатлелись сильнее и еще сохранились.

Одно из этих последних было попытка организовать новый фронт борьбы с большевиками.

Я должен заметить, что в числе моих товарищей по Инженерному Училищу был Валерий Апостолов, донской казак. В описываемый период он состоял Председателем Войскового Круга Донских Казаков и жил в Париже в качестве беженца. Там же находился Наказной Атаман Войска Донского, генерал Богаевский. Кроме него, Атаман Кубанских Казаков, кажется, генерал Филимонов, и Атаман Терских Казаков, которого фамилию не помню.

Однажды Апостолов посетил меня и сообщил мне, что названные Атаманы объединились и задались целью сделать новую попытку борьбы с большевизмом, подняв для этого население Кубанской, Донской и Терской областей, и что для этой организации им необходимо доставить на место вооружение, для чего нужно добиться согласия французского правительства. Зная, что у меня имеются большие связи с французским командованием, они решили просить меня помочь им в этом и уполномочили для этого Апостолова.

Я имел с ними свидание, и было решено, что я предприму необходимые шаги и постараюсь устроить им свидание с начальником штаба. Через посредство генерала Hellot мне удалось добиться этого. В назначенный день три Атамана, Апостолов и я явились в здание Военного Министерства. В приемной начальника Штаба дежурный офицер просил Атаманов посидеть, а мне предложил войти в кабинет начальника Штаба.

Это была обширная комната, в глубине ее стоял стол, за которым сидел начальник Штаба генерал Buat, еще молодой генерал, но известный уже некоторыми его литературными трудами и блестящей деятельностью на войне. В момент, когда я переступил порог кабинета, он встал и быстро направился навстречу мне, потом остановился и поклонился мне почти до пола. Удивленный, я быстро подошел к нему и невольно спросил: «Mon General, que faites-vous?» А он ответил: «Это в Вашем лице я благодарю Россию за то, что она спасла Францию». Затем мы обнялись и поцеловались, и, усадив меня, он объяснил мне, что своим наступлением на Восточную Пруссию русские оттянули туда значительные немецкие силы из Франции и дали возможность выиграть Марну, что заставило немцев отступить на север, и таким образом французы выиграли время, чтобы пополнить снаряжение армии артиллерией и снарядами, без чего бы французская армия не могла бы продолжать войну. Таково было мнение начальника Французского Штаба о роли России в Мировой войне.

В дальнейшей беседе генерал Бюат обещал его полную поддержку делу, задуманному казаками. При его поддержке было получено также согласие английского командования. Однако, когда дело было представлено на усмотрение Президента Республики Пуанкаре, оно не получило его согласия, и поэтому доставка вооружения на место восстания не могла состояться.

Это была моя последняя попытка борьбы с большевизмом.

Другим значительным событием в нашей жизни был приезд моих племянников из Сербии и Корсики. Это был Борис Лященко, сын моей сестры Екатерины, и ее дочь Галина с мужем Борисом Чернецким; они поселились у нас и внесли в дом некоторое развлечение.

Несколько времени спустя, я прочел случайно в газете «Возрождение» объявление о том, что два других моих племянника Борис и Павел Гавронские, дети сестры моей Ольги, находятся на острове Корсика и просят сообщить им мой адрес. Сейчас же мы с женой решили взять их к себе. Генерал Миллер устроил им проезд в Париж, и скоро к нам явились два полуоборванных, замученных, с ранениями, молодца – Борис и Павел.

От них мы узнали, что вместе с остатками Армии Врангеля они были эвакуированы из Крыма в Галлиполи, а оттуда их отправили на пароходе Добровольного Флота «Рион» в Бразилию. По пути между Сицилией и Корсикой в пароходе произошла порча машин,

и он на буксире был доставлен в один из Корсиканских портов. Там большинство пассажиров высадилось и отправилось внутрь острова искать работу, между ними были и Боря с Павлом. Их нанял какой-то плантатор, эксплуатировавший их, как рабов: черствые галеты и «живой» сыр (т. е. с червями) составляли постоянную пищу, пока им не пришла мысль разыскать меня путем объявления в русской газете в Париже. Павла я взял с собой в Аргентину, Борис же остался в Париже, где служил в одном автомобильном заводе.

В это время Париж уже наполнился русскими беженцами, прибывшими туда в большом числе. Основались русские газеты, разные общества, кружки, землячества и союзы, кроме старой русской церкви появилось еще несколько, но при всем этом большой связи между беженцами не чувствовалось, и даже наоборот: разобщенность и даже некоторая отчужденность постепенно усилились.

Присутствие в Париже многих генералов, известных своими литературными трудами, а также известных писателей подало мне мысль составить описание событий на русском фронте войны и издать его под названием: «Роль России в Великой войне». Предполагалось, что русское издание будет сейчас же переведено на французский язык и послужит для широкого ознакомления союзных народов с тем, что было сделано русским командованием в общем деле войны с немцами. Для обсуждения организации этого дела у меня состоялось несколько заседаний. Генералы Палицин, Гулевич, Ростовцев, Миллер и писатели Куприн и Бунин дали их согласие принять участие в работе. Для начала работы нужна была помощь финансистов, по этому поводу я вел переговоры с графом Коковцевым, но он не оказал нам поддержки, и дело не состоялось.

16 февраля 1923 года мы с женой прибыли в Марсель и в тот же день на пароходе «Массилия» выехали в Аргентину. 4 марта «Массилия» вошла в порт Буэнос-Айреса. Нас встретили: мой товарищ по Академии генерал Сергей Павлович Бобровский с женой, подполковник Кирога и секретарь Русского Посланника. В тот же день я, в сопровождении полковника Кирога, посетил Военного Министра полковника Хусто, чтобы представиться ему. Он мне сообщил, что я буду читать лекции по фортификации в Escuela Superior de Guerra, что соответствовало нашей Академии Генерального Штаба, и в Curso Superior del Colegio Militar, являвшимся как бы нашими Инженерной и Артиллерийской Академиями, вместе взятыми.

На другой день в сопровождении Министра я представился Президенту Республики д-ру Альвеар. Он посоветовал мне поселиться не в городе, а в окрестностях, что я и сделал два года спустя. В тот же день я сделал визит Русскому Посланнику Е. Ф. Штейну. Он был назначен сюда еще при старом правительстве, но все еще продолжал признаваться официально. Узнав, что я намерен немедленно заняться серьезным изучением испанского языка, Е. Ф. Штейн рекомендовал мне сеньориту Карменситу Молтедо, и со следующего дня я стал брать у нее уроки, занимаясь три часа каждый день.

У Директора школы я просил один месяц на подготовку языка, и начал читать лекции на испанском языке с конца апреля.

С учениками моими обеих школ сразу же установились отношения самые хорошие. Я видел с их стороны известный интерес к предмету и определенное желание знания и, с моей стороны, я старался дать им возможно больше, и в форме наиболее интересной и полезной. По-видимому, мы оценили друг друга верно, и так продолжалось в течение всего времени моего профессорства. Даже с учениками, кончившими школу, сохранялись добрые, дружеские и даже ласковые отношения.

Я всецело отдался работе по составлению курсов на испанском языке и книг по вопросам фортификации, поддерживая сношения с немногими соотечественниками моего круга. Среди соотечественников было два лица официальных – это посланник Евгений Федорович Штейн и настоятель русской церкви в Буэнос-Айресе священник отец Константин Изразцов.

Несмотря на то, что старое русское правительство, пославшее Е. Ф. Штейна в Аргентину, уже не существовало, он все же продолжал признаваться посланником. Я думаю, что этим он обязан не только тому, что Аргентинское правительство не признавало большевицкого режима, но и большому такту, которым он обладал. Благодаря его большой обходительности, уму и уменью ладить с людьми, он был очень любим в аргентинском обществе, и поддерживал с властями самые дружеские отношения. Для русской колонии он был необходим, т. к. всегда охотно, а подчас и очень терпеливо, шел на помощь всем, кто искал ее у него. Он продолжал исполнять должность посла до 1931 года, когда оставил ее и переселился в Соединенные Штаты. С его отъездом, русская колония осталась без защитника и без какой-либо поддержки.

Другим официальным лицом был священник Изразцов. Еще перед отъездом в Аргентину я слышал в Париже много отзывов о нем

и его деятельности в Аргентине, рисующих его, как замечательного делового деятеля. Его долголетнее пребывание в этой стране создало ему большую популярность среди властей и в русском народе. В 1938 году он отпраздновал юбилей его 40-летней службы здесь. Юбилей прошел в очень торжественной обстановке. Все знавшие отца Константина единодушно и искренне приветствовали его.

В 1925 году я уже закончил перевод на испанский язык моего труда по роли крепостей в минувшую войну. Он был издан военным издательством при офицерском собрании, называемом «Biblioteca del Oficial». Все офицеры армии состояли подписчиками этого издательства. Книга мне очень удалась. Со всеми возможными подробностями и вполне документально я описал в ней историю атаки и обороны Льежа, Намюра, Антверпена, Новогеоргиевска и Ковно, т. е. всех тех европейских крепостей, которые были немцами атакованы и взяты. Я пользовался для составления этой книги подлинными документами и показаниями участников и считаю, что этот труд является по полноте собранных в нем данных единственным в этой категории. К сожалению, в Европе испанским языком владеют немногие, поэтому эта книга осталась для военных читателей европейских армий совершенно неизвестной.

В следующем году я закончил мою вторую работу, которую писал прямо на испанском. В том же году она была выпущена под названием: «Прошлое и настоящее долговременной фортификации и ее применение для обороны государства». Вероятно, эту книгу постигла бы участь первой, т. е. она канула бы в неизвестность, если бы в это время в Буэнос-Айресе не находился бы один французский офицер, полковник Икр. Он часто посещал нас, внося некоторое разнообразие в нашу однообразную жизнь. Увидев мою книгу, он решил, что французским офицерам полезно и необходимо познакомиться с моими идеями в отношении современных форм долговременной фортификации, и просил мое разрешение на перевод, на что я и согласился. В следующем году его перевод вышел отдельной книгой под названием «Fortification Moderne». В том же году эта книга из Франции проникла в Россию и была переведена на русский язык моим бывшим товарищем генералом Виктором Васильевичем Яковлевым, все еще продолжавшим состоять профессором фортификации в бывшей нашей славной Николаевской, а ныне советской Инженерной Академии.

Президент Республики Альвеар посоветовал мне поселиться не в центре города, а в его окрестностях, чему я последовал в скором

времени, приобретя в Вижа Бажестер старую усадьбу, состоявшую из помещичьего дома и обширного парка. Мы с женой сейчас же переехали в нашу усадьбу, привели в порядок дом и поселились в нем, да так с той поры и живем здесь, слава Богу благополучно. Вначале, когда ближайшие к усадьбе улицы еще не были замощены, было очень трудно сообщаться со станцией, особенно осенью и зимой в дождливое время. Однако год проходил за годом, Вижа Бажестер совершенствовалась, мостовые все приближались, и лет пять назад дошли до нашей «кинты». Тогда сообщение стало легче, и мы уже не чувствовали себя так одиноко, как раньше. Но все же жизнь наша была все время чрезвычайно однообразной.

Так проходил год за годом, и постепенно во мне, или, вернее сказать, в моем душевном настроении, происходила большая перемена. Когда я ехал в Аргентину, я переживал острый период тоски по родине, такой острый, что порой жить не хотелось, но приглашение меня в Аргентину на должность профессора фортификации вселило в меня большие надежды на то, что там создастся обстановка, в которой возможно будет жить если не так, как дома на родине, то, во всяком случае, занимаясь делом, к которому привык. Я думал также, что высшее аргентинское военное начальство привлечет меня к работе по организации обороны страны и что за этой работой я, несомненно, сойдусь с моими сотрудниками, и это общение облегчит мне жизнь. В действительности этого не произошло – ни к какой работе я призван не был. Произошло же это потому, что такая работа в военном Министерстве вовсе не производилась, или по какой-либо другой причине – я не знаю.

По мере того, как я постигал испанский, и курсы уже были закончены, свободного времени оставалось больше. Тогда, чтобы занять свободное время, я риналег на мои литературные работы. Помимо того, что я таким образом не давал времени для развития черных мыслей, я переживал еще и известное удовлетворение, которое всегда дает творчество.

Так и сложилась моя жизнь: школа, где я читал лекции, и дом, где я писал мои книги.

Никакого общения ни с сотрудниками, ни с кем из старших аргентинских начальников не состоялось. Трудно установить истинную причину этого. Возможно, что их было несколько, и главная из них была та, что, несмотря на взаимные симпатии, я все же оставался чужим для аргентинцев. Обычай прийти к приятелю «на огонек»

вечером, запросто, так распространенный в России, здесь почти не существовал. Чтобы посетить кого-либо, нужно было заранее спросить согласия по телефону. Друзья посещают здесь друг друга в их офисах, днем, в служебные часы, что в России не допускалось. Влияло также и то, что я жил вне города, и путешествие было подчас затруднительно.

К большому моему удовлетворению, я должен признать, что отношения мои с моими бывшими учениками в обеих школах, прочно установившиеся со школьной скамьи, сохранялись по мере того, как они постепенно повышались в чинах и постах. Они продолжали сохранять в отношении меня самые дружеские чувства и были готовы исполнить всякое мое желание и оказать мне всякую любезность.

Вот уже прошло более двадцати лет, как я живу в Аргентине. Я весь здесь только тогда, когда мозг мой занят какой-либо работой, в остальное же время мысли мои улетают далеко, далеко, туда, на северо-восток, далекий и недоступный, куда, увы, телу возврата нет. Тогда передо мной, как в кинематографе, проходят события прошлого и дорогие мне лица.

Это было в августе 1914 года в Ивангороде. Я проснулся рано утром и торопливо одевался, чтобы ехать на работы, спешно производившиеся, чтобы привести старую заброшенную крепость хотя в сколько-нибудь годное для обороны состояние.

Рыли окопы между фортами, строили убежища от бомбардирования, натягивали проволочные сети, заболачивали низкие места перед фортами. Но все это было примитивно, и трудно было рассчитывать, что удастся отбиться.

Комендант крепости, генерал Михелис, так это и понимал и откровенно говорил, что сделает лишь попытку отразить штурм, а затем взорвет мост и уйдет. Я был в отчаянии, но торопил работы, насколько можно было, располагая лишь двумя инженерами и сотней рабочих.

Все же старался расшевелить, воодушевить и привлечь к работе всех, способных к ней, влить в них энергию, заставить понять, что без новых укреплений крепость не может стать крепостью.

Энергия моя, мой пыл, мое воодушевление заразили многих, каждый день прибывали новые помощники, и работы развивались так, что скоро слух о них вышел из крепости.

И вот утром 13 августа денщик мой Афанасий торопливо доложил мне, что меня просят в Штаб крепости к телефону, что меня

вызывают из Штаба Армии. Бегу, беру трубку, и, вероятно, никакой удар грома, ни взрыв бомбы по соседству, не могли бы поразить меня сильнее, чем слова генерала Гутора: «Вы назначаетесь комендантом крепости!»

Я был молод, я приехал в крепость на должность простого инженера, подчиненного Начальнику Инженеров, и понимал, что до генеральской должности должно пройти еще несколько лет, и потому и не мечтал о ней. Вследствие этого, известие совсем меня огорошило.

Сколько мыслей, сколько переживаний в одно мгновение! Удовлетворенное честолюбие, сознание полной свободы действий и возможности проявить на войне свою собственную инициативу, а не только исполнять приказания начальства, большой почет и возможная слава и другие подобные мысли радовали и возбуждали меня, а в то же время откуда-то ползло сомнение, появлялась другая мысль, мысль о том, что с имеющимися средствами нельзя одержать победу и что ответственность по закону всецело падет на меня.

Недолго, однако, продолжалась борьба – отбросив сомнение, согласился и вступил в должность.

Ясно сознавал всю громадную ответственность, что возлагаю на себя, а от этого пробудилась и удесятерилась энергия во мне, и дух мой поднялся высоко. Мгновенно родилась и укрепилась во мне мысль: «Сделать все возможное и биться до конца. Победа или смерть – другого выхода нет».

Как только я пришел к такому решению, я ясно сознал, что оно нерушимо, неизменно - и что это так именно и будет. Тогда полное спокойствие овладело мной, но понимал, что нужна какая-то чрезвычайная помощь, помощь Свыше, чтобы добиться успеха.

Тогда я послал пригласить ко мне отца Якова. Он был уже старик, двадцать лет состоял крепостным священником Ивангорода, и всей его личностью внушал большое к нему доверие и почтение всех.

Сказал ему, что сознаю предстоящее мне столь трудным, что не хочу взяться за него, не призвав помощь Божию, что прошу его помолиться за меня и благословить. Вместе помолились. Тотчас же какая-то тихая радость, спокойствие и уверенность охватили меня и, казалось, распространились по всему моему телу. Я посетил все части войск, говорил с солдатами и всем объявил, что отступления из Ивангорода не будет.

Эти бесконечно дорогие воспоминания даже теперь, 30 лет спустя, волнуют меня и даже вызывают слезы. Поистине, они моя отрада и моя печаль.

Опять внезапно мысль обрывается, и я переношусь в другую обстановку и время.

Я на втором курсе Николаевского Инженерного училища, где впервые узнал, что такое фортификация, и начал изучать ее. Курс «Долговременной фортификации» читал, тогда еще недавно кончивший Академию, капитан Э. К. Энгман. Совсем молодой, высокий, стройный, приятной наружности, с блестящими, пылкими глазами, он производил на нас, еще молодых слушателей, чрезвычайно сильное впечатление. Мы чувствовали, что он знает предмет до тонкости, и он умел излагать этот, по существу, сухой предмет, в форме занимательного рассказа, и этим увлекал нас.

С той поры фортификация сделалась моим любимым предметом. Когда я кончил училище, Энгман, уже подполковник, уже видел во мне способности к фортификации и считал, что я должен непременно пройти курс Инженерной Академии, и для этого должен остаться в Петербурге. Однако я прельстился продолжительным морским путешествием вокруг света и вышел на службу в 1-ый Уссурийский Железнодорожный батальон в Восточной Сибири. Однако, подполковник Энгман, прощаясь со мной, взял с меня слово, что я непременно поступлю в Академию, что я и сделал 4 года спустя.

Таким образом, я должен признать, что всей моей карьерой (считавшейся исключительной) обязан влиянию Э. К. Энгма́на, заметившего во мне, еще на школьной скамье Училища, способности к фортификации.

Я затрудняюсь сказать, каким образом случалось, что мои проекты укреплений всегда выходили оригинальными и строго отвечающими требованиям задания, средствам и условиям местности.

Это проявилось прежде всего в Ломже, где под руководством подполковника Шошина я сделал очень удачный и оригинальный проект крепостной ограды, соединяющей форты.

Затем в Порт-Артуре, уже самостоятельно, я проектировал и исполнял на месте много оборонительных сооружений, оказавшихся удачными.

Из Порт-Артура я вынес известный и большой опыт, легший в основание новых идей в области крепостного строительства, которые я опубликовал в «Инженерном журнале», в «Военном голосе» и

в «Русском инвалиде», что сделало меня известным в России, а переводы их, появившиеся заграницей, привлекли на меня внимание в иностранных инженерных кругах. Я стал уже известным в Европе.

Тогда я был командирован заграницу для ознакомления с иностранными крепостями. Я посетил Льеж, Антверпен, Шербург, Верден, Бизерту и вошел в контакт с наиболее известными специалистами по фортификации.

Великая война, оборона Ивангорода, работы по укреплению Западного фронта, работы по перестройке Карса и созданию обороны Трапезунда окончательно установили мою репутацию, как фортификатора.

Революция помешала моим дальнейшим работам, и в результате ее я очутился сначала в Италии и Франции, а затем в Аргентине.

Во Франции я начал, а в Аргентине окончил несколько моих работ, являющихся наиболее крупными и значительными моими работами в области фортификации. Это «Прошлое и настоящее долговременной фортификации и ее применение к обороне государства» и «Крепости до, во время и после Великой войны». Обе работы по их полноте и документальности являются, безусловно, выдающимися в мировой военной литературе, но они написаны и опубликованы на испанском языке, который мало знают в Европе, и потому обе книги остались мало известны европейским специалистам.

Позже я написал еще целый ряд книг, всегда по фортификации, но их постигла печальная участь – здесь их мало кто читает, а в Европе они остались совсем неизвестны.

Я писал их с большой любовью и верой, что они принесут пользу стране, где я нашел приют. Однако этого не случилось, потому что здесь не придают фортификации никакого значения и фортификацией не интересуются, вследствие чего страна остается совершенно беззащитной.

В жизни моей было много встреч с людьми, бывшими уже тогда, или ставшими впоследствии, известными или по их служебному положению, или по их талантам, но были также встречи с лицами очень скромного положения, ни бывшими, ни ставшими известными, ничем не прославившимися, но, несомненно, лицами исключительными по их моральным качествам, по их величию и крепости их духа.

Именно о них я хочу рассказать сейчас.

Это русский капитан Герке, русская же сестра милосердия баронесса Тирбах и французский капитан Марто.

В 1921 году мы с женой жили в Париже на улице Бассано. Однажды пришел к нам молодой человек; он был в статском платье, но имел военную выправку. Назвался капитаном Герке и моим бывшим учеником в Николаевском Инженерном Училище. Узнав во французском Генеральном Штабе о моем пребывании в Париже, решил сейчас же явиться, чтобы приветствовать меня и рассказать о себе.

Действительно, было много, что рассказать, потому что оказалось, что жизнь его была полна приключений и происшествий столь интересных и подчас даже невероятных настолько, что казалось, будто бы он рассказывал историю из романа.

По окончании Инженерного Училища вышел в какой-то саперный батальон, кажется, в один из Сибирских, и с ним принимал участие в Великой войне; отличился несколько раз и дослужился до чина капитана.

Во время революции принял участие в Белом движении в Армии адмирала Колчака. По разгроме этой армии, был захвачен большевиками и заключен в Красноярскую тюрьму в одну камеру с французским капитаном Марто, принадлежавшим к французской военной миссии и также попавшим в руки большевиков. В общем плену они познакомились, а потом и подружились настолько, что решили вместе бежать из плена.

Не помню, как они осуществили свой побег, но, очутившись на воле и зная, что Сибирь во всей западной и центральной части уже охвачена большевизмом, решили подняться вверх по Енисею к границе и по территориям, менее заселенным, пробираться в Монголию, тогда еще боровшуюся с большевизмом, а затем в Китай или в Приморскую область, находившуюся во власти белых русских.

Их путешествие было невообразимо. То в лодке по реке, то пешком через непролазные дебри сибирской тайги, то в допотопных повозках туземцев, среди постоянной опасности встречи с дикими зверями в лесах, или с большевиками на степных дорогах, или с шайками каторжников, без верхнего платья, в изорванной обуви, без пищи, направляясь к границе Монголии на юго-восток.

Несомненно, что их путешествие было гораздо более тяжелым и полным всевозможными приключениями, чем то, что описал Осендовский в своей книге «Бог, человек и зверь».

Много раз были на краю гибели, но всегда Провидение не покидало их – и спасались. Много времени прошло, пока достигли Монголии. Там стало легче, но вдруг Марто заболел, слег и не мог

двигаться; потерял сознание. Герке сидел рядом, стараясь облегчить его страдания, но болезнь усиливалась, и появились несомненные признаки тифа. Нужно было найти немедленную помощь, но ее можно было найти лишь в населенном пункте, а где он?

Тогда Герке понял, что медлить нельзя, и, взвалив Марто на спину, пошел дальше на восток в поисках какой-либо деревни, или хотя бы становища монголов. И нес, нес, изнемогал сам, но продолжал нести больного, пока, наконец, не доплелся до группы монгольских кибиток, где их приютили, накормили Герке, а Марто стали лечить. Совершилось нечто невероятное – истинная помощь Божья: Герке не заразился, а Марто выздоровел.

Это было истинное доказательство Божьего Провидения и замечательный пример военного товарищества.

Это был настоящий подвиг русского офицера, на который способен далеко не каждый.

Когда Марто настолько окреп, что был в состоянии продолжать путь, Герке купил лошадь, привязал Марто ей на спину, а сам повел ее за узду. Так подвигались медленно по пути к Китайской границе, пока достигли пустыни Гоби.

Там лошадь пала, и призрак неизбежной гибели снова явился перед ними.

Но и в этот момент Господь не оставил их: караван китайских купцов на верблюдах нашел их и подобрал. С ним они пересекли Гоби и добрались до Шанхая.

Тут был конец их страданьям: французские власти приняли в них участие, одели и снабдили средствами. Французский пароход доставил их с удобствами во Францию. В Париже Марто явился к Военному Министру и доложил ему о поступке Герке. Это было оценено: ему дали орден Почетного Легиона и службу в одной топографической партии, работавшей на юге Франции.

Он туда и уехал скоро, но перед отъездом представил нам Марто.

Марто остался в Париже и, т. к. мы ему, очевидно, пришлись по душе, он часто навещал нас. Он прекрасно говорил по-русски и очень полюбил Россию и русских – настолько, что все время мечтал о возвращении туда и заявил мне, что он женится только на русской.

В Париже в то время было очень трудно найти какую-либо службу. Марто был демобилизован и остался без службы и без средств.

Некоторое время он старался сформировать общество для эксплуатации золотых приисков, которые они вместе с Герке случайно открыли в Урянхайском крае во время своего бегства, но это ему не удалось. Вскоре в Париже стали организовывать партию для посылки в Константинополь для сбора оставшихся без призора детей русских беженцев. Марто, услышав об этом, тотчас бросился туда и, благодаря знанию русского языка, был принят. Он уехал в Константинополь, и мы его больше не видели, и не предчувствовали, что, вдали от нас, он окажет нам большую услугу.

В начале 1923 года мы покинули Францию, переселясь в Аргентину. В следующем году или еще через год, возвратясь однажды со службы домой, я застал жену в слезах, но она сейчас же объяснила мне, что заплакала от радости, причиненной только что полученным письмом.

Оно было помечено: Китай, Кантон, Остров Пиратов, и подписано баронессой Тирбах, бывшей в Ивангороде во время его обороны в качестве старшей сестры милосердия крепостного госпиталя.

К письму была приложена небольшая фотография, изображавшая момент выхода Его Величества Государя Императора из крепостного госпиталя после посещения раненых. Это было 30-го октября 1914 года. На первом плане снят Государь, спускавшийся по ступеням крыльца. Он смотрит вперед и натягивает перчатку; на нем шинель, перетянутая ременным поясом, с шашкой на боку. Непосредственно сзади Государя виден я, в моей неуклюжей солдатской шинели, сзади меня виден мой помощник генерал князь Микеладзе, дальше голова генерала Попова, начальника инженеров крепости, влево от Микеладзе видна голова дворцового коменданта генерала Воейкова и перед ним голова генерала князя Долгорукова или генерала Панафутина. Справа от меня стоят на площадке крыльца: первая – старшая сестра баронесса Тирбах, а еще правее другие сестры.

Письмо ее ко мне так интересно, что я привожу его в подлиннике, а подлинная фотография была уже здесь, в Буэнос-Айресе, несколько увеличена аргентинским фотографом и висит у меня в кабинете над моим рабочим письменным столом, служа украшением моей скромной кельи.

Вот это письмо:

«Ваше Превосходительство.

Недавно я узнала, где Вы теперь, от общего знакомого капитана Marteau-француза, который, как он говорит, часто бывал у Вас в

Париже, он жил у нас около месяца проездом в Монголию и Тибет, куда поехал на 4 года. Он знал моего сына в Сибири, когда сын был у Колчака и потом случайно избежал расстрела вместе со своим адмиралом, т. к. адмирал послал его за три дня до своего ареста для переговоров к Семенову.

Мой второй сын генерал, командовал Забайкальской армией у Семенова.

Я очень рада была узнать, что Вы хорошо устроились. Марто случайно увидел увеличенный портрет того момента, когда Государь выходил из Ивангородского лазарета. Разговорились, и он рассказал мне о Вас. Я узнала, что Вы были в Одессе, и когда Вы ее покидали, я лежала в тифу в Новороссийске.

Про себя могу сказать, не сняла сестринской косынки до конца гражданской войны и даже теперь. После Ивангорода я перешла в Союз городов в передовой отряд и работала в Карпатах, в Буковине и на границе Румынии, в Киеве сформировала санитарные части для батальона смерти, и в батальоне смерти полковника Манаскина, организатора этих батальонов, в Каменец-Подольске участвовала под Тарнополем в качестве ротного фельдшера.

Затем совершила Кубанский поход с Корниловым, была в Донской армии у Краснова, в Добровольческой армии у Деникина и уехала в отдельную Уральскую армию к атаману Толстому. Я думала перейти фронт большевиков и попасть к Колчаку, где находился мой сын, но Колчак пал, Уральская армия пала, и я оказалась у красных. Наш персонал госпиталя бежал в пост Александровский, а я осталась с 4 санитарами и фельдшером, имея на руках 200 больных сыпнотифозных. Неделю госпиталь был на моих руках, пока не вошли красные и не приняли его. Тогда я получила сыпной тиф, после тифа лишилась временно ног, затем зрения и была эвакуирована в Самару на барже, т. к. лошади и верблюды все пали, и сообщения не было.

Поправилась и была назначена на Кавказский красный фронт, против Врангеля. Но меня потянуло найти детей, о которых я не имела сведений всю революцию. Я прошла через надлежащие комиссии, к счастью, нашлась и болезнь, по которой я подлежала увольнению. Получила литеру, до Иркутска ехала хорошо, но дальше Иркутска не пустили, говоря, что дальше другое государство «Буффер».

И вот я переоделась крестьянкой и пошла пешком, по деревням. Добралась до Читы. Чита только что пала, и только и речи было

о «враге народа» генерале Тирбах, командовавшем Забайкальской армией.

Меня арестовали и заключили в секретное отделение при Госпоминохране, и я провела 2,5 месяца в заключении, на голых нарах, окруженная часовыми, в одном и том же белье и платье, питаясь тем, что давали часовые красноармейцы. Я обвинялась в сношении с неприятелями.

Велось следствие, допросы, дознание. Но документы мои показали, что я с 14 года была на фронте в России. Потом пребывание мое годичное в красной армии принесло мне пользу, и меня освободили без права выезда из Читы, но меня тайно вывез Международный Красный Крест в Манджурию. Там я узнала, что сын в Японии, поехала к нему, а оттуда к другому сыну в Шанхай. Дочь оказалась в Константинополе с мужем в армии Врангеля, мы выписали ее, и теперь она в Гонконге, где муж ее инженером-архитектором, а я с сыном в Кантоне, в 4 часах езды от Гонконга. Сыновья – моряк на английской службе в таможенном морском ведомстве, а кавалерист «враг народа» в Португальском консульстве начальником речной охраны, я работала во французском госпитале, но теперь оставила работу.

Советская власть в Кантоне ведет деятельную пропаганду, и Кантон, можно сказать, большевицкий. В стране идет развитие коммунизма. В войсках русские красные командиры, в школах военные красные инструкторы. Советские работники живут чуть ли не во дворцах и организуют демонстрации против иностранцев, забастовки и раздувают вражду к иностранцам.

Я лично не люблю Китай и ненавижу иностранцев, наших союзников. Уж очень некрасивую роль они играли в нашу гражданскую войну у нас, да и теперь их отношение к русским, выброшенным из отечества, ниже всякой критики.

Хотелось бы обратно в Россию, но нет мужества на разлуку с детьми. А им вернуться нельзя. Один объявленный «враг народа», а другой старший флаг-офицер при адмирале Непенине, чудом спасся от расстрела во время убийства Непенина, так потрясен всей кровавой эпопеей, разыгравшейся во флоте, что ненавидит Россию, русских и все русское – это его болезнь.

К сожалению, младшему сыну-генералу не придется здесь долго оставаться, т. к. советская власть крепнет в Кантоне и стремится через китайцев выловить прежних вождей Белой армии.

В Харбине уже все перешло в руки красных, без советских паспортов жить нельзя там, военные бегут оттуда. Придет время – и здесь нельзя будет показаться в Кантоне, без риска быть схваченным китайцами и преданным в советские руки. Иностранцы не вступились, такие факты уже происходили около Шанхая.

Ваше Превосходительство, напишите, нет ли в Вашей республике чего-либо по части кавалерии или морской части. Старший сын моряк, и очень тяготится таможенной службой, его мечты еще плавают на корабле. Это моряк душой.

Что представляет собой эта Аргентина и как там живется?

Посылаю Вам снимок, который я благополучно сохранила, зашитым в полушубке. Это посещение Государем Ивангородского лазарета. Я с удовольствием вспоминаю Ивангород. Это было время подъема духа и высокого патриотического чувства, осмеянного и облитого грязью.

Тогда было нарядно и поэтично.

А потом те Карпаты, батальоны смерти, под Тарнополем, Корниловский поход по Кубани, и муки отдельной Уральской армии. Бездна горя, страданий и геройства, и гибель лучших людей.

Все-таки мне массу пришлось пережить, особенно в Уральской армии, когда вся почти армия лежала в тифу, и население также. Некогда было и спать. А ведь мне уже минуло 61 год.

Да, здесь в Португальской полиции есть один кавалерист – он был при Вас в Одессе, отзывается о Вас с благодарностью и уважением, вспоминая, как Вы позаботились об офицерстве, передав в их пользование находившиеся у Вас 3 000 000 рублей, бывшие у Вас при эвакуации, и облегчили их существование.

Насколько я помню, Ваш поступок был единственный по красоте и благородству.

Еще раз глубокий, глубокий привет от бывшей сестры Ивангородского крепостного лазарета Антонины Петровны фон Тирбах.

Очень извиняюсь за свой неразборчивый почерк, таким он у меня стал после всего пережитого».

Кто был в том суровом крае, ясно представит себе, какой воистину тернистый путь ей пришлось сделать от Иркутска до Читы, длиной 1000 верст без дорог, в большей части чрезвычайно гористый, покрытый непролазными лесами, полными зверей и бродяг, и очень мало населенный. Приходилось подыматься на почти недоступные горы по едва пробитым тропам и зачастую ночевать в лесах

и питаться тем, что могла получить в редких населенных пунктах, а ей был тогда уже 61 год.

Страна уже была под сильным большевистским влиянием, и ежеминутно грозила опасность быть узнанной и захваченной. Если бы нашли фотографию в полушубке, участь ее была бы решена.

И судьбе угодно было, чтоб французский капитан Марто, в поисках возможности реализовать золотоносные россыпи, открытые им вместе с Герке в Монголии, появился в Кантоне. Посетил госпожу Тирбах, потому что любил русских, и, войдя, увидел на стене мой портрет. Таким, более чем удивительным путем, узнала она, что я жив, и где я, и подала весть о себе.

Вот истинный тип русской женщины, отдавшей всю себя ее детям и помощи страдающим.

Вот уже более 20 лет, как мы живем в Аргентине. Между русскими беженцами я нахожусь в числе немногих, которые устроили свой домашний очаг, не нуждаясь материально. Мой заработок вполне достаточен для бездетного и вполне приличного существования, и я иногда добавляю его еще моими литературными работами. У нас с женой есть даже возможность помогать другим. Эта материальная обеспеченность явилась следствием моего решения оставить Европу и переехать в одно из государств Южной Америки. Весьма возможно, что, если бы я остался во Франции, мне пришлось бы прибегнуть к физическому труду, что мой организм, после участия в двух войнах и одной революции, едва ли вынес бы.

Я попал в Аргентину случайно, и мне удалось завоевать здесь прочное положение специалиста. Поэтому нет пределов моей благодарности Господу, устроившему жизнь мою и особенно моей жены так благоприятно в материальном отношении. Жена тоже нашла поле применения ее энергии и ее способности понимать несчастья других и не оставаться к ним равнодушной, что и выразилось в организации ею благотворительного общества «Эл Консуэло», в котором находят поддержку многие нуждающиеся.

Однако, помимо этого, на безоблачном горизонте нашей жизни иногда появляется густое облако, омрачающее ее. Это облако – это сознание неудовлетворенности и подчиненности, которое испытываешь от сознания, что ты здесь не дома, не свой, а чужой, не командуешь, а тобой командуют, что ты не равноправный, а просто нанятый. Мы, военные, понимающие дисциплину, никогда не тяготились необходимостью подчинения, потому что подчинялись старшему в

иерархии или авторитету в умственных или нравственных качествах, но на чужбине подчиняешься не старшему и не авторитету, а лишь тому, кто является в стране своим.

Резюмируя мою работу, я прихожу к заключению, что, как профессор, я достиг того, к чему стремился, подготовив стране специалистов, необходимых для организации обороны, когда она понадобится.

Всегда я стремился сделать для государства, в котором живу и работаю, что-либо полезное, и поэтому любимым моим занятием было создавать новые более мощные и современные способы обороны в проектах или в книгах.

Это началось с первого же года моего приезда сюда, и затем не проходило почти ни одного года, чтобы я не создавал что-либо новое.

Вот хронологический перечень моих работ:

1924 г. «Крепости до, во время и после войны». Большой документальный труд, являющийся, по моему мнению, единственным по вопросу о роли и значении крепостей.

1925 г. «Прошлое и настоящее долговременной фортификации и ее применение к обороне государства» с отдельным альбомом чертежей. Полная история фортификации. Курс, который я читал в Школах. Переведен на французский и русский языки в Париже и Москве.

1926 г. Вышел мой первый проект применения подвижной артиллерии большого калибра для обороны морских крепостей и проект убежищ для подводных лодок в Комодоро Ривадавия.

1928 г. Второй проект подвижных установок орудий большого калибра для обороны морских крепостей, вместе с И. А. Гавриловым.

1929 г. Исследование «Проблемы обороны морских баз».

1930 г. Брошюра «Новые идеи в области организации морских баз» с проектами убежищ для подводных лодок и других судов флота.

1931 г. «Новый способ измерения расстояния от батареи на берегу до корабля в море, основанный на применении луча света», вместе с И. А. Гавриловым.

В этом же году – начало моих работ по постройке дорог путем обжига земли.

В этом же году вышел 1-й том моей «Preparando la ofensiva este listo para la defensa».

1932 г. Получение патента на изобретение моего способа постройки дорог путем обжига земли. Практические опыты с этим у меня в Вижа Бажестер.

1933 и 1934 г. Новые патенты на постройку дорог.

1935 г. Вышел 2-й том «Preparando la ofensiva este listo para la defensa».

1936г. Изобретение искусственных камней.

1937 г. Изобретение способа фабрикации саранчи в удобрение.

1939 г. Исследования: «Союз пушки и ружья с лопатой и киркой» и «Оборонительные сооружения в европейской войне».

1940 г. Вышла «Оборона побережья» вместе с И. А. Гавриловым. Исследование «Кандия», части 1-я и 2-я.

1941 г. «Нужно хорошо понимать уроки войны».

Вышел 3-й том «Preparando la ofensiva este listo para la defensa».

1942 г. «Как была атакована и взята немцами в 1915 году крепость Ковно».

1943 г. «Настоящая ценность фортификации» и «Сталинград».

1944 г. «Значение фортификации в современных войнах», «Забытая полезная книга», «Два плана войны, немецкий и русский, и род фортификации», а летом того же года получил патент на мое последнее изобретение «Новый способ постройки тоннелей под реками и каналами».

1945 г. «Вторжение в страну и способ не допустить его», «Операции на Дону в 1942 году и их последствия».

1946г. «Современные идеи военного искусства», «Подземная война в Порт-Артуре».

Вышел 4-й том «Preparando la ofensiva…» - Минная война.

«Возвращение Орловского укрепленного района».

«Севастополь в 1941 году».

«Некоторые эпизоды обороны Одессы в 1941 году».

Подводя всему сделанному итог, имеем:

7 томов больших научных работ по важнейшим вопросам, касающимся организации обороны страны; 25 отдельных исследований по разным вопросам военного искусства, напечатанных в аргентинских военных журналах; 4 изобретения в области вооружения и обороны берегов и их усовершенствования; 2 изобретения для обеспечения подводных лодок и других судов флота от воздушного бомбардирования; 4 изобретения в области экономической постройки дорог и по другим вопросам, имеющим большое значение для жизни страны.

Вот весь баланс того, что я сделал в Аргентине. Я был бы очень счастлив, если бы хоть часть того, что я сделал, была бы использована, потому что глубоко убежден, что мои предложения принесли бы стране известную пользу.

*(**От Редакции:** Отрывки из воспоминаний А. В. фон Шварца публикуются по машинописной копии рукописи.*

Алексей Владимирович фон Шварц родился 15 марта 1874 года. Дворянин Екатеринославской губернии. Окончил Николаевское Инженерное училище в 1895 г. и Инженерную Академию в 1902 г. Ветеран Японской войны. В Порт-Артуре командовал Инженерным департаментом Восточного фронта. Произведен в подполковники в 1907 г. Член военно-исторической комиссии по истории Японской войны. С 1909 г. преподаватель Николаевского Инженерного училища. Комендант крепости Ивангород в 1914 г. За оборону крепости Ивангород лично награжден Государем Императором Георгиевским оружием. На Кавказском фронте - Комендант крепости Карс в 1915 г., начальник укрепленного района Трапезунд в 1916 г. Произведен в чин генерал-лейтенанта в 1917 г. В период Французской оккупации Одессы – ее генерал-губернатор. В эмиграции с 1919 г. В Аргентине – профессор Высшего Военного Училища. Генерал Перон, трижды Президент Аргентины, был его учеником. А. В. фон Шварц скончался 27 сентября 1952 года и похоронен на кладбище «Реколета» в Буэнос-Айресе.

Воспоминания А. В. фон Шварца, до 1917 года, публиковались в «Архивах русской эмиграции» (Париж, 1973 г.). Его труд «Ивангород в 1914-1915 г.г.» издан в Париже в 1969 г.).

Полковник Н. А. Чудинов

ПОКАЯННАЯ

Со святыми в селеньях небесных
Упокой, Боже, павших в бою
За родную страну, и безвестных,
Убиенных за веру Твою.

Имена их Ты, Господи, веси,
Кто заполнил безвестных могил
Длинный ряд, всех пропавших без вести,
Всех, в подвалах ЧК кто почил.

Истекали когда они кровью,
Ни один дорогой человек
Не склонился у их изголовья,
Не закрыл холодеющих век.

Миновали кого вражьи пули,
Доконали тифозные вши,
А другие навеки уснули
На постах в неизвестной глуши.

Завывали в полях волчьи своры,
Стон забытых в поле заглох,
А в подвалах ЧК гул мотора
Заглушал убиваемых вздох.

Сохрани, Боже, воспоминанье,
Да пройдет оно из рода в род,
Об их подвигах, смерти, страданьях –
За отчизну и русский народ.

Святый Боже, спаси и помилуй,
Отпусти величайший наш грех,
Что мы, жизнь сохранивши и силы,
Забываем подвижников тех.

Замоливши лишь грех, из скитанья
Возвратимся к земле, залитой
Жарким потом, слезами страданья
И их жертвенной кровью святой.

Всеблагий, Всемогущий, помилуй,
Обрати на Россию свой взор,
Возврати ей и славу и силу
И сними поношений позор.

(Белая Церковь, 1927 год)

Кто снимет с нас позорные оковы,
Кто возвратит нам Родину и честь,
Кто воскресит старинные основы
И принесет прощенье, а не месть?!

Один лишь Он, наш светозарный Воин,
На землю посланный от Бога Сил,
Кого народ заблудший недостоин,
И Кто забыл все, понял и простил.

(Белая Церковь, 1928 год)

Алексей Истомин
(Кадет XXI выпуска ПРВКККК)

XVIII ОБЩЕКАДЕТСКИЙ СЪЕЗД РОССИЙСКИХ КАДЕТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ЗА РУБЕЖОМ

(8-15 сентября 2004 г.)

На Съезд в местечке Вал-Моран, в пятидесяти милях на север от Монреаля, в Канаде, от Объединения Р. К. К. в Сан-Франциско выехала группа в 14 человек кадет с супругами и друзьями.

К 6-ти часам утра 8 сентября все собрались в аэропорту Сан-Франциско и, после разувания, раздевания и других осмотров, уселись в самолет, который точно в 8 час. утра поднялся и через три с половиной часа приземлился в Чикаго. На самолете, кроме кофе, чая, сока и двух маленьких печений, ничего не дали.

Из Чикаго вылетели точно в 3 ч. 45 мин., и два часа спустя уже опускались в аэропорту Монреаля. Быстро пройдя все формальности (чиновники были очень приветливы), получив багаж, направились к выходу, где нас встретил человек с плакатом: «Съезд русских кадет». Водители посадили всех в два длинных лимузина и, погрузив багаж в грузовик, через полтора часа привезли в гостиницу «Дальние Холмы» (Far Hills).

Перед ярко освещенным подъездом гостиницы на высоких флагштоках развевались три флага: справа – русский бело-сине-красный, посредине – канадский с красным кленовым листом и слева – флаг провинции Квебек, белый с французскими королевскими голубыми лилиями.

В столовой гостиницы нас ожидал прекрасный ужин, на который все направились с большим удовольствием, так как в пути нас

нигде не кормили. Но за столы сели довольно поздно – задержали встречи, объятия, поцелуи, охи и ахи. Очень поздно, усталые, но довольные, разошлись по номерам.

Ночью стал падать дождик, а в четверг целый день лил как из ведра. Это были остатки урагана «Иван». Все встали немного позднее и после обильного завтрака собрались на репетицию парада, который происходил после обеда, а из-за дождя – в большом зале отеля.

Строй кадет в темных костюмах, белых рубашках с малиновыми галстуками, в котором стояло 35 человек, включая и не кадет, выстроился в две шеренги лицом к публике. Командовал строем председатель Нью-Йоркского Объединения Сергей Муравьев.

Под звуки марша Преображенского полка внесли знамя Сумского кадетского корпуса разводящий Валентин Мантулин, знаменщик Михаил Лермонтов и ассистент Алексей Истомин и, пройдя вдоль строя, стали на правом фланге. Затем кадеты пропели «Братья, все в одно моленье» и «Наш полк». По команде С. Муравьева строй повернулся налево, лицом к иконе, и пропели «Отче Наш», «Спаси, Господи, люди Твоя», и о. Петр Бурлаков прочел «Великое Поминание»:

«Упокой, Господи, души усопших раб Твоих: Государей Императоров Александра Павловича, Николая Павловича, Александра Николаевича, Александра Александровича, Короля Объединителя Александра I, шефа нашего корпуса Великого Князя Константина Константиновича, князей: Константина, Олега и Игоря, Российской Армии победоносца князя Суворова, болярина воина Петра, воина Бориса, воина Владимира, воина Евгения и всех воинов, на поле брани живот свой положивших, прости им вся согрешения вольная и невольная и даруй им Царство Небесное!»

По команде «Разойтись!», кадеты разошлись. Знамя было установлено под иконами, и после короткого перерыва началось Общее Собрание. Председатель предыдущего 17-го Съезда Александр Перекрестов открыл Собрание кратким приветствием и представил вице-консула РФ в Канаде Валерия Владимировича Ерофеева, прочитавшего приветствие от посла РФ в Канаде Георгия Энверовича Мамедова, который из-за важных дел не смог присутствовать. Прочитано было также письмо министра Иностранных дел Сергея Викторовича Лаврова.

Следующей приветствовала Съезд Ольга Исхаковна Барковец, генеральный директор Фонда содействия кадетским корпусам имени Алексея Иордана, и прочла письмо от Бориса Алексеевича Иордана.

Затем слово взял полковник Сергей Андреевич Медведев, суворовец Уссурийского СВУ, вып. 1964 г.; приветствуя Съезд от Московского Суворовско-Нахимовского Содружества, передал привет и лучшие пожелания от Секретаря Совета Безопасности РФ Игоря Сергеевича Иванова.

Далее Сергей Муравьев объявил приветствия от Венесуэльского Объединения (Г. Волков, Ю. Ольховский, Б. Плотников и Н. Хитрово), от Австралийского Объединения (Д. Крамарев и В. Касперович) и от Н. Выдыхана из Канады, который недавно перенес операцию ампутирования ноги.

Затем Алексей Истомин прочитал приветствие Съезду от председателя Объединения кадет в Сан-Франциско Игоря Козлова, в котором автор отметил проблемы воспитания в военно-учебных заведениях. Игорь Андрушкевич приветствовал Съезд от Объединений в Аргентине и Бразилии. Олег Ауэ передал Съезду икону св. Царских Мучеников от кадет Аргентинского Объединения. Следующим приветствовал Съезд Сергей Марченко от Объединения кадет в Белграде, в Сербии. С ним приехал Адриан Семененко, секретарь Объединения.

Рассказывая о жизни кадет, Марченко сообщил, что Объединение насчитывает 15 человек, самый старший – вице-унтер-офицер XXI выпуска Валерий Завалиевский. Встречаются они в Русском Доме в Белграде, в котором находится ресторан с хорошей русской кухней и напитками. Заведующий Домом, Вышинский (никакого родства с прокурором СССР), сын кадета Крымского кадетского корпуса, очень хорошо относится к кадетам и на встречах всегда их угощает. Сергей Марченко передал Съезду икону Св. Благоверного князя Александра Невского, написанную на стекле с иконы из храма того же святого.

В это время в зал вошел Андрей Дмитриевич Шмеман, председатель Объединения во Франции, извинившись за опоздание, так как с их самолетом произошли неполадки, и пришлось ночевать в Лондоне. Несмотря на дождь, Шмемана и чету Максимовых привезла из аэропорта М. А. Иордан.

Далее читалось приветствие Съезду от Союза Уральских кадет в Екатеринбурге, подписанное председателем Альбертом Бобовым. Затем Алексей Ермаков прочитал приветствие, подписанное председателем Романом Саранчевым от Объединения кадет Российских кадетских корпусов в г. Новочеркасске.

В пятницу 10 сентября в 10 час. утра состоялось закрытое заседание кадет. После молитвы «Царю Небесный», о. Петр Бурлаков провозгласил новопреставленным рабам Божиим воину Михаилу (Иовановичу) и воину Евгению (Исакову) «Вечную память», исполненную всеми присутствующими.

В Президиум 18-го Съезда были выбраны: Председатель Дмитрий Горбенко; Вице-председатель Михаил Лермонтов; Секретарь Василий Ротов. Пока председатель читал письмо с предложением устроить следующий Съезд в Белграде, на доске писали повестку Собрания, которая была принята единогласно. Дальше секретарь прочитал протокол 17-го Съезда.

В дискуссиях возникают вопросы о пересылке книг в Россию и передаче архивов. Поступает предложение от Леонида Хантеля, что частично можно посылать книги через КРА и г-жу Оболенскую. Игорь Андрушкевич добавляет, что военные книги можно посылать в Государственные публичные исторические библиотеки. С. Н. Забелин сообщает о созданном в Москве фондом А. И. Солженицына «Центре Русского Зарубежья», который принимает на хранение книги и архивы. Г. Шидловский предлагает библиотеку Салтыкова-Щедрина, которая тоже принимает книги.

Затем Андрей Шмеман предлагает поставить в России памятник всем директорам, воспитателям и преподавателям кадетских корпусов. Голосованием: один против (А. Ермаков), один воздержался (О. Грипп), все остальные «за», - предложение принято.

Дальше секретарь В. Ротов, выписывая на доску программу, сообщает о создании девяти групп для обсуждения следующих вопросов:

Группа «А»: Наша будущая работа с российскими кадетским корпусами.

Группа «Б»: Наше завещание российским кадетам.

Группа «В»: Установка в России памятника директорам, воспитателям и преподавателям Зарубежных кадетских корпусов.

Группа «Г»: Наше отношение к предполагаемым нежелательным явлениям в России.

Группа «Д»: Организованные поездки в Россию.

Группа «Е»: Будущие Съезды Зарубежных кадет.

Группа «Ж»: Объединение объединений.

Группа «З»: Возвращение реликвий в Россию.

Группа «И»: Есть ли законные преемники РОВСа?

Каждая группа имеет своего члена, ведущего дискуссию. По предложению о следующем Съезде в Белграде, произошла крупная дискуссия по поводу актуального названия: «Встреча» или «Съезд»?

Собрание закончилось пением молитвы «Достойно есть».

После обеда состоялись доклады И. Андрушкевича на тему «Наше завещание российским кадетам» и Ольги Барковец на тему «Работа Фонда содействия кадетским корпусам имени Алексея Иордана». После доклада О. Барковец передала в подарок кадетам роскошно переизданные Фондом оба тома «Песенника Российского воина» Валентина Мантулина, с вложенным диском песен, напетых хором Зарубежных кадет. Это издание было особо приурочено к 18-му Съезду, и будет рассылаться по всем кадетским корпусам.

После ужина состоялся доклад В. Мантулина на тему «Осуществление Русской идеи». После доклада Святослав Забелин показал две видеокассеты: первая – 2-й Московский кадетский корпус и вторая – подробные снимки наружной и внутренней архитектуры зданий «Центра Русского Зарубежья». Постройка идет по последнему слову строительной и электронной техники, вплоть до использования специального газа вместо воды для огнетушительной системы.

В субботу 11-го сентября, после раннего завтрака, большинство участников Съезда отправились автобусом и частными машинами в городок Роудон в русскую церковь на Божественную литургию, а потом на кладбище, где кадеты стояли в строю со знаменем.

Во время ужина поздравляли с днем рождения Вадима Мозгового. Выпили за его здоровье с наилучшими пожеланиями к его 74-летию.

После ужина состоялся доклад Владимира Ильича Короленко, исполнительного директора Фонда содействия кадетским корпусам им. А. Иордана, на тему «Политическое положение в России». Докладчик подробно ознакомил слушателей с причиной популярности Президента В. Путина, ознакомил с общим положением на Кавказе и с экономическим состоянием страны, рассказал об огромном количестве нерусских в Москве, а также и о других актуальных темах.

В воскресенье 12 сентября, в день основания Русского Корпуса на Балканах, А. Ермаков прочитал доклад на тему, названный «Крест павших», и после доклада показал видеокассету, снятую на праздновании 50-летия ОКРКК в Санта-Розе, с выступлением Игоря Андрушкевича.

После обеда, в 3 часа дня, состоялся вокальный концерт с участием Петра Савченко – баритон, и его супруги Лоры Дзюбанюк – сопрано, под аккомпанемент известной в Монреале пианистки. Прекрасно были исполнены оперные арии и романсы на русском, украинском, чешском, итальянском, немецком и английском языках.

Во время парадного ужина поздравили поднесением чарочек Александра Писарева и Александра Перекрестова, председателя Канадского Объединения. Потом состоялся розыгрыш двух лотерей. На одной – первый приз, картину Константина Демерджиева «Косовка девойка», подаренную художником, выиграл А. Писарев, а на второй – первый приз выиграл А. Истомин: карманные золотые часы. После ужина танцевали, пели кадетские песни и долго веселились.

В понедельник 13 сентября многие участники Съезда поехали на экскурсию в Монреаль, а остальные, собравшись в группы, делились воспоминаниями о прошедших съездах, о судьбах однокашников, о поездках и т. д. Утром появились вернувшиеся из поездки в Россию на Казачий Съезд в Краснодаре Павел Карасик и Константин Арцыбушев.

После обеда состоялся доклад профессора Дмитрия Александровича Ивашинцова на тему «Музей Русской культуры в Санкт-Петербурге». После профессора выступила Нина Петровна Рождественская с приветствием Съезду от Музея культуры русской эмиграции в Санкт-Петербурге. Рассказав о целях и задачах музея, она передала председателям Объединений книгу «Морские судьбы заграницей» - об офицерах Русского Флота в эмиграции.

Во время ужина поздравили председателя Объединения кадет в Париже Андрея Шмемана с 83-тьим днем рождения, которому однокашники поднесли чарочку и дружно пропели «Многая лета».

Во вторник утром, 14 сентября, состоялось закрытое деловое собрание кадет. Прослушали и одобрили предложения рабочих групп. Предложения войдут в резолюцию 18-го Съезда.

Затем выступил Эржан Сагимбекович Юсупов с докладом о деятельности и работе с молодежью с 1992 года Общества «Константиновские досуги», устраивающего балы три раза в году, и об участии в «Детском Эрмитаже». Докладчик предлагает поставить памятник Великому Князю Константину Константиновичу с надписью: «Отец всех кадет». Рассматривая фотографию проекта памятника, В. Ман-

тулин заявляет, что буква «е» в слове «всех» должна быть заменена на «ять», а в конце всех слов должен стоять твердый знак. Как Император Николай 2-ой, так и Великий Князь Константин Константинович перемен в старой орфографии не одобрили. Неразрешенным остался вопрос о финансировании памятника.

Дальше А. Ермаков просит совета: куда поместить хранящийся у него большой портрет Великого Князя Константина Константиновича на окончательное хранение?

После обеда, на Общем Собрании, после молитвы «Царю Небесный», председатель Съезда Дмитрий Горбенко обратился к Собранию с заключительным словом. Затем полк. Медведев сообщил, что в России есть организация «Гренадер», состоящая из уссурийцев, во главе которой стоит Владимир Иванович Гаврилов, состоятельный человек, готовый помочь нашему любому начинанию.

Затем Э. С. Юсупов передал Марии Александровне Иордан медаль, выпущенную по случаю 200-летия Пажеского корпуса. На оборотной стороне медали надпись: «Алексею Борисовичу Иордан к восьмидесятилетию. 28. 02. 2003» и «Старшему кадету от кадет Новой России».

Дальше Михаил Лермонтов благодарит всех участников Съезда за прибытие и отдельно Дмитрия Иванова и Василия Ротова за огромную подготовительную работу по распорядку ведения Съезда.

Председатель Дмитрий Горбенко объявляет XVIII Съезд закрытым, и все встают и поют молитву «Достойно есть».

На ужине председатель Съезда прочитал резолюцию, которая по техническим причинам не была объявлена на Общем Собрании. Под конец ужина, когда из кухни вышли все повара с огромным, красиво украшенным тортом в бенгальских огнях, - его несли два повара, - их встретили громкими аплодисментами.

Прощальный ужин прошел в трогательной атмосфере. Поскольку многие уезжали на другой день в 6 часов утра, то сейчас прощались, целовались, обещая писать или, по крайней мере, звонить по телефону.

Так закончился XVIII Съезд в Канаде. Это мои личные воспоминания. Если что-нибудь пропущено или передано неточно, прошу извинения.

(«Бюллетень Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов в Сан-Франциско» № 78, декабрь 2004 г.).

XVIII ОБЩЕКАДЕТСКИЙ СЪЕЗД

С 8 по 15 сентября 2004 года состоялся 18 Общекадетский Съезд, в местечке Валь Моран, в той же гостинице, где и предыдущий Съезд, приблизительно в 80 километрах на северо-запад от Монреаля, под девизом «Рассеяны, но не расторгнуты». На Съезд прибыло более 100 человек, в том числе и гости из России. Прибыли делегации кадет из Соединенных Штатов Америки, Канады, Аргентины, Франции и Сербии. Делегации из Австралии, Бразилии, Венесуэлы и Германии не смогли прибыть.

В четверг 9 сентября Съезд начался Зарей с Церемонией. Строем командовал председатель Нью-Иоркского Кадетского Объединения С. А. Муравьев. После молитвы и песни «Наш полк», исполненных всем строем кадет, состоялось традиционное русское военное поминовение, а затем всеми присутствующими была спета песня «Братья, все в одно моленье души русские сольем».

После Зари с Церемонией, председатель 17-го Съезда А. И. Перекрестов официально открыл 18-ый Съезд. Все присутствующие отметили минутой молчания память скончавшихся после предыдущего Съезда кадет и суворовцев и жертв террористического акта в Беслане. Выборы нового Президиума были отложены на закрытое кадетское собрание, на следующий день. После этого были прочитаны приветствия Съезду. Представитель Московского Суворовско-Нахимовского Содружества, полковник С. А. Медведев, прочитал приветствие 18-му Общекадетскому Съезду секретаря Совета Безопасности Российской Федерации, И. С. Иванова, посетившего предыдущий Съезд, когда он был Министром иностранных дел Российской Федерации.

От Кадетского Объединения в Аргентине Съезду и его устроителям была преподнесена икона Царственных Мучеников, написанная вице-председателем этого Объедиенения, арх. О. Н. Ауэ. От Кадетского Объединения в Белграде была преподнесена икона Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского, являющаяся копией иконы, находящейся в храме Святого Александра Невского в Белграде, Сербской Православной Церкви. После открытия Съезда, в столовом зале гостиницы состоялся торжественный ужин.

На следующий день, в пятницу 10 сентября, на закрытом собрании кадет, был единодушно выбран Президиум 18-го Съезда, в следующем составе: Д. В. Горбенко, председатель; М. А. Лермонтов,

вице-председатель и В. М. Ротов, секретарь. Этот Президиум будет возглавлять Российские Кадетские Объединения за рубежом вплоть до выбора нового Президиума на следующем Общекадетском Съезде. Согласно Резолюции 17-го Съезда, *«члены Президиума последнего Съезда и все председатели Объединений образуют Кадетское Совещание, решающее все вопросы, возникающие в промежутках между Съездами»*. Также было решено создать на время Съезда девять рабочих групп кадет, для рассмотрения разных вопросов и для выработки соответствующих предложений, для их включения в общую Резолюцию Съезда.

В этот же день, после обеда, состоялись доклады И. Н. Андрушкевича «Наше завещание Российским кадетам» и О. И. Барковец «Работа Фонда содействия кадетским корпусам имени Алексея Иордана». О. И. Барковец сообщила, что «Фонд» переиздал для кадетских корпусов оба тома военного песенника Валентина Мантулина, с приложенным диском, дарственные копии каковых были розданы участникам Съезда.

После докладов состоялась первая сессия рабочих групп. После ужина состоялся доклад В. Н. Мантулина, но не на указанную в программе тему («Поездка в Санкт-Петербург»), а на тему о необходимости согласования русских фундаментальных идей с современной действительностью. После доклада были показаны документальные фильмы, а затем состоялась дружеская встреча.

На следующий день, в субботу 11 сентября, состоялась поездка участников Съезда автобусами в город Ровден в русскую церковь, на Божественную Литургию. Пел смешанный хор из кадет и местных певчих под управлением сына кадета Павла Пагануцци. После Литургии, на местном русском кладбище была отслужена панихида по усопшим русским воинам и кадетам и по невинным жертвам террористического акта в Беслане. Литургию и панихиду служил отец Петр Бурлаков, кадет 25-го выпуска ПРКК. Во время панихиды кадеты стояли в строю, со знаменем. После обеда состоялась вторая сессия рабочих групп, а после ужина доклады В. И. Короленко «Политическое положение в России» и А. М. Ермакова «Положительные явления в России».

В воскресенье, 12 сентября, после обеда, состоялся вокальный концерт, а вечером парадный ужин, с танцами.

В понедельник, 13 сентября, состоялась экскурсия в город Монреаль, а после обеда доклад профессора Д. А. Ивашинцова «Музей

Русской культуры в Санкт-Петербурге». После доклада состоялась третья, завершающая сессия рабочих групп.

Во вторник, 14 сентября, после завтрака, состоялось закрытое кадетское деловое собрание, заслушавшее доклады рабочих групп, на основании каковых был одобрен текст Резолюции Съезда. После обеда состоялось заключительное собрание Съезда. Председатель Съезда Д. В. Горбенко закрыл Съезд, после чего все присутствующие спели молитву «Достойно есть». По техническим соображениям, Резолюция Съезда была прочитана Председателем Съезда во время прощального ужина. На другой день, в среду 15 сентября, после завтрака, состоялся разъезд участников Съезда.

18-ый Общекадетский Съезд, среди постановлений, перечисленных в Резолюции, вынес свое решение по некоторым важным вопросам.

Снова было подчеркнуто, что **идейное и педагогическое завещание** русских зарубежных и императорских кадет уже было окончательно сформулировано в кадетских печатных изданиях, публиковавшихся в Русском Зарубежье в течение десятилетий, некоторые из которых продолжают выходить и по сей день. Таким образом, это завещание уже было написано и опубликовано, а посему оно никоим образом не может быть подвергнуто изменениям, ибо прошлое неподвластно будущему. Это в корне исключает возможность «переделывания» или «переписывания» кадетского завещания кем бы то ни было в будущем. Тем более, что оно было нам передано старшими поколениями кадет, являвшихся живой частью старой Русской Армии.

Кроме того, Съезд подчеркнул, что это завещание также содержится в **Резолюциях и Обращениях последних шести Кадетских Съездов**. Именно эти Резолюции и Обращения и являются наказом для всех кадет, при их посещении возрождающихся кадетских корпусов в России. Съезд особенно подчеркнул необходимость передачи при таких поездках Обращения 15-го Общекадетского съезда о «**Воспитании русской молодежи в кадетских корпусах**», и других кадетских материалов. Эти Резолюции и Обращения последних шести Кадетских Съездов были изданы отдельной брошюрой, на основании постановления предыдущего 17-го Съезда. Они также вошли в состав книги «**Честь родного погона.** Книга о традициях Российских кадетских корпусов», составленной покойным А. Б. Иорданом и изданной Фондом содействия кадетским корпусам его имени.

На основании предложения представителя Московского Суворовско-Нахимовского Содружества, полковника С. А. Медведева, Съезд рекомендовал этому Содружеству *«изучить вопрос и подготовить свои предложения по необходимости введения в систему кадетского образования структур, соответствующих требованиям русских исторических традиций, олицетворением каковых являлся Генерал-инспектор военно-учебных заведений России Великий Князь Константин Константинович»*. Этот вопрос был уже поднят перед тогдашним Министром иностранных дел И. С. Ивановым, во время предыдущего Съезда.

В связи с запросами из России, Съезд уточнил, что Русский Общевоинский Союз (РОВС) был закрыт в 2000 году устным приказом его последнего председателя поручика В. А. Вишневского, во время предыдущего 17 Съезда. Этот приказ тогда был подтвержден председателям Кадетских Объединений по телефону поручиком В. А. Вишневским, из больницы, в которой он лежал. 18-ый Съезд также отметил, что вся информация на эту тему содержится в исторической справке М. М. Бореля, внука генерала М. В. Алексеева, опубликованной в «Кадетской перекличке» № 74.

Съезд также выразил чувство огорчения, что в некоторых военных училищах в России все еще сохраняется коммунистическая партийная символика. Во время Съезда была подчеркнута принципиальная невозможность симбиоза между партийно-сектантской символикой, воздвигнутой в рядах одной из сторон во время братоубийственной гражданской войны, и исторической государственной символикой России.

В заключение необходимо отметить, что Съезд принял предложение Кадетского Объединения в Сербии устроить очередной 19-ый Съезд в 2005 году в Белграде. Также было отмечено предложение Московского Суворовско-Нахимовского Содружества о проведении Кадетского Съезда в России.

(Передовица «Кадетского письма» № 41).

ПРИВЕТСТВИЯ XVIII СЪЕЗДУ

Список приветствий XVIII Общекадетскому Съезду

1. Слово Председателя предыдущего XVII-го Съезда, А. И. Перекрестова.
2. Приветствие секретаря Совета Безопасности Российской Федерации, И. С. Иванова.
3. Приветствие Министра Иностранных Дел Российской Федерации, С. Лаврова.
4. Приветствие Посла Российской Федерации, Г. Мамедова.
5. Поздравление от председателя Фонда содействия кадетским корпусам, Б. А. Иордана.
6. Обращение Московского Суворовско-Нахимовского Содружества.
7. Поздравление от председателя Объединения кадет российских кадетских корпусов в Сан-Франциско, И. А. Козлова.
8. Письмо от председателя Объединения кадет российских кадетских корпусов в Венесуэле, Г. Г. Волкова.
9. Письмо от председателя Кадетского Объединения в Бразилии, С. Хилинского.
10. Слово представителя Белградского Объединения, С. Марченко.
11. Приветствие от председателя Екатеринбургского Суворовско-Нахимовского клуба, А. Бобова.
12. Письмо и поздравление от председателя Объединения российских кадетских корпусов в Новочеркасске, А. Саранчева.
13. Письмо в стихах от президента Московского просветительского общества «Русская Америка», В. Колычева.
14. Приветствие от Приора Суверенного Ордена св. Иоанна Иерусалимского (Санкт-Петербург).
15. Письмо от начальника Санкт-Петербургского кадетского ракетно-артиллерийского корпуса, полковника Е. Ермолова.
16. Приветствие от начальника Санкт-Петербургского Суворовского военного училища, полковника В. Бокова.
17. Приветствие от Благотворительной организации Фонд «Отечество».
18. Письмо от председателя Объединения бывших учеников 1-ой Русско-Сербской Гимназии в Белграде, Анастасии А. Бартош.
19. Приветствие от Академика В. Королева.
20. Приветствие от председателя Мурманской организации Суворовско-Нахимовского Союза, В. М. Меньшова.

ПРИВЕТСТВИЕ СЕКРЕТАРЯ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дорогие друзья, братья кадеты!

К сожалению, известные трагические события и горе, постигшее Россию в результате нападения на наше Отечество международного терроризма, не позволяют мне принять участие в Общекадетском Съезде.

По этой же причине и большинство моих друзей и российских кадет не смогут приехать к вам.

Должен сказать, дорогие друзья, что сегодня, когда кажется, что каждый день только углубляет глобальную напряженность и дела человечества ухудшаются, еще больше утверждаешься в осознании непреходящего значения основополагающих ценностей Русской цивилизации, которые важны как для будущего России, так и для формирования нового демократического, безопасного мирового порядка.

Мы возлагаем большие надежды на просиявшую звезду нашего кадетского братства, которая для всех нас – есть звезда путеводная.

Наше Братство призвано сохранить и нести дальше знамя Чести, Доблести, беззаветного служения Родине, которые завещали нам наши предки.

Позвольте пожелать Съезду успешной работы. В России десятки тысяч кадет внимательно следят за вашей деятельностью и черпают силу в вашей любви к Отечеству.

С глубоким уважением.

И. Иванов

Выпускник Московского суворовского военного училища

ПРИВЕТСТВИЕ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Участникам и организаторам XVIII Общекадетского съезда (Канада, 8 – 15 сентября 2004 года)

От имени Министерства иностранных дел Российской Федерации сердечно приветствую всех участников и организаторов XVIII Общекадетского съезда.

Кадетское братство всегда отличало чувство бескорыстного служения Отечеству – служения, исполненного нравственной и духовной силы. Сегодня вы осуществляете прекрасную по глубине и бла-

городству замысла работу, храня и передавая молодому поколению высокий нравственный завет предшествующих поколений россиян, активную гражданскую позицию, основанную на чувствах патриотизма, любви и уважения к истории и культуре своей Родины.

Еще четыре года назад в России было около 30 кадетских корпусов, теперь их уже более 70. Это говорит о том, что наши соотечественники, которые долгие десятилетия оберегали традиции русских кадет, не только смогли их передать своим сподвижникам в России, но и зародить новое, набирающее вес кадетское движение в стране. Ваш опыт и знания вносят неоценимый вклад в образование нашей молодежи, которой предстоит укреплять интеллектуальный и военный потенциал государства российского, что необходимо для обеспечения активного участия России в формировании нового демократического мироустройства. В прошлом Россия не раз склоняла чашу весов европейской и мировой политики в пользу подлинно коллективных начал, баланса интересов и равновесия в международных отношениях. Теперь, после окончания «холодной войны», ситуация в мире вновь востребует эту традиционную роль России.

Цели вашей деятельности полностью идут в русле социально-экономических и демократических преобразований нашей страны, направленных на реализацию огромного созидательного потенциала российского общества и государства и дальнейшее укрепление на этой основе международных позиций России. Общими усилиями мы сможем добиться утверждения за Россией достойного места в ряду других ведущих мировых держав.

Убежден, что у вашего прекрасного дела – большое будущее.

Желаю всем участникам и организаторам съезда крепкого здоровья, благополучия и новых достижений на благо России.

С. Лавров

Москва, 2 сентября 2004 г.

ПРИВЕТСТВИЕ ПОСЛА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КАНАДЕ

Уважаемые Господа!

От имени руководства и от себя лично приветствую всех делегатов, участников и организаторов XVIII Общекадетского съезда российских кадетских корпусов за рубежом и желаю вам плодотворной работы и содержательных итогов этого форума.

Мы высоко оцениваем вашу деятельность по патриотическому воспитанию молодежи, ваш значительный вклад в дело возрождения кадетских корпусов в России, а также испытываем искренние чувства благодарности по отношению к тем нашим соотечественникам, которые в течение долгих десятилетий эмиграции бережно хранили старинные российские традиции, чтобы передать их сегодня тому, кому они столь необходимы.

Будущее нашей Родины во многом зависит от того, сумеем ли мы поднять моральный дух нашего общества, укрепить в молодом поколении россиян простые и благородные принципы, подобные тем, которые воспитывались в кадетских корпусах.

Мы знаем, что вы сопереживаете по поводу происходящего в современной России, проявляете действенную солидарность с российским народом, мужественно сражающимся со срашным злом современного мира – международным терроризмом. В этой бескомпромиссной борьбе за наше общее будущее особое место принадлежит молодежи. И мы ценим, что благодаря именно вашей помощи и финансовой поддержке Фонда содействия кадетским корпусам было в определенной степени легче осуществить организацию новых кадетских корпусов в Российской Федерации. Число их за последние несколько лет удвоилось.

Уверен, что ваши благородные деяния не могут не дать положительного заряда всему российскому обществу.

От всего сердца желаю вам, уважаемые соотечественники, долгих лет жизни, крепкого здоровья и дальнейших успехов в вашей деятельности на благо великой России.

Г. Мамедов

ПРИВЕТСТВИЕ ФОНДА СОДЕЙСТВИЯ КАДЕТСКИМ КОРПУСАМ ИМЕНИ АЛЕКСЕЯ ЙОРДАНА

Уважаемые участники XVIII Съезда российских кадет!

Дорогие старшие кадеты, друзья и соратники моего отца!

Примите мои самые теплые поздравления с началом работы Съезда и разрешите пожелать Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни и благополучия.

Ваша вера в Россию и ее потенциал, Ваша деятельность по передаче традиций воспитания подрастающего поколения дала свои

плоды – сейчас в России более 70 кадетских корпусов. Сколько сделано, но еще больше предстоит сделать! Ваш авторитет, бесценный жизненный опыт в деле достижения целей на основе кадетского братства, глубокое понимание существующих проблем и пути их разрешения необходимы юному поколению кадет России и всем, кому небезразлично будущее России.

Это первый Съезд, в котором не участвует мой отец, Алексей Борисович Йордан. Он, как и Вы, был искренне предан кадетскому братству и делал все, что мог для возрождения кадетских корпусов в России. Я уверен, что его сподвижники, друзья, коллеги и дальше будут высоко нести кадетское знамя и оставаться примером для молодых российских кадет.

Искренне ваш,

Борис Йордан
Президент Фонда
8 сентября 2004 года

ОБРАЩЕНИЕ МОСКОВСКОГО СУВОРОВСКО-НАХИМОВСКОГО СОДРУЖЕСТВА XVIII ОБЩЕКАДЕТСКОМУ СЪЕЗДУ

Съезд проходит в период, когда наша с Вами Великая Родина, Святая Русь стоит на пороге единственно праведного пути на Земле – пути к Богу, пути к Истине.

Но для того, чтобы мы – кадеты, удостоенные высокой чести носить на погонах и в сердце имя незабвенного Суворова и осознающие себя передовым отрядом духовно-патриотического слоя России – могли выбрать свой правильный путь, нам необходим маяк. И этим маяком для нас являетесь Вы, верные хранители лучших традиций Православного Державного Воинства Святой Руси.

Сегодня Отечество наше стоит на пороге восприятия величайшей идеи Православного Самодержавия, справедливейшего во Вселенной государственного устройства, дарованного Русской Земле милостью Божией и милосердием Пресвятой Богородицы. И на пути к осмыслению и осознанию этой великой идеи путеводной звездой для нас является Боевое Знамя Российского Кадетского Братства, которое Вы пронесли сквозь бури и штормы, и которое передаете в наши руки. Мы будем достойны этой великой чести и величайшего доверия.

В свое время святой праведный Иоанн Кронштадтский с горечью говорил о том, что «перестали понимать русские люди, что такое Русь. Она есть Подножие Престола Господня. Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он Русский».

Настала пора и нам понять и осознать это, понять и осознать то, о чем Вы, наши старшие братья, не забывали ни на минуту на протяжении долгих и трудных лет вдали от Отечества.

Епископ Иоанн (Соколов) Смоленский предупреждал: «Помни, Россия, что в тот день, когда ты посягнешь на свою веру, ты посягнешь на свою жизнь». Вы были хранителями православных традиций и Православной веры на протяжении трудных лет безбожия, во мрак которых падала наша Родина. И для нас Вы являете пример того, как надо беречь и хранить Русскую Православную веру.

Съезд проходит в знаменательное для России время, когда в свой Дом Пресвятой Богородицы вернулись величайшие святыни – Тихвинская икона Божией Матери и Казанская икона Божией Матери. Съезд начинается в дни празднования Сретения Владимирской иконы Божией Матери, в дни, когда Сама Заступница Небесная избавила Русь от страшного нашествия Тамерлана (26.08./08.09. 1395 г.).

И хочется верить, что Съезд проложит новые пути к дальнейшему воскрешению и совершенствованию кадетского образования в России, воспитанию православной и национально-ориентированной элиты, возрождению державного сословия, которое должно стать достойным Русского боярства и Русского дворянства, что послужит дальнейшему укреплению духовной и боевой мощи Русской Армии – основы могущества нашей Державы.

Съезд проходит в знаменательный год – 14 октября исполняется 840 лет со дня учреждения Святым Благоверным Князем Андреем Боголюбским праздника национального торжества – Покрова Пресвятой Богородицы. 840 лет Русь находится под святым Покровом Божией Матери, и мы, Ваши младшие братья, обещаем быть достойными этого Покрова и не жалея сил служить делу воспитания кадет, которым предстоит возродить Великую и Могучую Русь под Покровом Пресвятой Богородицы.

Мы стоим на пороге и еще одной величайшей даты – 17 июля 2005 года исполняется 850 лет со дня Явления и Откровения Пресвятой Богородицы Андрею Боголюбскому на развилке Владимирской и Суздальской дорог. Эту дату Православная Церковь почитает как дату основания на Русской Земле Православного Самодержавия, а

Святого Благоверного Князя Андрея Боголюбского, не без воли Бога тайно проводившего в жизнь эту идею, - как первого Русского Царя, если не по имени, то по существу.

Навстречу этой дате мы готовим серию книг «Православные Государи Русской Державы», которая поможет подрастающему поколению понять и осознать идею Православного Самодержавия, ибо настает время его воскрешения на Русской Земле, пусть сначала и не по имени, но по существу.

Наше Содружество желает Вам долгих лет плодотворной жизни на благо великого будущего нашего Отечества.

Валерий Зеленский
Александр Владимиров
Николай Шахмагонов
По поручению Совета

XVIII ОБЩЕКАДЕТСКОМУ СЪЕЗДУ

Из далекого Екатеринбурга шлем привет и наилучшие пожелания участникам 18 Съезда кадет.

Желаем успехов в благородной патриотической работе во благо Великой России.

Сердцами с Вами!

Да хранит Вас всех Господь!

С уважением и дружеским приветом

Альберт Бобов
Председатель Союз кадет Урала,
Екатеринбургский Суворовско-Нахимовский клуб

ОТ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАДЕТ РОССИЙСКИХ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ В НОВОЧЕРКАССКЕ

Уважаемые господа кадеты, гости, присутствующие!

От лица Объединения кадет российских кадетских корпусов в г. Новочеркасске хочу поздравить Вас со знаменательным событием – XVIII Съездом кадет.

Для многих посторонних людей это мероприятие покажется ненужной бутафорией и суетой. Но для человека, который хотя бы

раз в жизни надевал кадетские погоны, стоял в строю и с трепетом в душе встречал знамя корпуса, Съезд – это святой праздник, который очередной раз доказывает всему миру, что сильно еще кадетское братство, что есть надежда на продолжение традиций молодым поколением.

В настоящее время в городе Новочеркасске создано Объединение кадет российских кадетских корпусов. Эта организация делает только первые шаги в нашем большом общем деле – содействии воспитанию молодых кадет, объединении и взаимопомощи выпускников кадетских корпусов.

В нашей работе мы следуем целям и задачам, присущим подобным Объединениям и за рубежом:

- создание и сохранение единой кадетской семьи на основе воспитания, быта и славных традиций родных корпусов, казачества;
- содействие в возрождении традиционных казачьих духовных ценностей, культуры, науки;
- содействие религиозно-нравственному и патриотическому воспитанию молодежи;
- учреждение специальных премий и стипендий Объединения;
- создание производственных и коммерческих предприятий для обеспечения трудовыми местами преимущественно выпускников кадетских корпусов;
- организация и проведение благотворительных и спортивных мероприятий, связанных с поддержкой кадетских корпусов.

Для достижения вышеуказанных целей и задач Объединением проводится ряд мероприятий и деловых встреч.

Так в феврале месяце делегация от нашего Объединения присутствовала на Верховном круге Межрегиональной общественной организации «Резервное казачье войско» в г. Москве. Резервное казачье войско – это динамично развивающаяся организация, деятельность которой направлена на объединение казаков, возрождение казачьего духа, создание рабочих мест для членов организации.

На круге была достигнута договоренность между руководством нашего Объединения и Верховным атаманом Ревой о сотрудничестве и взаимопомощи.

В мае месяце двенадцать членов Объединения вместе с ростовским атаманом Войска Шапошниковым прибыли в Москву для участия в праздничном построении Резервного казачьего войска. Войсковой атаман генерал Рева выразил благодарность и предло-

жил выступить Резервному казачьему войску соучредителем в нашем Объединении.

В июле месяце в г. Ростове-на-Дону был проведен круг, на котором присутствовали делегаты от Резервного казачьего войска, Всевеликого войска Донского и Объединения кадет российских кадетских корпусов. Были рассмотрены вопросы эффективного взаимодействия между этими организациями, планы совместной работы. Нашему объединению отведена немаловажная роль по работе не только с кадетами и выпускниками кадетских корпусов, но и с несовершеннолетними гражданами Ростовской области. По этому вопросу были проведены встречи с руководством Генерального Штаба РФ, Северо-Кавказского военного округа, духовенством Ростовской области.

Итогом проделанной работы стало решение о создании совместно с дивизией оперативного назначения «Дон», отрядом специального назначения «Росич», ростовским отделением Резервного казачьего войска, духовенством города Новочеркасска и нашим Объединением молодежной патриотической организации. Целями данной организации являются:

- содействие патриотическому воспитанию молодежи, формированию у нее гражданского отношения к родному Отечеству, активной жизненной позиции, мировоззрения, основанного на национально-государственных интересах и духовно-нравственных ценностях;
- содействие в реализации государственной молодежной политики;
- содействие возрождению духовных и культурных ценностей у молодежи;
- содействие формированию национального патриотического сознания молодых граждан России;
- подготовка к военной или другой государственной службе;
- содействие национальной и духовной консолидации Общества.

В конце сентября планируется поездка руководства Объединения совместно с ростовским атаманом Резервного казачьего войска Шапошниковым в Абхазию по приглашению главы местной администрации для налаживания культурных и деловых связей с казачьими организациями республики.

В настоящее время проводится активная работа по составлению базы данных всех выпускников Донского кадетского корпуса.

Ведутся переговоры по предоставлению нашему Объединению помещения.

У нас впереди еще много работы, много трудностей, но мы постараемся приложить максимум усилий для достижения одной общей цели – возрождения нашей России.

От лица всех донцов-кадет хочу еще раз поздравить Вас с нашим общим праздником – XVIII Съездом кадет, с тем, что кадетское братство продолжает жить и трудиться во благо Православной Руси.

Да хранит Вас Господь.

С глубоким уважением

Александр Саранчев
Председатель Объединения

ОТ МОСКОВСКОГО ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА «РУССКАЯ АМЕРИКА»

Дорогие Друзья, Братья и Сестры!

Поздравляем вас с началом работы XVIII Общекадетского Съезда кадетских объединений за рубежом.

Братья кадеты! Ревнители Славы!
Шлем вам привет от родных берегов.
Матушка-Русь сыновей разбросала,
Кровью поверила вашу любовь.

Вы ж сохранили Надежду и Веру,
Честь и Достоинство вы сберегли,
Тихой молитвой, страданьем безмерным
Близили утро родимой земли.

Вспомним минутой молчания близких…
А молодежи – отцовский завет:
С честью несите по весям российским
Слово и Дело Российских Кадет.

Доброго Здравия и Божьей Помощи.

Владимир Колычев, *президент*
6 сентября 2004

ОТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО РАКЕТНО-АРТИЛЛЕРИЙСКОГО КОРПУСА

Уважаемые господа Старшие кадеты!

Командование и воспитанники Санкт-Петербургского ракетно-артиллерийского корпуса, преемника Дворянского полка, Константиновского кадетского корпуса, Константиновского военного, а затем артиллерийского училища, горячо и сердечно приветствуют Вас с началом работы XVIII Съезда Объединения кадет российских кадетских корпусов.

Желаем всем участникам крепкого здоровья и успехов в работе съезда. В воспитании будущих воинов – защитников Отечества главная наша задача – внедрить в сознание юношей высокие правила чести, долга, любви к отечеству и вере православной. Каждый съезд ОК РКК дает новый импульс в военно-патриотическом воспитании кадет России, особенно в его военно-историческом аспекте.

Знакомясь с документами съездов, воспоминаниями кадет прошлого века, воспитанники корпуса узнают много нового и важного для себя. Стараются взять на заметку лучшие традиции кадетского братства.

Для нас это важно вдвойне, т.к. мы готовимся к 200-летию создания нашего учебного заведения, которое состоится 14 марта 2007 года. Приглашаем Объединение кадет российских кадетских корпусов к сотрудничеству в подготовке этого славного юбилея в жизни кадет России и зарубежья.

Будем искренне рады видеть Старших кадет в стенах Санкт-Петербургского ракетно-артиллерийского кадетского корпуса в любое удобное для Вас время.

Честь имею, с уважением

полковник Е. Ермолов

Начальник Санкт-Петербургского кадетского ракетно-артиллерийского корпуса

8 сентября 2004 года.

ОТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО СУВОРОВСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА

Уважаемый Господин Председатель!

От имени суворовцев, офицерско-преподавательского состава, воспитанников Санкт-Петербургского Суворовского военного училища приветствуем Вас и всех участников знаменательного Съезда зарубежных кадет!

Долголетняя дружба, сотрудничество с нашим училищем оказали благотворное влияние на воспитание суворовцев в духе патриотизма, долга, чести, гордости за общность наших кадетских судеб.

Разрешите искренне поблагодарить Вас за сотрудничество, переданные нам традиции Российских кадет, пожелать Вам здоровья и успехов в работе съезда.

Честь имею. С уважением,

полковник В. Боков

Начальник Санкт-Петербургского Суворовского военного училища

8 сентября 2004 года

ОТЧЕТ ФОНДА СОДЕЙСТВИЯ КАДЕТСКИМ КОРПУСАМ ИМЕНИ А. ЙОРДАНА

Первое полугодие 2004 года

Основные направления деятельности

I. Согласованы и утверждены благотворительные программы:

- повышения квалификации офицеров-воспитателей КК на базе Тверского суворовского военного училища;

- содействия выпускникам КК в получении разностороннего образования в лучших военных и гражданских ВУЗах страны;

- поддержки и участия в Международном детском фестивале «Москва встречает друзей»;

- подготовки и издания альбома «Преподобный Серафим Саровский».

II. Работа Фонда в целях возрождения духовных, религиозно-нравственных, культурных и военно-патриотических российских традиций в системе воспитания, просвещения и обучения подрастающего поколения:

1. В период с 19 по 30 апреля на базе Тверского суворовского военного училища при участии Министерства обороны РФ были проведены методические сборы с директорами КК. Организацию и финансирование этих сборов осуществлял ФСКК им. А. Йордана. В адрес руководства Фонда получены многочисленные положительные отзывы, что свидетельствует о достижении поставленных целей. В дальнейшем планируется организация и проведение **ежегодных курсов подготовки офицеров-воспитателей КК.**

2. Налажено сотрудничество со Смольным институтом свободных искусств и наук. Учреждена стипендия имени А. Йордана. Презентация проекта состоялась в Смольном институте 4 апреля 2004 г.

Справка:

Смольный институт – совместная образовательная программа Санкт-Петербургского государственного университета и всемирно известного Бард Колледжа США, штат Нью-Йорк, основанного в

1860 г. Институт осуществляет подготовку бакалавров по направлению «Искусства и гуманитарные науки». Обучение идет на двух языках, русском и английском. Выпускникам Смольного института выдается сразу два диплома - СПбГУ и Бард Колледжа. Обучение в институте финансируется как из бюджетных, так и из частных средств.

3. Соорганизация и финансовая поддержка Международного Фестиваля «Москва встречает друзей» (Министерство культуры РФ, МИД РФ, Комитет по культуре Правительства Москвы, Международный фонд В. Спивакова).

Открытие Фестиваля состоялось14 мая 2004 года. В Москву приехало более 800 одаренных детей. 19 мая в зале Московского музыкального КК прошёл благотворительный концерт. В Фестивале принимали активное участие кадеты Московского музыкального кадетского корпуса.

4. Подготовка и издание совместно с Московской Патриархией и РПЦЗ альбома «Преподобный Серафим Саровский».

Книга была представлена 27 мая 2004 г. во время заключительной встречи делегаций РПЦ Московского Патриархата и РПЦЗ. Святейший Патриарх Алексий II и Митрополит Лавр дали высокую оценку альбому, подчеркнув, что это их первый совместный проект.

Альбом разослан в библиотеки кадетских корпусов России.

5. Поддержка изготовления тиража фильмов документального цикла «Никита Михалков. Русский выбор» для кадетских корпусов России.

Фонд финансировал изготовление тиража фильмов для кадетских корпусов России. Этот документальный цикл является беспрецедентным в российской тележурналистике по масштабу замысла, охвату явлений, событий, личностей в истории Белого движения и должен стать частью учебной программы по курсу отечественной истории в кадетских корпусах. Презентация фильма для кадетских корпусов и передача кассет планируется к началу учебного года.

6. Торжественный акт передачи комплекта журнала «Кадетская перекличка».

Пятого апреля с.г. представители Фонда содействия кадетским корпусам имени Алексея Йордана передали Российской национальной библиотеке (Петербург) полный комплект журнала «Кадетская перекличка». Это - дар России Нью-Йоркского объединения кадет российских кадетских корпусов за рубежом. Журнал выпускается с

1971 года по сегодняшний день. За это время вышло 74 номера журнала, но полного комплекта журнала не имеет ни одна библиотека в России. Фонд содействия кадетским корпусам совместно с Московским суворовско-нахимовским содружеством оказал помощь в передаче журнала в Россию.

III. Поддержка кадетских корпусов и других образовательных учреждений Российской Федерации

1. Ивано-Вознесенский КК – оплата обмундирования;
2. Кадетская школа-интернат «Кедровый» - покупка икон;
3. Московский корпус юстиции – оплата шкафов для библиотек;
4. Дагестанский КК – оплата за расширение столовой;
5. 1-й Московский георгиевский корпус им. Г. Жукова – оплата учебных автоматов;
6. Смоленский КК – оплата за форму и фуражки для кадет;
7. Ростовский КК – оплата мультисистемы для образовательного процесса.
8. Московский кадетский музыкальный корпус – оплата за вымпел.
9. Дербентский КК – оплата за изготовление нагрудных знаков.
10. Симбирский КК - оплата за обмундирование.
11. Туапсинский КК – оплата за погоны и нарукавные знаки.
12. Воронежский КК – оплата за головные уборы и ткань
13. Старооскольский КК - оплата за снаряжение для поисковых отрядов.

Общая сумма выплат составила 1 847 943, 94 руб.

IV. Работа с общественностью и СМИ.

В интересах обеспечения учебно-воспитательного процесса в КК Фондом получено в дар:

- от Министерства обороны РФ – комплект тематических плакатов по стрелковому оружию в количестве 1500 штук;

- от общественной организации «Институт Открытое Общество» -комплект печатных изданий (4 комплекта 100-томной серии «Шедевры русской литературы»).

Ольга Барковец, *Генеральный директор.*
Владимир Короленко, *Исполнительный директор .*
Москва, 12 июля 2004 г.

Н. В. Бордюг, А. М. Некрасов

СИБИРСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

Боевые орлята

В жизни кадетских корпусов страны бывают события торжественные, бывают повседневные, бывают и глубоко значимые…

Идея собрать в одном месте несколько сот кадет со всей России, и не на коротком парадном «мероприятии», а за достаточно длительный период пройти с ними интересную, насыщенную, воистину кадетскую программу, родилась еще в 2000 году, во время проведения в Новосибирске, а затем в Красноярском крае очередного Всероссийского семинара-совещания по вопросам кадетского образования в стране. Одними из инициаторов идеи стали руководители Сибирского Корпуса и главный специалист Минобразования РФ г-жа Е. И. Казакова, которая и «пробила» в министерстве этот, казавшийся тогда очень дерзким и необычным, проект. Минобраз России выделил необходимые средства для проведения Кадетского сбора, в основу разработки программы которого легли такие документы, как Закон РФ «Об образовании», Национальная доктрина образования в России, Федеральная программа развития образования, Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы», Программы «Молодежь России» и «Дети России», а также Федеральная целевая программа развития ВДЦ «Орленок».

Участниками 1-й кадетской «профильной» смены в 2002-м году стали 400 кадет, а в 2003-м году, с 18 марта по 16 апреля, в лагерь близ Туапсе съехалось уже 500 кадет из 25-ти регионов страны, в т. ч. и из Москвы.

Вот как резюмировал цели и задачи Кадетского сбора один из активных его организаторов и участников г-н Соловьев А. Ю., начальник Лагеря «Звездный»: «Основной целью Сбора мы считаем развитие чувства патриотизма у подростков посредством осмысления идеи служения Отечеству – как жизненной позиции, а также

развитие лидерского и творческого потенциала кадет в условиях постоянного «профильного» детского коллектива. Отсюда – наши задачи: закрепление и дальнейшее формирование гражданско-патриотической позиции кадет, осмысление ребятами духовно-нравственных понятий, лежащих в основе «Кодекса кадетской чести», развитие у них чувства гордости званием Российского кадета и чувства личной сопричастности к славной истории Кадетского образования в России, сохранение и укрепление здоровья кадет и приобщение их к основам понятий о здоровом образе жизни, совершенствование уровня военно-спортивной подготовки, создание условий для выявления и развития интеллектуально-творческого потенциала кадет, их лидерских качеств и организаторских навыков, сплочение коллективов взводов Кадетских Корпусов – участников Смены, развитие и укрепление братских связей между Корпусами различных регионов России».

Кадетские подразделения во время Сборов представляли собой роты из 4-х взводов, в которых трудились как офицеры-воспитатели некоторых Корпусов, так и вожатые ВДЦ «Орленок» (поначалу люди сугубо гражданские, но постепенно полностью втянувшиеся в «боевую» жизнь кадет и ставшие практически настоящими кадетскими командирами).

Располагались кадеты в отдельных благоустроенных зданиях ВДЦ «Орленок», буквально на берегу Черного моря. Кадетская жизнь состояла и из повседневных рутинных занятий (подъем, зарядка, заправка постелей и уборка помещений, утренняя поверка, учебные занятия в местной школе, пятиразовое (!) столование, организация службы дневальных и пр.), и из дел воистину экстраординарных.

Среди незаурядных событий Сборов и грандиозные парады всего личного состава в начале и конце Сборов, и живописнейшие кадетские балы, и экскурсии в богатейший местный Музей Космонавтики, и смотры строя и песни, и огромные концерты кадетской самодеятельности, и поездки на экскурсии в цветущие окрестные курортные зоны, и посещение Туапсинского Морского Кадетского Корпуса, и, конечно же, проведение уникальных Всероссийских Кадетских Малых Олимпийских Игр, программа которых включала и традиционные виды спорта (плавание, бег), и военизированные (кросс, метание гранаты, стрельба).

Конечно же, выдающимся событием Сборов стала военная игра «Скороход» - многокилометровый марш-бросок по пересеченной

местности, ориентирование по карте, форсирование водных преград с помощью канатов и вброд, «поражение» гранатами «танка противника», вытаскивание из грязи застрявшего грузовика – и все это в составе взвода, под командованием своих же вице-унтер-офицеров и вице-ефрейторов!

А по вечерам в лагере проходили «Советы командиров», на которых дети, вместе со взрослыми, обсуждали планы следующего дня, подводили итоги сделанного, учились принимать решения по строевым, хозяйственным, спортивным вопросам. Разумеется, между взводами велось активнейшее соревнование по всем аспектам кадетской жизни, и для кадет было делом чести стать первыми хотя бы в чем-нибудь – пусть это будет победа в товарищеском матче по волейболу, футболу или теннису, либо просто образцовая заправка кроватей взводом или идеально вымытый пол в «казарме».

Регулярно выпускались стенгазеты, «Боевые листки». Местное телевидение транслировало видеозарисовки из кадетской жизни, дела Сборов отражались и на сайте «Орленка» в Интернете.

А разве забыть поездки на боевые корабли, почетные караулы у памятников погибшим воинам или проход огромной кадетской колонны, под звуки духового оркестра, по центральной улице Туапсе, когда местные жители тепло и живо приветствовали юных кадет, которые, когда замолчал оркестр, запели созданный в Сибирском Кадетском Корпусе и уже по всей стране знаменитый «Кадетский Марш»:

Поклянемся, господа кадеты, не предать своей страны заветы,
Твердо стоять за Россию-Мать, свой мундир не запятнать!
Честью дорожить, сердцем не остыть, Родину свою любить!…

(Туапсе – Новосибирск.)

ПЕСЕННИК РОССИЙСКОГО ВОИНА

21 января 2005 года в Государственном мемориальном музее А. В. Суворова состоялась церемония передачи Кадетским корпусам Санкт-Петербурга **«Песенника Российского воина»** В. Мантулина. Первое издание этого песенника состоялось в США в 1970 году (1-й том) и в 1985 году (2-й том). Затем он был переиздан Издательским центром «Русская лира» (Санкт-Петербург, Россия) в 2004 году, по инициативе «Фонда содействия кадетским корпусам имени Алексея Йордана», и предназначен для воспитанников кадетских корпусов России. Одновременно был передан альбом **«Ледяной поход»** К. Кузнецова (США), изданный членами Объединения кадетских корпусов за рубежом Ю. Мордвинкиным, К. Волошиным и М. Лермонтовым в 2004 году в США. Он посвящен памяти автора альбома и генерала Л. Корнилова. Весь тираж предназначен для распространения по кадетским корпусам и библиотекам России.

На церемонии присутствовали представители: Санкт-Петербургского Суворовского военного училища, Санкт-Петербургского Нахимовского военно-морского училища, Кадетского ракетно-артиллерийского корпуса, Военно-космического Петра Великого кадетского корпуса, Санкт-Петербургского Суворовского военного училища МВД России, Первого кадетского корпуса Федеральной пограничной службы, Кадетского корпуса железнодорожных войск, Государственной публичной библиотеки и библиотеки Академии Наук, Всемирного клуба петербуржцев, Морского собрания Санкт-Петербурга, Петербургского Дворянского собрания, Санкт-Петербургского отдела Российского Имперского Союза-Ордена и других общественных организаций города.

Вел церемонию Сопредседатель-координатор Международной ассоциации «Русская культура» Д. А. Ивашинцов. Церемония началась с благодарственного молебна. Служил молебен о. Анатолий из храма Благовещения Пресвятой Богородицы.

Среди выступающих были: член правления Международной ассоциации «Русская культура» Н. П. Рождественская, генеральный директор издательского центра «Русская лира» Д. Н. Скачков, Предводитель Петербургского Дворянского собрания И. В. Доливо-Добровольский, военный историк Б. Г. Кипнис. Было зачитано следую-

щее приветствие к собравшимся от автора «Песенника Российского воина» В. Мантулина:

«Уважаемые Господа офицеры-воспитатели!
Дорогие наши младшие товарищи кадеты!
Узнав о событии вручения Кадетским Корпусам Петербурга «Песенника Россiйскаго Воина», я счел своим приятным долгом обратиться ко всем вам с приветственным словом.
Собиранием старинных песен я, по существу, занимаюсь всю мою жизнь, с тех пор, как я 10-летним мальчиком стал в кадетский строй и вместе с однокашниками, без подготовки, сразу запел эти песни и продолжал петь до окончания Корпуса в 1939 году. В результате трагических событий Второй Мiровой Войны, когда наш Корпус имени Вел. Князя Константина Константиновича погиб в Югославии, а Зарубежные кадеты оказались рассеянными по лицу земли, во время Кадетских Съездов на разных континентах планеты продолжала греметь русская солдатская песня. Ее не заглушили ни войны, ни революции, ни бездомные скитания, ибо она говорила языком музыки о славе исторической России и о вере в ее возрождение.
Благодаря поддержке офицеров Императорской Армии, старых кадет, регентов и капельмейстеров Зарубежья, мне удалось в 1970 году издать Первый том Песенника, а в 1985 и - Второй.
Однако возвращение традиционной военной песни к родным берегам стало возможным только после возрождения в России Кадетских Корпусов и переиздания обоих Сборников стараниями Фонда имени Алексея Йордана, возглавляемого его сыном, Борисом.
Мой младший однокашник, ныне покойный Алеша Йордан, не только поддерживал идею переиздания Песенника в России, но и сам принимал участие в Кадетском Хоре, напевшем эти песни на пластинку в 1986 г. так, как их певали русские солдаты в старину.
Помимо переиздания самой книги, вторым радостным явлением можно считать то, что молодые композиторы и певцы в России подхватили эту идею и уже выпустили несколько ценных дисков, освещающих всю историю военной славы, неразрывно связанной и с 300-летием Петербурга, и со всей жизнью Российской Империи.

Заканчивая мое слово, хочу еще раз подчеркнуть значение военной песни, особенно в наш век великих потрясений, тяжелых испытаний и духовного раздора, когда юные кадеты, будущие строители и защитники России, поведут весь народ за собой «с песней развеселой на устах». Глубоко верю, что в кадетской среде появятся и новые поэты, и песнотворцы, и композиторы, которые продолжат эту красивую воинскую традицию и возглавят кадетский строй по пути возрождения и укрепления Родины.

20 января 2005 года.

Валентин Н. Мантулин».

После выступлений началась церемония вручения. По приглашению ведущего, представители кадетских корпусов и библиотек города вышли в центр зала и выстроились в одну шеренгу. Каждому из них были вручены альбомы «Ледяной поход» (вручала Н. П. Рождественская) и «Песенники Российского воина», а также аудиокассеты с песнями Российской Императорской Армии в исполнении хора «Российское наследие» (вручал Д. Н. Скачков).

ЗАРУБЕЖНАЯ ХРОНИКА

Обществу русских ветеранов в городе Сан-Франциско 80 лет

26 мая 2004 года Обществу Ветеранов исполнилось 80 лет. Эту дату мы отметили должным образом в очередную среду, в день традиционной встречи Объединения Кадет в Доме Ветеранов.

Ветеранов Великой войны между нами больше нет, они постепенно перешли в мир иной, но остались их наследники в лице Объединения кадет Российских Кадетских Корпусов в Сан-Франциско, которые уже ряд лет продолжают традиции Общества Ветеранов. В 1982 году известное число кадет были приняты в Общество Ветеранов и таким образом явились переходным звеном от прошлого к настоящему. Дом Ветеранов живет, хоть и не в таком оживлении, как это происходило в былые годы. Но и теперь, как в прежние годы, происходят доклады, выступают приезжающие из России, показываются интересные видеоленты с историческими и художественными сюжетами. Эти встречи посещаются не только кадетами, но и вдовами кадет, друзьями Кадетского Объединения и гостями. На протяжении многих лет обстановка сблизила всех в одну дружную семью, что видно хотя бы и по тому, как после молитвы, чем заканчивается официальная часть, группки долго еще не расходятся, находя удовольствие в разговорах. Можно добавить, что многие живут за городом, в пригородах, и, несмотря на дальность расстояний, обязательно являются на встречи.

Общество Ветеранов Великой войны возникло в 1924 году по желанию офицеров-артиллеристов. Еще свежи были раны и впечатления от Гражданской войны и лишений жизни в Китае. К этому теперь прибавились впечатления от чужой страны, чужого языка, чужих обычаев. Боль расставания с Родиной не утихала, и было совершенно естественным желание встречаться с себе подобными, побыть в своей русской среде. Вот как об этом пишет Александр Данилович Седьмых по поводу 45-летнего юбилейного собрания в

специальном издании журнала Общества «Вестник» от 14 декабря 1969 года:

«При помощи различных учреждений, с весны 1923 года начался отъезд русских в Соединенные Штаты. Значительное количество русских групп состояли из участников Великой и Гражданской войн.

Япония… океан… Америка. Новая страна, новые люди… первое чувство – душевная растерянность. Можно ли представить – вышли на американский берег без языка, без денег, без руководства. Новая страна была чужда, пугала своей громадностью, грозила одиночеством…

Первое доброе слово привета странники услышали от Православной церкви – от о. Владимира Саковича. Он дал начальные сведения, первые указания, первые наставления. Моральная поддержка духовного пастыря предопределила возникновение идеи о воскресных встречах у церкви, об укреплении знакомств и, главное, идеи о воинской взаимопомощи.

С этих дней, собственно, и начинается история Общества. Группа артиллеристов во главе с полковником Николаем Александровичем Герцо-Виноградским, собираясь по частным квартирам для обсуждения вопроса о помощи бедствующим соратникам в Китае, после недолгих разговоров организовала кружок артиллерийских офицеров.

На последующих скромных чашках чая кружка появились офицеры других родов оружия, и зародилась мысль о создании более широкого объединения всех служивших в Русской Армии.

16 мая 1924 года группа из 11 человек постановила организовать «Общество Русских Ветеранов Великой войны» в Сан-Франциско. Их имена мы должны запомнить: Николай Александрович Герцо-Виноградский, Николай Иванович Шипунов, Николай Александрович Протопопов, Дмитрий Александрович Протопопов, Дмитрий Иванович Нехорошев, Н. И. Плюшкевич, Василий Иванович Троицкий, Владимир Владимирович Владыкин, Н. Х. Хряпин, Александр Александрович Тихонравов и И. И. Махарадзе. Первое собрание молодого общества состоялось **24 мая 1924 года**, и эту дату принято считать днем рождения организации.

Значительные этапы Гражданской войны по глубоким причинам изменили облик и психологию Русской Армии… перед лицом смерти чины и положения уравнивались. Гражданская война стерла

даже внешние отличия, повалила почти все внутренние перегородки. Кроме того, - влияние местных нравов и обычаев и пример американских ветеранов – привели к тому, что чисто офицерский состав основателей отошел от прежней замкнутости и допустил к себе всех бывших чинов Русской Армии и Флота на равных основаниях».

В 1934 году Общество приобрело в собственность здание на 2041 Lyon Street, в котором теперь находится Объединение Кадет в Сан-Франциско.

В 1944 году основан был военный музей. Начало было скромное, но со временем собрание орденов, знаков высших военных Академий, училищ, кадетских, полковых и других знаков и большое количество военного снаряжения, кадетские и полковые парадные формы, множество других предметов, которых здесь не перечислить, пополнили фонд музея.

Примечательно, что все предметы подарены Обществу в музей членами Общества. Все это несли они в свой музей, который наглядно показывал славное прошлое, углублял чувство родного дома. Это чувство укреплялось и тем, что со временем все стены украсились картинами, гравюрами и фотографиями из военной жизни. Очень много в этом направлении было сделано членами Общества, из которых многие оказались одарены художественными способностями, и они внесли большой вклад в украшение Дома.

Конечно, такое Общество не может существовать без своей библиотеки, начало которой было положено даром долголетнего председателя Общества генерал-лейтенантом бароном Алексеем Павловичем Будбергом. Постоянными дарами в библиотеку и покупками книг число их теперь превышает 7000 томов. На одном из общих собраний Общества было решено и утверждено, что библиотека «не может никогда быть продана». После кончины генерала Будберга в 1941 году было принято решение присвоить его имя библиотеке, о чем извещает мемориальная доска на дверях библиотеки.

В 1982 году произошло объединение двух организаций, Ветеранов и Кадет, прошедшее гладко еще и потому, что многие ветераны в прошлом учились в кадетских корпусах, а потому являлись членами Кадетского Объединения и как таковые участвовали в его жизни.

Общество Ветеранов является старейшей русской воинской организацией, не прекращавшей своей деятельности до наших дней.

Ушел в мир иной и последний ветеран, и кадеты продолжали жить по установившейся традиции Общества Ветеранов. Но и

здесь неумолима поступь времени, когда кадеты стали покидать наш грешный мир; она вспомнили, что сами смертны, «чей-нибудь уж близок час», и надо приняться за исполнение желания ветеранов донести до России архив Общества, музей и библиотеку. Работа в этом направлении уже ведется.

Сегодня Обществу Ветеранов исполнилось 80 лет. Ветераны ушли, но дело их не умерло. Они оставили после себя преемников в лице кадет Русского Зарубежья, и кадетский челн плывет по тому же руслу, по которому долгие годы шел корабль ветеранов. Кадеты установили связь с Россией и направили все свои усилия на восстановление кадетских корпусов. Это то, о чем мечтали наши ветераны.

(«Бюллетень Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов в Сан-Франциско», № 77, август 2004 г.).

Традиционный праздник русского флота в Аргентине

В пятницу 19 ноября 2004 года, в день Святого Павла Исповедника, архиепископа Константинопольского, Кадетское Объединение в Аргентине отметило традиционный праздник Русского Военно-Морского Флота, совместно с членами Объединения потомков офицеров Русского Императорского Флота. Был поднят тост за Россию и за Русский Флот, под славным Андреевским Флагом. В конце этой морской встречи, были прочитаны старые газетные заметки о торжественных банкетах, организованных Кают-Компанией офицеров Русского Императорского Флота в Аргентине в этот день, в конце пятидесятых и в начале шестидесятых годов прошлого столетия.

(«Кадетское письмо» № 42, зима 2004 г.).

Русский традиционный общевоинский праздник в Аргентине

В воскресенье 12 декабря 2004 года Кадетское Объединение в Аргентине отметило традиционный русский общевоинский праздник и праздник георгиевских кавалеров, приходящийся на день Святого Георгия Победоносца, отмечаемый Церковью 26 ноября (9 декабря по новому стилю). После Литургии в храме Святого Сергия Радонежского, в буэносайресском пригороде Вижа Бажестер, митрофорный протоиерей о. Владимир Шленев отслужил молебен Святому Георгию, с поминовением. Затем, в столовом зале Епархиальной школы РПЦЗ, председатель Объединения сделал краткий отчет за прошедший год. После этого было сервировано постное угощение.

(«Кадетское письмо» № 42, зима 2004 г.).

Русские воины в Аргентине

Вышла из печати брошюра «Русские воины в Аргентине. Часть I - Кадеты». В брошюре публикуется впервые Некрополь русских кадет в Аргентине, в котором содержатся имена и биографические данные 225 русских кадет, скончавшихся в Аргентине. В «Некрополь» внесены сведения как о кадетах Российских Императорских Кадетских корпусов, так и о кадетах-выпускниках русских Кадетских корпусов в Русской Эмиграции.

При работе над «Некрополем» были взяты за основу списки кадет, проживавших на территории Аргентины между 1982 и 1995 годами, составленные секретарем Кадетского Объединения в Аргентине А. В. Алферовым, а также данные из кассовых книг Кадетского Объединения в Аргентине, которые в 1950-1970-х годах вел казначей Объединения Г. Г. Бордоков. Кроме того, в «Некрополь» вошли сведения, полученные при переписи надгробий на Британском и Немецком кладбищах Буэнос-Айреса, на кладбище в пригороде Оливос и в Усыпальнице Святого Иоанна Печерского, при храме Всех Святых в России Просиявших, в пригороде Итусаинго.

(«Кадетское письмо» № 40, лето 2004 г.).

БИБЛИОГРАФИЯ

ТРЕХТОМНИК «РОССИЙСКИЕ КАДЕТЫ»

17 марта 2004 года в стенах Санкт-Петербургского Суворовского военного училища состоялась презентация трехтомника В. М. Меньшова «Российские кадеты». На ней присутствовали Начальник СВУ, заместитель Начальника Нахимовского училища и представители кадетских корпусов Санкт-Петербурга, а также члены «Клуба нахимовцев» и «Санкт-Петербургского союза суворовцев, нахимовцев и кадет», во главе с председателем генерал-лейтенантом В. Черновым.

Бывший председатель правительства Мурманской области Анатолий Малинин в своей речи отметил, что выход этой «малой кадетской энциклопедии» является важным фактором в культурной и научной жизни Кольского полуострова, не избалованного литературой о суворовцах, нахимовцах и кадетах, с чем он сердечно поздравил своего земляка.

(«Кадетское письмо» № 39, весна 2004 г.).

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ

В декабре 2004 года Редакция «Кадетского письма» получила из России один экземпляр большой книги-фотоальбома, в 280 страниц, посвященной Великому Князю Константину Константиновичу. В книге воспроизводится множество оригинальных документов и доселе неизвестных фотографий, связанных с жизнью и деятельностью Отца Русских кадет. Ответственным редактором издания является В. И. Моцардо. Книга была издана в 2002 году Издательским домом «Агни», при содействии МКЦ «Слава». Издатели отмечают, что «остались безучастны к созданию альбома министерства Культуры, Образования и Обороны РФ, Академия Наук, Администрация г. Санкт-Петербурга, Московская Патриархия». Фотоальбом безвозмездно передается в Кадетские корпуса. Адрес издательства:

443110, Самара, а\я 10468. E-mail: cdk@transit.samara.ru.

(«Кадетское письмо» № 42, зима 2004 г.).

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ

Эксклюзивный памятный фотоальбом «Великий Князь Константин Николаевич» издан в Самаре Издательским домом «Агни» в 2004 году. Автор идеи и составитель фотоальбома В. И. Моцардо, выявление документов и составитель текстов Т. М. Уманская. Великолепное издание содержит 400 страниц, на которых по документам (многие из которых публикуются впервые), фотографиям, письмам воссоздается история жизни Великого Князя Константина Николаевича (1827–1892 г.г.), брата Императора Александра II и отца Великого Князя Константина Константиновича. В эпоху великих реформ середины XIX века имя Константина Николаевича было известно не только в России, но и во всем мире, оно стало символом прогресса и патриотизма. В звании Адмирала Флота, он управлял Морским Ведомством и способствовал укреплению и развитию Русского Флота. Великий Князь Константин Николаевич вступил 1 января 1865 года в должность Председателя Государственного Совета. «При Константине Николаевиче Государственный Совет достиг расцвета. В компетенции Государственного Совета находились вопросы об объявлении той или иной части Империи на чрезвычайном положении, объявление войны и заключение мира, а также важнейшие финансовые дела... Все великие перемены, совершившиеся в России в царствование Императора Александра II, так или иначе были связаны с продуктивной работой Госсовета: освобождение крестьян, земство, судебная, военная, финансовая и образовательная реформы».

«ВНЕ РОДИНЫ»

Мемуары Константина Феодоровича Синькевича.
Издательство «Воскресенье», Москва, 2004 год.

Эта книга, безусловно, будет очень интересна тем представителям Русского Зарубежья, кого судьба разбросала по разным концам света, и чьи судьбы перекликаются с событиями жизни К. Ф. Синькевича. Особую ценность она представляет для российских читателей – и для молодых, и для тех, кто воспитывался еще «за железным занавесом». Для большинства из них, как и для меня, эта книга станет открытием неизвестной главы русской истории XX века – истории русской эмиграции. В судьбе Константина Феодо-

ровича как в зеркале отразились многие ключевые события минувшего столетия.

Первая глава книги представляет зарисовки из жизни дореволюционного Киева, увиденного глазами ребенка. (К. Ф. родился в этом городе в 1912 году в семье потомственного священника и провел здесь первые 10 лет своей жизни). Безмятежные картинки «старорежимного» прошлого сменяются событиями кровавого лихолетья, которые запомнил и маленький Костя: стрельба, голод, разруха. В августе 1918 года, благодаря старшей сестре Ольге, он и его два брата чудом спасаются бегством из имения Гавриловка под Киевом, ограбленного и сожженного во время вооруженного бунта.

В этой главе перед читателями впервые предстает яркий образ матери автора, который проходит путеводной нитью через всю книгу. Мария Синькевич – умная и образованная, тонкая и дальновидная, энергичная и решительная русская женщина, мать шестерых детей, вынесшая на своих плечах все лишения и тяготы беженской жизни. В 1922 году, после трех допросов в «чрезвычайке» по поводу ее мужа, считавшегося государственным преступником и к тому времени уже находившегося в Сербии, она решается на дерзкий побег. С двумя сыновьями Костей и Сергеем она отправляется из Киева под Могилев-Подольский, где ищет возможности переправиться через Днестр, в Румынию. И вот темной августовской ночью 1922 года они, рискуя жизнью, нелегально переправляются на лодке через Днестр и далее через Бухарест добираются до Белграда, где воссоединяются с отцом и старшим братом.

Во второй и третьей главах автор повествует о годах своей учебы в Крымском Кадетском корпусе, образованном после эвакуации из Крыма из остатков Полтавского и Владикавказского корпусов. Он размещался в сербском городе Белая Церковь и насчитывал более 600 кадет. Читая эти главы, сегодняшний российский читатель сможет заполнить для себя некоторые «белые пятна» истории - узнает о том, как гостеприимно приняло беженцев из России Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, какие благоприятные условия были созданы для сохранения системы образования и воспитания подрастающего поколения в эмиграции. Чтобы подтвердить это документально, К. Ф. Синькевич перепечатывает в своей книге статью-отчет профессора Л. Димича «Русские школы в Королевстве Югославии 1918-1941 годов», составленный им по поручению сербского Министерства просвещения (русский перевод этой статьи был опубликован В. Бодиско в 1996-

1998 годах в «Бюллетене» Венесуэльского Кадетского Объединения и был ранее недоступен широкому кругу читателей).

Из этого отчета мы узнаем, что в 20-е годы русская эмиграция в Югославии создала свою собственную школьную систему, включавшую 3 кадетских корпуса, 2 девичьих института, 2 женские гимназии и более 10 детских домов, выполнявших роль детских садов и начальных школ. Профессор Димич пишет: «Когда же Россия освободится и станет правовой страной, мы ей всю эту молодежь вернем, дабы помогла она вспахать запущенную русскую ниву и работать над перерождением своей великой Родины», - вот какую благородную миссию взяла на себя Югославия!

К. Ф. Синькевич пишет о том, что в первые годы эмиграции кадетские корпуса оказались в очень тяжелых условиях – «всюду были грязь, нищета и полная неуверенность в будущем». Поначалу кадеты жили и учились в плохо отапливаемых бараках с протекающими крышами; не хватало одежды, обуви, самой примитивной мебели. Однако уже к началу 30-х годов жизнь в корпусах наладилась и мало чем отличалась от жизни Императорских кадетских корпусов в России. В своем отчете Л. Димич пишет, что принципы воспитания кадет базировались на таких основных постулатах, как патриотизм, вера, надежда, труд и дисциплина. Интересны темы, предлагавшиеся кадетам на выпускных экзаменах, в числе которых: «Родина, ты, как здоровье: как тебя нужно беречь, знает лишь тот, кто тебя теряет», «Чтобы жить, нужно работать, а для работы нужно любить и веровать». Константин Феодорович пишет теплые слова благодарности в адрес своих офицеров-воспитателей, «передавших нам те идеалы, которыми они сами жили и за которые готовы были отдать жизни, если понадобится».

В четвертой главе описываются годы обучения автора в университете в середине 30-х годов – сначала в Загребе, а затем в Белграде. Перед нами предстают интересные страницы жизни русской эмиграции тех лет: мы узнаем о русском студенческом общежитии «Русский Дом» в Загребе, о сокольском обществе, в гимнастических выступлениях которого участвовал автор, о работе, учебе и досуге русской молодежи в Югославии.

В пятой и шестой главах автор делится своими воспоминаниями и размышлениями о событиях судьбоносных военных лет, о Русском Корпусе на Балканах, о надежде русской эмиграции на освобождение России от большевиков. К. Ф. включает в книгу свой дневник,

охватывающий период с ноября 1944 по июль 1945 года, который позволяет читателю явственнее ощутить драматические события тех дней.

Еще одна неизвестная для российского читателя страница истории – это описание жизни в лагерях для перемещенных лиц. Автор книги провел 4 года в белом русском лагере Келлерберг в Австрии. Мы узнаем, как в условиях лагерной жизни русские эмигранты сохраняли православный дух, русскую культуру и традиции. В отдельном бараке лагеря был устроен и освящен храм, где совершались богослужения. Был создан театр, который давал представления и в других окрестных лагерях. Работал детский сад, выходил свой журнал. Работая переводчиком, К. Ф. был знаком со всеми тонкостями организации жизни лагеря. А осенью 1947 года происходит важное семейное событие. Повторяя героический поступок матери автора в 1922 году, теперь уже его жена Дана, рискуя жизнью, вместе с четырехлетней дочерью пересекает две границы, чтобы добраться из Белграда через Венгрию в австрийский Келлерберг и соединиться с мужем.

Седьмая глава книги необычна, она повествует о почти девяти годах, проведенных автором и его семьей в Эфиопии, где К. Ф. работал агрономом на кофейной плантации. Эта глава полна описаний диковинной природы этой страны, а также обычаев и традиций ее народа. Интересно и описание жизни русских эмигрантов в Аддис-Абебе, где семья Синькевичей провела последние два года перед переездом в Америку.

Читая книгу «Вне Родины», просто диву даешься, в каких только жизненных перипетиях не оказывался автор! А кем только ему не приходилось работать: агрономом, землемером, садовником, музыкантом, переводчиком, «повивальной бабкой», врачом, коммивояжером – трудно перечислить все.

Книга написана с тонким юмором и столь живым языком, что даже не сразу верится, что за плечами автора такая долгая и трудная жизнь. И в заключение хочется продолжить мысль, высказанную Татьяной Черкасовой в предисловии: по прошествии многих лет Константин Феодорович возвращается на Родину своим литературным трудом, своими книгами. Пожелаем ему дальнейших творческих успехов!

Лада Тремсина

кандидат математических наук

Готовится к печати и выйдет, вероятно, в январе или феврале 2005 года вторая книга К. Ф. Синькевича – «В Америке». В ней он описывает свою жизнь в Америке, трудные первые годы пребывания, борьбу за существование и устройство, в конце концов, в отдел Министерства сельского хозяйства на должность инспектора мяса и мясных изделий.

Эту книгу, как и первую «Вне Родины», можно будет приобрести в двух русских книжных магазинах Сан-Франциско: «Глобус» и «Знание».

(«Бюллетень Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов в Сан-Франциско» № 78, декабрь 2004 г.).

70-ЛЕТИЕ УБИЙСТВА КОРОЛЯ АЛЕКСАНДРА I

Јован Качаки, Краљеубиство у Марсељу, 1934 - 9. октобар – 2004. Изд. «Жагор», Белград, 2004, 192 стр. илл. Адрес: Жагор, Кнез а Милетина 5, 11 000 Београд, SERBIA. zagor-bg@net.yu

В связи с трагической годовщиной смерти короля Югославии Александра I Карагеоргиевича, единственного друга России, в Белграде вышла написанная по-сербски книга др. медицины и исследователя истории русских в Югославии Иоанна Николаевича Качаки, сына русского кадета и матери сербки.

Автор пишет, что на исследование до сих пор не раскрытого до конца убийства короля натолкнула его случайно купленная им у букиниста написанная по-русски брошюра М. А. Семёнова «Король должен умереть».

И. Н. Качаки пишет: «Моё поколение, рождённое перед самой Второй Мировой войной, выросло и училось во время коммунистической диктатуры в Югославии, в чьих школах об этом событии и об убитом короле говорилось в духе отрицания у него любых положительных свойств. Это был “великосербский шовинист”, “монархофашистский диктатор”, “немилосердный угнетатель массы трудового народа и честной интеллигенции”, который топтал права других народов, запретил и зверски преследовал коммунистическую партию... и так дальше... и всегда в том же духе <...> Так нас учили в школе. Мы, как хорошие ученики, повторяли это при всех. Дома же было как у кого, но мы, дети, не смели об этом говорить между собой» (С.6).

Автор, который рос в семье русских эмигрантов и о короле слышал только самое хорошее, в этой книге нашёл подтверждение всему тому, что ему говорили когда-то дома.

По мнению Семёнова, в заговоре на жизнь короля немалую роль сыграли агенты Советского Союза. Такого мнения придерживалось большинство русских эмигрантов в Югославии, но категорически отрицалось югославянской общественностью. В официальных же кругах эта возможность вообще не обсуждалась.

Моя семья тоже с любовью и уважением относилась к королю Александру, и я внимательно следил за тем, что пишут в газетах и говорят в школе. В октябре 1934 г. мне было уже почти 16 лет, и я по-взрослому воспринимал трагические события для Югославии и для нас русских.

В газетах говорилось про ВМРО – македонскую революционную организацию, к которой принадлежал убийца, про хорватских усташей как организаторов этого убийства, и про Италию и Венгрию, стоявших за их спинами. Говорилось, что Италия финансировала усташей, а в Венгрии, в имении Янка Пуста недалеко от югославской границы, находился тренировочный лагерь хорватских террористов.

Югославская общественность знала о претензиях Италии к далматинским городам, некогда принадлежавшим Венецианской республике, о желании Венгрии вернуть себе Войводину вплоть до белградского предместья Панчева, как территорию, принадлежавшую ей до 1918 г., и была враждебна к Германии и Болгарии, как противникам времён Мировой войны. Помню, что югославяне обвиняли в лицемерии австрийских нацистов, оказавшихся в Югославии после неудачного восстания, за то, что они пошли поклониться гробу короля Александра во время траурной церемонии в Загребе.

Югославяне начисто отметали слухи, исходившие из русских эмигрантских кругов, о причастности СССР к убийству короля. В их глазах Советская Россия оставалось Россией – их вековым другом и покровителем.

И Югославия и Болгария старались примириться и забыть старую вражду. Свою поездку в Марсель король Александр начал с Софии. В Болгарии, из предосторожности, на короле Александре был стальной панцирь, который он не надел, приехав в дружескую Францию. Болгарские власти допускали возможность покушения на короля и приняли все необходимые меры. Посещение прошло благополучно.

Французская полиция, наоборот, проявила преступное легкомыслие или даже участвовала в заговоре. И. Качаки пишет, что K.Brown в своём исследовании «The King is Dead. Long Live the Balkans!» (The Watson Institute for International Studies), посвещённом убийству в Марселе, утверждает, что «смесь слухов и конкретных доказательств о криминальном заговоре ещё больше усложнилась упрёками, что невнимание французской полиции (в защите короля) не было случайым, а последствием плана» (С.160). Говорилось, что Барту был убит не убийцей короля, а французским полицейским, стрелявшим в убийцу, но попавшим в Барту. А может быть, и не стрелявшим в убийцу?

Пьер Лаваль, новый премьер-министр Франции, не был сторонником плана Барту изолировать Германию путём привлечения на свою сторону фашистской Италии, а наоборот, был сторонником умиротворения Германии, и потому план Барту, после его смерти, был предан забвению. Что же касается Лаваля, то он в 1942-1944 годах стал снова премьер-министром в сотрудничавшем с немцами правительстве Петена.

Книга М. Семёнова была издана в 1961 г., и в предисловии было сказано: «К счастью, опубликованные недавно Германской Разведкой данные об этом злодеянии, а также изданные в Париже воспоминания бывшего шефа югославской разведки заграницей, др-а Вл.Миличевича, дают возможность ознакомить общественность с происшедшими событиями во всех подробностях».

Перед И. Качаки встали вопросы: кто же такой М. Семёнов и где достать «недавно опубликованные» данные германской разведки и книгу В. Миличевича.

Начались усиленные поиски, и чем было больше находок, тем больше возникало вопросов, на которые не было ответов. М. Семёнов подробно пишет о хорватских и македонских террористах и о никому не известном Роланде Абиате, подданном Монако и агенте СССР. Насчёт Абиате, который открыл в Белграде фешенебельный ресторан «Petit Paris», посещавшийся дипломатами и югославскми политиками, И. Качаки провёл собственное расследование, которое не только подтвердило, но и дополнило сведения М. Семёнова. И. Качаки выяснил, что после конца войны, в 1944-1945 гг., все документы, которые должны были бы быть у югославской полиции насчёт Абиате, таинственно исчезли, но его имя, как хозяина ресторана «Petit Paris», было им обнаружено в телефонной книге Белграда, Земуна и Панчева за 1934 г.

И. Качаки нашёл и книгу на немецком языке, написанную по данным германской разведки, Themistokles Papasissis «Der Konig muss sterben» (Король должен умереть). Год издания не указан, но, по мнению И. Качаки, книга была издана в 1959 г., за два года до появления книги М. Семёнова. Бросается в глаза не только совпадение названий и выводов, но и текстов многих страниц.

Кем был М. Семёнов, автору удалось выяснить, а кто такой Папасиссис, остаётся тайной. И. Качаки приходит к выводу, что это мог бы быть псевдоним одного человека или группы специалистов. В таком случае, М. Семёнов был бы либо плагиатором, потому что в своей книге нигде не ссылается на Папасиссиса, либо этим самым Папасиссисом.

На основании данных Папасиссиса, И. Качаки приходит к выводу, что западногерманская разведка в 1959-1961 г.г. хотела доказать причастность СССР к убийству короля не из желания указать на подлинного заказчика убийства, а в целях самообороны.

Поиски материалов привели И. Качаки к открытию восточногерманского заговора против западногерманского генерала Ганса Шпейделя (Hans Speidel), назначенного в 1957 г. главнокомандующим наземных сил НАТО в Средней Европе. Это и книга В. К. Волкова «Операция “Тевтонский меч”», Москва, 1966, и восточногерманский фильм с этим же названием, и книга по-немецки «Операция “Тевтонский меч”» о германском заговоре против короля Александра с подзаголовком «Карьера маленького шпиона». В этих книгах и иных материалах этим «маленьким шпионом» и был назван генерал Г. Шпейдель.

В «Послесловии» И. Качаки цитирует сказанное про Барту в мемуарах Ганса Шпейделя (Hans Speidel, «Aus unser Zeit», 1977, С.47): «Он был борцом за французско-советское сближение, в целях полной изоляции Германии» (С.158) и «Если смерть Барту, как некоторые утверждают, действительно была целью покушения, то теория, что это было сделано по плану Гитлера и Геринга, усиливается, а советская ответственность отпадает, потому, что в тот момент убийство Барту не было выгодно Советскому Союзу» (С.159).

Чтобы не выдавать своего агента Павелича на суд в Югославию или Францию, Италия его формально арестовала и так же формально посадила в тюрьму, но посадила ли? Венгрия принесла нечто вроде извинений. «Полицейское следствие, - продолжает И. Качаки, – как французское, так и югославское, так же, как и политические шаги на международном поприще, не были доведены до конца. Наиболее

влиятельные страны (Франция, Великобритания) не хотели, чтобы все стороны заговора были освещены, опасаясь отрицательных последствий для своих планов и интересов». Под давлением Франции и Великобритании Югославия должна была замять дело. Впрочем, как пишет И. Качаки, и югославской разведке было это тоже выгодно, чтобы не расписываться в своих промахах.

И. Качаки, взявшийся с исключительным энтузиазмом за исследования документов, прямо или косвенно связанных с марсельским злодеянием, сделал больше, чем было сделано кем-либо до него, для всестороннего изучения событий, связанных с убийством югославского короля Александра I. Ему удалось розыскать почти всё, написанное на эту тему, найти газетные статьи и даже получить ответы на вопросы из государственных учреждений и изложить всё это в увлекательной форме, как для специалистов, так и для широких кругов читателей.

Р. Полчанинов

КНИЖНАЯ ПОЛКА В РОСССИИ

«Белая Армия в Донбассе» и «Дети-добровольцы в огне гражданской войны»

Большую научную работу ведут участники военно-исторического движения Луганской области (Украина). Собирая сведения об истории Донского казачества, трагических событиях в Донском бассейне в годы Гражданской войны, они регулярно проводят научно-практические конференции. Два сборника материалов таких конференций (№ 2 и № 4), под названиями «Белая Армия в Донбассе» (Станица Луганская, 2000 г.) и «Дети-добровольцы в огне гражданской войны» (Станица Луганская, 2001 г.), поступили в редакцию. В сборниках приводятся мало известные данные, из архивных источников и мемуаров, о событиях 1917-1920 годов в Луганской области.

«Николай II и его семья. Фотографии из Крымского альбома»

Сотрудники Ялтинского историко-литературного музея (Крым) Зинаида Ливицкая и Ирина Фоменко проделали огромную и сложную работу, подготовив к печати издание: «Николай II и его семья. Фотографии из Крымского альбома» (Киев, «Феникс», 2000 г.). Три

массивных альбома с фотографиями Царя-Мученика и членов Его Семьи, находившиеся до Катастрофы в Императорском дворце в Ливадии, чудом сохранились и долгие годы находились в фондах Ялтинского музея. Только в последние годы стало возможным изучение этих альбомов, датированных 1902, 1912 и 1913 годами, атрибутирование фотографий и подготовка к печати, с сопроводительным текстом, 33-х фотографий из этих альбомов. Многие снимки публикуются впервые. Чрезвычайно интересный и подробный текст разъясняет содержание фотографий, дает справки об изображенных на них лицах Свиты, офицеров из личной охраны Государя, дает множество интересных исторических подробностей о пребывании членов Императорской Фамилии в Крыму.

«Бизерта. Последняя стоянка».

Под рубрикой «Редкая книга» были изданы в Москве в 1999 году Военным издательством воспоминания А. А. Ширинской «Бизерта. Последняя стоянка». Анастасия Александровна Ширинская (урожденная Манштейн), дочь старшего лейтенанта Российского Императорского флота Александра Сергеевича Манштейна, командира миноносца «Жаркий», родилась в 1912 году. Семьи морских офицеров были эвакуированы из Севастополя на плавучей мастерской «Кронштадт» и разделили участь моряков Флота: стоянка в Константинополе, переход в Бизерту и жизнь там на борту броненосца «Георгий Победоносец» до 1925 года, когда последние семьи моряков вынуждены были покинуть свое пристанище. Воспоминания о раннем детстве в родовом имении Рубежное вблизи Лисичанска, эвакуация из Севастополя, жизнь русской колонии в Бизерте, создание Морского корпуса в форте Джебель-Кебир, гибель Флота, сооружение в Бизерте православной церкви Святого Александра Невского в 1937-1939 годах, и уже в последние годы – поездки на Родину, многочисленные интервью и работа над книгой воспоминаний – кажется невероятным, что все эти события вместила в себя одна человеческая жизнь. От этой книги, написанной, кажется, на одном дыхании, необыкновенно искренней и честной, невозможно оторваться. «Это не моя биография, - пишет автор. – Чувствуя себя свидетелем и причастной к событиям, мало известным или искаженным, я хотела восстановить часть моего прошлого, которое является и частью прошлого моих соотечественников в России».

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Фон ГЕММЕЛЬМАН Екатерина Павловна, скончалась 30 января в г. Редвуд-Сити (в 25 милях к югу от Сан-Франциско), похоронена на Сербском кладбище. Вдова кадета.

ИСАКОВ Евгений Павлович, скончался от рака 10 сентября 2004 года в г. Москве, в госпитале им. Бурденко.

Перестало биться сердце нашего боевого товарища, полковника Исакова Евгения Павловича, выпускника Казанского суворовского военного училища. Вся сознательная жизнь Евгения Павловича была посвящена делу воспитания воинов. Эту деятельность он осуществлял в последние годы службы на высоких и ответственных должностях, будучи заместителем начальника отдела печати Главного Политического Управления СА и ВМФ и заместителя главного редактора Военного издательства.

После увольнения в запас Евгений Павлович посвятил себя делу объединения выпускников СВУ и НВМУ и возрождения кадетского образования в России. Он автор целого ряда книг, имеющих огромное воспитательное значение. До последнего часа он продолжал работу над духовно-патриотическими произведениями, сознавая свой долг суворовца-кадета перед Отечеством. Память об Евгении Павловиче Исакове навсегда останется в наших сердцах.

Прощание с Евгением Павловичем состоялось 13 сентября 2004 г. в 9.30 в траурном зале госпиталя им. Бурденко.

Панихида в храме Вознесения Господня за Серпуховскими воротами в 11.00.

(Соратники).

ЙОВАНОВИЧ Михаил, скончался 20 июня 2004 года, в Северной Каролине.

КОНОВАЛОВ Борис Михайлович, 101 года, скончался 18 октября 2004 года, в г. Сан-Матео, Калифорния. Старейший член Объединения, кадет Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса. Панихида и отпевание состоялись в соборе Всех Скорбящих Радости в Сан-Франциско, погребение на Сербском кладбище.

КОРОВНИКОВ Николай, скончался 3 ноября 2004 года, в г. Буэнос-Айрес, Аргентина. Родился на железнодорожной станции Чертково 30 ноября 1919 года, под артиллерийским огнем. Его отец был летчиком. Окончил ПРВКККК. В годы Второй Мировой войны воевал в Русском Корпусе, был тяжело обморожен и чудом не скончался от гангрены ног. В лагере Ди Пи «Келлерберг» командовал пожарной командой. В 1948 году переехал в Аргентину, где до пенсии работал в фирме «Сименс».

МИКЛАШЕВСКАЯ (БЕЛАВИНА) Нонна Сергеевна, 89 лет, скончалась 24 августа 2004 года, в штате Нью-Йорк, похоронена на кладбище в г. Рослин, Лонг-Айленд.

Н. С. Белавина родилась 27 апреля 1915 года в г. Евпатории. Училась в Мариинском Донском институте в Белой Церкви (Югославия), а затем в Белградском университете, который не смогла окончить из-за войны. В 1949 году, вместе с супругом Олегом Миклашевским, переехала в США, где окончила строительно-чертежные курсы и работала в проектном бюро до выхода на пенсию. Стихи Нонны Белавиной печатали популярные журналы и газеты: «Мосты» (Мюнхен), «Возрождение» (Париж), «Современник» (Торонто), «Родные дали» (Лос-Анджелес), «Русская мысль» (Париж), «Новое русское слово» (Нью-Йорк). Она также часто выступала с чтением своих стихов и докладов на литературные темы в разных культурных организациях. Было издано четыре сборника ее стихов: «Синий мир» (1961 г.), «Земное счастье» (1966 г.), «Утверждение» (1974 г.), «Стихи» (1985 г.). Нонна Сергеевна участвовала почти во всех съездах зарубежных кадет, выступая со своими стихами и поэмами, посвященными жизни и деятельности кадетской организации, кадетским традициям, кадетской дружбе. С кончиной Нонны Сергеевны Миклашевской мы потеряли выдающегося русского поэта.

ПЕТИН Николай Николаевич, скончался 23 сентября 2004 года в г. Нови Сад, Сербия.

Неожиданно, от разрыва сердца, тихо скончался у себя на дому Николай Николаевич Петин, родившийся 19 декабря 1919 года в г. Екатеринодаре, кадет 17-го выпуска Первого русского Вел. Кн. Константина Константиновича кадетского корпуса в Белой Церкви, - композитор, педагог и музыкальный писатель, профессор Академии искусств Новисадского университета на пенсии.

С отцом, Николаем Ксенофонтовичем, педагогом и офицером Русской Армии, и матерью Капитолиной Матвеевной, урожд. Мавромати, выпускницей Консерватории в Екатеринодаре, Коля в 1922 г. попал в Королевство СХС, в город Великий Бечкерек. После окончания кадетского корпуса в Белой Церкви (в 1937 г.), талантливый в искусствах юноша изучает историю искусств на Философском факультете Белградского университета, а с 1940 г. – композицию и дирижирование при Музыкальной академии, в классах известных композиторов и музыковедов Милое Милоевича и Йосипа Славенского.

В 1948 г. он окончил образование в Белграде, но уже с 1945 г. работал педагогом; сперва в Зренянине (бывш. Вел. Бечкерек), затем в Сараево – преподавал в музыкальном училище и состоял музыкальным редактором на Радио.

С 1949 г. Н. Петин постоянно жил в Новом Саду, исключая период усовершенствования в композиции у известного французского композитора и педагога Нади Буланже в Париже (в 1959 г.). В Новом Саду Николай Николаевич развил всестороннюю культурно-просветительную деятельность как преподаватель музыкального училища, профессор Академии искусств (со дня ее основания в 1975 г.), а также как музыкальный критик в местной прессе, автор теоретических трудов, учебников, как лектор, член правления Оперной студии Сербского национального театра и Филармонии, как композитор.

Широкое признание снискали его музыкальные сочинения, исполняющиеся и за пределами страны (Англия, Франция, Германия, Россия, США, Греция, Чехословакия и др.). Высшими художественными достижениями отмечены его симфоническая, вокально-инструментальная музыка, камерные произведения и вокальная лирика.

Основные сочинения Н. Петина: Концерт для фортепиано с оркестром (1948), Три симфонических портрета (1954), Симфония «Brevis» (1957), Симфоническая поэма «Трнава 1941» (1961), 3-я симфония «Барочная» (1965; первое исполнение на Музыкальном

фестивале «Пражская весна»), 4-я симфония «Vox populi» (1970), концерт для струнного оркестра (1972), Торжественная увертюра «Пробуждение Феникса» (1983), «Хоровая симфония» (1987; первое исполнение на 3-м Международном фестивале современной музыки в Ленинграде в 1988 г.), Похвала Святому Симеону (1996).

Н. Петин лауреат многих наград и отличий, в том числе заграничных – почетного диплома Музыкального центра в Кембридже (1977), медали Международного академического фонда «Альберт Эйнштейн» (1990), звания «honoris causa» доктора музыки этого фонда при Организации Объединенных Наций (1991).

Николай Николаевич похоронен 25 сентября, по православному обряду, на Городском кладбище Нового Сада, в присутствии вдовы Магдалины, дочери Антонины (из первого брака), внучки Даворки, своих друзей, учеников и почитателей.
(Алексей Арсеньев, Новый Сад, Сербия).

ПУЛЬХИТРУДОВ Леонид, 91 года, скончался 21 августа 2004 года, в г. Санкт-Петербург (Флорида, США), похоронен на местном кладбище. Член Сан-Францисского, затем Флоридского Объединения, кадет XI выпуска ПРВКККК. После Второй Мировой войны переехал из Европы сначала в Венесуэлу, затем в США, в Калифорнию, где, инженер-геодезист, он смог найти работу только как лаборант-препаратор в университете. Не являясь ни зоологом, ни ветеринаром, он, тем не менее, прекрасно справлялся со своими обязанностями, заслужил прекрасную пенсию и благодарность начальства.

СВИДЕРСКИЙ Игорь Николаевич, 89 лет, скончался 5 июня 2004 года в г. Сан-Пауло, Бразилия, похоронен на местном кладбище. И Н. Свидерский родился 5 июля 1914 года, кадет Крымского кадетского корпуса, после его расформирования все кадеты переведены в Первый РВКККК в Белой Церкви, где он окончил вице-унтер-офицером 12 выпуск 1931-32 года. Игорь поступил в Белградский университет и окончил как инженер-строитель. После Второй Мировой войны переехал в Бразилию, где работал по своей специальности до ухода на пенсию. Награжден правительственным орденом. Игорь активно участвовал в церковной жизни при Кафедральном соборе в Сан-Пауло, где на протяжении более 50 лет был членом приходского совета. Игорь охотно помогал Кадетскому Объединению в Сан-Пауло, выпустил памятку Крымского корпуса, участвовал в Кадетском

Съезде в Лос-Анджелесе в 1982 году. Я уверен, что все, знающие Игоря в Русской колонии, будут вспоминать его с любовью и уважением, его облик и обращение с людьми отражали его кадетское воспитание и душевные качества. Кадеты города Сан-Пауло выражают сердечное сочувствие супруге Ольге Александровне. Вечная ему память!
Георгий Козловский.

СИНЬКЕВИЧ Константин Феодорович, скончался 1 февраля 2005 года, в г. Лонг-Бич, неподалеку от Лос-Анджелеса. Родился в Киеве в 1912 году. В 1922 году мать с детьми нелегально перешла границу СССР, чтобы соединиться с мужем и старшим сыном, находившимися в Белграде. В Югославии Константин Синькевич окончил Крымский кадетский корпус, 12 выпуск. По специальности агронома учился в Загребском, затем Белградском университетах. В годы Второй Мировой войны воевал в Русском Корпусе. После четырех лет, проведенных в лагере «Келлерберг», выехал с семьей в Эфиопию, где в течение 9 лет работал агрономом на кофейных плантациях. В 1958 году переехал с семьей в США. Здесь пришлось за 8 лет сменить множество мест работы, пока, наконец, не удалось устроиться на должность инспектора мясной промышленности Министерства сельского хозяйства. На этом месте Константин Синькевич проработал 17 лет и вышел на пенсию в 70 лет. В течение 10 лет редактировал журнал «Согласие» (Лос-Анджелес). С 1984 года возглавлял редакцию «Бюллетеня Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов в Сан-Франциско».

ТУРСКИЙ Владимир Иванович, 90 лет, скончался 2 июля 2004 года в Милл-Валле, Калифорния, похоронен на Сербском кладбище. Родился 14 мая 1914 года на Полтавщине. Окончил Донской Императора Александра III кадетский корпус в Югославии и университет со специальностью инженера-строителя по гидравлике. В 1949 г. переехал в Грецию, а оттуда – в США, где продолжал работать инженером-строителем. Владимир Иванович интенсивно занимался благотворительными и общественными делами: благодаря его финансовой помощи удалось сохранить «Русский Центр», проведена система отопления и охлаждения в Доме Ветеранов. Он возглавлял Комитет по созданию кадетского памятника на православном кладбище г. Сан-Франциско.

УЛИТИН Владимир Григорьевич, скончался 21 октября 2004 года, в Южно-Калифорнийском городе Клермонте, похоронен на Голливудском кладбище.

На сотом году жизни скончался один из старейших кадет, последнее время тяжело болевший, но сохранявший светлые ум и память до последнего дня.

Владимир Улитин родился в 1905 году в станице Каменской Донской области, десяти лет поступил в Донской Императора Александра III корпус и с ним эвакуировался в Египет, откуда корпус позже переехал в Сербию. Улитин, однако, оказался в Турции, где и закончил среднее образование и колледж, а позже университет в Белграде, Югославия. Далее он работал как инженер по добыче меди и золота в рудниках, вступив также в организацию НТС, позже прекратив активное участие.

После войны служил в организации УНРРА, а затем переехал в Америку и трудился в обществе «American Friends Service Committee», помогавшем вновь прибывшим иммигрантам. Свою деятельность он расширил, переехав в небольшой городок Глендору под Лос-Анджелесом, где организовал казачью общину. Название улицы «St. Vladimir Place» и церковь св. Андрея с памятником жертв Лиенца напоминают о его пребывании в этом казачьем уголке.

В 1960 году Владимир Улитин был принят штатным профессором русского языка и литературы в колледже Помона, в г. Клермонте, и в течение следующих 24 лет, оставаясь на своем посту, принимал самое деятельное участие в становлении русского отдела колледжа. Одновременно он участвовал в ряде русских изданий, отправляя статьи и эссе на патриотические темы, всегда будучи верным своим антикоммунистическим принципам. Его статьи печатались в «Кадетской перекличке», в «Казачьем Вестнике» (Канада), в «Русской Жизни», в «Новом Русском Слове» и др.

После покойного остались его верная супруга Софья Григорьевна, прожившая с ним в браке 35 лет, сын о. Леонид Кишковский с матушкой Александрой, внучки София и Мария и правнуки Феодор, София и Александр, живущие в Москве.

Все, кто был знаком с Улитиным, и в особенности его ученики, вспоминают его лекции и методы преподавания с самым теплым, хорошим чувством. Они помнят его как талантливого энтузиаста своего дела. Читая вслух работы студентов в классе, попутно исправляя ошибки и комментируя написанное, он этим достигал блес-

тящих результатов. Одновременно, он делился с аудиторией своими воспоминаниями о России и родном Доне, знакомил их с русской культурой, приглашал провести хоть несколько часов на «казачьем хуторе» в Глендоре и рассказывал о белых героях Гражданской войны: Корнилове, Колчаке, Деникине и других.

Когда открылись, наконец, в 1991 году границы Советского Союза для эмигрантов, он одним из первых принял участие в конференции, устроенной с помощью правительства. Здесь он проявил исключительную энергию в организации помощи нуждающимся, прислал в библиотеку города Ростова-на-Дону часть собственной библиотеки, содействовал установлению правды о казачьем геноциде времен Гражданской войны и был членом лютеранско-русского православного Общества помощи нуждающимся в России. Трудно перечислить все заслуги этого выдающегося человека, которого Господь сподобил прожить столь долгую и полезную жизнь.

Царство небесное и вечный покой верному сыну России! *(Константин Синькевич).*

«Кадетская перекличка» выражает искреннее соболезнование всем родственникам и друзьям усопших.

ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ! ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

ПОЖЕРТВОВАНИЯ НА ИЗДАНИЕ «КАДЕТСКОЙ ПЕРЕКЛИЧКИ»

Агатов, И.А. $15
Вашингтонский Отдел $30
Волохина, И. $5
Волошинов, К. $85
Горбенко, Д. $35
Денисенко, Г. $40
Дермеджиев, К. $5
Жукова, А. $20
Калинина, И. $150
Кубаровский, И. $10
Лермонтов, М. $85
Локен, В.Ф. $35
Лукинов, Н. $100
Мурзин, Н. $23
Орехов, Н.В. $5
Скутан, Т. $5
Сладковский, В.. . . . . $5
Темидис, Ю. $45
Чумаков, Б. $60
Зайкова, Н. $35
Зозулина, Л. $25

ВСЕГО ДОЛЛАРОВ: $818

Все материалы для редакции (статьи, рецензии, некрологи, фотографии и т. д.) должны направляться только на имя редактора журнала, по адресу:

Igor Andruskiewitsch,
Casilla de Correo 51,
1653, Villa Ballester,
Argentina.
E-mail: kadetpismo@hotmail.com

Вся переписка, касающаяся экспедиции, подписки и пожертвований, должна направляться только по адресу администратора:

George I. Schidlovsky,
2 Carman Place,
Glen Head,
NY 11545, USA.
Tel. (001)-516-759-1328.
Fax. (001)-516-759-0416.
E-mail: geosffa@i-2000.com

Все чеки нужно выписывать на **Association of Russian Cadets, Inc.**, указывая на что именно посылается чек. Просьба подписчикам, урегулировать как можно скорее свои задолженности за предыдущие номера.

Просьба присылать старые номера «Кадетской переклички» в администрацию журнала, для пересылки в Россию.

ФОТОГРАФИИ

Государь Император Александр Третий,
основатель Донского Кадетского Корпуса.

Государь Император Николай Второй,
основатель Ярославского, Суворовского, Сумского,
Хабаровского, Владикавказского, Ташкентского,
Вольского и Иркутского Кадетских Корпусов.
В Ставке, во время Первой Мировой войны,
Царь Мученик пробует солдатскую пищу.

Король Югославии Александр Первый,
Покровитель Русских Кадетских Корпусов в Югославии.

Генерал-Майор А. Г. Попов,
Директор Первого Русского
В. К. Константина Константиновича Кадетского Корпуса.

Председатель предыдущего Съезда, А. Перекрестов,
открывает Съезд. Слева направо:
В. Ротов, И. Андрушкевич, Д. Горбенко, С. Муравьев.

С. Муравьев, благодарит вицепредседателя
Аргентинского Объединения О. Ауэ
за подарок, икону Царственных Мучеников.

Выступает Андрей Дмитриевич Шмеман,
Председатель Кадетского Объединения во Франции.

Строй кадет.

Панихида по русским воинам, на русском кладбище в Ровдене.

После закрытия Съезда

Къ 250ти лѣтнему Юбилею Морского Корпуса

Въ лучахъ безсмертныхъ ореола,
Въ исканьи правды и добра,
Живи какъ встарь „Родная Школа"
Въ завѣтахъ „Генія Петра!"

Мужайся! Годы лихолѣтій
Затмитъ грядущая заря;
Вновь заблеститъ въ дыму столѣтій
Твое „Шестое Ноября!"

Воскреснетъ снова мощь Державы,
И возрожденный Русскій Флотъ
Какъ встарь въ лучахъ безсмертной славы
Свой „Флагъ Андреевскій" взовьётъ!

„Собой"- Россія снова станетъ
„Наступитъ „Свѣтлая Пора",
И въ честь „Гнѣзда Петрова" грянетъ
Нашъ Флотъ могучее „Ура!"

Объявление о праздновании Юбилея Морского Корпуса в 1951 году.

Поэтесса Нонна Белавина, на одном из прошлых Кадетских Съездов.

Сибирские кадеты.

Сибирские кадеты - парашютисты.

Табл. В. В. Мавродина / 1-5 и Б/.
1
2
3
4
5
Клеймо ремесленника.
Знаки собственности: А/ 1 и 2-родовые знаки Владимира Святославича. 3-родовой знак Ярослава Мудрого, 4 -родовой знак Мстислава Владимировича; Б/ Знаки княжеской собственности.
Предположительное схематическое изображение сиельской тамги.

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом

Основан в 1971 году Объединением в Нью-Йорке (редактор П. В. Олферьев, художественная обрабока А. Н. Родзевич).

«Наш журнал был задуман с чисто историческо-литературным содержанием» (№ 2, 1972 г.).
«Орган русской национально-патриотической мысли» (№ 51, 1992 г.).

В этом номере:

- Резолюция 18-го Общекадетского Съезда.
- Цветные перевороты.
- Периодические циклы в природе, истории и экономике.
- Правовое государство и человеческие права.
- Основы воинского духа.
- К 250-летнему юбилею Морского Училища.
- Знак Святого Владимира.
- Волжское восстание 1921 года.

ISBN 978-0-9741857-8-1
9 780974 185781